

Графоман № 4 - 2010

Литературный альманах

Учредитель — Челябинский областной центр народного творчества

Составитель-редактор Николай Година

СТИХИ

Олег Павлов — Я иду на охоту	4
Борис Сазонов — Мне повезло, я не рожден позднее	34
Марина Лукашенко — Огонь в камине	42
Людмила Антипенко — «Неудержимая бежит река времен...»	42
Анатолий Кухтурский — Картабыз, или Как жадный бай воду украл	57
Сергей Уральский — Нету с нами Серёжи Есенина	62
Александр Комендантов — С природой бесполезно спорить	65
Александр Петрушкин — Неужели теперь я смертный	79
Валерий Кузнецов — О дай мне Боже, лепты не рублем	84
Владимир Волков — Скупую мужскую слезу утирая... ..	94
Татьяна Аверкина — Я подарков дарить не умею	97
Александр Кульпин — Моя тревога, счастье и покой.....	119
Людмила Чиркова — Три стихотворения	123
Вера Белая — Зацвела черемуха	124
Евгений Ерошкин — В укромных уголочках мозга	125
Лидия Грознецких — Снится жаркое лето Уралья.....	127
Ирина Светлова — Не отпускай меня, держи!	151
Евгений Некрасов — Песня пофигиста.....	156

Светлана Летунова — Сладко-бессонное — очень счастливое	159
Любовь Власова — Не думала и даже не гадала	161
Николай Попов — Пораньше бы всё это свершилось.....	164
Петр Овинов — Стихи разных лет	174
Каринэ Гаспарян — Сегодня Пушкина убили	177
Лидия Маркова — Вот и осень подкатила.....	178

ПРОЗА. ПУБЛИЦИСТИКА. КУЛЬТУРА

**Николай Верзаков,
Владимир Черноземцев**

Сережа Тарабука — вождь племени
Вамбы-Намбы..... 9

Татьяна Чеботько

От любви до ненависти... .. 43

Михаил Рудковский

Уральский март

Клён

Анатолий Гагаринов

Пикник

Алла Федосеенкова

Террорист

Первая учительница

Владимир Тараканов

Джокер

Алексей Мешин

Орден Трудового

Девушка с веслом

Мать бамбуков

Петрович

Рейтинг

Александр Горелов

Эта тонкая нить жизни

Толмачиха

Николай Григорьев

Бытовая купель107

Павел Хрипко

Сын — за отца.....130

Илья Весенин

Два «леща» 147

С Новым Годом, ковбой! 148

Виктор Фатеев

Транспортные истории

Тормоз с третьего качка 170

Сальто в воздухе 171

Голубой «москвич» 171

Жидкий асфальт 172

Приехали 172

Александр Блинов

Матрёна..... 176

Петр Минеев

Нагайбаки (крешенер) 181

Вячеслав Тюнькин

Боги восточных славян 191

Я иду на охоту

Домовой

У домового ночью дел без счету:
Пересчитать по головам мышей,
Внушить коту, чтоб поунял охоту
Да пришлых духов
вытолкать взащей.

Но вот уж третью ночь
ему не выйти
Из своего запечного угла —
Хозяйки тень
как тень болотной выпки
Качается на стенке до утра.

Ага, за ним установили слежку!
И домовой, не выдержав обид,
Нашел в саду разбитую тележку
И в ней под старой вишнею сидит.

Конечно, слежка — это неприятно,
Но без него не ладится кругом.
Уже весь дом зовет его обратно,
А он, упрямец, не заходит в дом.

Там кот сдурел,
там мыши обуяли,
Там появился некий пришлый дух —
И требует,
чтоб ставни с ним играли,
И мучит их с двенадцати до двух.

Ах, бедный домовой
под старой вишней!
Прости хозяйку — не ее вина,
Что трудно совладать
со страстью книжной,
Особенно, когда давно одна.

Она и не поймет,
с какой бы стати
Тоска, и в доме запах лебеды,
И ставни бьют,
как будто лезут тати,
И сны грозят нашествием беды.

Ах, домовой,
в дому гнездятся грозы!
А за хозяйкой, что и есть грехов,
Так только то,
что больше любит прозу,
И не читала этих вот стихов.

Красная черемуха

С каждым днем
все красней черемуха...
Вот еще чуть-чуть — и пожар!
Все скорее летит без промаха
В лузу запада солнца шар.

Осень в небе дырявит проруби...
Непонятной тоски крыло
Вырастает об эту пору — и
Подымает как помело.

Ни стряхнуть его, ни повыщипать —
А оно, вослед сквозняку,
Так и тянет по звездам высчитать —
Сколько там еще на веку?

И черемуха, вызрев загодя,
Тянет гроздь до дрожи окон,
Предлагая задобрить ягодой
Деревенский злой самогон.

Тьма грозит коварной расправой,
Первой стражей острится лес,
И, закатываясь, кровавое
Божье око глядит с небес.

Из осеннего леса

Из осеннего леса
не выйти дорогой прямой —
Только этой — глухой,
с колеєю, подернутой мохом,
Что петляет в урманах,
где филин вопит скоморохом,
Из осеннего леса
не выйти дорогой другой.

Из осеннего леса
не сыщешь короткой тропы —
Кроме той,
над которой
сердечек рябиновых грозди,
Вдоль которой зима
насыпает без меры погосты,
Начиняя сугробы
разрывною силой травы.

Но не сразу
трава
одолеет пучины покоя —

Во скорлупах сугробов
 ворочаясь, будто в гробах,
 Оборот к обороту
 в ней копится что-то такое,
 Что не в силах смирить
 полотну белоснежных рубах.

Из осеннего леса
 не выплыть в челне золотом,
 Только вброд —
 наугад,
 по апрельскому талому бору,
 Где древесные девы
 гурьбою бегут с косогору,
 И по белые груди
 заходят в зеркальный затон.

Из осеннего леса
 не выйти куда бы глаза —
 Наши тропы запутаны
 лешими и межевыми,
 Полудённою стражей
 в зените звенит стрекоза —
 От ее арбалетика
 нам не укрыться живыми.

Из осеннего леса
 не выйти уже никуда,
 Кроме новых палат
 все того же осеннего леса...
 Да и нужен ли путь,
 коли вызрело время,
 когда
 Кроме леса осеннего,
 нет ни к чему интереса?

Кроме леса осеннего,
 где ни грибов, ни людей,
 Где одна костяника —
 прощальной кровушкой
 брызгни!
 Где молчание вечности
 прячется в рощах теней,
 Где дыхание смерти
 предвидит
 дыхание жизни.

Чайка

В старом креслице-качалке
 Место лишь для одного.
 Я всю жизнь играю в «Чайке»,
 Но не знаю сам, кого.
 То ли старый я Тригорин,
 То ли Треплев молодой.
 К строевой пока что годен,
 Хоть с толстовской бородой.

Я безбедной жизни жаждал,
 Но не льнёт ко мне «рыжьё»!

Знает зритель, что однажды
 Да появится ружье.

В старом креслице-качалке
 Место лишь для одного.
 До сих пор играю в «Чайке»,
 Но забыл уже, кого.

«Чайка» плачет и смеется,
 Перепутались слова...

Но ружье-то разберется,
 Где какая голова.

Заявление

Дорогой Геннадий Матвеевич,
 Уважаемый и т. п.!
 Рассмотрите мое заявление
 О приеме в члены СП.

Отказать вы всегда успеете,
 Не спешите ответить «нет»...
 Слова нет, в уральской губернии
 Я не самый лучший поэт...

Но зато, рассуждая здраво,
 Я ж невинен, как чистый лист!
 Я не левый, но и не правый,
 Не филолог, не модернист;

СРП, СРЛ я не троганный,
 Взятки, премий не получал;
 В КГБ, а теперь в налоговую
 Ни в окно, ни в дверь не стучал.

Был излишне литературен —
 Может, это теперь не грех?
 В основном, работал в культуре,
 Но не в массовой, не для всех;

Кукловодствовал, лицедействовал,
 Скоморошил по мере сил;
 В рамках роли порой злодействовал,
 Но взаправду — бог упаси!

В сердце верен стихосложению,
 Хоть и прозой виноват...
 По семейному положению,
 Извиняюсь, трижды женат.

Говорят, Вы того же мнения:
 (Извините, ежели нет)
 Чем поэт как муж многоженнее,
 Тем он значимей как поэт.

Если всё ж моя биография
Не сумела Вас убедить,
Я прошу (просить-то ведь вправе я)
Заявление мне возвратить.

Заберу я бумагу белую,
(Да не дрогнет моя рука!)
Из листа самолетик сделаю,
Запущу его в облака.

Пусть он с облаком скороходовым
Пролетает по небеси...
Пусть, Союзом неоприходован,
Просто числюсь я по Руси!

Тост

Алеше Решетову

Щемит левое сердце.
Правое — замолчало.
Если не отогреться —
Все начинать сначала.
Через какие дебри,
Через какие двери
Выберемся на берег —
Сколотый, без причала?

Берег приемлет трудно,
Берег не хочет в поле.
Бьются осколки судна,
Тянут назад до боли.
Эти боли отринув,
Выберемся на плато.
Там, на других равнинах,
Встретимся ли когда-то?

А потому, пока что
Левое только щемит,
Не дожидаясь качки,
Позалатаем щели.
Есть еще шанс согреться...
Или он был намедни?
Щемит левое сердце...
Так наливай, не медли!

* * *

Но я не флейта, и играть на мне нельзя...
В. Шекспир. «Гамлет»

По каким-то там привилегиям,
Что неведомы мною ранее,
Приглашают меня в Норвегию,
А потом,
 между прочим,
 в Данию.

Еду я, удивленный, выпимший,
Не врубаюсь в название станции,
Граф Рошфор,
 чуть не в нижнем вышедши,
Провожает меня по Франции.

А потом и Миледи, скучная,
Мне соседствует вдоль Британии.
Розенкранц с Гильдерстерном,
 мучаясь,
Ждут меня возле кромки Дании.

Гей, друзья, вы ошиблись адресом!
Что мне ваши проблемы древние?
А они говорят, что Даллесу
Из-за моря видней, наверное...

И когда душа сумасшедшая
Мне сведет пониманье сущего,
Я пойму,
 что все происшедшее
Не минует всего грядущего.

Я услышу, как тает капелька
В ухе самодержавца датского,
И скажу:
 Я готов за Гамлета,
Только вот не для вашей радости!

Даже если нас объевропили,
Обангличили и обштатили,
Но не всё мы, ребята, пропили,
И Вильяма читали кстати мы.

Так что флейтою я не дамся вам -
Хоть на чуждой мне территории,
По Шекспиру, а не по Даллесу
Я сыграю театр истории!

Вербное воскресенье

Вот и вербное воскресенье.
А точнее — воскрешенье вербы.
Для одних — возвращенье веры,
Для других — просто день весенний.

День, когда по набрякшим льдинам,
По ноздристым — в крупу — сугробам
Как олени, следом единым,
Подобратся к кустам багровым...

От рассвета ли, от заката ль,
От крови ли Христа знаменья,
Мне кровавой кажется вата
Свечек вербного воскресенья?

Ошибаюсь. Про всё на свете
Надо думать без груза скверны.
Вон как чисто смеются дети,
Собирая пушинки с вербы.

От реки до реки

От речушки рожденья
 к великой
 забвенья реке
Хоть ползи скарабеем,
 хоть ланью лети належке,
По начертанным звёздам
 до срока прибудешь в тот порт,
Где Харон сушит вёсла
 и ждёт пассажира на борт.

От реки до реки
 до обидного короток путь:
две любви,
 три строки
 да вселенной сокрытая суть.

От реки до реки
 беспредельно велик переход
и чудесен, и сладок,
 как сон головой на восход.

Две счастливых любви...
Три удачных строки...
 и одна
Нераскрытая тайна —
без цели,
 без веры,
 без дна...

* * *

Засороченный лес, завороненный —
Только тронь его — тут же взрыв
Кар-кар-карканья, стрекототочия
Сразу в тысячи горл — навзрыд!

Заполошат крылами ясное,
Заворотят мой светлый в ком.
Утешать их стану напрасно я
Самым тихим своим стихом.

Вдруг умолкнут — и сядут, грозные,
Как Хароны, по лодкам гнезд.
И откроются мне меж гнездами
Виноградные гроздья звезд.

А за лесом — за засороченным,
Замороченным — виден чуть
Мне назначенный, но просроченный,
Провороченный мною путь.

Плутон

Из планет разжалован Плутон...
Большинством он выброшен из темы.
Хорошо еще, не из системы.
Впрочем, может, выбросят потом.

И кому он вдруг не угодил?
Тоже ведь, наверно, не с похмелья
И не с кандачка, не от безделья
Он в парад планет зачислен был.

Так, из года в день, и каждый миг
Из рядов, печально поредевших
Гоним тех, кто массой невелик,
Не на ту орбиту пересевших...

Внешне сохранив пристойный тон,
Между тем пребольно бьем по роже.
Бит Платон.

 Теперь убит Плутон.
Неужели истина дороже?

Старушка

Поезд гукнет кукушкой,
Зряшный выпустит пар.

По перрону старушка
Носит штучный товар
От вагона к вагону —
И неловким кивком
Не тебе, так другому
Предлагает пивко
Без особой надежды
На продажный успех.
Прячут старые вежды
То ли плач, то ли смех.

Чья-то мать, должно быть,
Чьей-то матери мать, —
Принимает беззлобно
К ней направленный мат
От товаров помладше —
Наглых, крашенных, злых:
Мол, куда ты в калашный? —
Без тебя не продых...

Ей бы — избу, иконку,
Ей бы правнуков — тьму.
Носит бабка котомку
Тяжело, как суму.

Попрошу вместо сына,
Что нежив или глух:
Да простишь ты, Россия,
Всех советских старух?!

Туман

Над рекою туман такой,
что не видно самой реки.
Руку вытяни над рекой —
Не увидишь своей руки.

Нет ни берега, ни моста,
Нет ни дерева, ни куста.

Вброд — на ощупь, вплавь — наугад,
В никуда ниоткуда, вслепь...
В том тумане ничья нога
Никакой не оставит след.

Мир опутала пелена
Туго-туго, как береста.
То ли рыба, то ли луна
Бьется в поисках нереста.

Нет ни берега, ни моста,
Нет ни дерева, ни куста.
Ни Руси, ни над ней креста —
Сплошь неведомые места...

Но растаивает туман —
Вот и берег, а вот — мостки...
Так истаивает обман —
Всё на месте, и все — близки.

Вот и путь, вот и Русь окрест,
И орлится над нею крест.

Василиск

Василиск Нелюбви караулит влюбленные души —
Он кидается из подворотен, подвалов, труппоб.
Он вгрызается в сердце, в аорту — и душит, и душит...
И, оставив растерзанных, ищет кого-то еще.

Никакого спасения нет от того василиска!
Стоит только услышать надсадный от ярости сап —
Тут как тут василиск. И не рядом уже, и не близко,
А в тебе — и когтит твою душу шестеркою лап.

Этой ночью я стану охотником — благословите! —
На горящее сердце я выманю зверя из тьмы.
В эту ночь Вы меня незаслуженно нежно любите,
И особенно в миг, как в единое сцепимся мы;

Как покатаемся мы по Вселенной, ныряя в трясины
Междузвездий, ломая созвездную хрупкую клеть...
Вот тогда Ваша нежность мне даст золотистые силы,
Что отринут от зверя и смогут его одолеть.

А когда я вернусь — обожженный, изорванный в клочья —
И пройду мимо Вас, то под знаменем нового дня
Не узнайте меня. Позабудьте.

Но этою ночью

Я иду на охоту, и — благословите меня.

С. Варламово

**Сережа Тарабука—
вождь племени
ВАМБЫ-НАМБЫ**

Повесть

9

Графоман № 4-2010

Эта повесть написана давно, почти четыре десятка лет назад. Она один из самых успешных и в то же время неудачных плодов тридцатилетнего творческого сотрудничества златоустовских писателей Николая Верзакова (ушел из жизни в 2000 году) и Владимира Черноземцева. Задумана она была как трилогия, рассказывающая о приключениях школьника Сережки Тарабуки в трех временах — в прошлом, настоящем и будущем. Рукопись была одобрена официальными рецензентами и включена в план работы Южно-Уральского книжного издательства. Предполагался выпуск ее в трех книгах. Но выход первой под названием «Сережа Тарабука — вождь племени вамбы-намбы» преопределил дальнейшую, печальную для авторов историю: она получила взаимоисключающие оценки критиков в газетах Свердловска и Челябинска; «Потомок Тома Сойера» — так называлась одна статья и «Два-ноль не в нашу пользу» другая. И несмотря на то, что книга была тепло принята юными читателями, названия второй и третьей книги из плана изданий были исключены, а авторы положили рукопись в стол, где она и пролежала четыре десятка лет. Несомненно, в ней сохранился отпечаток требований, предъявлявшихся к художественным произведениям в советское время, но это вряд ли скажется отрицательно на восприятие ее современным читателем.

Дорогие ребята!

Помните историю о том, как один рыбак поймал такую большую рыбу, что отпустил ее в реку со словами: «все равно никто не поверит!»

Мы так же хотели поступить с этой повестью, потом раздумали и предлагаем вам путешествие сережи тарабуки к дикарям вамбы-намбы и другие его приключения.

Авторы

**Глава первая,
в которой читатель узнает о пользе охраны памятников
истории и о преимуществах партии, стоящей в углу**

Этой истории могло и не быть, если бы во время перемены Генка Айсанов-Бережков (сокращенно Айсберг) не влетел в класс и, потрясая бумажкой, не закричал:

— Сенсация! Записываю по очереди. Да не толпитесь вы, не все сразу.

Никто и не толпился, потому что это была, наверное, десятая Генкина сенсация за день. Завхоз Авдеич, вставлявший в раму стекло, лишь усмехнулся в усы. Только Катя Мормышкина заглянула в листок и, ничего в нем не увидев, отвернулась.

— Хорошо, хорошо, Мормышкина, будешь первой, так и быть... после Васи Коноплева и меня. Ты, Хлопушкин, будешь четвертым.

— Почему Хлопушкин? — возмутился Ваня Лучинин. — Если он в «Эрудит» ходит, так ему все можно? Помнишь, я тебе марки давал?

— Это давно было.

Сережа Тарабука не возмутился и не просил — он потребовал:

— За Ваней ставь меня. А лучше вперед меня, потом Ваню.

— Ребят всех запишу, а девчонок больше нельзя.

Девочки возмутились;

— Почему нельзя?!

В классе стало шумно, как на птичьем базаре.

— Дело большое, — важничал Генка, — ладно, возьму на себя ответственность.

Записал всех и встал:

— Прошу по местам. Итак, первое заседание первичной организации общества охраны памятников истории считаю открытым.

— Чего? Опять общество? — вскочил Тарабука. — Да еще истории! Мне и так она надоела. Вычеркивай!

— Ты думаешь, что это такое? — Генка потряс списком. — Документ. Из-за какого-то Тарабуки я его портить не буду.

— И меня вычеркивай, — потребовал Ваня Лучинин, склонный к длинным рассуждениям. — Мне катамаран делать надо. Времени и без того мало. А когда его мало, разве сделаешь катамаран?

— И меня.

— И меня.

— И меня.

— Это все из-за тебя, Тарабука, — негодовал Айсберг.

И снова в классе начался птичий базар. Никто не услышал звонка и не заметил, как вошел классный руководитель Илья Семёнович (Сокращенно Семёныч).

— Что происходит? — спросил он строго.

— Для них же стараешься, — жаловался Генка, — а они...

— Что они?

— Не хотят охранять памятники истории.

— Садитесь. — Илья Семёнович снял очки и прищурился: — Кто из вас знает Комиссарову заимку?

— Я! — выкрикнул Тарабука. — Мы туда с папой за грибами ходили.

— А почему она называется Комиссаровой?

Никто не знал.

Завхоз Авдеич собрал инструмент, заправился к двери, но вдруг остановился.

— Вы что-то хотели сказать, Павел Авдеич?

— О Комиссаровой заимке.

— Тогда проходите к столу. Послушаем, ребята?

...Авдеич откашлялся и начал:

— Вот какую легенду старики-партизаны рассказывают: «Было это в гражданскую войну. Надвигалось на наш город белое войско. Собрал красный комиссар партизанский отряд, увел к заимке, на которой осталась только небольшая избушка, и сказал: «За нами — город, а впереди — белые. Вокруг скалы, непроходимые леса и болота. Один врагам путь — через заимку. Здесь и будем стоять насмерть!» На том и порешили. Штыки наострили, винтовки зарядили, пулемет водой напоили, ремни затянули потуже. Ждут. А белые тут как тут. «Сдавайтесь в плен!» — кричат. Застучал в ответ пулемет, заговорили винтовочки, эхо подхватило их и повторило стократ. Отскочили белые. Семь дней, семь ночей с избушки глаз не спускали, чтобы отряд известить. Глядь на восьмой день, а там нет никого. Еще пуще озлобились враги, спалили избушку, пошли своим сказать: дорога свободна.

Черной тучей двинулись к городу враги: глядь, а избушка стоит целехонька. И снова пулемет застучал, и винтовочки заговорили.

Много раз пытались белые пройти заимку разными хитростями: и палили избушку, и ручными бомбами забрасывали, и по бревнышку раскатывали, а она всякий раз возникала, и всякий раз строчил пулемет...»

В классе стояла напряженная тишина.

— Так и не смогли белые уничтожить отряд. А избушка стоит и теперь на том же месте, пулями сечена, дождями мочена, ветрами сушена, дымом копчена. И зовется она с той поры Комиссаровой.

— Как же красным каждый раз удавалось уходить из окружения? — задал Игорь вопрос, над которым задумались многие ребята.

— Говорили, от той избушки подземный ход вел, — ответил Авдеич.

— Но мы можем не узнать, так ли это, — добавил Илья Семёныч.

— Почему?

— Придет кто-нибудь и сломает.

— Нельзя ломать. Если сломаешь, то ее совсем не будет. А без избушки не найти подземный ход, — вслух рассудил Ваня.

— Охранять надо, — зашумели ребята.

— Для этого и записал вас Гена в общество охраны памятников истории. Послезавтра его члены смогут увидеть Комиссарову заимку. Посмотрите, в каком она состоянии, — сказал Илья Семёныч. — А повести нас попросим Павла Авдеича, ведь он партизанил здесь

в гражданскую войну и хорошо знает места. Но при условии: ни одной двойки за неделю, иначе пойдет ДРУГОЙ класс.

— И стекла не бить, — добавил Авдеич и вышел из класса.

— Перейдем к теме урока. Откройте тетради и запишите...

«Ну, начинается, — подумал Тарабука. — Ростовщики, ремесленники, подмастерья, в общем, шестнадцатый век...»

Пока подмастерья превращаются в наемных рабочих, можно спрятаться за спину Вани Лучинина, достать перочинный нож и вырезать на парте дремучие леса, топучие болота и Комиссарову заимку. Илья Семёныч на время своего рассказа снимает очки и, конечно же, Сережку не видит. Хорошо сидеть на последней парте. Она стоит в углу, у самого окна. Отсюда можно стрельнуть из резинки в Катю Мормышкину, щелкнуть линейкой Ваню Лучинина, нимало не заботясь о собственном затылке, держать под постоянным наблюдением двор и видеть все происходящее в нем и даже за его пределами. А ведь что ни говорите, быть человеком, видящим больше других, выгодно.

О если бы вы знали, что это была за парта! Она могла раскачиваться и скрипеть, как каравелла флибустьеров в бурю, она могла рассказать, как зовут ее хозяина, его друзей, собаку, и о том, что вообще на свете стоило внимания. И почему учителям и завхозу Авдеичу не нравятся многоступенчатые ракеты, самолеты и пятиконечные звезды, дружеский шарж на Катю Мормышкину, вражеский — на Генку Айсберга и Сережкин автограф, нацарапанные в минуты томительного ожидания перемен?

После того, как на парте появилась избушка, Сережка вырвал листок из тетради и написал: «В поход взять: кирку, лом, веревку, фонарики, карту, компас, собаку. Напиши, чего не хватает, и передай другому». Затем он сделал из листка ракету и пустил ее Васе Коноплеву.

Пока воздушная почта летала по классу, Сережка продолжал думать о неуловимых партизанах.

«А что если красные умели становиться невидимками? Хорошо быть невидимкой. «Тарабука к доске». А он уже давно там, и мел сам пишет: «Урок закончен».

Илья Семёныч рисовал на доске какую-то схему, а за школьным двором на крыше грелась белая кошка. За той крышей была еще крыша, потом еще и еще до самого горизонта, где высились горы, поросшие густым лесом.

В лесу птицы и звери. И тропа. По тропе идет отряд. Отряд поет песню. Ваня Лучинин отстал. За ним бредет Игорь Хлопушкин, а самым последним плетется Генка Айсберг. Ему не до песен. Он тяжело дышит. Авдеич спрашивает: «Кто это все время идет впереди?» — «Сергей Тарабука», — отвечает Илья Семёныч. — «Какой смелый и неутомимый молодой человек!» — громко говорит Авдеич. — «Орел!» — с гордостью соглашается Илья Семёныч.

— А теперь то, о чем я рассказывал, повторит нам Тарабука, — Илья Семёныч положил мел и надел очки.

И не таким уж солнечным показался Сережке день.

До конца урока оставалось несколько минут. Они решали судьбу похода. Их надо было выиграть. Семьдесят восемь глаз с надеждой смотрели на Сережку. Он не сразу поднялся из-за парты. Вставая, долго вытаскивал ногу, потом уронил ручку, поднял ее, поправил воротник, откашлялся, сделал глубокий вдох и медленный выдох, посмотрел на потолок, словно собираясь с мыслями, и сказал, надеясь, что выручит звонок:

— Повторите, пожалуйста, вопрос, я не расслышал.

Илья Семёныч повторил. А звонка все не было.

— Теперь понятно, — бодро начал Сережка. — Мануфактура — это... это...

Вообще-то в шестом «Г» не принято было подсказывать. Но теперь всем так хотелось в поход, что даже Игорь Хлопушкин, отвернувшись от учителя, шептал что-то о ручных орудиях труда. Катя Мормышкина, прикрывшись книжкой, шевелила губами. Сережка понял одно ее слово — «фабрика». Генка подсказал «ростовщиков», Ваня Лучинин — «ремесленников».

— Мануфактура, — повторил Сережка, — это такой материал, из которого шили камзолы для ростовщиков портные-ремесленники на фабриках...

— Та-ак, дальше.

— Богачи обдирали ремесленников...

— Любопытно узнать, как?

— Начисто, — и Сережка торжественно замолчал.

В другое время Катя Мормышкина обязательно бы прыснула, и по классу бы прокатился смех, но сейчас никто даже не улыбнулся.

— Мало.

— Как мало? — удивился Сережка. — У них же ничего больше не оставалось, все забирали себе проклятые ростовщики.

— Ясно. Не слушал. Давай дневник, — Илья Семёныч склонился над классным журналом.

Это был провал. «К Комиссаровой заимке пойдет другой класс. И все из-за какой-то истории. Тоже предмет! Что было, то прошло и никогда больше не будет, а что будет... Эх, что теперь будет!»

После звонка шестой «Г» выходил из класса молча. Вася Коноплев у двери обернулся и пригрозил: «Выйдешь, поговорим!»

Мир разделился на две неравные части. В одной — Илья Семёныч, Хлопушкин, Мормышкина, Айсберг, Лучинин и все остальные. А в меньшей — он, Тарабука, презираемый и одинокий.

«Ну и пусть. Зато у них нет такой собаки. Она мышинные норы находит, а подземный ход и подавно найдет. Можно идти к заимке и одному», — успокоил себя Сережка.

Он взобрался на подоконник. По карнизу второго этажа достиг водосточной трубы и съехал по ней.

Вверху звякнуло, посыпались осколки. Сережка оглянулся. В окно высунулась голова Вани Лучинина. «Эй, идите сюда! — донесся Ванин голос. — Тарабука разбил стекло и сбежал» — «Ну, подожди, я тебе покажу катамаран!» — подумал Сережка, направляясь домой.

У водонапорной башни, похожей на минарет, он остановился. На нее с давних времен лепили объявления об обмене квартир, о продаже всякого имущества, а также о гастролях театров и цирков. Свежая афиша с огромным портретом сообщала:

**Завтра в цирке
известно-знаменитый маг,
угадыватель чужих мыслей и желаний,
профессор таинственного искусства
Всевед Сидоров-Коловоротти.
Спешите! Спешите! Спешите!
Только один день!**

Всевед был молод, огромен и носат. На голове — чалма, на плечах — золотистое покрывало.

«Все может, — позавидовал Сережка. — Но разве обязательно быть магом, чтобы добраться до заимки и найти тайный ход? Главное — не трусить!»

Дома его встретил радостным визгом Савося, бесхвостый пес. Сережка бросил дневник и скомандовал:

— Ату его, Савося, куси!

Здесь мы не можем не сделать отступления и не поведать о своем чрезвычайном уважении к дневнику, ибо без дневника нет ученика, как без барабана барабанщика, а без знамени боевого полка, и, будь наша воля, мы давно бы заменили все экзамены конкурсом дневников.

Одни говорят, что дневник — это паспорт ученика, другие — летопись детства, а мы считаем его трудовой книжкой.

Как приятны бывают минуты, когда урок закончен и ты несешь дневник к столу, и учитель, в такое время особенно добрый, умный и красивый, вырисовывает пятерку. В такой день портфель становится невесомым, дорога домой короткой, поют воробьи и вороны, встречные собаки подмигивают, а кошки улыбаются. Ты идешь, будто Тур Хейердал по Бриджтаунской гавани после путешествия на «Ра» или Пеле вдоль охрипших от восторга трибун. А вечером, после ужина, ты, как будто невзначай, подсунешь дневник папе, а он посмотрит в него и скажет:

— Мать, а, мать, не купить ли сыну мопед да не отпустить ли его летом к дедушке Грише в деревню?

Вот что такое дневник, когда в него поставят пятерку. А если — двойку, то лучше бы его совсем не было.

Послышались шаги.

— Кто там?

На крыльцо вышла бабушка.

— Сереженька пришел! Ах ты мой дорогой внучек, раненько вернулся.

— Заболел я, — Сережка схватился за живот и незаметно поднял дневник, — отпустили меня: иди, говорят, Тарабука, полежи. А еще голова у меня болит, — пожаловался он.

Бабушка всполошилась.

— Выпей, внучек, порошок да в кровать ложись, а я скоро вернусь, только Ванечку проведу, да блинков испеку и тебе принесу.

Ванечка был младшим двоюродным братом Сережки. Обычно бабушка по очереди ходила к внукам, а теперь, когда Сережкины родители уехали отдыхать на море, почти все время жила с Сережкой.

Как только бабушка ушла, внук сдул с ладони порошок в форточку, из бумажки сделал кораблик и пустил плавать в аквариуме. Потом плотно пообедал и отправился в арсенал.

Арсенал, которому очень завидовал двоюродный братец Ванечка, размещался в старом чулане. Чего только там не было! Рогатки всех известных систем, черемуховый лук, обломок весла, бамбуковое удилище, асбестовая прокладка от утюга, отремонтированного Сережкой (после чего бабушка пожертвовала утюг на пионерскую плавку), флакон из-под одеколona «Северное сияние» с дегтем для врачевания ран, полученных в сражениях, охалка журналов «Наука и жизнь» и «Вокруг света», из которых можно было узнать о диких племенах, необыкновенных танцах, заклинателях змей, о том, как ловят крокодилов, и еще о многих захватывающих вещах.

В груди сокровищ Сережка отыскал молоток и спросил Савосю:

— Как ты думаешь, пригодится в походе?

— Р-р-рав! — ответил пес, довольный вежливым обращением, и принялся трепать асбестовую прокладку.

— Разбойник! — закричал Сережка и вырвал уцелевший кусок. — Да ты знаешь, что если надеть рукавицу из асбеста, то прямо из костра можно доставать печеную картошку? — и Сережка положил остаток в карман. — Думать надо.

— Р-р-рав! — согласился Савося.

За молотком в рюкзак попали плоскогубцы, спички, солдатский котелок и ложка. Под руку подвернулась общая тетрадь. В ней Тарабука начал писать роман «Человек со шрамом на левой щеке». Кроме эпиграфа, взятого из «Собаки Баскервилей», дело дальше не пошло. «Начну снова», — подумал он и вырвал лист, чтобы завернуть соль. Но тут Савося зарычал и выскочил из чулана. Сережка сунул листок в карман куртки, выглянул, отпрянул назад и закрылся на задвижку. Через двор шли Илья Семёныч и Авдеич.

— Никого.

— Подождем, — Авдеич сел на ступеньку и достал кисет. Савося вертелся у чулана. «Прочь, изменник!» — прошипел Сережка. «Надо уходить», — подумал он. Открыл оконце, выходящее в огород, выбросил мешок, просунул ногу, потом голову и заклинился; ни взад, ни вперед. Назад не пускала голова, вперед — гвоздь в раме, за который беглец зацепился воротником куртки.

— Да-а, — Авдеич раскурил трубку. — В малолетство мое за мной никто так не бегал и в класс не звал. Куда там стекло разбить или в окно сигануть. На десятом году дед Савелий купил карандаш и свел меня в школу. Когда карандаш стал маленьким, я его в патронную гильзу вставил, а как совсем исписался, дед сказал: «Хватит, пора к делу приставать...».

Тут во двор вошла бабушка.

— Гости пожаловали! Милости просим. Что-то ты, Павлуша, забывать нас стал. Небось, когда мой Филатыч жив был, от тебя отбою не было. То-то дыму понапустите: «Наши на-ступают! Беяки бегут!»

— Дела, Петровна, все дела. Я ведь теперь в заместителях у директора, по хозяйственной части.хлопотно.

— И я завертелась, да тут еще, как на грех, Сереженька захворал.

— Заболел? — удивился Илья Семёныч.

— Знаю я эту болезнь, — усмехнулся Авдеич. — Стекло он разбил в классе и удрал через окно.

— Глаза-то у тебя, Павлуша, худо видеть стали, ты сам, поди, разбил, а на ребенка грешить. Да лежит он, сердешный. Окно разбил! Что он, лиходея какой?.. Такой послуш-

ный да смиренный; скажешь — съешь пирожок, съест и еще попросит. Блинков вот ему испекла.

— В спальню я не проходил, — засомневался Илья Семёныч.

Когда не нашли Сережку и в спальне, бабушка так растерялась, что уронила блины к великой радости Савоси.

— Положение! — огорчился Илья Семёныч.

Покончив с блинами, Савося стал царапаться в дверь чулана. Авдеич заключил:

— Там он.

— Не беда ли стряслась?! — испугалась бабушка.

Дверь оказалась закрытой изнутри.

— Придется взломать. — Авдеич надавил плечом — дверь сорвалась с петель.

В чулане — никого, лишь на гвозде, перед окном, висит куртка, из кармана которой торчит бумажка.

— Запутанное дело... — Авдеич посмотрел в листок и передал его Илье Семенычу.

«Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и загадочной», — прочитал тот.

Глава вторая, без которой нельзя понять, почему в часах оказался веселый человечек

Вечером редактор «Улитки», то есть Универсального Литературного и Технического Классного Альманаха, Генка Айсберг в разделе сатиры и юмора фельетоном «О двоичнике, его судьбе и водосточной трубе» заклеил несмываемым позором Сережку Тарабуку и только тогда включил телевизор. Была суббота, и шел фильм о Чингачуке. Хаттер уже лежал с ободраным черепом, а Джудит и Хетти склонились над ним. «Воды! Воды! Глупые девчонки, — стонал бедняга Хаттер, — неужели вы позволите мне умереть от жажды?» А когда он раскрыл тайну сундука, на экране вдруг появилась дикторша и взволнованно сообщила:

— В нашем городе при загадочных обстоятельствах пропал ученик шестого «Г» класса восьмой школы Сережа Тарабука. Приметы: рост средний, волосы русые, глаза голубые, курнос. Одет в школьную форму. Всех граждан, видевших этого мальчика, просим немедленно сообщить в детскую комнату милиции.

Генка отлично знал героя своего фельетона, но то, что передали, было такой сенсацией, что он растерялся и никак не мог взять в толк, с какой стати Джудит и Хетти роются в сундуке. Генка был человеком дела и, преодолев растерянность, кинулся к телефону.

В трубке вначале слышалось пощелкивание, потом Игорь Хлопушкин кому-то пояснил; «Наверно, опять у Мормышкиной ответ не сходится, вот и звонит».

— Алло, алло! — закричал Генка. — Да, это я, кто же больше! Смотрел телевизор?.. Сенсация!.. Какие пульсары?.. И вечно у тебя в голове звезды мельтешат... Сережка пропал, а он — пульсары... Тарабука, какой же еще?.. Как что? Розыск объявлен... «Истоку» первая готовность. Сбор в парке, у памятника... Повтори, как понял... Ну, наконец-то!..

Генка был не только редактором «Улитки», но и командиром отряда «Исток» — «Ищет, спорит, творит, открывает каждый».

В городе взяли под наблюдение все дороги. В детскую комнату милиции доставляли мальчиков, похожих на Сережку. Их везли в такси, на грузовиках и мотоциклах.

Сережкина бабушка так расстроилась, что Илье Семенычу пришлось два часа ее успокаивать. Завхоз Авдеич поклялся Петровне отыскать внука и лично возглавил комиссию по опознанию. «Не тот, — каждый раз говорил он, когда приводили очередного Сережу, — у того все поперек».

Работники милиции сбились с ног. Илья Семёныч с отрядом старшеклассников обыскивали чердаки и подвалы.

В 20.00 «Исток» приступил к поиску.

А с Сережкой случилось вот что.

Услышав треск двери, он ощутил в себе необыкновенную силу и так рванулся, что пуговицы у куртки отлетели, рубашка разорвалась и он вывалился в заросли крапивы. Сотни жал вонзились в тело. Превозмогая боль, он пополз вдоль стены за угол и там притаился.

По стеблям крапивы ползали бабочки-коробочки, гудели шмели, в воздухе порхали мотыльки, светило ласковое, солнце, а небо было синим-пресиним. Пела малиновка. Но ничего этого не видел и не слышал Сережка. От нестерпимой боли он пришел в отчаяние. «Будь что будет», — решил он, встал и пошел сдаваться.

Во дворе, кроме Савоси, никого уже не было. После блинов пес, чувствуя приятную истому, лежал, смежив глаза.

— Спишь? — обиделся Сережка. — Когда твой хозяин, может быть, чуть не погиб.

— Гав, — лениво ответил Савося.

— Марш в чулан, предатель! — приказал Сережка.

В чулане Савося устроился на обломке весла и принялся мирно грызть воронье крыло.

Зуд от крапивных ожогов побуждал к действию. Сережка шмыгнул в дом. Пробегая мимо зеркала, он увидел незнакомого мальчика и остановился. Тело незнакомца было покрыто волдырями, лицо распухло, вместо глаз — щелочки, на ухе висит паутина, в волосах запутался сор.

«Даже на улицу выйти нельзя: засмеют».

Сережка достал из мешка «Северное сияние» с «бальзамом» и сделал втирание. Деготь немножко уменьшил жжение. Теперь на него из зеркала смотрел черный человек.

Однако действие «бальзама» скоро кончилось. Все тело палило и жгло. Сережка метался по комнате, пока не попались на глаза таблетки, которые бабушка принимала от всех болей и бессонницы. Он решил проглотить сразу пять таблеток, ведь, кроме головы, болят шея, спина, живот и руки.

Как Сережка ни страдал, он не забыл о деле и полез на чердак за накомарником. Такая вещь всегда пригодится в походе: не хватало, чтоб еще комары накусали. Сняв накомарник с гвоздя, он сел у дымохода и стал примерять. Глядя сквозь сетку в слуховое окно, Сережка вдруг почувствовал, как опускаются руки, а голова клонится набок. «А еще не забыть...» Но он не успел додумать — уснул.

А когда проснулся, был вечер. Сережка спустился с чердака. Дома никого. Он сел в кресло и стал ждать бабушку. Тикали часы. Это были старинные часы с кукушкой. По утрум, когда очень хотелось спать, в часах открывалась дверца, и кукушка громко куковала. Вечерами, когда она назойливо куковала десять раз, папа выключал телевизор. И все-таки часы Сережке нравились.

Если бы кто-нибудь в это время заглянул в окно Сережкиного дома, то не поверил бы своим глазам... Но так как считается неприличным заглядывать в чужие окна, то никто и не мог узнать, что произошло.

В восемь часов кукушка успела прокуковать только три раза. В часах началась какая-то возня, кукушка вывалилась на пол, а на месте ее появился маленький человечек и поклонился:

— Извините, который год?

Сережка протер глаза.

— Что же ты сидишь? Я запутался, помоги!

— Э-а-а...

— Отсоедини отверткой боковую стенку часов!

Выполнив просьбу, Сережка увидел: среди колесиков, пружинок и винтиков запуталась проволочка:

Он отцепил ее, и вдруг человечек спрыгнул на стол и устроился на учебниках.

— Кто ты такой?

— Хи-хи-хи-хи-хи, я — Тимоша.

— Тимоша?

— Да. Техническая импровизация, опыт Шаддата четыреста двенадцать дробь сто семьдесят семь.

— Робот?

— Может быть.

— Роботы не смеются.

— А я веселый. Таким меня сделал Шаддат Нуш Ануш.

— Кто?

— Самый великий изобретатель, который не любит слез. Когда ему приходится видеть плачущего, его сердце сжимается от сострадания. Он долго думал, как высушить человеческие слезы.

— И придумал?

- Конечно! Ведь мыслей у него так много, что они не умещаются в голове. По вечерам он отбирает лучшие, включает реактор и вставляет мысли в головы веселых человечков.
- Зачем?
- Чтобы не было несчастных. Видишь ли, всякий человек излучает токи: маленькие, когда спит, когда решает задачу — побольше. Если он окажется в безвыходном положении, веселый человечек, приняв токи несчастного, обязан ему помочь.
- Ну и сочинишь же ты.
- Хи-хи-хи-хи-хи, — Тимоша стал раскачиваться и болтать ногами. — Ты думаешь, это у меня уши? Нет, локаторы.
- Откуда ты взялся?
- Однажды Шаддат Нуш Ануш долго не мог раскопегарить свой реактор, был сильно не в духе и выпроводил меня: «Иди, шалопай». Я пошел погулять и заблудился.
- В лесу?
- Мы не знаем дорог, по каким ходите вы, люди. Мы перемещаемся по времени. Я задержался в Древнем Египте. Хотел помочь рабам, они делали гробницу Аменхотепу Четвертому, но бич надсмотрщика случайно задел меня и сбил настройку. С тех пор блуждаю. Я заглянул в триста миллионов часов, надеясь найти такие, где стрелки двигались бы обратно, чтобы дождаться в них времени Древнего Египта. Но и эта кукушка кричит: «ку-ку», а не «ук-ук». Я должен выручать людей из безвыходных положений, а не блуждать во времени. Если не удастся вернуться, Шаддат Нуш Ануш все равно что-нибудь изобретет и найдет меня. Хорошо, если поверчит, а то кинет в свой реактор — и нет Тимоши. Скорей бы попасть в Древний Египет и побыстрее самому вернуться домой.
- Туда не попасть. Он был давно, еще до нашей эры.
- Откуда ты знаешь?
- Есть такой предмет — история: рабы, фараоны, пирамиды, Голубой Нил...
- Ого! Как ты много знаешь, Сережка! Помоги мне. Видишь диск? — Тимоша указал на спину с цифрами. — Набери время царствования Аменхотепа Четвертого.
- Все фараоны жили где-то до нашей эры, но в каких веках, Сережка толком не знал, и представлялись они каменными статуями на одно лицо. Все же он сказал:
- Ладно. Мне не трудно, но что после этого произойдет?
- Я окажусь в Древнем Египте, а оттуда мне известна дорога на астероид Веселых Человечков.
- Сказки.
- Ты мне не веришь? Смотри.
- На полу что-то зашевелилось. Деревянная кукушка встала, взмахнула крыльями и выпорхнула в форточку.
- Вот здорово! А ты можешь для меня что-нибудь сделать?
- Пожалуйста. Чего ты хочешь?
- Я? Я...
- Тут как раз донеслись с улицы голоса прохожих:
- Еще не нашли Сережку Тарабуку?
- Этот скверный мальчишка поднял на ноги весь город и как в воду канул.
- В цирке отменили представление, а так хотелось посмотреть на профессора таинственных искусств.
- Прохожие говорили еще что-то, но Сережка их уже не слушал.
- Я хотел бы стать похожим на мага Всеведа.
- Это проще простого. Тимоша протянул серый шарик.
- Катализатор. Небольшая реакция — и готово. Глотай. Или боишься? — Тимоша лукаво подмигнул.
- Я? Боюсь? Плохо ты меня знаешь, — и Сережка торопливо проглотил пилюлю. В животе стало холодно, потом горячо. Тело вздрогнуло, будто от удара током.
- Ой! — Тимоша покатился по полу. — На кого ты похож! Хи-хи-хи-хи-хи.
- Сережка кинулся к зеркалу. Там он увидел огромного дядю, измазанного дегтем, в покрывале и чалме.
- И долго я буду расти и расти, — испугался Сережка, заметив, как увеличиваются ожоги от крапивы.
- Не бойся. Через час катализатор перестанет действовать и ты снова станешь прежним.

Если даже все сыщики мира будут искать Тарабуку, этот час они потратят зря.

— Теперь поставь время Аменхотепа.

— Подожди, будет тебе Египет, когда вернусь.

— Ладно, — согласился Тимоша, скрываясь в часах.

Сережка еще раз осмотрел себя в зеркало. Хорош!

Уходя из комнаты, он стукнулся головой о косяк. Савося зарычал, твякнул два раза, как при встрече с незнакомым человеком. «Не узнал», — обрадовался Сережка. На улице первыми попались ему бабушка и Ванечка.

— Бабушка, бабушка, — испугался Ванечка, — это кто?

— Уж и не знаю, милый,

— Вы куда? — спросил Сережка.

— А? — бабушка испуганно оглянулась по сторонам. — Ах, это вы. А мне показался голос моего внука.

Сережка пошел дальше.

На дорогу выкатился мяч. А за ним — Витя Самопалов, по прозвищу Два-Ноль. Когда его спрашивали про оценки, он отвечал: «Три-ноль» или «Четыре-ноль», а чаще «Два-ноль».

— А ну иди сюда! — Сережка поманил Витю пальцем. — Скажи-ка, когда жил Аменхотеп Четвертый?:

Самопалов захлопал глазами.

— Не знаешь. А еще центральный нападающий! — и Сережка зашагал дальше.

— Не было такого футболиста, — крикнул ему вслед Витя.

Глава третья, в которой Сережка дает интервью Генке Айсбергу

В двадцать один ноль-ноль «Исток» миновал городскую площадь. Постояв с минуту у водонапорной башни с афишами, он углубился в лабиринт переулков и улиц поселка и, наконец, достиг деревянного домика, надпись на воротах которого предостерегала: «Осторожно, может заесть собака».

Из глубины двора доносилось тоскливое повизгивание и слышался старческий голос:

— Сиротами мы остались, Савосюшка. И на кого он нас покинул, горемычных!

— Стой! — скомандовал Генка и постучал. Ворота открыла заплаканная Сережкина бабушка. Катя подсела к Петровне. — Не надо так расстраиваться, бабушка.

— Как же мне не печалиться, коли потерялся Сереженька, внучек мой родимый.

— Не плачьте, бабуся, мы его найдем, — пообещал Генка.

— Если его здесь нет, значит, он в другом месте. А если в другом, то здесь нам делать нечего. — высказался Ваня Лучинин.

— Что будем делать? — спросил Вася Коноплев.

— Ой, мальчишки, мне этюд Шопена разучивать надо, — вспомнила Катя Мормышкина.

— Можешь идти, тебя вообще никто не держит.

— А я назло не пойду.

— Если Сережка совсем потерялся, игрушки достанутся мне? — спросил Ванечка.

— Что ты, соколик, что ты? — замахала руками бабушка.

— Действуем, как договорились, — голос Генки звучал решительно.

Через минуту ребята взбивали пыль вдоль улицы. Впереди бежал Савося, за ним шествовал Генка с биноклем на груди, затем остальные. Им встретился Витя Самопалов.

— Тарабуку видел? — спросил Генка.

— Сам ищу. Сегодня он должен был играть правым крайним.

— Ты что, Два-Ноль, не слышал? Сережка-то пропал.

— Как же теперь? Ведь скоро финал.

— Да что с ним говорить! Пошли, — с досадой махнул рукой Игорь Хлопушкин.

— Без Тарабуки никак нельзя, — Самопалов поплелся следом.

Навстречу отряду в надвигающихся сумерках шел огромный человек в покрывале и чалме. Он поддерживал плечами, мотал головой. Видно, исполнял ритуальный танец каких-нибудь зулусов и по обычаю своего племени бубнил боевые песни.

Витя спрятался за спину Васи Коноплева.

— Это же фокусник из цирка, угадыватель чужих мыслей, — прошептала Катя Морышкина и выбежала вперед: — Скажите, вы Всевед?

— Да, — пробасил маг, почесываясь.

— Покажите какой-нибудь фокус.

— Сенсация! — ее оттеснил Генка и представился: — Редактор «Улитки» Геннадий Айсанов-Бережков. Можно вопрос, уважаемый профессор таинственных искусств? Что вы думаете по поводу исчезновения Сережки Тарабуки?

— Скучно ему с вами, вот он и удрал, — ответил Всевед. — Никто не понимал его, кроме собаки. Савося, ко мне!

— Голос здорово похож на Сережкин, — сказал Ваня Лучинин Все Коноплеву.

— Голос любого человека может стать моим! — заявил Всевед.

— Откуда вам известно имя собаки? — удивился Генка.

— Дай руку, редактор. Линии на ладони говорят, что ты учишься в шестом «Г» и тебя зовут Генкой. Потертый локоть — что ты часто поднимаешь руку и лезешь в отличники.

— Простите, не лезу, а стремлюсь.

— Лезешь. Я про тебя еще не то знаю.

— А что вы еще про него знаете? — Катя сторала от любопытства

Ребята обступили Всеведа.

— Ты, Катька, выскочка. Думаешь, научилась «Чижика-пыжика» бренчать, так и знаменитость. Я знаю, почему Игорь ходит в «Эрудит» мимо твоего дома.

— И совсем не мимо, — покраснел Игорь.

— А Два-Ноль не знает, когда царствовал Аменхотеп Четвертый.

— Эхнатон правил вскоре после завоеваний Тутмоса Третьего, — поспешил на выручку Игорь.

— Я говорю про Аменхотепа.

— Это один и тот же; вначале звали Аменхотепом, а потом Эхнатон.

— Много ты понимаешь, — рассердился Всевед. — Морочишь всем головы какими-то пульсарами, а их и нет вовсе.

— Д-д-д-аже в-в-в-еликие у-у-ученые не от-трицают э-э-того, — стал заикаться Игорь. Он всегда заикался, когда сомневались в науке.

— И вообще, хоть ты и ходишь в «Эрудит», а плавать не умеешь. И в футбол тебя берут, только когда в воротах стоять некому.

Это была правда.

— Чья возьмет в финале дворовых команд? — осмелел Самопалов.

— Два-ноль в нашу, то есть, в вашу пользу.

— Слышали? Вот что значит настоящий маг!

— Я все знаю, — продолжал Всевед. — Лучинин сегодня разбил окно в классе, а свалил на Тарабуку. Я про всех людей знаю, Сережка — лучше всех.

— Лучше, — фыркнула Катя, — я в музыкальную школу из-за него не пошла.

— Мне надо было на секцию самбо, — вздохнул Вася Коноплев. — У нашего Вовки сегодня день рождения.

— А мы с папой собирались червяков копать.

— Выползков ты и в темноте наловишь, а в «Эрудит» я уже опоздал.

У каждого из ребят было какое-то дело в субботу, накануне выходного дня.

— А сколько вам лет, товарищ Всевед? — спросил Генка.

— Сто, — ответил профессор.

— О-о! — удивился Вася Коноплев.

— В Индии люди живут по двести лет.

— Столько живут йоги.

— Я и есть йог.

— А вы тигров видели? — Генка продолжал задавать вопросы.

— Даже ловить приходилось. Их хватают за шиворот и в мешок.

— Он же руку откусит, — заметил Игорь.

— Вначале надо за хвост схватить и раскрутить в воздухе, а как у него голова закружится, бросить на землю, а там с ним что хочешь, то и делай: смиреннее кошки.

— Вот вы все знаете, скажите, где Сережка Тарабука? — Игорь не мог простить профессору пренебрежение к науке.

— Он ушел на Комиссарову заимку.

В наступившей тишине стало слышно, как Савося переступает с Лапы на лапу.

— Один? — ужаснулась Катя.

— Он не ждал, когда скажут: дети, возьмитесь за руки.

Катин испуг сменился восхищением;

— Какой он бесстрашный!

Всевед расправил плечи, приосанился, поправил чалму.

— Один ушел, даже мне не сказал, — огорчился Ваня. — Это плохо, когда человек уходит один, значит, он отрывается...

— Тоже мне, путешественник, — негодовал Генка. — Двойка — раз, самовольно ушел — два, не видать нам теперь похода — три. Ну, подожди!

— Я ему покажу бросок через себя, — пригрозил Вася Коноплев.

Серезжка вдруг почувствовал, как чалма стала наползать на уши. Действие катализатора заканчивалось.

— Я пошел, — заторопился Всевед.

— Что теперь будет с Серезжкой? — спросила Катя Мормышкина.

— Леса дремучие, болота топучие — заблудится, — рассудил Игорь Хлопушкин.

— Что нам делать? — крикнул Ваня Лучинин вслед уходящему профессору.

Всевед посмотрел из-под ладони на последние лучи заходящего солнца и сказал:

— По законам йогов я должен замолчать до утра.

— В погоню! — скомандовал Генка. — Нельзя терять ни минуты.

«Исток» направился к лесу.

Глава четвертая, рассказывающая о событии, которое, на первый взгляд, может показаться невероятным

Рабочие на заводе делали машины, пекари в пекарнях пекли хлеба, шоферы развозили их по магазинам, а продавцы продавали. Но что бы ни делали люди, они ни на минуту не забывали: в городе пропал человек.

А человек смеялся. Да и как ему было не смеяться, если он одурачил даже такого ученика, как Генка Айсберг. «Это тебе не статейки в «Улитку» писать», — подумал он и засмеялся еще громче. «Рассказать бы теперь кому об этом, вот была бы потеха. Но кому расскажешь? Как жаль, что Тимоша дал одну пилюлю. Надо было потребовать еще».

Серезжка представил себя в школе знаменитым фокусником. Только рот открыл — бурные аплодисменты, махнул рукой — овации. Илья Семёныч в восторге. Весь класс кричит: «Браво!», Авдеич хлопает в ладоши, Катя Мормышкина кидает букет, а в нем приглашение на вечер встречи со знатными людьми. Серезжка — в президиуме. А после встречи — банкет в актовом зале. На длинном столе — апельсины, бутылки с газированной водой, сколько хочешь мороженого, шоколад «Сказки Пушкина», арбуз, а в самом центре торт, на котором написано кремом: «Да здравствует наш дорогой и многоуважаемый Сергей Павлович Тарабука!»

Серезжка не мог видеть, как отряд пересек речку, как шел вдоль берега, пытаясь найти тропу, не слышал, как ребята начали роптать;

— Генка, куда нас ведешь?

— Всевед мог ошибиться.

— Если бы знала мама, где я теперь.

Серезжка не видел, как Генка объявил минутный привал и сказал пламенную речь;

— Как смеете вы думать о мамах? Может быть, в эту минуту наш товарищ сидит на соне, а под ней стучат зубами голодные хищники.

И отряд двинулся дальше.

Но Серезжка знал, что ушли искать его. Он вспомнил об этом и ему расхотелось смеяться.

Стало тревожно. Что он наделал? И почему не сказал, что никакой он не Всевед и не профессор. Посмеялись бы вместе. А теперь?

Вдруг заблудятся? Или нападет рысь? Нет, лучше не думать об этом. Но все равно думалось.

Он умылся и отыскал свою куртку. На ней не было ни одной пуговицы — пришлось скрепить полы булавкой. Чтобы отвлечься, взял Конан Дойля — не читалось.

А может быть, они уже вернулись? Надо узнать. Он подошел к телефону и набрал номер Мормышкиных.

— Алло, здравствуйте, товарищ Мормышкина, — подражая голосу взрослого, начал Сережка. — Говорит папа Хлопушкина. Скажите, пожалуйста, Катька... э-э... простите, ваша дочка не вернулась? Нет? Как куда? В лес. К Комиссаровой заимке...

— Безумие! — закричала Катькина мама. — И куда смотрят учителя!.. Нет, так оставлять нельзя. Я... побегу... я найду классного... Бедная моя девочка...

Сережка положил трубку.

«Ох и шуму теперь будет! И попадет же мне! Ведь это я послал отряд на ночь глядя в лес».

Сережке представились ночь, болото, огненные глаза, как в «Собаке Баскервилей»... Вспомнилась бабушкина поговорка про Макара, на которого все шишки валяются. Он заморгал глазами, зашмыгал носом... И куда-то подевалась бабушка...

Петровна в это время которой уже раз обходила знакомых, расспрашивая о пропавшем внуке.

Часы ударили один раз. Сережка поднял голову — половина двенадцатого. Распахнулась дверь.

— Хи-хи-хи-хи-хи.

— Тимоша! Понимаешь, мне нельзя больше появляться в школе.

— Так и не появляйся.

— Бабушка, папа с мамой заставят.

— Хи-хи-хи-хи-хи, хочешь, я сделаю их совсем маленькими и ты сам будешь отправлять их в школу?

— Нет, Тимоша, нет.

— Только не плачь, Шаддат Нуш Ануш не переносит слез. Может быть, тебя сделать невидимкой?

— Но тогда меня никто не увидит. Лучше сделай так, чтобы я все знал без школы.

— Мыслями может управлять один Шаддат Нуш Ануш. Но он считает: только знания, добытые трудом, приносят радость. Учится человек всю жизнь — и постоянно радуется. Нельзя лишать его такого удовольствия.

— Вот бы избавиться от такого удовольствия! Представляешь, в истории целых две эры и обе учить надо.

— Хочешь попасть туда, где нет школы?

— Хочу!

— Пожалуйста, только не плачь.

Все произошло скоро и непостижимо таинственно. Распахнулось окно, кресло с Тимошей и Сережкой вылетело из комнаты.

В следующее мгновение они оказались над городом. Промелькнули школа, памятник павшим борцам, башня с объявлением о том, что в город приехал профессор таинственных искусств, у речки Каменки — цепочка пляшущих огоньков, — это отряд Генки Айсберга искал Тарабуку.

Глава пятая, в которой Друг Савоси спасает от смерти Сына Ветра

Они летели на очень большой высоте. Внизу проплывали огни городов, деревни и села мигали маленькими звездочками. Чем дальше, тем реже попадались огоньки, и Сережка все меньше думал о школе, доме и товарищах.

Под ними простиралась водная пустыня.

Сережка увидел остров. От быстрого снижения захватило дух. Приземлились у стены темно-зеленого леса, подступавшего к обрывистому берегу.

— Ну вот, — сказал Тимоша, — я думаю, ты будешь доволен: здесь нет ни одной школы. — Тут живут вамбы-намбы. Ты станешь сильным, как мужчины этого племени, будешь понимать их язык. А теперь поставь на нижнем диске год смерти Аменхотепа Четвертого.

«Аменхотеп правил вскоре после Тутмоса Третьего. А когда жил Тутмос? Если бы знать, что эти фараоны когда-нибудь пригодятся».

— Что же ты тянешь, Сережа?

— Сейчас, сейчас, — Тарабука набрал конец старой эры, прибавил на всякий случай еще пять тысяч лет и сказал. — Теперь будет в самый раз.

— Спасибо тебе, Сережа. Прощай.

— Как, насовсем?

— Поставь на моем диске № 412/187, и я вернусь, когда ты окажешься в безвыходном положении, если опять не собьется настройка.

Человечек исчез.

Сережка стал осматривать океан. Ни одного корабля, ни одной даже самой маленькой лодки.

Над головой пронеслась огромная стая попугаев. Он проводил ее взглядом, обернулся и вдруг увидел старика, полугололого и тощего. Тот шел, прихрамывая, опираясь на палку. У обрывистого берега старик опустился на колени, протянул руки к солнцу и долго сидел неподвижно. Потом поднялся, взял в руки копьё, которое Сережка вначале принял за палку, встал на самый край, еще раз посмотрел на солнце и подался вперед.

— Стойте — кинулся Сережка к старику и схватил его за руку. — Там острые камни!..

Неожиданно для себя Сережка заговорил на языке племени вамбы-намбы.

Старик отскочил назад. Лицо его выражало крайнее удивление.

— Они не примут меня, — он опустился на камень. — Теперь они далеко.

— Кто вы?

— Я Сын Ветра, Брат Победителя Тигров и вождь вамбы-намбы.

— Вождь?! — Сережка подпрыгнул от радости.

— У вамбы-намбы есть закон, — продолжал старик, — когда мужчина проживет семьдесят Великих Дождей и духи удачи перестанут помогать ему, он идет на этот берег и бросается вниз. Он отправляется в Царство Ночи. Туда ушел мой дед Сын Молнии, дед моего деда Медная Гора... Никто не должен мешать уходящему, чтобы не распугать духов тьмы. Худо тому, кто нарушит закон.

— А что с ним сделают?

— Его сбросят с этой скалы, чтобы он первым попал в Царство Ночи и упрости духам тьмы вернуться, иначе племя постигнет несчастье.

— Я пошел, — заторопился Сережка. — Мне некогда.

— Постой. У нас есть другой закон: если человека из вамбы-намбы спасает человек другого племени, то его встречают как воина и отдают почести. Как звать тебя, храбрый воин?

— Сережка Тарабука. По метрике — Сергей Павлович.

— Кто был Сережка?

— Я.

— А Тара-Бука?

— Тоже я.

— А Сергей Павлович?

— Я, кто же еще.

— Ты, наверно, совершил много подвигов, раз у тебя столько имен?

— Всего одно — Сергей Павлович Тарабука.

— По метрике — тоже твое имя?

— Нет. Метрика — это бумажка такая. Как я появился, в нее и записали: родился, мол, Сергей Павлович Тарабука. А у вас разве не так? — заинтересовался Сережка.

— Молодых воинов у нас называют именами птиц, зверей, деревьев или по имени друга. Скажи, кто твой друг?

— Теперь у меня остался один — Савося.

— Второе имя воин получает за победу. Кого и когда ты победил?

— Я лауреат художественной самодеятельности.

— Что это значит? |

— Я лучше всех сплясал ритмический танец. — И Сережка показал несколько па.

— Мой народ чтит победителей в танцах. Кто долго пляшет, тот неутомим на охоте.

И Сын Ветра поклонился.

— О доблестный друг Савоси, неутомимый Лауреат Художественной Самодеятельности, ты войдешь в наши хижины как Спаситель Сына Ветра.

Они пошли густым лиственным лесом, куда почти не проникало солнце. Через час оказались у озера, и Сережке захотелось освежиться. Он уже занес ногу на корягу, как его

отдернул за плечо старик. Коряга пропала под водой, а потом всплыли и уставились на Сережку два крокодилийх глаза.

Дорога вела в гору. На вершине лес неожиданно расступился. Внизу простиралась долина. На дне ее блестела река, за ней синел лес. Перед рекой, над островерхими крышами хижин, поднимался дым костра.

— Сын Ветра, у вас много людей? — спросил Сережка.

— Было много. Одни погибли на войне, другие — на охоте или умерли от голода и болезней во время Великих дождей. Теперь половина хижин пуста: духи рассердились на вамбы-намбы. У нас мало мужчин, значит, мало пищи. Вот почему, кто не может прокормить себя должен отправиться в Царство Ночи. А теперь надо идти тихо-тихо чтобы злые духи подумали: на пути к вамбы-намбы никого нет, — отстали.

Глава шестая, в которой Спаситель Сына Ветра восклицает: «Вот это да!»

У Большого костра вамбы-намбы выбирали вождя. Появление Сыне Ветра привело всех от мала до велика в смятение. Не было еще случая, чтобы старый человек возвращался из Царства Ночи, да еще не один. Серёжку рассматривали так, как обыкновенно в зверинцах рассматривают обезьян, с любопытством и опаской.

Сын Ветра рассказал, как дошел он до Большой Воды, как просил добрых духов унести его без лишней боли в Царство Ночи и как белый человек, по имени Друг Савоси, вырвал его из рук злых духов тьмы.

Другу Савоси здравствовать! — прокричали вамбы-намбы.

Затем мужчины окружили Сережку и подняли вверх копьё.

Наступила минута молчания. В торжественной тишине старый вождь произнес:

— Люди вамбы-намбы, согласны ли вы назвать Друга Савоси Спасителем Сына Ветра?

— Да будет так! — дружно прокричали все.

— Я, Сын Ветра, передаю Другу Савоси свое имя, потому что верю: оно никогда не будет обещено и не достанется Пожирателю Имен, — сказал старый вождь.

— Спасителю Сына Ветра здравствовать! — закричали вамбы-намбы.

Растроганный теплым приемом, Сережка поднял руку:

Дайте мне сказать.

У костра стало тихо.

— Товарищи вамбы-намбы! Сердечно благодарю и от имени шестого «Г» обещаю оправдать доверие. Ура, товарищи! — и захопал в ладоши.

Хлопки были восприняты как сигнал к танцу. Воины плясали и размахивали копьями. Ракушки на ногах и руках женщин отбивали ритм. Дети прыгали от радости. Одна из девочек напоминала Катю Мормышкину. Такого же роста, и волосы такие же густые, только глаза черней. Отплясывала же она так лихо, взбивая босыми ногами золу у костра, — куда там Мормышке. Девочка была гибкой, словно лоза, подвижной, будто ящерица, и звали ее Веткой Лианы.

Сережка, увлеченный общим весельем, тоже плясал.

После танца самые сильные воины должны были проходить испытания. Сильнейший из них станет вождем.

Сын Ветра обратился к Сережке:

— Наш обычай велит; предложи гостю место у костра, а обладателю многих имен дай испытать силу в состязаниях. Но Друг Савоси прожил мало Великих дождей и может отказать.

Сережка оглядел рослых, мускулистых и загорелых воинов и понял, почему сделал оговорку Сын Ветра.

И чтобы проверить свою силу, полученную от Тимоши, он поднял большой камень, подержал на вытянутой руке и встал в ряды воинов. Не так часто тебя принимают во взрослые игры, даже если тебе почти тринадцать лет.

— Вождь должен быть зорким, чтобы видеть опасность раньше всех, сильным, чтобы побеждать врагов в поединках, умным, чтобы племя его процветало, молча переносить боль, чтобы не доставлять врагам радости. Вождь должен быть равнодушным к похвале и при этом сохранять достоинство, — сказал Сын Ветра. — Пусть победит сильнейший!..

Седой судья, восседавший на высоком пне, напомнил условия соревнования: после каждого тура участники получают камешки, по числу которых в конце определяется победитель.

Сначала предстояла парная борьба. Противники старались повалить друг друга на землю. Оказавшийся наверху считался победителем. Наблюдая за первыми парами, Сережка убедился: никаких приемов борцы не знают и исход решается силой.

Очередь Спасителя Сына Ветра была последней. Его соперником оказался высокий мускулистый парень с пучком перьев на голове и ожерельем из зубов крокодила на шее, что должно было говорить о его бесстрашии, упрямом характере и несокрушимой воле к победе. Называли его Зубом Пумы.

Сережка вспомнил Васю Коноплева и его знаменитый бросок через себя. И когда противник бросился, пытаясь схватить его, Спаситель Сына Ветра резко отступил назад, уцепился за ожерелье и в рывке повалился на спину, увлекая за собой противника. Падая, подогнул ноги в коленях и затем выпрямил их. Зуб Пумы перевернулся через голову и шлепнулся на спину. В следующее мгновение Спаситель Сына Ветра сидел на нем. Толпа зашумела. Судья ударил в тамтам.

Поверженный встал, пожал победителю руку и с достоинством удалился.

Затем испытывали силу. Неподалеку от костра лежал камень. Участники состязания подходили по очереди, широко расставив ноги и сцепив кисти рук в замок, пытались поднять камень. На руках и ногах выступали бугры мышц, лица багровели. Судья измерял каменными плитками величину зазора. Самый сильный воин приподнял камень настолько, что можно было под него сунуть руку. Подошла и Сережкина очередь.

Он взял длинную палку, подкопал под камнем ямку, вставил конец и подложил под него обугленный корень. Поплевав на руки, скомадовал сам себе:

— Берись! Ра-аз-два, взяли! — и нажал на свободный конец. Край камня поднялся и медленно пошел вверх.

— Навались, братцы! — приналег Сережка, и каменная глыба опрокинулась.

Звуки тамтама опять возвестили о победе, а дикари окружили Сережку. Они ощупывали его руки, пробовали крепость мускулов, осматривали глаза и даже заглядывали в уши.

— Палкой поднял камень? — Дикари будто впервые увидели оструганный ствол, о который испытывали острия ножей.

— Обыкновенный рычаг.

— Почему Спаситель Сына Ветра называет рычагом палку?

— Раз ею поднимают камень, значит — она рычаг.

— Палка — рычаг! — крикнул Мартышкин Хвост.

— Палка — рычаг! — подхватили вамбы-намбы.

— Унесите ее подальше, чтобы не попала в огонь, — распорядился Разоритель Москитов.

— Всякая палка может стать рычагом.

— Может, и так, но другая захочет ли поднимать камни.

Рычаг понравился. Дикари опрокидывали им камни и заучивали как заклинание: «Раз-два, взяли! Навались, братцы!», уверенные, что без этого рычага помогать им не будет.

С каждым туром у Сережки прибавлялись зачетные камешки. На два меньше было только у Зуба Пумы.

Теперь предстояло испытание огнем. Нужно было взять из костра раскаленный уголь и держать его на ладони до тех пор, пока он не потемнеет. Глядя, как Зуб Пумы спокойно достает красный уголь, Сережка спрятал руки в карманы (вдруг заметят, что они дрожат) и перебирал там всякую мелочь. Пуговица, изгрызенный ластик, ножик... И еще что-то мягкое... Да это же кусок асбестовой прокладки, который трепал Савося. «Умница! — подумал Сережка. — Ни у кого нет такой собаки». Асбест не горит, его держи в огне хоть сутки — и хоть бы что. Зуб Пумы, положив уголь, вытянул руку. Ни один мускул не дрогнул на его лице, только раздувались ноздри.

— Довольно, — сказал судья.

Зуб Пумы, отряхнув руку, присыпал ожог пеплом.

Сережка выхватил из костра уголь, бросил его на ладонь, незаметно подсунул кусочек асбеста, вытянул руку. Даже Победитель Тигров, даже старый Сын Ветра, все выдавшие виды воины, не говоря уже о женщинах, были поражены. У Друга Савоси не только не дрогнул ни один мускул, но даже не раздувались ноздри. Подержав уголь несколько дольше

положенного, он снял его, оторвал, как показалось всем, порядочный кусок кожи, бросил в костер и даже не стал присыпать ожога пеплом.

Лицо судьи выразило крайнее удивление: лохматые брови вздернулись, глаза округлились, челюсть отвисла. Никогда не приходилось ему видеть, чтобы ожог заживал мгновенно, не оставляя следов.

— Да-а, — судья покачал головой, — ладонь крепка, как пятка носорога.

Соревнования продолжались.

— Вечером у Большого Костра будет праздник, — сказал судья. — Пусть воины наловят рыбы.

Судья велел поставить длинный шест. Разоритель Москитов, сторбленный одноглазый старик, сильно помятый когда-то в схватке с медведем, стал ступня к ступне мерять тень шеста. На пятой ступне тень кончилась. Разоритель Москитов провел черту. Отмерив еще три ступни, снова провели черту. Когда тень достигнет второй черты, рыбаки должны вернуться с уловом.

Каждый взял себе острогу. Сережа ни разу не ловил рыбу острогой. Вот если бы удочку или спиннинг. Сережка вывернул карманы — ни одного крючка, как назло. Так всегда. Если не надо, их можно найти везде, даже в воротнике куртки. Да мало ли где можно найти крючок, когда он не нужен! Однажды крючок оказался в подушке и ночью вонзился в Сережино ухо.

Рыбаки уже стояли по колени в холодной воде быстрой реки, подняв наизготовку остроги.

Хочешь не хочешь, а раздевайся и лезь в воду. Сережка расстегнул булавку на куртке и подумал: «А чем булавка плоха? Все дело в счастье. Везучий рыбак и на гвоздик поймает, а невезучему и дорогая блесна не впрок».

Из булавки он смастерил крючок, связал несколько волокон какого-то растения, висящих у входа одной из хижин, нашел подходящее удилище, на поплавков подобрал птичье перо — вот и удочка.

Пока закончил все приготовления и накопал червей, тень от шеста увеличилась на половину ступни Разорителя Москитов.

За действиями Сережки зорко и с нескрываемым любопытством следили дикари, особенно мальчишки.

Сережка выбрал место, где берег покруче, сел, свесил ноги и закинул свою снасть в самый водоворот. Соперники его все так же стояли, подняв остроги.

— Друг Савоси думает этой ниткой поймать рыбу? — деликатно, но, видимо, в сильном сомнении спросил один из взрослых вамбы-намбы.

Сережка не успел ответить.

Леску повело в сторону, удилище согнулось. Едва удерживая равновесие, Сережка обеими руками рванул удилище и упал на спину. Крупная рыба сверкнула на солнце, шлепнула кого-то хвостом по лицу, вызвав смех, и упала в траву. Это была превосходная форель.

— Я еще и не таких ловил, — сказал Сережка, хотя в Каменке, кроме вьюнов и пескарей, другой рыбы не водилось.

Когда же он выудил вторую форель, над рекой прокатился гул восхищения. После третьей возле него собрались все вамбы-намбы, потеряв интерес к другим рыболовам.

Тень незаметно подкралась к черте, отмеченной Разорителем Москитов, и судья ударил в тамтам.

Все рыболовы вместе положили к ногам судьи девять истерзанных рыб. В корзине Сережки оказалось одиннадцать.

Судья встал и сказал:

— Вамбы-намбы, небо послало нам смелого, сильного, выносливого и умного вождя. Вечером в честь Спасителя Сына Ветра мы устроим праздник у Большого Костра. А теперь проводите его, как велит закон вамбы-намбы.

Сережку подхватили на руки и внесли в хижину вождя. С ним остались два старика — Разоритель Москитов и Мартышкин Хвост. Они сняли с победителя одежду, разрисовали грудь, спину и руки магическими знаками, волосы забрали в пучок, перевязали их на затылке, укрепили несколько перьев кондора, на запястье надели браслеты, на шею — ожерелье из позвонков молодой акулы, вручили копье, украшенное тесемками. Затем старики сказали заклинание и вышли, оставив вождя одного, чтобы он привыкал к власти.

Спаситель Сына Ветра осмотрел хижину. Она напомнила ему арсенал, только каждая вещь здесь была настоящей: шкура дымчатого леопарда на лежанке, дюжина острых копий в углу, лук с тетивой из жил буйволов, кожаный колчан, полный стрел, несколько боевых топориков, тамтам и пучки сухой травы под потолком.

— Вот это да! — воскликнул вождь.

Да и как не воскликнуть! Кто бы удержал крик радости, если бы над ним сгустились черные тучи, если он столько накуролесил, что и сам запутался и оставалось ждать только возмездия, и вдруг — ни дневника с двойкой по истории, ни Генки Айсберга с его «Улиткой» (о ком-то он теперь будет писать свои фельетоны), и вообще никакой школы. Да как же не воскликнуть после этого: «Вот это да!» Как подавить крик радости?

Жаль, нет в хижине зеркала. А хорошо бы взглянуть на себя, могущественного повелителя. Захочет он — и заставит всех пойти на охоту. Захочет — отправит ловить рыбу или объявит войну соседнему племени. Явись он сейчас в школу, Илья Семёныч от удивления уронит очки, Авдеич почтительно снимет шляпу, а всех ребят хватит удар от зависти.

Но никто не мог видеть в этот величественный момент Спасителя Сына Ветра, а если не скромничать, то и Победителя Огня, и Грозу Речных Форелей, вождя, которого совсем недавно называли всего лишь Сережкой Тарабукой.

Нет, войну соседям он объявлять не станет. Прежде всего, надо установить порядок, чтобы взрослые не командовали. Мальчишкам — воля, бегай, сколько угодно. Девчонки пусть играют в свои куклы. Сколько свободного времени для футбола! Эх, Самопалова бы сюда, где он теперь, Два-Ноль в нашу пользу? Главное — подобрать команды. Утром, по холодку, — тренировки. После обеда — товарищеские встречи или матчи на первенство, а после ужина — концерты.

Пчелиным роем кружили в голове вождя планы, один грандиознее другого.

Между тем вождь захотел есть, а кормить его, как видно, не торопились. Сколько же можно привыкать к власти? Вождь ударил кулаком в тамтам — никто не появился. Подождав еще немного, вышел из хижины. Лагерь словно вымер. Ни души вокруг.

— Эй, вы! Где вы! — крикнул вождь.

Никто не отозвался, и только из-за угла хижины появился старик.

— Скажите, дедушка, где здесь можно поесть? — спросил Сережка.

— Есть? — старик удивился. — Вождь должен знать закон своего народа: никто не может есть, пока солнце не утонет в Большой Воде.

— А почему никого нет вокруг? — сбитый с толку таким оборотом дела, спросил Сережка, решив со временем изменить этот нелепый закон,

— Все ушли: кто на охоту, кто собирать семена, кто ловить рыбу. У нас работают очень много, чтобы не умереть голодной смертью. Скоро начнутся Великие Дожди, — продолжал старик, — тогда нельзя будет выходить из хижин. Надо запастись много пищи. Уже есть три поросенка, две антилопы и корзина вяленой рыбы.

«Хрустящую горбушку бы теперь, — с тоской думал Сережка, — жареной картошки или гречневой каши, а потом бы кружку молока с пенками и сдобной булкой».

— А хлеб у вас есть?

— Что?

— Хлеб.

— Хлеб? Какой такой хлеб?

— Который пекут, а потом режут на куски и едят с супом.

— Старик слушал вождя, на сводя с него глаз, но так и не понял, что такое хлеб.

— Вождь я или не вождь? — рассердился Сережка. — Могу я себе потребовать хоть что-нибудь?

— Конечно, можешь, — оживился старик. — Ты можешь потребовать себе самое большое копьё, самый тугой лук, самый острый топорик. Ты можешь первым выйти на боевую тропу и сразиться с вождем наших врагов.

Сережка с грустью посмотрел на солнце. Оно не торопилось утонуть в Большой Воде.

«Ничего, я приучу их к хлебу, — самоуверенно решил молодой вождь. — Кто же не знает, что его пекут из муки, а муку делают из зерна на мельницах».

Он взял копьё и отправился в лес, надеясь там что-нибудь добыть.

Глава седьмая, в которой Тарабука, сам того не ведая, откроет дикарям великую тайну

За хижинами, на вытоптанной поляне, стояло десятка полтора голых мальчишек лет шести-семи. Старик Разоритель Москитов оттянул в сторону висящее на суку дерева чучело лисицы и резко оттолкнул его от себя. Тотчас полетело копье и, не задев чучела, вонзилось в землю. Метатель копья понуро направился к Разорителю Москитов. Старик ударил неудачника прутом по спине.

— За что вы его? — спросил Сережка.

— Чтобы он потом, когда станет охотником и воином, не промахнулся в зверя или врага, — ответил старик.

Опять полетело копье и на этот раз пронзило чучело. Лицо Разорителя Москитов просияло, а довольный мальчик встал в очередь.

Сережка пошел дальше, думая о том, что было бы с его спиной, если бы за двойки били прутом. «Отменю телесные наказания», — решил он про себя.

Потом ему попались девочки. Маленькие под присмотром старухи собирали семена трав, а постарше выкапывали корни и очищали их от земли. За движениями их рук нелегко было уследить. Сережка по себе знал, как трудно вытащить длинный корень, даже морковку, если она сидит в сухой земле, — обломаешь ногти.

— А почему ты не копаешь лопатой? — с удивлением спросил он Ветку Лианы.

— Какой лопатой? — не поняла она.

— Обыкновенной, железной с деревянным черенком. Надавишь на нее ногой — и корень наверху.

— Железной? — Ветка Лианы непонимающе смотрела на Сережку.

— Может, у вас нет железа?

— Есть. Его делают вон там, — Ветка Лианы указала в сторону поселка.

— Проводи меня, — попросил он.

Они шли по тропе.

— Хочешь? — Ветка Лианы разжала ладошку.

В ней лежала голубая ракушка.

— Она отгоняет страшные сны, а если ее истолочь и смешать с росой из цветка лотоса, то излечивает от болезней.

Сережка полюбовался игрой голубого перламутра и положил ракушку в карман. А Ветке Лианы предложил целую горсть разных вещей на выбор.

Она взяла новенькую копейку и стала примерять к нитке бус. Потом сунула за щеку, чтобы не потерять. Но тут копейка из ее рта выпала. На тропу выползла змея. Сережка оцепенел от ужаса. Ветка Лианы потянула Сережку за руку, но ноги его не слушались. Тогда она схватила копье и бросила на тропу. Прежде чем оно успело упасть, каскавелла метнулась к нему, вытянувшись на всю длину. Ветка Лианы схватила ее за хвост, резко встряхнула, свободной рукой перехватила горло, сломала шейные позвонки и отбросила в сторону.

— Спаситель Сына Ветра сам бы справился со змеей, но мне показалось: он медлит, — оправдывалась она.

— Да-а-а!..

Друг Савоси обрел дар речи:

— Ловко ты ее!

От похвалы вождя Ветка Лианы смутилась.

— Пошли отсюда скорей, — предложил вождь.

— Дальше девочкам подходить не разрешается, а то железо не получится.

Ветка Лианы убежала. Сережка продолжал путь один, и ему еще долго мерещилось извивающееся тело гремучей змеи.

За поселком в земле была выкопана яма. Над ней струился дым. Возле кучи бурого камня, раскинув руки, лежал человек. Другой сидел на корточках и дул через деревянную трубку на раскаленный уголь.

— Вы плавите железо? — вождь обошел вокруг ямы, взвесил на ладони кусок руды. — Скоро вам не потребуется много копий и стрел.

— Их всегда надо много, — возразил первый, которого звали Черным Каланом, — они часто ломаются и теряются на охоте.

— Из железа будем делать лопаты! — распорядился вождь. — Вскопаем поле, поседем горох, морковку или арбузы. Возьмешь сладкий арбуз, разрежешь, а там полно черных зернышек. Ешь и поплеывай. Ох, вкусно!

Крепкая Рука перестал дуть:

— А где взять арбузы?

— Надо вначале вскопать поле лопатой, а потом посеять.

Черный Калан заглянул в отверстие ямы:

— Готово.

Железа оказалось мало, всего на одну лопату. Вождь объяснил, что делать. Черный Калан и Крепкая Рука расплющили горячее железо — им не терпелось отведать арбуза. Вождь остался недоволен.

— Сковородка какая-то. Простой лопаты сделать не умеете, — пристыдил он кузнецов. — Давайте-ка я покажу.

И горячо принялся за работу.

Долго трудился Сережка, обливаясь потом, несколько раз ожегся, на ладонях набил волдыри, сорвал кожу на сгибах пальцев, но не сдавался. Когда железо стало похожим на большой блин, он начертил контур лопаты. Черный Калан быстро обрубил лишнее. Крепкая Рука поправил лопату на точильном камне и приладил к ней палку.

Прямо скажем, лопата получилась не очень ладная, даже безобразная. Но Сережке нравилась. Когда что-нибудь сделаешь сам, то всегда хоть немножко гордишься своим изделием.

— Копают вот так.

Земля не поддалась, зато лопата согнулась.

Вождь смутился, но не пал духом. Разве он виноват, что лопата согнулась? Если бы она была тверже, то и не подумала бы гнуться. Ничего нет проще сделать ее твердой. Он тысячу раз расплющивал молотком гвозди, делая из них игрушечные ножички. Нагревал их в печке докрасна и опускал в кружку с водой. Вода шипела, шел пар, а расплющенные гвоздики становились твердыми.

Сережка молча отделил лопату от черенка и сунул в угли.

— Зачем Спаситель Сына Ветра бросил лопату в огонь? — спросил Крепкая Рука.

— Сделаем ее твердой, не будет гнуться.

— Разве железо и без того не твердое? — удивился Черный Калан.

— Надо воды, — Сережка не слушал пустых разговоров.

— Спаситель Сына Ветра хочет пить?

— Я хочу закалить лопату.

Черный Калан пожал плечами и принес воду в скорлупе большого ореха. Досадуя на непонятливость подручных, Сережка поддел раскаленную лопату крючковой палкой и припустился к ручью. Крепкая Рука и Черный Калан едва поспедали за ним. Лопата шлепнулась в воду и, к удивлению вамбы-намбы, мгновенно стала черной. Немного подождя, Сережка достал ее и подал Черному Калану:

— Согни.

— Тот попытался — лопата не поддалась. Сколько ни пытался не согнул ее и Крепкая Рука.

— В железо вошла сила воды! — воскликнул он.

— И мудрость вождя! — добавил Черный Калан.

Сережке не терпелось испробовать лопату. Приделав черенок, он вогнал лопату в землю и надавил. Что-то сухо треснуло — Сережка упал. Половинка лопаты осталась в земле.

— Ничего, — потер он ушибленное место, — из остатка можно сделать нож.

— Спаситель Сына Ветра сломал железо? — не поверил Крепкая Рука.

— Перекалил, — подосадовал на себя Сережка.

Черный Калан достал из земли обломок, осмотрел его и побежал к точильному камню.

— Еще дед Сына Ветра мудрый Сын Молнии, еще дед его деда Медная Гора пытались найти твердое железо и не могли. Друг Савоси открыл вамбы-намбы величайшую из тайн, — говорил почтительно Крепкая Рука.

«Могли бы узнать об этом из учебника химии, — думал Сережка, — но откуда у них книжки? Они и читать не умеют».

Крепкая Рука расспрашивал, какие заклинания говорил вождь, кидая лопату в ручей. Что было ему ответить?

Обрубком железа Сережка нацарапал на каменной плите человечка. Затем — пылающий огонь и ручей. В руке человечек несет железо, от которого, словно от солнца, исходят лучи, так оно раскалено. На втором рисунке человечек бежит к ручью, на третьем — будто летит, едва касаясь ногами земли. Это означало — чем скорее опустить раскаленное железо в воду, тем оно будет тверже. На четвертом рисунке он изобразил лопату, молоток, нож, топорик, рыболовный крючок и еще несколько предметов, которые следовало, по мнению Сережки, закалять.

Эта роспись была первой книгой у вамбы-намбы. Крепкая Рука всматривался в нее, пытаясь увидеть в рисунках магический смысл. Черный Калан усердно точил осколок о камень.

Сережка оставил их, решив осмотреть окрестности и подумать, как наладить производство лопат. По пути он увидел еще одну группу девочек. Они что-то собирали так прилежно, что не заметили вождя. «У нас они не будут много работать. Заведу для них кружок кройки и шитья, а то даже не поймешь, во что одеты. Всем остальным — работать по восемь часов с перерывом на обед. А утром: «Встаньте на коврик и начали: раз-два, три-четыре...»

Вождь шагал под собственный счет, стараясь приглушить голод. Хоть бы корень какой выкопать, да попробуй разберись, который можно есть, а который нельзя».

И вспомнился ему пришкольный участок, где шестому «Г» отвели целую грядку. На ней посадили картошку. Работали по очереди, потому что всем хотелось копать.

Девчонки бросали картошку в лунки, мальчишки засыпали их. Потом боронили грядку и каждое утро ходили смотреть, когда картошка взойдет. Первой, конечно, увидела Мормышкина, хотя ей никто и не поверил. Но в тот раз она все-таки была права. А осенью поварила тетя Дуся сварила для всего класса обед. Картошка оказалась такой вкусной, что Ваня просил два раза добавки. Вот бы теперь то, что тогда не доели...

Навстречу шли мальчишки с той удочкой, которую сделал Сережка.

— Молодцы, — похвалил вождь ребят, — заглянув в корзину с рыбой, и спросил. — Сколько штук?

— Сколько у нас хижин да еще две, — ответил самый старший мальчик, по имени Крыло Шмеля.

— А сколько хижин?

— Сколько у вамбы-намбы шкур леопардов, да еще столько, да еще две.

— А шкур леопардов?

— Сколько перьев на голове Сына Ветра да еще столько.

— А перьев?

— Сколько звезд в небесном ковше.

— В Большой Медведице семь звезд — понятно всякому.

— Значит, рыб у вас тридцать две, — подсчитал Сережка.

— Нет, — покачал головой Крыло Шмеля, — сколько хижин да еще две.

— Смотри, — и Сережка написал:

$$(7 + 7) \times 2 + 2 + 2 = 32.$$

— Перьев кондора на голове Сына Ветра семь, а шкур леопардов в два раза больше — значит, четырнадцать. Удвоим и прибавим еще два — получим тридцать, то есть количество хижин. А рыб, как ты сам говоришь, на две больше, выходит — тридцать две.

Мальчишки раскрыли рты. Сережка продолжал:

— Нас восемь человек. Если разделить, по сколько штук достанется?

— Здесь нельзя делить. Делят у Большого Костра: так велит закон вамбы-намбы, — Крыло Шмеля отставил корзину.

— Я просто спрашиваю, сколько бы досталось каждому, если разделить.

— Нельзя этого узнать, пока рыба в корзине.

— Да по четыре штуки. Хочешь, проверь... Крыло Шмеля стал раскладывать рыбу.

— Самую большую — Спасителю Сына Ветра, эту — тебе, Корень Пальмы, эту — Тушканчику, эту — мне, — так он против каждого положил по одной и начал сначала.

Сережка посмеивался, насвистывая песенку о четырех тараканах.

— Ну, что? — спросил он, когда Крыло Шмеля закончил четвертое действие арифметики.

— По четыре! — Мальчик смотрел на вождя, как смотрят в цирке на фокусника, складывающего в рукав пластмассовые шарики и потом вытряхивающего оттуда голубей.

— Спаситель Сына Ветра, как ты мог разделить рыбу в корзине?

— Простая арифметика, каждый школьник знает.

— Кто такой школьник? — Крыло Шмеля складывал рыбу в корзину.

— Тот, кто учился в школе. Но вам повезло. А вот есть страна, где человека учат и учат. Исполнится семь лет, дадут ему портфель в руки, и ходит он с ним в школу до тех пор, пока борода не вырастет. Учат его и как писать, и как считать, и куда реки текут, и что было до новой эры.

— Как учат?

Сережка поправил на носу воображаемые очки, заложил руки за спину, — прошелся взад-вперед, повернулся к мальчишкам:

— Так на чем же мы в прошлый раз остановились? Нам расскажет, расскажет... вот ты, — и Сережка ткнул копьём, как указкой, в сторону Тушканчика. — Опять не выучил? Садись — два. Ну, а ты что скажешь? — он ткнул в сторону Корня Пальмы. — Тоже не знаешь? Чудесно! Приготовить уроки у тебя не было времени, а гонять дотемна шайбу — есть. Будешь ходить на дополнительные занятия. А что нам скажет Тарабука?..

«У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том». Так... так... хорошо!.. «И днем, и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом...» Очень хорошо! Садись — пять.

— А дальше что, Друг Савоси?

— Сперва направо идет, потом налево. Колдун богатыря носит. Кащей чахнет. Рассказывать долго. Пластинку слушать — и то надоест.

— Какую пластинку?

— Грампластинку. Поставил — и слушай.

— Куда поставил?

— В проигрыватель. Только его надо раньше в сеть включить.

— Которой рыбу ловят?

— Это только называется сетью, если по правде, то проволока. По ней ток идет.

— А кто же рассказывает?

— Никто. Бежит иголка по дорожке — вот и все.

— Эх, хоть бы немножко поучиться в школе. Послушать учителя: куда реки текут, узнать, почему кот так долго ходит и куда иголка по дорожке бежит. — Поющий Ручей лег на спину и стал смотреть в небо, будто там хотел увидеть ту страну, о которой рассказывал вождь.

«Им доказываешь: в школе плохо, — досадовал Сережка, — а они — Расскажи да Расскажи. Походили бы каждый день».

Посыпались вопросы:

— Где живет ветер?

— Когда вытекут все ручьи?

— Потом, потом, — заспешил Сережка, — смотрите, чтоб не протухла рыба.

Мальчишки, оживленно разговаривая, пошли к хижинам, а вождь отправился дальше.

«Эх, нет здесь Игоря Хлопушкина. Он наговорил бы им! Не только о том, что на земле делается, но и про пульсары бы не забыл. И Вася Коноплев не помешал бы здесь с приемами самбо, — думал он. — А Ваня? Он научил бы мальчишек делать корабли. Без Кати Мормышкиной никак нельзя — она руководила бы хором девочек. Генка Айсберг, конечно же, создал бы литературный кружок». Но если о ком и жалел Сережка по-настоящему, так о Вите Самопалове. «Вот бы Два-Ноль тут развернулся — гоняй мяч с утра до ночи и никаких тебе уроков».

Впереди слышались глухие удары и возгласы:

— Раз-два, взяли!

Это мужчины копали колыями яму-ловушку. На дне ее оказался камень, и теперь они, поднимая его рычагом, весело и дружно кричали: «Раз-два, взяли!»

Каменная глыба медленно ползла вверх, к великому удовольствию землекопов достигла края, опрокинулась и скатилась по откосу.

Комья свежей земли напомнили Сережке длинную канаву вдоль улицы, в которую укладывали газовые трубы, и он сказал:

— Эскаватор за один день накопает таких ям сто штук.

— Какой эк... эскаватор?

— Машина с ковшом. На ковше зубья во-от такие! — и Сережка показал, как захватывает землю экскаватор.

— А где водится машина, грызущая землю?

— Она нигде не водится. Экскаваторы делают люди.

— Давайте и мы сделаем.

— Ее делают много людей.

— Все будем тебе помогать, — заверили вамбы-намбы.

Взрослые оказались такими же бестолковыми, как и мальчишки.

— Больше не будем копать, — говорили одни.

— У нас будет машина, грызущая землю, — радовались другие.

— Ты уж научи нас поскорее, — упрашивали его, — а то начнутся Великие Дожди...

Напрасно Сережка доказывал, что экскаваторы выпускают заводы — они ничего не понимали. Они просто радовались тому, что вождь может избавить их от тяжелой работы.

— Не могу я, поймите!

Землекопы подумали, что он не хочет исполнить просьбу, и решили припугнуть вождя.

— Начнутся Великие Дожди, нечего будет есть, все уйдут в Царство Ночи, с кем останешься?

Отказываться, понял Сережка, бесполезно. Чтобы успокоить их, сказал: «Ладно, подумаем», — полагая потом разубедить землекопов.

Вамбы-намбы закричали, прославляя мудрость вождя, заостренные колья побросали и отправились домой, разнося весть о том, что у них скоро будет много ловушек и никакие дожди теперь не страшны вамбы-намбы.

Сережка проводил их недоумевающим взглядом и отправился дальше. Он вышел на поляну с редкой сухой травой. Стрекотали цикады. Вдруг раздался свист. Прислушался. Свист повторился. Присмотрелся. На расстоянии двух бросков копья — зверек, похожий на зайца, но только с длинным хвостом.

Охотнику положено возвращаться с добычей. Сережка попытался подойти ближе — зверь пропал. «Надо по-пластунски», — решил он, лег на живот и, раздвигая сухие стебли, пополз. Стебли ломались и кололи тело. Но, как говорил дедушка Гриша, охоту тешить — не беду платить. Ага, сидит! Сережка вскочил, чтобы бросить копьё, — зверь опять исчез.

Лучше уж стоять неподвижно и ждать; авось, появится ближе и не заметит.

Но как трудно, оказывается, стоять, не двигаясь. А если заяц выскочил сзади, сидит себе и ухмыляется? Сережка повернул голову, увидел усатую мордочку, секунду помедлил и бросил копьё. Но прежде чем оно долетело, зверек скрылся под землей. С досады Сережка затоптал нору, увидел другую — затоптал и ее, потом третью. «Закрою все выходы, вот тогда он у меня попляшет». Сережка обежал всю поляну, замуровывая входы, а когда утомился, то сел и стал думать. Хорошо бы подул свежий ветер или пролил дождь. В городе после дождя всегда пахло тополями и дышалось легко. Здесь же не качалась ни одна былинка. А впрочем... Трава у ног зашевелилась, стала подниматься земля, разламываясь на кусочки, словно внизу кто-то работал большой дрелью.

«Ага, — смекнул Сережка, — вот ты где», — нацелился и вогнал острие копья во вздувшийся холмик.

Вот вам и косинус альфа. Ни книг, ни тетрадей. Удар копья — и в руках диковинный зверек с длинным хвостом и лоснящейся шерсткой.

Как у всякого охотника, после удачи у Сережки пропала усталость. Связав зверьку лапы, перекинув добычу через плечо, он пошел, напевая:

Диктанты и задачи
Не принесут удачи —
Ее найдет мое
Надежное копьё.

Если бы хоть кто-нибудь видел Тарабуку в это время, то непременно бы подумал: счастлив тот народ, у которого такой храбрый вождь.

Он шел лесом и пел, пока не наткнулся на группу охотников. Те стояли на коленях и просили доброго духа сделать так, чтобы стрелы не пролетали мимо. Сережка выставил зайца напоказ...

- Я заметил зверя за сто шагов, он хотел удрать, но...
- Зачем вождю длиннохвост? — любопытствовал Зуб Пумы.
- Из него выйдет порций десять жаркого.
- Хвостатого зайца обходят даже гиены.

«Гиены могут и не есть, никто их и не заставляет», — проворчал Сережка про себя, погладил зверька, тяжело вздохнул и с сожалением бросил добычу.

Чтобы замаять оплошность вождя, Зуб Пумы сказал:

- Дайте стрелы Спасителю Сына Ветра. Дух удачи прежде всего поможет вождю.

Донеслись крики, треск, стуки. Это загонщики, растянувшись цепью, двигались навстречу охотникам, нагоняя на них дичь. Вскоре стали вылетать птицы. Некоторые падали, сраженные стрелами. Когда стали складывать добычу, Сережке нечего было положить в общую кучу.

— Когда я стрелял в птиц, — объяснил он, — то добрый дух как раз помогал другому и не успевал добежать до меня. Ведь охотников много, а он один. И было бы очень плохо, если бы он помог мне и не успел — другому.

Охотники были подкуплены скромностью вождя.

А Сережка смотрел на подбитого Зубом Пумы крупного фазана, похожего на бабушкиного петуха Фомку, которого очень боялся братец Ванечка, и думал; «Хорошо бы его начинить гречневой кашей и зажарить, как это делала бабушка под Новый год, обглодать бы ножку или крылышко». Он глотнул слюну и сказал:

- Надо ловить птенцов и зверят и приручать.

— Зачем?

— Когда их разведется много, будут яйца, мясо, молоко. Захотел — ешь, не бегай по лесу.

- Разве зверь или птица могут жить с человеком?

— Еще как. Могут пахать землю, сторожить дом, выступать в цирке. Собаки, например, помогают охотникам. А гоняться целый день за одной птичкой, только пуще есть захочешь. Еще проще: пошел в магазин и купил сколько надо мяса, а потом приготовил пирожки или борщ. Гуляш тоже неплохо. В магазине можно взять и мороженое.

- Что такое мороженое? — спросил самый удачливый из охотников.

— Оно белое такое, холодное и сладкое. Делают его из сливок и продают, а люди покупают.

- Давайте и мы покупать мороженое, раз оно белое и сладкое.

— Но у нас нет денег. Да и мороженого нет.

- Наш вождь только сейчас говорил, что его можно взять в магазине.

— Но у нас нет магазина, — все более удивлялся Сережка непонятливости взрослых людей.

- А кто делает магазины?

— Люди, кто же еще.

- Давайте сделаем.

— Для этого надо много знать!

- Научи, — потребовали дикари.

Разговор стал напоминать сказку про белого бычка, которая, как известно, не имеет конца.

- Постарайся для своего племени, — просили они.

— Может, вам сделать космический корабль?

- Сделай!

— А ну вас, — Сережка, отчаявшись, махнул рукой.

Этот жест был воспринят как согласие, и вамбы-намбы, полагая, что для них наступает новое время, стали петь и плясать. Они радовались новому вождю и считали, если Друг Савоси знает рычаг, то построить какой-то корабль для него сущий пустяк.

Глава восьмая, в которой молодой вождь узнает, почему дикий поросенок сошел с ума

После захода солнца у Большого Костра собралось все население. Сережка сидел на высоком пне, обхватив руками колени. Он молчал, чтобы вамбы-намбы опять чего — нибудь

не стали требовать. Стоило вождю обмолвиться о телевизоре, как они тут же попросили сделать его.

Черный Калан рассказывал, как Спаситель Сына Ветра открыл великую тайну передачи железу силы воды. Он говорил о каменной книге и показал нож, который рубил кости и не тупился.

Слава вождя у вамбы-намбы еще никогда не поднималась так высоко. Теперь они, кажется, забыли даже о духах и верили только в вождя,

«Раз-два, взяли! Навались, братцы!» — кричали землекопы, вместо заклинания повторяя слова молодого вождя, и в который раз показывали любопытным, как можно ворочать рычагом тяжелые камни.

Крыло Шмеля учил Мышонка:

— Перьев кондора на голове Сына Ветра семь, а шкур леопарда у вамбы-намбы в два раза больше, значит, четырнадцать.

Поющий Ручей сочинял стихи:

У тигра — зубы,
У орла — когти,
У эфы — жало,
Но Друг Савоси сильнее их всех.

— Люди вамбы-намбы, веселитесь! — Разоритель Москитов ударил в тамтам. — Утром Спаситель Сына Ветра научит нас всему. И злые духи покинут нас. Пусть скорее выйдет солнце из-за Большой Воды.

Зуб Пумы, потрясая копьем и притопывая, начал величальную песню: «О вождь, твоя улыбка освещает наши души и греет сильнее Большого Костра...»

Ветка Лианы плела для вождя пояс из тонких разноцветных стеблей.

Начинался праздник. К костру принесли все, добытое за день. Два молодых охотника о чем-то посоветовались в сторонке, ушли — и вскоре раздался визг.

— Что там происходит? — заволновался Сережка.

— Поросенка режут, — ответил Разоритель Москитов.

— Зачем? Ведь скоро начнутся Великие Дожди.

— Он сошел с ума, — весело ответил Мартышкин Хвост.

— Да-да, — подтвердил Зуб Пумы, — он сошел с ума от радости, что у нас скоро будет много еды. Пришлось поросенка зарезать и зажарить на вертеле.

От этих слов стало всем еще веселее.

Сережка сидел рядом с Сыном Ветра и поглядывал на небо: не надвигаются ли Великие Дожди...

Но кого они теперь испугают? Вамбы-намбы уверены: им не придется маленький кусок мяса делить еще на меньшие кусочки, чтобы досталось всем. Они будут ходить в магазин. Они прославляют Друга Савоси. Он научит их делать много разных полезных вещей. Избавит от болезней, Островитяне были счастливы в этот вечер.

Только старый Сын Ветра время от времени кидал в сторону молодого вождя тревожные взгляды.

«Он все понимает, — думал Сережка. — Но почему не понимают они? Чтобы сделать экскаватор, магазин, телевизор, нужны инженеры, а на инженера вон сколько надо учиться! Даже простой лопаты не получилось...»

Пахло паленой щетиной — поджаривался поросенок, который сошел с ума. А пока все угощались плодами, печеной в золе рыбой, пили кокосовый сок. Никто не сомневался, что новый вождь способен обеспечить вамбы-намбы сытую жизнь.

С поросенком покончили в два счета. А вскоре Мартышкин Хвост сообщил прискорбную весть: еще один поросенок повредился умом. Тотчас пятеро молодцов покинули свои места, и до костра долетел визг. Начался настоящий пир.

— Что они делают?! — не на шутку встревожился Сережка.

— У вамбы-намбы много злых духов, — к нему наклонился Сын Ветра, — но племя умело отгонять их работой. Вамбы-намбы доверчивы и не знают обмана. Завтра ты должен сделать магазин, машину, грызущую землю, и все, что обещал.

— Но это невозможно.

— Но тогда все подумают, что ты сошел с ума. А как поступают с теми, кто сходит с ума, ты уже знаешь.

Снова запахло паленым. Что теперь будет?

А между тем стало совсем темно. Пламя костра взлетало высоко вверх

Звуки тамтама раздавались все чаще. И все больше мучаясь, Сережка думал: «Хорошо там, у себя дома, после бабушкиных блинов, воображать: я тот, я другой, я бы то сделал да я бы другое выдумал. Попробуй им здесь что-нибудь втолковать. Где им возьмешь экскаватор? Ведь и вправду подумают, что сошел с ума...»

Победитель Тигров нагревал наконечник стрелы.

— Сейчас тебе будут прожигать ноздри, — сказал он,

— Зачем? — испугался Сережка.

— Чтобы продеть кольцо — знак наивысшей доблести.

— Стойте! — вдруг крикнул вождь. — Прекратите! Я не могу вам сделать экскаватор...

Установилась такая тишина, что угли в костре, казалось, трещали, как выстрелы. Отблески пламени метались по застывшим лицам.

Он осмотрел толпу и увидел своих новых друзей: Мышонка, который очень хотел стать настоящим охотником, Крыло Шмеля, пытающегося постичь арифметику, Поющего Ручья, складывающего стихи. Ближе всех к нему стояла Ветка Лианы и держала в руках незаконченный пояс из цветных стеблей.

— Я не умею делать экскаваторы, — повторил он.

— Но вождь сам рассказывал о них.

— Да рассказывал. А вы решили, что я могу их сделать.

— Ложь! — пронеслось по толпе.

— Выходит, так. Но я совсем не хотел...

«Ложь!» Это слово возымело такое же действие, как если бы грянул гром среди чистого неба. Толпа онемела.

— Если кто из вамбы-намбы обманывает, — Победитель Тигров отбросил наконечник стрелы, — он умирает здесь, у Большого Костра. Если обманывает вождь, он уходит и брошается вниз со скалы.

Победитель Тигров был растерян, как и все в этот момент: вамбы-намбы успели повесить в вождя, а теперь рушились их надежды.

Неожиданно возник смех:

— Разве вы не видите: Спаситель Сына Ветра шутит.

— Ай да Ветка Лианы, — и смех покотился по толпе.

И огонь костра, казалось, стал ярче, будто в него подбросили охапку хвороста, и рука Разорителя Москитов уже поднялась, чтобы снова ударить в тамтам, и охотники взмахнули копьями, и женщины приготовились пуститься в пляс, но вождь крикнул:

— Я не шучу!

— Поверь, мы не хотим, чтобы Спаситель Сына Ветра ушел в Царство Ночи, — сказал Победитель Тигров.

Но закон есть закон, — и Мартышкин Хвост опустил голову.

Ветка Лианы загородила собой Сережку:

— Разве не он научил вас закалять железо и ловить ниточкой рыбу? Разве не он показал палку-рычаг? Разве не он вернул Сына Ветра? Разве...

— Он нарушил закон — солгал, — прервал ее Горбатый Зебу. — Ветка Лианы должна понять это.

— Выбирайте себе другого вождя, — Сережка передал Сыну Ветра копье с тесемками и, окинув прощальным взглядом растерянных вамбы-намбы, направился к хижине.

Там, надев свой старый костюм, он задумался. Через щель наверху в хижину заглядывала яркая звезда. Может быть, в эту минуту Игорь Хлопушкин тоже смотрит на нее и думает о пульсарах. Ваня Лучинин, конечно, сделал свой катамаран и испытал его в Каменке. А Вася Коноплев? А Катя Мормышкина? И зачем стрелял в нее из резинки. Вспомнила ли она хоть раз о Сережке? Может быть, они сейчас все вместе, и Генка читает свежий номер «Улитки». Вспомнились Илья Семёныч, Авдеич и бабушка. Она ждет с курорта папу с мамой и поет Ванечке колыбельную песню, а Савося лежит у порога и ловит каждый шорох улицы...

Звезда двоится и расплывается. Сережка таращит глаза, старается не мигать. По щеке поползла слеза. С уголка губ он слизнул ее и вздохнул.

Надо уходить. Куда?

Отсюда одна дорога — к духам тьмы.

Над головой, в пучке сухой травы зашуршало. «Мыши», — подумал Сережка.

Что-то свалилось оттуда.

— Кто здесь? — вздрогнул Сережка.

На тамтаме, свесив ноги, сидел веселый человечек.

— Тимоша! — Сережка схватил его и прижал к себе.

— Расставаясь с тобой, я уже, было, представил себе, как Шаддат Нуш Ануш назовет меня бездельником и пообещает выбросить на свалку, а под конец скажет; «Не вздумай удрать в какой-нибудь Египет и бить там баклуши». Но ты ошибся, Сережа, я оказался в Египте, когда там еще не было никаких фараонов.

— Я не знаю, когда жил Аменхотеп Четвертый.

— Что же нам делать?

— Доставь меня домой, и там я обязательно узнаю все о древнем Египте.

— Разве тебе здесь плохо? Ведь тут нет школы?

— Зато надо много знать и уметь и еще больше работать, чтобы не умереть с голоду или от когтей зверя.

— Что ж, пусть будет по-твоему.

— Достанется мне дома, столько времени прошло.

— Не беспокойся. Я улажу. Все будут думать, что ты заболел и пролежал на чердаке только одну ночь.

(Продолжение следует)

г. Златоуст

Борис Сазонов

Мне повезло, я не рожден позднее

Степное Зауралье

Где летит с небес солнечная пыль,
А калёный ветер сушит травы:
Расцвела и умирала былъ
Для минут проклятия и славы.

Здесь болела степь от лихой беды,
Здесь её забвение лечило
И не каждый конь знал позор узды,
Удивляя ветер буйной силой.

Сколько заросло тропок и дорог?
Сколько зарастет, никто не знает.
Здесь встречали смерть кочевой царёк
И казак в собачьем малахае...

Мчатся поезда и спешат домой
По небесным тропам птичьей стаи.
Полночь заискрит звёздной высотой,
Полдень — синевой озёр мерцает.

Выйдешь ночью в степь и молчи пока.
Ветер не шевелит флагом тёмным.
Слышно, как стучит сердце мотылька
На цветке в полночный сон склонённом.

На степной покой зарилась рука
С пашкой наголо, косою и плугом.
У степи отнять звёздного венка
Не по силам даже зимним вьюгам.

Царство древних трав, лежище ветров,
Притаилась степь заворожённо.
Невозможно быть у степных костров
Властью тишины непокорённым.

Перспектива

Живёт молва, что возродимся мы
В траве, деревьях, птицах, насекомых.
Великие и светлые умы
Покоятся теперь в «вещах» знакомых.

Передо мной стоит обычный стол —
Не в нём ли затаилась плоть Ньютона.
А бессловесный труженик осёл
Читал когда-то проповедь с амвона?

Не носит ли в себе усатый жук
Таланты знаменитые когда-то,
И древний доктор всяческих наук
Букашкой ныне выглядит усатой.

А вон порхает Моцарт над цветком,
В траве кузнечик ножками стрекочет.
Он Кантом был, а умер стариком,
Оставил очень много умных строчек...

Там ползает эстрадная звезда:
Как видите теперь она лишь муха.
Для мелких птичек вкусная еда,
Жужжит о чём-то, не имея слуха.

Куда ни глянь, мерещатся глаза:
Мне с ветки что-то шепчет лист кленовый,
А ворон не прокаркал, а сказал,
Что он мычал когда-то, как корова.

Вон шествует почётный гражданин —
В недавней жизни он, возможно, хрюкал,
А в этой приобрёл немалый чин
При склонности к общественным наукам.

А я-то стану кем в который раз?
За этот стих, наверное... крапивой.
От радости пора пуститься в пляс —
Бывают и похуже перспективы.

Раз, два, три

Куст сирени весь в «слезах»,
После дождика ночного.
Капли виснут на листьях.
Над соцветием махровым
Вьётся бабочка, она
Исполняет танец скромный.
В радости ей не видна
Девочка с сачком огромным.
Раз — и бабочка в плену,
Два — иголкой пробита,
Три — я чувствую вину,
Будто мной она убита.

Наследство

Земля-то останется нашим потомкам,
Но век наш они осуждать будут громко:
За вырубку леса, за мелкие реки,
За то, что не смогут прожить без аптеки.

Оценят потомки наш хищный напор
По виду карьеров и мусорных гор,
По взглядам животных и птиц в зооцирке,
Чья жизнь зародилась в стеклянной
пробирке.

Поймут по навалам промышленной грязи,
Что мы в потребительском жили экстазе,
Что не догадались сказать громко — стоп! —
Военный, политик, учёный и поп...

Желания

Когда есть кров и пицца
Придёт пора желать
Всего, что взгляд отыщет,
А руки смогут взять.

Придёт пора разлада
Меж глазом и рукой.
Похитит жадность взгляда
У бедных рук покой.

Удел их обозначен
Пути иного нет:
Пока сердечко скачет
Желанья гасят свет.

Эпитафия

Великий мастер подковал блоху,
Соорудив искусственное тельце.
А он, который вечно наверху,
Благословил упорного умельца.

Теперь его дотошный пра.. пра... внук
Подковывает лапки изотопа,
А я боюсь, что тот лягнёт нас вдруг,
И грянет день «Великого потопа».

Но Он, который вечно наверху,
Не обратил внимание на страхи,
Уверенный, что этому стиху
Умелец отсечёт башку на плахе.

Погибнет стих. Я тело схороню,
На камне будет вязь из грустных строчек:

«За недоверье будущему дню
Он здесь лежит на голову короче.
Его родил весёлый пессимист
Для скальпеля лихого пародиста...
А он под дикий хохот, крик и свист
Погиб от рук угрюмых оптимистов».

* * *

Был ли прок когда-нибудь от басен? —
Задаю вопрос и отвечаю:
С басней всяк, по-моему, согласен.
Это словно булка с маслом к чаю.

Было так при дедушке Крылове
Сотню лет спустя и нынче тоже.
Дробь морали, спрятанная в слове,
Не опасна ни костям, ни коже.

Радость

Радость моя немудрёная,
Ты уголочек лесной,
Где ищет сердце стеснённое
Ласку и отклик земной.

Скромная, не голосистая,
Слышимая в тишине.
Взгляд и лицо твоё чистое
С детства знакомые мне.

Ты и снежок и проталина,
Верный фонарь в темноте.
Пленнику жизни оставлена
По неземной доброте.

Формула

Пока не посветлеет серый мрак
У формулы безумия в числителе,
Из детских пальцев кукиш и кулак
Слагают осторожные родители.

Крепчают пальцы, чтобы их разжать
Нужна уже космическая сила.
Идет в атаку кукишная рать,
А злые кулаки заходят с тыла.

Наивный гротеск

Жил да был народ когда-то
Вдоль больших и малых речек,
Мирно жил и небогато,
Не знавал письма и свечек.
По весне пахал землю,
Брал в лесу грибы, морошку.
В речке — рыбу, в небе — птицу
Брал не жадно, понемножку.
Над собой народ не ведал
Ни князей, ни воеводы:
От того всегда обедал,
Попивал вино свободы.
Был улыбчив, как ребёнок,
Сочинял былины, сказы.
Мужики ценили жёнок
И не ведали заразы.
От клыков войны-мегеры,
Стрел Амура, лжи и страха
В те года с плечей Венеры
Не снята была рубаха.
Жил да жил себе народец,
Не плевал по злобе наземь...
Да явился в нём уродец —
Ликом шибко безобразен.

Был нутром как все, а внешне
Удивил отца и мамку.
Вместо рук блеснули клешни,
Каждый глаз забился в ямку
И глядит оттуда хмуро,
Рыща по полу и стенам.
Повитуху сверлит буром
Будто хочет дать поленом...
Есть ли толк в моём гротеске,
Хоть убейте, сам не знаю.
Став седым я мир по-детски
В простоте подозреваю.

* * *

Вот и всё — праздник лета угас,
Осень ранняя вдруг превратила
Закононый пейзаж в балльный класс:
В плавном танце листы закружила.

Начиная печальный обряд
Зазвучала рапсодия птичья
Про холодный предзимний закат,
Про его колдовское величье.

«Не грусти» — я себе говорю,
Но зачем тогда с грустью осенней
Ранним утром смотрю на зарю,
Забывая о встрече весенней.

Лазейка

Есть душа, но это опыт
Чувств, освоивших среду.
Всё от них — и крик, и шёпот
Нам на радость и беду.

Пять ветвей увитых нервом
И настрой на весь эфир
Нам даны на вдохе первом,
Чтоб постичь на ошупь мир.

Вот и всё — они и двинут
Уникальный механизм,
Но когда они остынут
Жизнь покинет организм.

Та душа: — ума лазейка,
Мысль, бунтуя против тьмы,
Захотела жизнь — копейку
Взять у вечности взаймы.

* * *

Возьму билет до станции случайной.
Любой из проходящих поездов
Помчит меня из толчеи вокзальной
От суматохи пыльных городов.

Туда, где пряно пахнут огороды,
Где петухи горланят на зарю.
И в зыбкую иллюзию свободы
Тоскливой чепухи наговорю.

А к вечеру со станции случайной,
Вернёт меня неведомый транзит.
В объятие асфальтного дизайна,
Где жизнь на виражах не тормозит.

* * *

Мне повезло, я не рождён позднее,
Хотя бы на две тысячи витков.
Навряд ли солнце будет холоднее,
Едва ли будет больше ледников.

Не знаю чем, но вызывает жалость
Тот сверхорганизованный уют,
В котором будет всё, но не осталось
Природы — той, что дикою зовут.

* * *

Пока мужчину красят шрамы,
Неясен зов прелестных муз,
Позыва тела, смысла упрямый
Порвёт кольцо словесных бус.

Среди колючего бурьяна
Фиалка видит те же сны,
Что дева, грезя «Хулиганом».
И обе правдою сильны.

Но пусть звучат сонеты, скрипки,
Плывёт поэзии туман.
Наверное, в них нет ошибки
И скрыт какой-то дальний план.

Счастье

«Счастье, это отсутствие боли», —
Скажет неизлечимо больной.
«Это праздничный дух алкоголя», —
Вставит кто-нибудь вечно хмельной.

Скажет сильный мужчина о счастье
У судьбы «каравай» отхватив,
Погружаясь в любовные страсти
Среди дел, суеты, перспектив...

Это власть, это деньги и время
В мускулистой и умной руке.
Это блеск превосходства над всеми
В человеческой бурной реке.

Тот, кто встанет как чудо из праха,
Скажет: «Правда таится в словах.
Счастье — это отсутствие страха
В детских, юных и старых глазах».

Скажет женщина, им удивляясь,
Непритворной слезою блестя:
«Счастье — миг, когда в нём улыбаясь
У груди засыпает дитя».

Слёзы солдата

Дядей Федей его называли,
Я знаком был с ним (правда, едва).
Умер он, гроб молчком провожали,
Но тогда и родились слова.

Плакал Федя от слова и взгляда,
Если чувствовал доброе в них.
Привыкали к слезам те, кто рядом,
Проливать, не умея своих.

Тяжелы были слёзы солдата,
Знал, наверное, жизни в обрез.
Всем умам и сейчас и когда-то
Не постигнуть их горечь и вес.

Долго шёл по полям и дорогам.
В основном на кровавый закат.
Повидать довелось слишком много,
Вот и плакал наш Федя — солдат.

* * *

Свобода совести в стране
И я своей не запретил.
Легко представил по весне
Как может быть ей плен не мил.

«Иди на площадь, на вокзал,
Взгляни на храм и на тюрьму» —
Так вслед я совести сказал
Пусть разберётся, что к чему.

Она получит (и не раз)
Шлепок горячий по щекам,
Но и законник — ловелас
Её не свяжет по рукам.

Она сумеет оттолкнуть
Соблазна алчные уста,
Но вот однажды кто-нибудь
Заметит как она чиста.

И все захлопнут как один
Полотна окон и ворот,
Припомнят множество причин,
Перегружая бранью рот.

Вернётся совесть через день,
Устало скажет: «Вот и я,
Смотри как выглядит мишень,
Свобода — доля не моя.

Иди где хочешь, а меня
В душе носи, не забывай.
Я чистым голосом звеня
Всегда скажу тебе где край».

* * *

Мы будем мало говорить,
Нам хватит жеста или взгляда.
Мы просто рядом будем жить,
Ты мне, а я тебе отрада.

Нам будет нравиться весна —
Пора зелёного салюта.
В её восторге не страшна
Судьбы последняя минута.

* * *

Немало их, прекрасных слов
В святом богатстве лексикона.
Они в основе всех узлов
И каждое нам, как икона.

Слова привета и любви.
Слова тревоги в час разлуки.
С такими и сто лет живи,
Не обесцветятся их звуки.

Мы им внимаем глубиной,
Не поддающейся промеру.
От них берёт язык родной
В себя неистовую веру.

Родимый дом и отчий край,
Ручей, родник, берёзка, мама.
Бери любое и ласкай,
В любом есть чувств цветная гамма.

* * *

Для всего есть строки малые.
Всё кончается не зря.
Свет в глаза мои усталые
Лей вечерняя заря.

* * *

Плачут и от счастья, и от горя.
И в подушку плачут и в рукав.
Плачут от бессилья, с жизнью споря,
И на холм земли сырой упав.

Плачут в шалаше, лачуге, чуме.
В городской квартире и дворце.
В этом необъятном слёзном шуме
Так мила улыбка на лице.

* * *

На пустой платформе постою:
Поезд подойдет, и выйдут люди,
Поспешат в неправильном строю,
Площадь привокзальную запрудят.

Разноцветный транспортный поток
Унесёт всех к продолженью встречи.
Отдохнувший поезд даст гудок
И уйдёт тихонько в грустный вечер.

Он уйдёт, а я останусь здесь
На пустой платформе, одинокий.
Каясь, что не смог отважно сесть
У окна и мчаться в край далёкий.

Если размотать клубок дорог,
Отнятых судьбою без пощады,
Я бы слёз, наверное, не смог
Удержать и плакал от досады.

Я не прочь и в чайный караван
Пешим, в поводу держа верблюда,
Пересечь Китай, Афганистан —
И не ради расписного чуда.

Но напрасно мается в груди
Чувство слабосильного бродяги.
Разум тихо шепчет: «Не ходи,
Там вдали одни и те же флаги.

Там вдали у сильного в руках
Та же плеть и то же топорище,
А свобода то же в облаках
Веером раскинула хвостище».

* * *

Мы делали костёр из кизяка
Под берегом крутым, вблизи воды.
Волной дышала спящая река
Вдоль берега летел горячий дым.

Глядели мы на маленький костёр,
Не ведая, что радость — вот она! —
Уже околдовала детский взор
Мерцанием речного полотна.

* * *

Романтики мало в тайге:
Есть гнус, есть большая работа,
Случайная баня в шуге,
А после сплошная ломота.

Есть долгий дневной переход
И тяжесть нагрузок нескромных,
Есть водка, когда повезёт,
И звёзды для дум неподъёмных.

Бесплатная газета

Ударил гром, хлестнуло в окна пылью,
Взметнуло лист газеты к проводам
Со всей своею небылью и былью
Помчался вслед за ветром в никуда.

Замызганная новость и советы,
Рекламы хитро — глупой чехарда.
Цветные унитазы и конфеты,
Звоните, приходите, хоть когда.

Красоты евростиля и ремонта,
Массаж, гаданье, всё про энурез.
Лихие сводки с рыночного фронта,
Дежурных склок внушительный замес.

Всё рядом, бесполезное с практичным,
Удар в лицо, «французский» поцелуй,
Зов сердца с анекдотом неприличным
Сошлись на ежедневный сабантуй.

Умчался лист, но завтра будет свежий:
Столбцы, колонки пёстрой шелухи.
В нём будет всё! Но кто-то главный срежет,
Не видя пользы, чьи-нибудь стихи.

* * *

Не дивитесь поэту, дивитесь тому,
Кто стихи держит книгой — настольной.
Говорю по секрету, я знаю ему
От сочувствия может быть больно.

* * *

Удивился на школьной скамье:
Почему не смолкает стрельба,
Что не так в человеческой семье
И за что ей такая судьба?

И сейчас удивляться хочу.
Не дойти мне до первопричин.
Доверяюсь вам словно врачу.
Я такой далеко не один.

Удивляться хочу, но теперь
Дьявол шепчет минутой ночной:
Ты разумен, но всё-таки зверь,
Грех фантазии плоти земной.

Ты придумал великое «Я»
И в фундамент его положил,
Строишь дом, но и рук от ружья
Оторвать не находится сил.

Я не верил в его наговор,
Часто спорил до смуты в мозгу,
Но и знал, что про новый позор
В день грядущий услышать могу.

* * *

По мнению тигра мир устроен верно.
Шакал с оглядкой скажет: «не совсем!»,
А кролик знает — мир придуман скверно.
Не это ли начало всех проблем.

Три плоскости, три камня, три вершины?
А может быть, три древние сосны.
И бродят между них с огнём лучины
Земли седой разумные сыны.

* * *

Любовью тешится любой,
Кто обладает горстью силы.
Стихи ей пишут в разнойбой,
Вздувая творческие жилы.

И никого не уличишь —
Любовь молчит, молчит печально,
Когда её кусает «мышь»
И «лев» использует нахально.

Любовь не выкажет протест
Гордыне, трусости, таланту.
Она такой взвалила крест,
Какой не вынести Атланту.

Её склоняют так и сяк,
 Всему любовь виною стала.
 В её глазах жил свет и мрак,
 И боль великая пылала.

Родное детище ума
 С правами падчерицы плотиЮ
 Она не ведаёт сама
 Куда её вы поведёте.

На подвиг или на костёр
 Неугасимого позора...
 Самой себе наперекор
 Она пойдёт, не пряча взора.

* * *

Для покоя ты слишком красива,
 Для раздумий быть может глупа,
 Но зовёт тебя ласково дивой
 С негасимым упорством толпа.

Называет загадкой и чудом,
 Рвётся в бой за тепло твоих глаз.
 Превозносит и бьёт пересудом,
 Смех и зависть храня про запас.

Для покоя ты слишком красива,
 Для забот ты возможно слаба.
 Почему же вздыхают ревниво
 Все, кому ты, увы, не судьба?

* * *

Да, груб, открыто признаюсь,
 К высотам мысли не приучен.
 Ты ведаешь, родная Русь,
 Среди ночей и дней гремящих.

Какие тени и лучи
 Гнетут и освещают душу.
 В неравновесии причин
 Я созидаю мир и рушу.

А всё же чувствую как боль
 Чужое тело рвёт на части.
 А всё же рад был, что Ассоль
 Не миновало в сказке счастье.

А всё же ветку и цветок
 Я признаю сестрой и братом.
 Не веря, что на новый срок
 Под солнцем оживу когда-то.

* * *

Ты упала в лёгкий сон
 На краю миров соседних.
 С губ сорвался тихий стон
 От волнений дней последних.

Под ресницы залегла
 Тень забот и ждёт, не тает.
 Сна чудесная игла
 Веки медленно сшивает.

Ты без памяти паришь
 Над страной загадки вечной
 Или вся, как лист, дрожишь,
 Мёрзнешь в смелости беспечной?

Я побуду на посту
 У черты — границы зыбкой,
 Чтобы встретить на мосту
 В этот мир тебя улыбкой.

* * *

Богу богово, нам человежье...
 Это значит — нам драка и боль,
 Искры творчества, доля овечья,
 Размножение и алкоголь.

Не вини ни соседа, ни встречного
 На своём недалёком пути,
 Не мечтая найти безупречного,
 Этих просто пойми, тех прости.

Земляк

Сладкий сон досматривает дом,
 Крепко спит под крышею тесовой.
 Поле затуманилось кругом,
 Тихо дышит влагой невесомой.

Чутко спит собака на цепи,
 Спят трудяги — куры на насесте.
 Кто-то там, в сарайке чуть сопит.
 Все, кто засыпал вчера, на месте.

Миг, другой... И зашумел петух
 В недрах деревянного сарая,
 Поцарапал кратким хрипом слух,
 У него обязанность такая.

И опять сомкнулась тишина
 Над сараем, домом, огородом —
 Берегиня утреннего сна
 Под лучами раннего восхода.

На степном разьезде

Брякнула щеколда на двери,
Скрипнула гвоздочком половица,
Скоро на крылечке без перил
Должен мужичошка появиться.

Вот и он, в рубахе да штанах...
Пригляделся к солнцу молодому,
Почесал щетину на щеках
И работать принялся по дому.

Это он, нехитрый мой земляк,
Сын земли и солнца озорного.
Для него лиха — беда, пустяк.
Он силён от воздуха родного.

Вот кому я верю без примет,
Мудрости мужицкой доверяю.
По его словам любой «предмет»
Я на драгоценность проверяю.

* * *

По улице пленительно красивая
Ты шла в венке из солнечных лучей.
Замедли бег свой время говорливое,
Дай удивиться глубине очей.

Погаснет красота её лучистая,
Проверенная золотым числом,
А память моя нежная и чистая
Не сможет потерять её в былом.

По улице пленительно красивая
Ты шла навстречу непростой судьбе.
Не ведая, что и молва ревнивая,
И зависть повстречаются тебе.

* * *

По городу весеннему
Шёл маленький оркестр.
Шёл лихо, по-военному,
Пленил глаза невест.

Тревожил синь оконную
Певучий баритон,
Будил округу сонную
Тарелок перезвон.

Пускала в небо зайчиков
Надраенная медь.
Мне стать хотелось мальчиком
И беспричинно петь.

Далёкая, несытая,
Не ведая забот,
Шла юность позабытая
С улыбкой во весь рот.

Помню,
Был тихий вечер,
Стыла даль полей.
Ручей, ракиты,
Зарниц тревога.
Высокий выгиб
Девичьих бровей,
Над светом глаз
Которых нет родней.
А в нём печали
Необычно много.
Был тихий вечер,
Падал синий свет,
Скользили люди
За стеклом безмолвно,
То было явью,
Есть на сердце след.
Зачем же я,
Уже немало лет
Храню печаль
И взгляд слезою полный?

* * *

Честолюбие — шустрый мышонок,
Не удержишь его без труда.
Если голос его слишком звонок,
Жди когда подкрадётся беда.

Но мышонок не вышел фигурой.
Кто-то первый ему подсказал
Заниматься всю жизнь «физкультурой»
И мышонок вдруг крысою стал.

Роковая свершилась задумка
Стал мышонок велик да хитёр.
Не страшны ему ящур и чумка,
Как и прочий болезненный вздор.

Он силён, а по паспорту мышка —
Вхож в любой захламлённый подвал.
«Без него» — скажут многие — «крышка!»,
Хоть и страшен крысиный оскал».

Ни мораль, ни нравоучений
Этим строчкам, увы, не потрясть
И сейчас на чужое свеченье
Где-то крыса разинула пасть.

* * *

Что там видно, во тьме ощущений:
Наслаждение, боль, непокой?
Кем-то заданный тон впечатлений
И стандартных мечтаний покроей?

Спорный стимул и стереотипы
Вопреки откровению душ?
Чувств мелькающих модные клипы
И постыдная мелкая чушь?

Всё вместилось, как в точном эскизе,
Многомерная бездна и суть,
Пустота надоевшей репризы
И желаний тяжёлая ртуть.

* * *

Все знают, что свободы полотно
Разодрано на клочья в старину.
Любой из них мне мог достаться, но!
Достался клочок полметра в ширину.

Как раз по ширине моей спины.
Не правда ли, она не велика?
И тут уж не станцуешь гопака,
Услышишь объявление войны.

г. Челябинск

Марина Лукашenko

Огонь в камине

Покинутый последнею любовью
Горит под абажуром лунный свет.
Припав щекой к лучу у изголовья,
Опустошив рассудок, спит поэт.
Законом чести стала авантюра,
Он замкнут и немного одинок,
В стакане чахнет горькая микстура,
Гоняет ветер скомканный листок.
В огне камина гибнут персонажи —
Хозяева шикарных чердаков,
Недут любовный душу будоражит,
Косые тени бросив на альков...
А мы, читая том из красной кожи,
Значение стихов оценим позже.

г. Каргалы

Людмила Антипенко

* * *

Неудержимая бежит река времен,
Не в силах никому ее отправить вспять.
И крики слышатся со всех сторон:
«Распяй историю, распяй!»

Вчера в честь короля слагалась ода,
Сегодня все его готовы растерзать.

Летят обидные слова в слугу народа:
«Распяй историю, распяй!»

Властители! Под победоносный топот
Предательство Иуды вам суждено познать —
Крадется из толпы коварный шепот:
«Распяй историю, распяй!»

г. Каргалы

От любви до ненависти...

(рассказ)

Наш городок, как и тысячи других, живет своей простой обычной жизнью. Днем все на работе, вечером — кто на дачу, кто к городскому фонтану, кто просто в позе русалки на диване. Каждый сам по себе варится в котле больших или маленьких проблем, по мере сил и возможностей решает их, придумывает новые и так каждый день. Но недавно случилось такое, что объединило чувства и мысли жителей всего городка.. Убили старушку. Божьего одуванчика. Гнев, возмущение и недоумение: за что, кому помешала старая больная женщина. Кто этот изверг, поднявший руку на беспомощного человека? Расскажу все по порядку. Начиналось так.

1.

Слегка поеживаясь от утреннего ветерка, Юрка занял свое любимое место на лавочке под большим развесистым тополем. Почки только-только распустились, пахло тополиным клеем, свежестью и весной. Он по привычке задрал голову — там, в окне второго этажа была видна голова Марии Степановны, старой фронтовички. Она была уже глуха и слепа, поэтому всегда сидела у окна, смотрела невидящими глазами на улицу, кивала тем, кто поднимал свой взгляд к ее окошку. Сидя в кресле, она часами рисовала. Причем, не просто там какие-то карандашные наброски или березки с елочками, а настоящие картины. Маслом. Вот Юрке, например, она подарила картину «Шторм на море». Она висит у него над диваном.

— Ну, старушенция, дает! — всякий раз, глядя на картину, качает головой Юрка. — Волны, как настоящие!

Поразмышлять на тему искусства в это утро ему не дали друзья-собутельники. Это были Виктор из соседнего подъезда — высокий, похожий на вопросительный знак от застаревшего, заработанного в лагерях, гастрита, не дававшего ему возможности распрямиться в полный рост, и Нинка, особа с землисто-серым лицом, мужским пиджаком на плечах, спортивных штангах и туфлях, бывших когда-то модными, с квадратными высокими каблуками. Виктор называл иногда ее своей дочерью, иногда женой. Уточнять было некому. Сходство было, как говорят, на лицо. Синяки да ссадины в абсолютной симметрии. И синхронное покачивание из стороны в сторону при сильном подпитии. На кривом столике из фанеры появились какие-то бутылки, кусок хлеба, первый зеленый лучок.

Юрка, крикнул, потер руками. Утро обещало быть удачным. Он бросил довольный взгляд наверх. Соседка сидела все так же, прислонив голову к стеклу.

Виктор запрокинул голову, махнул стаканом и острый кадык дернулся, пропуская обжигающую жидкость в желудок. Нинка, вытянув губы вперед, сосредоточенно складывала тонкие перышки лука в пучок, и не было для нее более важного занятия во всем мире, чем это.

— Будем! — с энтузиазмом начал Юрка и вдруг его рука со стаканом застыла в воздухе. Что-то заставило его вновь посмотреть на окно второго этажа. Он поперхнулся. Вскочил и помчался в подъезд. Через секунду он уже что было сил колотил в дверь пожилой женщины. На грохот вышли перепуганные соседи.

— Чего стоим? В милицию звоните! Скорее!

Стасу, молодому следователю, было сегодня тяжело, как никогда. Вчера обмывали рождение сына его друга, одноклассника и соседа по площадке — Николая. Обмывали тщательно и долго. Теперь при резких движениях головы пол начинал уходить из-под ног, а посторонние запахи вызывали приступ тошноты.

Ранний звонок вырвал Стаса из пьяных объятий Морфея и теперь, недовольный и больной, он сидел за круглым столом в центре комнаты и тяжелым взглядом обводил место происшествия.

Комната, в которой Мария Степановна прожила почти сорок лет, была густо заселена старинными вещами... Кружевные салфетки, вышивки, старинные статуэтки, фотографии в рамках, коробочки и бутылочки от духов, засохшие цветы в вазочках — все это напоми-

нало декорации к фильму о войне. Шкаф, комод, этажерка, еще какой-то комод потемнели от времени, отяжелели и грузно осели вдоль стены. Кажется, тронь их, и они недовольно заворчат, с одышкой, хрипло, по-стариковски.

Сейчас все ящики были выдвинуты, и их содержимое валялось на полу. Даже картины на стенах висели вкривь и вкось, видимо, за ними искали тайник или сейф с деньгами. До приезда скорой помощи старушка оставалась в своем кресле у окна. Молодой следователь поежился.

— Кому понадобилось убивать этого божьего одуванчика? — Стас пристально разглядывал труп старушки. Она сидела, неудобно прислонив голову к стеклу, маленькая, (ноги в теплых тапочках не доставали до пола), шупленькая, в ярком байковом халатике, через который убийца крест накрест привязал ее толстой веревкой к спинке кресла. Потому-то до Юрки и не дошло сразу, что его соседка мертва.

— Сопротивлялась. Ворот у халата разорван, волосы спутаны. Коврик возле кресла скомкан. На полу утюг, шнуром от которого, по всей вероятности, ее и задушили...

Глаза ее были полуоткрыты, мертвым взглядом они смотрели куда-то на пол.

— Следов взлома нет... Значит, она сама впустила своего убийцу... Или родственник или знакомый. — Стас с трудом пытался выстроить логическую цепочку.

— Здесь братъ нечего, — он еще раз уныло обвел взглядом комнату. — Может быть, пенсия... Нужно уточнить, когда она получала ее в последний раз. Наконец, приехала скорая помощь, труп старушки бережно уложили на носилки, понесли в машину. Сладковатый запах смерти долго стоял в комнате.

Следователя подташнивало, ни одна маломальская умная мысль не шла в голову.

— Так, а может быть, ордена, медали? Ведь она, говорят, всю войну прошла... Он покачал головой. На войне не убили, так в собственной квартире... эх! Громко крикнул, встал, и уже в дверях, неожиданно для себя, вспомнил застывший взгляд убитой. — Куда она смотрела перед смертью?

Мысленно проследил траекторию ее взгляда. Из-под большого комода выглядывал кусочек бумаги. Он вернулся, подошел к комоду, присел на корточки. С тоской огляделся. Ни улик, ни отпечатков пальцев... Только эта бумажка. Сомнения разрывали больную голову. Взять, не взять? Может просто клочок бумаги, а если возьмешь, и ниточка потянется? Думать совсем не хочется, и зачем люди так пьют? А ведь клубок все равно придется распутывать. Он протянул руку. Конверт! Не разглядывая, сунул в карман костюма. Все! На сегодня хватит. Быстрее на свежий воздух.

2.

А теперь о том, что происходило год назад...

На смену жаркому зною наконец-то прилетел легкий освежающий ветерок, и жильцы старенького дома, утонувшего в высоких тополях, дружно покинули свои кухни, уселись на лавочки под окном, лузгали семечки и с удовольствием перемывали косточки всем проходящим мимо. Сегодня яду в их словах было больше, чем обычно. Причиной тому — радостная весть: из Германии едет погостить Светка Долгова!

— Наверное, в мужиковых ботинках едет, — презрительно скривив губы, проговорила Маринка, подруга Светки еще со школы.

— Ага, может, пятки отмыла, наконец... — вступила в разговор Сычиха, бывшая Светкина соседка по лестничной площадке. Вредная! Одна бородавка на носу чего стоит!

— Нет, мыла не хватило. Там ведь, говорят, им улицы моют... — Бикбаева с третьего этажа считалась женщиной грамотной, даже в партбиблиотеке работала.

— А помнишь, — закатилась от смеха Маринка, и подсолнечная шелуха полетела во все стороны. — Помнишь, как она на тебе халат распанахала! Когда Свете дали от быткомбината, где она тогда мыла пол, однокомнатную квартиру, Бикбаева пришла, встала в дверях и заорала на всю улицу: «Каким-то косоглазым квартиры дают (У Светки один глаз всегда смотрел в сторону), а мне — нет!»

— Это кому мои глаза поперек горла? Кто косоглазый? Я? — обладательница нового жилья задохнулась от праведного гнева, и, как коршун, обрушилась на обидчицу. — Сейчас ты у меня окосеешь!

Драка была знатная. В результате бывшая библиотечная работница ушла домой зализывать раны, придерживая рукой халат, разорванный до самого пояса. Светка, потная, лохматая, еще долго стояла в дверях и, используя ненормативную лексику, грозила кулаком.

— Я вам всем покажу! Ишь, глаза им не такие...

Эту историю здесь вспоминают часто..

— Завидуете вы ей, вот и все, — это дядька Коляка из соседнего подъезда подал голос. — Хорошая она была девка, безотказная. Бывало...

Его прервали сразу несколько голосов.

— Во-во, вам, кобелям, лишь бы безотказная!

Дядька Коляка махнул рукой мужикам, те сгрудились возле него. Он лихо сдвинул фуражку на затылок, подмигнул.

— Бывало, мужики, идет Светка с работы...

Чего уж он там рассказывал, но рев машин на дороге за домом был ничто по сравнению со здоровым молодецким хохотом, которым сопровождалось воспоминания дядьки Коляки.

Вот такая была Светка, последний ребенок многодетной семьи Долговых, где папа работал дворником, а мама, женщина страдающая душевным недугом, вела, как могла, домашнее хозяйство. Поэтому на Светке никогда не было новых платьев, обуви, все доставалось от старших сестер. Мосластая, нескладная, нечесаная, в одежде с чужого плеча, Светка отстаивала свое жизненное пространство, матерясь направо и налево так, что у специалистов в этой области глаза на лоб лезли, драки были ее постоянным занятием, и при этом она верховодила девчонками и пацанами со всей улицы!

Бывали случаи, когда, заигравшись, Светка ночевала где-нибудь в чужом дровянике или сарае, а дома даже не догадывались о ее отсутствии. Матери, замотанной стирками, готовками и в ум не входило пересчитать детей хотя бы по головам. А что? Все спальные места на полу в маленькой комнатушке заняты...

Кое-как она осилила восемь классов и устроилась уборщицей в быткомбинат.

Проработав там почти десять лет, заслужила, наконец, однокомнатную квартиру в этом доме.

Словом, все жили ожиданием Светки.

Только Мария Степановна, маленькая сухонькая старушка, жила по-прежнему в созданном ею самой мире, независимо от окружающих, в своих мыслях и воспоминаниях. Там она не была одинока, была молода и любима.

Недавно она перенесла вторую операцию на глазах. Спасибо врачам, видеть стала лучше. В тот день настроение было хорошее, почти ничего не болело и, забыв строгие предупреждения о том, чтобы не перенапрягаться, она взяла мольберт, кисти и краски, спустилась вниз, расположилась на лавочке под тополями. Листья на деревьях были большими, темно-зелеными, сквозь них, как сквозь кружевную накидку, играло солнце, бросая яркие блики на загрунтованную поверхность холста. Мария Степановна долго сидела, подняв лицо кверху и зажмурив глаза. По всему телу разливалось тепло. Ах, хорошо...

Внезапно вспомнился вчерашний сон. Она открыла глаза. Ну, конечно же! Сегодняшнюю картину она так и назовет — «Фронтные подруги»...

Ей, вот уже который раз, снится один и тот же сон.

...На высоком пригорке растет удивительной красоты береза. Именно под ней расположился немецкий миномет. Поливает так, что ни головы поднять, ни шагу сделать. Мария распласталась по земле и сквозь зеленые былинки видит, как внизу, в ложбине, знакомый связист тащит катушку. То ползком пробирается, то пробежит метра два, за ним едва заметный проводок тянется. Связь! А потом, как в замедленной съемке — падает солдат навзничь и рядом с ним, подняв бугорок земли, падает катушка.

Маша как будто оглохла, на зубах скрипит песок. Неожиданно справа от себя видит метнувшуюся тень.

— Куда, — кричит она. — Тебя же убьют!

Это Настя, упрямая, смелая, бросилась в ложбину. Вот она падает, кувыркается, снова бежит.

Вдруг под березой что-то ослепительно блеснуло, Маша, как будто со стороны, увидела, как серебристый кусочек металла нацелился прямо в сердце подруге. Она пытается помешать ему, протягивает руку, но тот пробивает ладонь насквозь и продолжает путь.

— Ложись! — кричит Маша, а голоса не слышно... Она видит, как Настя, будто запнувшись, останавливается и медленно-медленно поворачивает голову на Машин крик. Прядь русых волос падает на удивленные васильковые глаза девушки...

Мария Степановна задумалась, легкий ветерок играл поседевшим завитком волос, возле ног тополиный пух скатывался в пушистый белый сугроб. Она уперлась взглядом в

глухую стену сарая, и на ней, как на белом экране, понеслись один за другим черно-белые кадры боевой юности.

Ее ведь не сразу взяли в армию. Росточком маленькая, худенькая да еще в огромных круглых очках. Так и сказали: «Негодна по зрению, и вообще, тебе еще надо подрасти!».

Прошел год. За это время погребло море народу и в армию стали брать уже многих. Ее взяли с пометкой — годна в очках. Так попала она во взвод связисток. Командиром у них была Настя — высокая, стройная красавица с небесно-голубыми глазами.

Ее позывные были «Василек». И до сих пор, услышав это слово, Мария Степановна вздрагивает.

— «Василек»! Соедини с двадцать пятым!

— «Василек»! Дай седьмой!

Мария появилась в роте связисток уже к полудню. Высоко в небе цвиркала какая-то птичка, палило солнце, на бревне возле землянки сидела, закрыв глаза, вытянув босые ноги с растопыренными пальцами, русоволосая красавица. Заметив Машу, она приоткрыла один глаз, потом другой.. Минута показалось юной связистке вечностью.

— Это что еще за... — она запнулась, в глазах запрыгали чертики. — Девчонки! Идите сюда, смотрите, кого к нам прислали... .

Одна за другой из землянки стали выскакивать девушки.

— Ой, да мамочка моя, — всплеснула одна руками и рухнула на бревно рядом с Настей, захлебываясь хохотом.

— А сапоги! — размазывая слезы по лицу, показывала другая на Машкины ноги, болтающиеся в огромных сапогах,, как ложка в стакане.

— Теперь немцы драпанут, аж гай зашумит... По спине Марии побежала струйка воды, проклятая шинель сползала с плеч и тянула к земле, вспотевшие ладошки заблудились в огромных руках шинели.

— Ржут, как кобылицы... — стекла очков запотели, борода мелко-мелко затряслась.

«Сейчас зареву», — подумала Маша и больно прикусила губу. Заметив это, Настя хлопнула в ладоши:

— Ну все, девочки, по местам...

Соскочила с бревна и босыми ногами пошла в землянку, прихватив с собою сапоги.

На удивленный взгляд Маши ответила, многозначительно подняв кверху указательный палец.

— Запомни. Главное в нашем деле — это правильно завернуть портянки... Потом засмеялась. — Ладно, не робей... — И совсем другим тоном. — Следуй за мной!

Мария Степановна усмехнулась:

— Такую картину еще никто никогда не рисовал...

3.

Следователя прокуратуры Станислава Пыжова то и дело отвлекал телефон. После каждого разговора ему приходилось напрягать память, чтобы вспомнить, чем была занята его мысль минутой раньше. Да еще прохожие. Кабинет, в котором работал Станислав, находился в подвальном помещении, зарешеченное окно наполовину скрывало обзор, оставив видными только ноги прохожих . Целый день ему приходилось видеть только чьи-то ботинки, танкетки, тапочки да слушать шорох их подошв по асфальту. Иногда возле окна останавливались какие-нибудь легкомысленные тувельки, тогда он клал голову на стол, до боли выворачивал шею, стараясь рассмотреть через узкую прорезь что-нибудь повыше. От напрасных усилий краснел и злился.

Сегодня он тоже в гневе. С утра вызвал начальник и потребовал отчета о ходе расследования убийства старушки-ветеранши. А оно никак не идет! Тупик и все.

— Не работаете, вот и не идет, — хлопнул рукой по столу начальник следственного отдела Николаев.. Его громкое р-р-р — прокатилось по коридорам управления. — Небось, в отпуск захотели? А старушка-то непростая — орденосица! (Звук «р» снова забился в голосовых связках начальника, как птичка в силках,). Откуда уже только не звонили. А что мне говорить? Что у следователя Пыжова от жары мозги плавятся? Так, по-вашему...

Пыжов скривил физиономию.

— Все. Идите.

— Старушка, старушенция, — на все лады распевал себе под нос Пыжов, выходя на улицу. — Старушка-процентщица... Кстати... — он даже остановился, хлопнул себя по лбу и решительно повернул в сторону Пенсионного управления.

Приятная во всех отношениях девушка выдала необходимые справки.

— А пенсия-то немаленькая, — потер переносицу Стае. Он вспомнил, что при осмотре квартиры убитой в углу ящика старого комода они нашли пачку денег.

— Значит, не деньги нужны были... Что же искал убийца? Вернувшись в кабинет, Пыжов еще раз пересмотрел отчеты своих сотрудников. Они прошлись по всем соседям Сорокиной, побеседовали с каждым. И ни одной зацепки.

Бывшая фронтовичка жила скромно, ни с кем не скандалила, со всеми была приветлива, дружна. Эту маленькую женщину в черном костюме с орденами и медалями на груди знали даже школьники. Ее часто приглашали на все торжественные мероприятия, она пела в хоре ветеранов, была членом ветеранского Совета. Словом, вся жизнь на виду. Вечерами, когда у нее не было общественных дел, она бодреньким шагом шла по тротуару. Молодежь удивлялась: она же совсем не видит! И только пожилые люди понимали: это память безошибочно вела ее по улицам родного города. Один отчет привлек внимание Пыжова. Он покрутил головой: «Сосед Ботов В.И. из квартиры № 7 сказал, что Сорокина уже давно выжила из ума. Она считает, что за ней охотятся шпионы. Даже в милицию заявление один раз написала, что он, Ботов, ей в воздуховод отравляющий газ напустил...»

— Чем приходится заниматься... — Пыжову стало совсем тоскливо. Он набрал номер отделения милиции.

— Петр Николаевич, ты? Это Пыжов беспокоит. Слушай, не в службу. Посмотри, были у вас заявления от Сорокиной М.С.

— А, от этой старушки, за которой шпионы охотятся?

— Так были?..

— Да не только заявления, она сама сколько раз приходила. Старенькая ведь уже, вот и мерещилось. То в дверь ей кто-то стучит ночью, то газом ее травят, то подслушивающее устройство у себя обнаружит... Участковый ходил, разбирался. Фронтовичка, что тут скажешь... На войне, наверное, того... Или контуженная...

Пыжов положил трубку.

— Ну конечно же, шпионы... А кто же еще, — издевался он над собой. — И как ты, Пыжов, не додумался! И тебе под носом шпионское гнездо во главе с Сорокиной отложилось, а ты ушами хлопаешь... Он решил сам побеседовать с Ботовым В.И. из квартиры № 7.

4.

Определившись с названием картины, Мария Степановна, как говорят, поймала волну. Ее несло, рука с карандашом порхала над поверхностью холста, оставляя следы, сплетающиеся в черты любимого незабываемого лица. Одно движение и вот она, Настя, смеется распахнутому над головой небу...

— Теть Маруся, как красиво! — неожиданно раздался резкий голос за спиной. Рука застыла в воздухе. — Это ты кого? Это ты? На войне?

Мария Степановна оглянулась. За спиной стояла полноватая женщина с короткой стрижкой, в большой белой футболке и в синих, до колен, шортах.

— Светлана! Приехала, наконец!

— Да вот, своим ходом, теть Маруся. Понимаешь?

— Из самой Германии?

— А че нам. Машина хорошая. Федор у меня, мужик, ого-го. Как втопил по Европе, два дня и мы здесь. Ну, где ты там? Щас, теть Маруся, познакомлю...

От машины шел к ним высокий здоровый мужчина, с рыжеватой шевелюрой волос и пятнами веснушек на добродушном лице. — Это Клаус мой. Фамилия такая, понимаешь...

Мария Степановна протянула руку, мужчина взял ее в свою большую ладонь, чуточку придержал.

— Рисуете?

Старушка кивнула. Светлана еще что-то говорила, но пожилая женщина уже ничего не слышала. Наклонив голову, она внимательно разглядывала лицо незнакомого человека. Светка тронула ее за плечо.

— Мы пойдем, теть Маруся, еще встретимся.

— Да, да, — как будто очнулась Мария Степановна.

— Светочка, ты зайди ко мне как-нибудь вечером, мне поговорить с тобой надо...

— Какой разговор! — Светка звонко чмокнула старую соседку в щечку, бросила быстрый взгляд на мужа и незаметно пожалала плечами.

Они ушли, а Сорокиной почему-то расхотелось рисовать. Руки бессильно упали на колени, глаза снова перестали видеть, заслезились. Потянуло прохладой.

— На сегодня хватит, — прервала она нить своих мыслей, вздохнула и засобиравалась домой.

Горячий чай с мятой согрел ее, она закуталась в плед и уютно устроилась в большом кресле у окна. Сняла очки и сразу все предметы потеряли четкие очертания, привычные картины за окном стали похожи на размытые пейзажи Ван Гога.

...Война ушла далеко на Запад, Мария осталась в разбитом бомбежками городке залечивать рану на ноге. Наступать на всю стопу было еще больно, и ей приходилось прихрамывать. В тот день смена ее закончилась часов семь вечера. На улице было холодно, по небу неслись тяжелые дождевые тучи. Не успела она пройти и десяти шагов, как хлынул дождь. Как из ведра — это слабо сказано. Как из бочки! Сплошным потоком.

Моментально залило водой очки, она сняла их и осталась в непроглядной тьме. Разбитая земля пропиталась влагой, глина мертвой хваткой цеплялась за сапоги, вытащить ноги из грязи не было сил. Маша растерялась. Куда идти? Общежитие, в котором она жила с подругами, было совсем в другой стороне. Ветер громыхал в подбитых жестью крышах домов, срывал листья с деревьев, за считанные минуты одежда промокла насквозь. Она дрожала так, что сводило скулы. Наконец, ей удалось пробиться к какому-то дощатому забору. Прижалась к нему спиной, пытаясь увернуться от пронизывающего ледяного ветра.

Вдруг за спиной послышался какой-то шорох, как будто доски заскрипели. Или показалось? Она прислушалась. Дождь во всю лупил по небольшому навесу, капли больно били по лицу.

— Здесь кто-то есть! — ужас охватил девушку, ноги онемели. Она безнадежно щурилась глазами, сляясь хоть что-то разглядеть перед собой. — Надо бежать! Не успела Маша принять решение, как вдруг кто-то обхватил ее за талию и потащил сквозь забор. От страха она потеряла сознание. Очнулась, когда чьи-то быстрые холодные пальцы попытались растегнуть ворот промокнувшей от дождя гимнастерки. Она открыла глаза. Свет от раскаленной буржуйки, стоящей посреди комнаты, вырвал из темноты высокого худого, так что ребра выпирали сквозь кожу, голого по пояс мужчину. Маша замотала головой, схватилась за ворот.

Мужчина молча разнял руки и растегнул гимнастерку, стал силой стаскивать ее с Маши. Движения были сильными, уверенными. Она перестала сопротивляться. Закрыла глаза. По лицу потекли слезы. Незнакомец продолжал раздевать девушку. Упали на пол мокрые чулки, юбка, майка. Маша не могла унять дрожь, ее било, как в лихорадке. Мужчина вглядывался в лицо Маши, от его горячего дыхания по всему телу побежали мурашки.

«Скорее бы все закончилось», — обреченно подумала она.

Неожиданно мужчина наклонился, подхватил ее на руки и поставил на табуретку возле печки.

— О, майн Гот! — раздался горячий шепот.

— Немец! — сердце девушки перестало биться. Вот и все. Она опустила руки, которыми пыталась прикрыть маленькие груди. Тепло от печки стало подниматься по обнаженной спине, пальцы ног почувствовали прикосновение. Она открыла глаза.

Немец стоял на коленях и снизу вверх смотрел на обнаженную девушку. Губы его шевелились.

«Как в церкви, перед иконой, — грустно подумала Мария. — А потом убьет...»

Он прикоснулся губами к красным от холода пальцам ног.

От неожиданности Маша вздрогнула. «Что он делает?»

Мужчина обхватил двумя руками ее ноги, прижался к ним лицом и стал покрывать поцелуями.

Из всего, что шептали его запекшиеся губы, Маша только и разобрала: — Фогель — птичка, кляйне — маленькая, а мадонна и так понятно. Впервые пожалела, что к немецкому в школе относилась с прохладцей. Кто знал, что язык пригодится да еще в таких обстоятельствах.

Мария боялась вздохнуть. Бред какой-то. Все-все бред! Так не бывает. Почему это случилось именно с ней: проливной дождь, лачуга, мужик сумасшедший. Немец по-прежнему

не отрывал лица от юного тела, кажется, дышал его запахом. Целовал и шептал молитву. Вдруг неожиданно для себя девушка почувствовала, как горячая волна толчками стала подниматься прямо к горлу, еще секунда, она потеряет сознание и умрет. Большие руки вовремя сомкнулись на ее талии, горячие губы, кажется, прожгли кожу в самом низу живота... Ощущения были настолько неожиданными, что Маша охнула.

— Как же я могла жить и не знать, что такое бывает... Она оторвала лицо незнакомца от своего тела. Несколько мгновений они удивленными глазами смотрели друг на друга. Куда-то ушла страшная война, перестал шуметь дождь, не стало этой сбитой из старых досок конуры... Все растворилось.. Их было только двое, на обнаженных телах играли блики от раскаленной до красна буржуйки. Мария протянула к мужчине руки и крепко-крепко обняла за шею.

О нем она знала только, что он был контужен и попал в плен. И зовут его Клаус. А может, это была фамилия? Тогда ей было это неважно. Они просто любили друг друга. Когда Марию стало по утрам тошнить, она написала в рапорте: «по семейным обстоятельствам» и уехала на родину. Весной она родила девочку, говорили, от ее бывшего геройски погибшего командира. Назвала Мартой. Это маленькое существо с реденькими рыжими волосиками на голове, пугливое, впадающее в дикий плач при виде чужого человека, стало для нее средоточием всей жизни.

— Как я могу ее оставить? Вы что? — решительно заявляла она подружкам, пытавшимся уговорить ее погулять или сходить в кино. — Она без меня пропадет...

Однажды все-таки им удалось увести ее на вечеринку по случаю дня рождения бывшей одноклассницы. Поели, попили, потанцевали.

— Надо идти домой, — засобиралась Мария. — Дочка ждет.

Только завершила за угол хаты, как ее догоняет Николай — здоровый чернобровый хлопец, весельчак и анекдотчик. Сгреб ее большими руками, прижал к стене.

— Куды торопиться? — он приблизил свое лицо к девушке. Пахнуло отвратительной смесью запахов подсолнечных семечек, табака и самогона. Она брезгливо поморщилась, пытаясь отвернуться от назойливого кавалера. Николай просунул руки под кофточку и больно стал мять груди. — Ну, че, пойдешь за меня?

Тошнота подкатила к самому горлу. Мария замотала головой, уперлась руками в грудь парня.

— Брезгуешь? — в ярости замахнулся он на Марию.

Та зажмурилась, наклонила голову.

Кавалер сплюнул куда-то ей за спину.

— Времени нема, а то бы я тебя...

Дома Мария докрасна терла шею в том месте, где прикоснулись к ней губы парня, со дна желудка поднимались спазмы отвращения.

— Так закончился мой второй и последний поход за счастьем, — сказала сама себе пожилая женщина, прерывисто вздохнула, поплотнее запахнула плед и задремала.

5.

— Есть что-нибудь новенькое? — деловито перекладывая бумаги на столе, спросил Петруня, Петр Мефодьевич Смолянов, — студент юридического, определенный в отдел к Пыжову для прохождения практики.

Симпатичный, худенький парнишка, похожий на птичку, даже носик клювиком. Язык никак не поворачивался называть его по имени-отчеству. Какой из него Мефодьич! Зеленый совсем. А Петруня подходило в самый раз.

— Новенького нет, — ответил Пыжов. — Хочу с Ботовым В.И. из квартиры № 7 пообщаться...

— А ничего у вас не получится!

— А это еще почему?

— А потому что больше нет Ботова В.И. — парнишка радостно развел руки в стороны. — В бегах они-с...

— Петруня... — в голосе Пыжова появились угрожающие нотки.

— Да я правду говорю. Николаев вызывал.

Пыжов достал из кармана платок и протер вспотевшее лицо. Точно, в отпуск надо... Совсем некстати вспомнилась последняя ссора с женой. Она — учительница, отпуск всегда летом, да еще целых два месяца. А у Пыжова — осенью или зимой, и то не всегда.

— Мы с тобой никогда вместе не отдыхаем, как будто я не мужняя жена, — со слезами на глазах говорила она.

— Эта тема у нас с тобой десятки раз обговорена, — с досадой в голосе оправдывался Пыжов. — Работа у меня такая, понимаешь...

— Да ты просто не пытался, вон другие...

И пошло-поехало.

Пыжов помотал головой, отгоняя непрощенные мысли, хотя в душе признавал, что жена, как всегда, права.

— Знаешь, Петруня, разузнай-ка все про этого Ботова, что за птица. Связи, от куда родом, чем занимался. Да что я говорю, ты мальчик умный, сам все знаешь. А я все-таки пойду, пообщаюсь...

Петруня птичкой выпорхнул из-за стола, обрадовавшись возможности вырваться на свободу из душного и скучного кабинета, Пыжов еще посидел несколько минут, задумчиво перелистывая папку с бумагами, потом вздохнул, кое-как сложил документы на край стола и вышел на улицу.

6.

Светка в тот первый приезд в родной город оторвалась по полной программе. Хотя сначала все было чинно, по-заграничному.

— Фу, как вы можете пить воду из крана, — кривила она губы и открывала очередную бутылку с минеральной водой. — У нас такой водой даже асфальт не моют...

Она долго расписывала прелести немецкой жизни, показывала фотографии. Вот они с Федором отдыхают на море, здесь учится сын, это цветы возле ее дома, а это сливы. Но рвать их нельзя. Дурной тон. Светка старалась подбирать приличные слова, выстраивать предложения грамотно и красиво. Иногда она важно доставала из большой сумки фотокамеру, долго пристраивалась, присматривалась, гоняла гостей с одной лавочки на другую в поисках красивого вида, наконец, щелкала.

Дядька Колька из соседнего подъезда восхищенно крякал и крутил головой.

— Ну и Светка, скажите, пожалуйста, какая фрау стала! А ведь, бывало, идет с работы...

Тут все начинали шикать, толкать болтуна в бок и показывать страшными глазами на Светку, заткнись, мол, неудобно, как-то...

Пообщаться со Светкой или просто поглазеть пришли все знакомые. Во дворе дома стало шумно, как бывало раньше, когда все соседи провожали кого-нибудь в армию или играли свадьбу. Стол под окнами уже ломился от всяких яств, бывшие подружки улыбались и с готовностью поддакивали Светке.

Наконец все уселись, утомонились, разлили по стаканам самогон.

— Давай, Светка, за тебя, что родину не забываешь... — в одной руке был стакан, а другой Маринка обняла подругу за шею и звучно чмокнула в щеку.

Светка слегка пригубила напиток.

— Ну, это не по-нашенски... — мужики даже обиделись.

Тогда она обвела всех взглядом, лихо махнула рукой и залпом опрокинула самогон в горло, громко рыкнула, вырвала из пучка самую крупную редисину и захрустела, улыбаясь во всю физиономию.

— Ох, и соскучилась же я за вами, сволочами!

— Ну вот теперь совсем другое дело! — дядька Колька даже захлопал в ладоши. — Наливай!

Пьяная круговерть со слезами, руганью, пением песен по случаю Светкиного приезда продолжалась два дня. Федор все это время был рядом с женой, пил мало, больше молчал. В его обязанность входило транспортировать пьяную жену на квартиру сестры, чтобы отоспалась. Как он женился на такой женщине, для Светкиных подружек до сих пор остается загадкой. Только умная Бикбаиха, прищуриив один глаз, кивала на их сына — крепенького белобрысого мальчугана, как две капли воды похожего на Федора. — Уметь надо...

На третий день, наконец-то, Светка вспомнила о своем обещании зайти к Марии Степановне. Куда делась заграничная штучка, приехавшая погостить на родину. Это снова была Долгова в привычном облике — растрепанная, с опухшим лицом и хриплым голосом, в мужниных шлепанцах на босу ногу.

— Степановна, открывай, Светка пришла...

Через час она вернулась. Федор никогда не видел свою жену в таком растерянном виде — Светка что-то бурчала себе под нос и то и дело пожимала плечами.

— О чем вы говорили со старушкой?

— Она попросила найти какого-то Клауса. Федь, а у тебя ведь тоже отец в плену был?..

Федор, пивший в это время чай, от неожиданности поперхнулся.

Да, отец его отсидел после войны около десяти лет в лагерях, когда освободился, женился на русской женщине. Родился Федор. Потом появилась возможность вернуться на родину, но жена ни за что не захотела покидать свой родной поселок. Карл уехал один. С женой и сыном постоянно переписывался, присылал подарки. А когда матери не стало, Федор уехал на ПМЖ в Германию, прихватив с собой взбалмошную, как говорили потом шепотом и только в кругу семьи его немецкие тетки, без фюрера в голове, жену и хорошенького, настоящего бюргера, сынишку...

— А если это он? — Светкины глаза стали величиной с блюдце.

— Иди, проспись, дурочка, — Федор улыбнулся, решительно подхватил свою женушку под руку и повел в спальню.

Вскоре Светке надоели родные места, чужая тайна будоражила воображение, ее распирало от любопытства, и она засобиралась домой. Федор не сопротивлялся. Всю дорогу они придумывали, как деликатно выспросить у отца о его прошлом, чтобы, не дай Бог, не довести до сердечного приступа.

Разработали план действий, который тут же рассыпался в прах, как только Светкина нога ступила на брусчатку возле дома тестя.

— Папхен! — закричала она дурным голосом, едва увидев среди встречающих отца мужа. Такое обращение к тестю она сама придумала. Долго мучалась, как называть: и «фатер» сказать — язык не поворачивается, и «папа» вроде как не подходит. Сначала родственников коробило от Светкиной беспардонности, а потом привыкли. Куда денешься. Не со зла же.

— Мы твою русскую любовницу нашли!

Карлу Клаусу недавно исполнилось восемьдесят четыре года. Это был худощавый высокий старик с гладко выбритым удлинённым лицом, седина на голове приобрела свинцовую окраску, когда-то голубые глаза поблекли и слезились. Он опирался на трость, видно было, что каждый шаг ему дается с трудом. Услышав невесткины слова, он как будто споткнулся, оглянулся растерян, беспомощно затоптался на месте. Федор вовремя подставил ему кресло-коляску.

— Была у тебя такая черненькая? Маленькая такая, как ребенок? Она еще связисткой служила...

Федор знаками пытался остановить жену. Куда там!

— Ее Маруся звали, забыл, что ли?

— Ну, и что я такое сказала? — недоуменно развела руками Светка, увидев, как муж огорченно покачал головой, развернул кресло с отцом и осторожно покати́л его в дом.

Вечером, когда страсти по случаю приезда улеглись, вся семья вышла во двор, уселась за большим круглым столом. Во главе, как всегда, сидел отец семейства, рядом Федор с сыном и женой, потом двоюродная сестра хозяина, ее внук, студент университета, его девушка. К чаю никто не притрагивался, все ждали рассказа старого Карла. Прохладный ветерок играл в листве деревьев, сквозь которые еще можно было рассмотреть лучи садящегося за лес солнца. Сумерки почти вплотную подобрались к их небольшому домику на окраине поселка. Самое время для воспоминаний.

Старик сидел в кресле, иногда как будто дремал, опустив голову, потом вздрагивал, открывал глаза, обводил всех удивленным взглядом, точно не понимая, зачем все здесь собрались.

— Ну, давай, папхен, рассказывай, — Светке не терпелось услышать таинственную историю, она даже дернула свекра за рукав. Именно эта бесцеремонность помогла привести в чувство старого Карла. За годы плена в России он научился говорить на русском, но сегодня мысли и слова путались в его голове, он то и дело переходил на родной язык. Печальная история любви немецкого пленного и русской девушки потрясла присутствующих. Перевода не потребовалось.

— Если я еще жив, то только благодаря памяти о Марии, — закончил он свою историю. — В плену, я думал, не выдержу. Лучше б погиб на фронте, чем так... Даже готов был убить себя, как вдруг Бог посылает мне это чистейшей души существо. Настоящий алмаз.

Как я ее любил! Я люблю ее до сих пор! Я до сих пор помню, как вот здесь, на шее под волосами у нее билась тоненькая горячая венка, когда я прикоснулся к ней губами...

Старик зарыдал. Все сидели в оцепенении, только чья-то кружка нечаянно стукнулась о блюдо, издав жалобный звук.

— Почему она покинула меня? — по его лицу потекли слезы.

— Как почему? — вскочила со своего места Светка. Федор не успел ее удержать. — Она же беременная была! Представляете, каково было родить от пленного немца, когда война еще не закончилась... Да за это с ней такое могли сделать...

— Маленькая моя девочка, — прошептал старик посиневшими губами, голова его упала на грудь, он потерял сознание.

Через несколько дней, благодаря стараниям местных докторов, старик уже снова мог выходить на улицу.

На встревоженные взгляды домочадцев он бодренько отвечал:

— Я жить буду! Я еще Марусеньку увижу! И доченьку свою.

Спустя еще какое-то время он передал невестке письмо.

— Отправь Марусе.

Светка наклонилась к старику и поцеловала его прямо в ухо.

7.

В доме, где жила Сорокина в этот час было немногочисленно. За многими дверями, куда звонил Пыжов, так никто и не ответил, видимо, были на работе. В квартире Ботова исчезнувшего в неизвестном направлении накануне, серой тенью слонялась Нинка, на удивление трезвая, притихшая и сосредоточенная.

— Нет, Виктор не мог убить старушку, — замотала она головой на вопрос следователя. — Он добрый был. Собак, кошек любил. А убить...

Она подошла к столу, на котором сиротливо стояли начатая бутылка водки и граненый стакан. Кивнула Пыжову:

— Будешь? Нет? А я выпью. — Опрокинула стакан, вытерла ладонью губы.

— Она его любила.

— Кто, она?

— Да старушка эта. Идем как-то домой, а она на лавочке сидит. Так он ей: «Здравствуй, мама», говорит. Своя-то умерла, пока сидел...

— А как же заявление в милицию...

— Это ты про газ что ли... Так это ... Мы тогда какой-то праздник отмечали.

Ребята пришли, выпили, кто-то травку принес. Сам понимаешь, дым коромыслом. А кухни у нас с ней — через стенку. Видишь дырочки? Через них и потянуло сквозняком. Витя потом ходил к ней, объяснялся. А она нет и все. Газы, говорит... Старенькая уже, — Нинка захлюпала носом.

— А подслушивающее устройство...

— Да это... Магнитофон у нас поломался. Такой, знаешь, с круглыми...

— Катушечный...

— Ага. Катушечный. Юрка-то его починил, принес. А нас дома нет. Вот и поставил пакет возле двери. Соседка вышла коридор подметать, увидела и в крик. Весь двор на ноги подняла.

— Террористы! — говорит. — Мария Степановна услышала да на себя все и повернула.

— Это меня, — говорит, — цэрэушники подслушивают... И смех, и грех. — Нинка махнула рукой, потянулась к столу.

— Если не виноват, почему убежал? — Стае перехватил бутылку.

— Испугался! — на Нинкином лице появилось обиженное выражение. — У вас ведь как — отсидел человек, — все, по жизни теперь преступник. Скажешь не так? Преступник и все! А он не убивал. Не мог... — она обхватила голову руками и завывала. — Он до-о-обрый...

Стас вздохнул, поняв, что большего уже не добиться, оставил визитку, пошел к выходу.

— Если появится, а ему лучше появиться, позвони...

— Снова день впустую, — с горечью подумал Станислав, спускаясь по лестнице.

— Ну, что, молодой человек, как идет расследование? — на лавочке сидела пожилая дамочка в шляпке, шарфике на морщинистой шее, с маникюром на длинных ногтях и в яркой помаде.

— Местная мисс Марпл, — Стас поморщился как от зубной боли.

— Я проанализировала ситуацию, — четко, учительским тоном произнесла она, складывая губы в тонкую линию, — Виктор Ботов невиновен.

— ?

— А где мотив, спрошу я вас? — Она наклонила голову и внимательным взглядом просмотрела Пыжова. — Мотив отсутствует..

Стае присел рядом, вдохнул терпкий запах каких-то духов, щедро исходящий от дамы при каждом ее движении. Безнадежно кивнул головой, соглашаясь. — Мотив отсутствует... — А кошку эту драную, вы допросили?

— Какую кошку? — Марту, дочку ее.

Стае посмотрел на часы. Было почти двенадцать. Дочь Сорокиной была приглашена на час.

— Вы знаете, — Мисс Марпл заговорила шепотом. — Ведь они не мирили между собой уже много лет. Представляете? Мать и дочь. Я уверена, — затрясла она шляпкой. — Здесь что-то скрывается, я чувствую... Не ходила, не ходила, а тут вдруг, нате вам, приперлась...

— Когда она приходила, говорите вы?

— Да буквально перед убийством. С чего бы это, — подумала я, когда увидела ее на лестничной площадке. — И так вежливо у нее спрашиваю: «Что, по мамочке соскучилась?», а она даже «Здравствуйте» не сказала, злыдня...

— И давно у них?...

— Да с самого детства Марты у них не было мира в семье. Девчонка росла вредная, своенравная, чуть не так — огрызается, на мать кричит. Однажды Мария Степановна ее в сердцах даже фашисткой назвала. Ох, та визжала! А потом совсем вот рассорились, даже в гости друг к другу не ходили.

— И давно?

— Год, наверное. Письмо какое-то, говорят, Мария Степановна получила, а этой, которую и дочкой не назовешь, видите ли, не понравилось...

— Письмо? — Станислав вдруг вспомнил, что у него в кармане уже который день лежит конверт, найденный им в квартире убитой. Он бросил взгляд на часы, стрелки приближались к единице. — Надо бежать. Спасибо вам. — Он попрощался со своей новой знакомой и через несколько минут был уже в кабинете.

Петруня, он же Петр Мефодьевич, увидев Пыжова, вскочил, зашуршал бумажками на столе. Стас отмахнулся.

— Что у тебя?

— Внутреннее чувство мне подсказывает, что Ботов тут не причем, — бодренько начал докладывать студент.

— Это почему такое стойкое мнение?

— Мотива нет...

— Эту песню я где-то уже слышал, — недовольно пробурчал себе под нос следователь.

— Во-первых... — Стук в дверь не дал студенту развить мысль. Вошла дочь Сорокиной — Марта Евсюкова.

— Минута в минуту, — отметил про себя Пыжов, приглашая вошедшую женщину сесть. И почему-то ее пунктуальность ему не понравилось. У него жена такая. Все по порядку, все по минутам. Учительница, одним словом. Газету туда не положи, носки туда не брось! В шкафу все по струночке. Конечно, хорошо, когда в доме порядок, все вещи по своим местам. Вот у него на столе сейчас самый настоящий беспорядок, а у нее — нет. В каком бы настроении жена не проверяла тетради, ручка с красной пастой — здесь, с синей — рядом, тетради проверенные — здесь, непроверенные — ровной стопочкой рядом. От такого порядка Пыжову становилось тоскливо. Причем, с каждым днем все тоскливее и тоскливее.

Вот и пришедшая женщина спокойно села, аккуратно уложила большую хозяйственную сумку у себя на коленях, поправила воротник костюма, сложила руки одна на другую и спокойно ждет, когда следователь наконец-то, что-нибудь скажет.

Пыжов молча разглядывал Евсюкову. Есть такой тип женщин — никакой. Вся какая-то серая: лицо землистого цвета, светло-серые, как будто выцветшие на солнце глаза, лишённые какой-либо краски тонкие губы, неопределенного цвета волосы, сожженные химической завивкой, глубокие скорбные морщины у рта. Вся, как засохшая былинка. По-видимому, она давно знает о своей некрасивости, смирилась с этим и сейчас всем своим видом как будто устало говорит:

— Да. Я такая. Ну и что? Долго будешь пялиться?

«А если ей подкрасить губы, подвести глаза?» — неожиданно подумал Пыжов. Попытался представить.

— Фу-у, как старая проститутка... — он даже замотал головой. — Лучше так.

Мало помалу, разговор все-таки завязался.

— Она меня не любила, — бесцветным голосом начала свой рассказ Марта. — Пока маленькая была — еще так себе, а повзрослела — стала обузой. Кто мой отец, я не знаю. Мать говорила про какого-то командира, но я до сих пор не верю. Они все тогда придумывали истории про героических товарищей, особенно, кто с ребенком возвращался с фронта. Так и влюбился в нее командир, как же... — Она зло хмыкнула, покрутила головой. — Нагуляла, вот и все... Фронтовичка... Сидит теперь, картинки рисует...

— Что же вы так о матери...

— А так! — лицо женщины искривила злоба. Даже щеки порозовели. — Мне ее любовь во где сидит, — она провела ладонью по горлу. — Из-за тебя, говорит, я вынуждена была бросить любимого человека, из-за тебя я на всю жизнь осталась одна. А мне хорошо, что-ли, было жить безотцовщиной, ни одеться, ни обуться. Представляете, в детстве она ни разу меня даже за руку не взяла. Идем по улице — она впереди, маленькая, шустренькая, а я сзади — рыжая дылда с тридцать восьмым размером ноги.

— И в кого она у тебя такая уродилась? — спрашивали знакомые.

Я всегда чувствовала, что она стесняется меня.

— Ты — испорченная копия своего отца, — как-то сказала мать раздраженно, когда я попыталась брови подкрасить. — Никакие краски тебя уже не исправят...

Ни обнимет, ни поцелует. Все говорила про крест, который нести ей по гроб жизни.

Со мной никто не дружил. «От тебя плесенью пахнет», — говорили. — Да потому что в подвале жили! Сырость кругом! Парни тоже не задерживались. Всем от ворот поворот мать делала. Не такие они были, как отец, и точка. А какой был отец — никогда не рассказывала. Вот и я, видимо, не соответствовала...

Она воевала, как же. Знаем, чем бабы на фронте воевали. Теперь она в медалях, а я в соплях! У нее, видите ли, любовь, а у меня первый муж пьяницей был, как напьется — смертным боем бил, не разбирая — табуреткой так табуреткой, кочергой — значит кочергой. А то просто мордой об стенку. Второй тоже сильно «любил» — забыла даже, что я баба. Чахоточным оказался. Сил ни на что не было. Похоронила. Сейчас вот нашла одного, да что толку.

— Ох, и страшная же ты, Марта, как баба Яга. — Вот и все его слова о любви.

Женщина замолчала, глаза наполнились слезами.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Не помню. Давно уже.

— А соседка утверждает, что видела вас накануне убийства.

— Успела, сука старая, настучать... — В горле у Марты запершило. Она прокашлялась. — Вспомнила. Приходила я, продукты приносила, кошке пожрать тоже...

— Вы не ссорились?

— Чего нам делить? Сидит себе, как дурочка, картинки расписывает, никому не мешает.

— Как, по-вашему, кто ее мог убить и за что?

Женщина пожала плечами.

— Бомжи может быть какие? Их возле ее дома много крутилось...

— А вы не заметили, может, пропало что?

— Не знаю. Вроде бы ничего. И почти шепотом. — Я не убивала...

Петруня и Пыжов долго смотрели на дверь, за которой скрылась Евсюкова, дочь Сорокиной..

— А ведь она недоговаривает, — хлопнул рукой по столу Петруня да так, что Пыжов вздрогнул от неожиданности.

— Что ей скрывать?

— Не знаю, но чувствую... Женщины — народ особенный, непредсказуемый.

— Но об этом мы подумаем завтра, как любит говорить моя жена, — этими словами Пыжов поставил жирную точку в разговоре. — Все. По домам.

Дома Стас автоматически снял туфли, не глядя, сунул ноги в тапочки, они, как всегда стояли ровно по линеечке, не промахнешься, с тоской подумал: «Сейчас выйдет жена, поцелует».

И точно, из кухни вышла Елена, потянулась к мужу, звонко чмокнула в щеку.

— Сейчас ужинать будем. Давай, я помогу тебе... Вешая пиджак на вешалку, она заметила в кармане конверт. — Письмо? От кого?

— Отдай!

Но жена рассмеялась, увернулась от рук мужа и начала открывать конверт.

— Так, сейчас узнаем, кто пишет моему ненаглядному..

«О, алмаз моей души! Птичка моя маленькая!» — Круглые большие буквы нанизывались одна на другую. Елена оторопело посмотрела на мужа. — Это ты, Пыжов, алмаз души?

«Все эти годы, что стоят между нами, я не жил, я страдал, я мучился, я не знал, жива ли ты»... Ничего себе...

— Это по работе, — резко отрезал Стас, взял письмо, сел в кресло и стал читать. «Я снова увидел солнце, когда моя русская сноха Светлана, жена моего сына Федора, рассказала мне о тебе. Пресвятая Дева, мне теперь умирать не страшно. Девочка моя, Маруся! Счастье снова пришло в мой дом. Любовь к тебе ярким светом осветила стены этого дома, радостно стало всем. Моя душа рвется к тебе, маленькая моя, любимая моя до боли, до крови в сердце... Я сказал Федору: «Так не бывает. Чем я заслужил у Бога такое счастье, что ты жива». Не буду я теперь умирать. Я поеду в Россию. К тебе, милая моя, чистая, как родник, светлая душа, моя ненаглядная Машенька»... Пыжов закончил читать. Как-то непривычно сжалось сердце. Он посмотрел на жену, ее глаза были полны слез.

— Ну, что ты, дорогая, — голос Пыжова дрогнул. Лена всхлипнула. Он подошел к ней, нежно обнял за плечи. — Пойдем ужинать?

Ночью он долго не мог заснуть. Из головы не шло письмо неизвестного далекого старика. «Алмаз души моей». Сейчас так не говорят. Да и любят, уж это точно, не так.. Неожиданно он вспомнил слова женщины, с которой разговаривал накануне. Она упоминала про какое-то письмо, сильно не понравившееся Марте, дочери убитой.

— Может быть это? — он снова прокрутил в уме содержание письма. — Что в нем такого? Что могло стать причиной раздора между матерью и дочкой?

Утром не успел Пыжов сесть за свой рабочий стол, как позвонил дежурный.

— К вам дама...

Когда она вошла, «дыша духами и туманами», Пыжов сразу вспомнил: — Да это же мисс Марпл местного разлива!

Она не дала ему возможности даже поздороваться.

— Вот улики! — бухнула на стол пластиковый пакет, в котором проглядывала какая-то цветная коробка.

— Что это?

— Корм для кошек! — в голосе ранней гостьи было столько радости и торжества, что даже Петруня бросил свои бумаги и с осторожностью приблизился к столу.

— Не трогать! Там отпечатки!

«В этой женщине погибла актриса», — совершенно не к месту подумал Пыжов.

— А теперь все сели, успокоились и по порядку. Я вас очень внимательно слушаю, — голос следователя был сух, взгляд серьезен. Мисс Марпл удовлетворенно кивнула головой, уселась, наконец, на стуле и вот что рассказала.

Ее старинная подруга живет в одном доме с этой кошкой драной, т. е дочкой убитой. (Прошу прощения). Вечером она всегда выгуливает свою собачку. Хорошенькую такую. Пу-делек нечесаный. Выходит она из подъезда и видит — впереди Марта эта идет, к мусорному баку направляется. А в руке одна коробка и больше ничего. Бросила в бак и дальше пошла. Моя подруга решила проверить, что это за коробка такая. Достала ее из бака. А она даже не распечатана, целая совсем. Корм для кошек! Соображаете?

— Ну и что?

— Так эту коробку я видела в сумке у Марты, когда столкнулась с ней в подъезде! Она к матери шла.

— Ну...

— А потом Марию Степановну нашли убитой. А коробки-то в доме не оказалось! Посмотрите в своем протоколе.

Пыжов почувствовал, как на его бедную голову потихоньку наползает боль.

Любительница детективов стала раздражать. Но он все равно полистал папку с документами. Действительно, ни о каком корме для кошек не было и речи.

— Вот я и говорю, — удовлетворенно подвела итог посетительница. — Это Марта мамашу свою убила.

Она встала и решительно направилась к двери.

— Но при чем здесь все-таки эта коробка? — не выдержал Петруня.

Мисс Марпл лукаво улыбнулась, качнула шляпкой.

— Вы — сыщики, вы и думайте. А я — никогда не ошибаюсь! — и выплыла в коридор.

— Чертовщина какая-то, — в сердцах бросил Пыжов. — Хотя, знаешь, Петр Мефодьевич... — У Петруни брови полезли кверху. — Отнеси-ка ты эту улику на экспертизу. Других-то у нас все равно нет.

Петруня убежал с пакетом, а Пыжов погрузился в размышления. Сложив руки на груди, он не видящим взглядом уставился в окно, точнее полуокно, в котором были видны только чьи-то туфли, босоножки, шлепанцы. В другое время он положил бы голову на стол, вывернул шею и постарался разглядеть, что там, повыше, но сегодня было не до того. Старушки, мертвые и живые, загадали сложную задачу.

Через час принесли заключение экспертов: на коробке с кормом для кошек отпечатки пальцев Сорокиной М.С. и Евсюковой М.А.

— Значит, мисс Марпл близка к истине, — задумчиво пробормотал Стас и потянулся к телефону.

К концу дня участковый милиционер привел Евсюкову. Сначала она все дергала плечом, возмущалась, мол, зачем сюда снова привели, она не убивала. А когда перед ней Петруня поставил коробку в пластиковом пакете, всплеснула руками и зарыдала в голос.

— Это все Светка Долгова виновата! Это ее черти принесли из Германии. Ну, уехала, так уехала, нет, ей еще здесь покрасоваться надо! Алкашка проклятая!

Пыжов и Петруня переглянулись.

— Если б не она, мать бы никогда не узнала, что этот немец недобитый, ее ухажер, жив. Письмо, видите ли, прислала...

Стас поерзал на стуле:

— Вот оно где всплыло...

— Как получила мать письмо оттуда, совсем с ума сошла. Перечитывает в день по тысячу раз, листок целует. Люблю, говорит, его до сих пор, даже мурашки по телу. Смеется, веселится, в зеркало смотрит. Скоро встретимся, говорит. И все про Клауса своего рассказывает, все про Клауса, а меня как будто и нет. Она даже не вспомнила, что этот старик — мой отец.

Ох, и разозлилась я тогда. Всю жизнь ей было не до меня, она общественной работой занималась, фронтовыми воспоминаниями делилась, а я всю жизнь мыкалась сама по себе, выгребала, как могла, а теперь на старости лет у нее любовь вдруг объявилась! А я? А у меня? Покричали мы с ней тогда друг на друга, выдала я ей все свои обиды и ушла, хлопнув дверью.

А тут вдруг ни с того, ни с сего — сердце прихватило.

— Не случилось ли чего, — думаю. — Одна она там. Мать все-таки...

Прихожу, она в новом халатике разгуливает.

— Вот купила, — говорит, — скоро ведь Клаус приедет. И ремонт надо сделать... Наконец-то я встречу со своим любимым! Это такое счастье!

И повела, повела опять про своего немца. А про то, что я дочь его — снова ни словечка.. Как будто и нет меня вовсе. Кого осчастливила эта любовь? Ее? Старика? Или меня? У кого жизнь нормально сложилась? А?

Такая злость меня взяла, такая ненависть на всю эту распроклятую жизнь.

Думала, сердце на куски разорвется. В глазах потемнело, как закричу:

— Любви захотелось? А вот шиш тебе, старая дура, не увидишь ты своего распрекрасного принца...

Не помню, как под рукой оказался утюг. Схватила его и накинула шнур ей на шею... Дотащила до кресла, привязала, чтобы с улицы, значит... А потом все, как во сне. Стала искать проклятое письмо... Все перерыла, не нашла... Эту коробку, сама не знаю, зачем прихватила, я ведь ее для кошки принесла...

Вот такая история.

Сейчас Марта в тюрьме, говорят, ей могут уменьшить срок, возраст-то уже солидный. А Карл Клаус приезжал. Светка водила его на могилку Марии Степановны.. Как упал, говорит, на землю, так и пролежал почти час.

Вздыхал все и плакал. Провожали его всем городом. На вокзале собрались и молодые и старые. Он кланялся, махал рукой и всех благодарил.

— Совсем плохой, — сказал кто-то в толпе, — хоть бы домой доехал. Эх, любовь, любовь...

Если вам посчастливится побывать в нашем городе, обязательно зайдите в местный музей. Там висит необычная картина: Солнечный день, на бревне возле землянки сидит красивая девушка в солдатской форме. Она вытянула босые ноги, растопырила пальцы и, задрав голову к небу, весело смеется. А рядом, почти спиной к зрителю, стоит маленькая девчонка в шинели до пят.

Это Маруся, юная связистка, та самая. Картина так и называется «Фронтвые подруги».

г. Карталы

Анатолий Кухтурский

КАРТАБЫЗ, или Как жадный бай воду украл

Напевней древнего курая,
Звучней, чем праздничный кобыз,
Поет в степи, волной играя,
Необозримый Картабыз.

«Все, что судьба нам ниспослала,
Аллахом праведным дано».

* * *

Красив он ночью златоокой,
Прекрасен тихим светлым днем,
И бытность древности глубокой
Живет в преданиях о нем.

Однажды (начиналось лето.
В лесах шиповник польхал)
Пастух близ Картабыза где-то
С отарой в полдень отдыхал.

* * *

Две юрты близ воды когда-то
Стояли давнею порой.
В одной хозяин жил богатый,
Бедняк ютился во второй.

Был Картабыз великолепен.
Осколком нежной синевы
Лежал он, украшение степи,
Средь полувывяженной травы.

У богача — овец с приплодом,
Как зерен маковых в горсти.
У бедняка — камча¹ над входом,
Да пес-помощник, скот пасти.

А по нему, взметнув кудряшки,
До горизонта чередой,
Бежали волны, как барашки,
Сплошной лавиной седой.

Весной, лишь взгорки почернеют,
И вспыхнет в долах горицвет,
Бедняк шел в наймы к богатею,
Как и отец его, и дед.

«Хозяин Вод озерных, право,
Богаче, чем хозяин мой.
Смотри-ка, сколько кучерявых
Ягнят погнал к себе домой.

До поздней осени исправно
Он пас в степи овец и коз,
Деля с собакою на равных
И зной, и слякоть, и мороз.

Э-гей, хозяин Вод! Послушай, —
Вскричал пастух, — гони сюда
Из вод озерных к нам на сушу
Свои несметные стада!»

Бывало, гнал домой отару
Под мельтешенье «белых мух».
За все, про все баранов пару
За тяжкий труд имел пастух.

И не успел еще затухнуть
Над бездной вод последний звук,
Громадным стадом волны, вспухнув,
На берег выплеснулись вдруг.

Но он довольствовался малым
И говорил всегда одно:

Воздушной призрачного пара,
Нежнее птичьего крыла,
Белее облака — отара
В степных просторах поплыла.

¹ Камча — плеть.

Пастух смотрел заморожено
На этот белоснежный вал
На берегу уединенно,
И словно в сказке пребывал.

* * *

Молва в степи летит, как птица,
Бежит, как вспутнутый корсак.
В любую даль молва домчится,
И имя ей — узун-кулак¹.

Достигла весть и юрты бая.
Тот без раздумий — на коня.
И в степь, дорог не разбирая.
Помчался на исходе дня.

Он гнал коня, что было силы,
От нетерпения дрожа.
Его от жадности мутило,
И зависть грызла, словно ржа.

Пастух не стал скрывать, откуда
Взялась отара. Все, как есть
Поведал он, какое чудо
Случилось ныне в полдень здесь.

Уже клонилось солнце книзу
И золотило даль степей,
Когда поспешно к Картабызу
На берег вышел богатей.

Он также крикнул громогласно:
«Хозяин Вод! Твои стада
Несметны; лишь тебе подвластна
В пучинах белая орда.

Храни Аллах тебя! Рискну я
С прошеньем выступить сейчас.
Не поспешишь! На твердь земную
Направь своих баранов часть».

И тут же пенных волн громада
Пошла к прибрежной полосе.
Вгляделся бай, а это стадо —
Как на подбор, барашки все!

Один, второй...десятый...сотый...
И вот уже потерял счет,
Но не внимая на щедроты,
Богач кричит: «Еще! Еще!!»

Уже вся степь — сплошное стадо,
Средь лета вдруг пришла зима.
Остановиться баю надо,
Да, видно, он сошел с ума.

¹ Узун-кулак — буквально «длинное ухо». Степь все слышит — таков смысл названия.

Не отступив назад ни шага,
В песок печатая следы,
Всю ночь до зорьки, бедолага,
Тащил баранов из воды.

* * *

Наутро жалкая картина
Открылась взору: где, резвясь,
Гуляла шумных волн лавина,
Лежала, как короста, грязь.

Ни всплеска рыб, ни птичьей стаи,
Ни хруста желтого песка,
Куда ни глянь, лишь грязь густая —
Немая черная тоска.

Померкла степь. Осиротела.
Примолк докучный коростель.
И впрямь, пожалуй, плохо дело.
Без Картабыза — степь не степь.

* * *

Минуло лето, осень следом,
Зима, как есть, свое взяла.
Пришла весна с теплом и светом
И по степи снега зажгла.

Многоголосым звонким хором
Ручьи запели по логом,
Стремясь к заснеженным озерам,
По тонким мшистым берегам.

От вешних вод родного края
Вернулся к жизни Картабыз.
Вновь зазвучал мотив курая,
И переливчатый кобыз.

Но что-то будто надломилось,
И стали люди замечать
Не то в мелодии унылость,
Не то усталости печать.

Стал Картабыз потише, что ли,
Спокойней стала ли вода,
Хотя гуляли на просторе
Барашки-волны, как всегда.

И все же не было порыва,
Разгула, удали былой,
Когда волну вздымал игриво
Проказник-ветер удалой.

Случалось и такое дело:
В определенный срок всегда
Гладь Картабыза цепенела,
И убывала вдруг вода.

До мутной лужицы убогой
Сжималось озеро подчас,
Но потихоньку, понемногу
Все ж возрождалось всякий раз.

Средь ковылей да средь полыни
Стихиям всем наперекор,
Оно живет в степи поныне
И красотой ласкает взор.

А у людей живет преданье,
Как воду жадный бай украл,
И что за это в наказанье
Его всевышний покарал.

Когда из озера бараны
На твердь земную собрались,
Они негаданно, нежданно
Над степью воспарили ввысь.

И там поплыли безмятежно
Вдоль картабызских берегов
В степные дали белоснежной
Грядой пушистых облаков.

За ними с руганью и плачем
Пустился жадный бай вдогон.
И по сей день их, не иначе,
По свету ищет где-то он.

Бедняк вернулся к юрте старой,
Где до преклонных лет прожил.
Он также пас в степи отары
И, говорят, счастливый был.

10.10.10 г.

с. Чудиново

Михаил Рудковский

Уральский март

Крупные снежные хлопья косым потоком покрывают очищенные дворниками от слежавшегося, затоптанного снега тротуары, ещё вчера чистые дороги, открытые балконы домов, скукоженных торопливых прохожих. Приезжий, незнающий Урала человек, не глядя в календарь, никогда не подумает, что это середина марта. Так как уральский март особый, норовистый, с характером, нередко непредсказуемый в своих выходках. Почти родственник сибирскому. Недаром этому месяцу дали имя, происходящее от древнеримского бога войны — Марса. На Урале в марте разворачивается нешуточная «война» между вьюжной зимой и прелестницей весной. Зима в этот год выдалась суровой и непривычно снежной. Непривычно для моих внуков, а не для меня. В моём детстве они были всегда с обильными снегами, вьюгами и метелями. Заборы скрывались под огромными сугробами. Я в гости ходил к соседу — другу по крепкому насту там, где никакой калитки не было. Мы не строили снежных крепостей, но любили рыть внутрисугробные пещеры, соединять их ходами, играя в разведчиков и партизан. Вишнёвые кусты заносило по самые верхушки, так что отцу весной приходилось их откапывать, чтобы осевший сугроб не обломал ветви. В этом году я вернулся в своё заснеженное детство, и порою мне хотелось взять в руки лопатку и вырыть ход к нему.

Уральская весна! О, эта, местных кровей красавица, умеет за себя постоять. Первая неделя марта на Урале — это робкое первое откровение, ещё неуверенная заявка, прерывистое, нежное дыхание весны. Ещё всё в снегу. Люди в тёплой одежде, но уже что-то произошло в природе, в космосе. Солнце начинает греть не равнодушно, как зимой, а с заметной нежностью. Первыми на это откликаются неутомонные городские воробьи, весёлым щебетанием извещая всех о приближении тепла. Они рады весне, рады тому, что сумели выжить, перенести лютые холода и бескормицу.

Резкие колебания дневной и ночной температуры людей не пугают. Они тоже почувствовали — идёт весна. И прежде всего, меняется воздух. Даже в городе. Никакие промышленные выбросы не могут скрыть его трудноописуемый пьянящий вкус и запах. Дышится легко. Телевизор верещит о разных гриппах: птичьих, свиных, человеческих. Но не хочется погружаться в эту суету. Хочется лечь в ещё высокий сугроб, раскинуть руки, как птица крылья, и взглядом улететь в посветлевшую высь, откуда к земле идут потоки живительной энергии. Или вспомнить детские забавы: сделать «бабочку». Весна невольно возвращает нас в детство.

Градуcник упорно подтягивает мерный столбик выше нуля. На дорогах каша из тающего снега, которую ночью прихватывает ледок. Дикае голуби покинули насиженные тѐ-

плые места на крышках теплотрасс и на сухих площадках устраивают весенние свадебные игры. Распушив хвосты, сизокрылые женихи танцуют возле своих избранниц, часто-часто склоняя перед ними свои головки, поют им любовные урчащие песни. Крыши украсились ледяными кружевами. Сосульки крупными каплями оплакивают свою короткую жизнь, иногда громко барабана по железным крылечкам офисов и магазинов.

Народ говорит, что в марте «курица из лужи напьётся». Но на Урале в марте кур ещё из тёплых курятников не выпускают. А вот воробьи, голуби не пропускают возможности принять холодный душ в небольших лужах на тротуарах. Вода чёрная, грязная, но это их не останавливает. Самозабвенно плещутся и даже не пугаются, когда близко проходишь мимо. К ласковому долгожданному теплу быстро привыкаешь. Люди решили, всё! весна! Пора шубы и шапки убирать в шкафы. И традиционно ошиблись! Уральский март — это вам не март у Чёрного моря. Неожиданно горизонт затуманится, потемнеет, небосвод с тяжёлыми тёмно-серыми тучами опустится, подует холодный пронизывающий ветер, и встречайте мартовский снег. Крупный, тяжёлый, упорный. В гости пожалует какой-нибудь циклон. Одевайтесь быстрее, доставайте шубы.

Но даже этот снег не может потушить в глазах идущих навстречу девушек весенние озорные огоньки и смыть с лиц юношей мечтательно-загадочные улыбки. Пожилые люди посветлели лицами, двигаются медленно, боясь поскользнуться. Они-то знают цену грядущей весны. Не загадывая далеко вперед, они умеют радоваться каждому прожитому дню, особенно весеннему.

А земля вновь укрыта пронзительно белоснежной накидкой. Зима хохочет и резвиться. Рановато вы со мной распрощались! Не я ли вам дарила удовольствие лыжной прогулки и лихой спуск с ледяной горки. А кто украшал щёчки детей нежным румянцем, от которого теплели души родителей. Давно ли вы встречали моего верного Деда Мороза и получали от него подарки? И что же? Решили моё время прошло? Не спешите! Уральский март — это время, где я ещё могу побороться. Вернее нет! Я не буду бороться, просто на прощание ещё разочек — два пролечу с моими верными соратниками — буранами по вашим улицам и проспектам, испытаю напоследок надёжность городского хозяйства и уплыву вместе с потоками тающего снега в Ледовитый Океан. Он меня приготовит к новой встрече. Мы с вами ещё окунёмся в ледяные купели в священные дни Крещения, промчимся на горных лыжах со свистом в ушах по гладкому склону и закружимся в ритме задорного танца. Я обязательно вернусь. Ждите и не растеряйте своё здоровье в коварном тепле и лени.

Это не прощальный монолог Зимы, а уверенный взгляд в будущее, своевременный отход для обязательного возвращения.

А Весна наконец-то где-то в последнюю неделю марта почувствовала силу. Солнцепёк в полдень поражает температурой выше двадцати градусов. Это наш уральский парадокс. Серые осевшие сугробы и высокая плюсовая температура. У всех приподнятое настроение, а у жителей прибрежных деревень и посёлков на лицах тревога и озабоченность. Большие снега — большой паводок! Небольшие речки и речушки, просыпаясь в апреле, сбрасывают ледяной панцирь и превращаются в грозные, сметающие всё на своём пути потоки, выходят из берегов. Они гуляют по деревенским улицам, заглядывая в гости почти в каждый двор.

И пускай Урал считают зоной рискованного земледелия, районом с капризной весной и наводнениями, с лютой зимой, я его не поменяю ни на какие благополучные области. Потому что это моя Родина.

Клён

Клён ты мой опавший...

С. Есенин

Сколько лет живу в этой квартире, столько и растёт под моим балконом мощный, раскидистый клён. Вероятно, посадил его кто-то во время строительства нашего четырёхэтажного дома. Сделал человек доброе дело. Посадил дерево. Его имени я не знаю, но всё равно мысленно благодарю за это. Потому что мы стали с клёном большими друзьями. Я нередко беседую с ним, советуюсь, когда мне очень тяжело или делюсь своей радостью, когда мне хорошо. Он внимательно слушает меня и почти всегда — отвечает. Зимой, покачивая длинными вертикальными ветвями с множеством коротеньких веточек — отростков, весной, играя бархатными бугорками пророснувших почек, летом — ветреным трепетом своих

резных листьев. Живём мы на третьем этаже. Я очень люблю в полдень выйти на балкон и полюбоваться игрой солнечного света в его кроне. Мне порой кажется, что ветви, которые почти лежат на ограждении, — это руки, протянутые ко мне, руки, желающие меня обнять, приласкать. Иногда я чувствую необъяснимое желание окунуться в гущу этих ветвей, утопить свое лицо в листьях и одарить их встречной лаской. И, не будь ограждения балкона, я, может быть, и шагнул бы, раскрыв руки для объятия. Возможно, это и не магия клёна, а моё странное восприятие любой высоты. Как бы там ни было, мы с клёном пережили многие наши трудности бытия с достоинством и стойкостью. Оба научились молча понимать друг друга, вместе радоваться каждой новой весне, играть в парашютики его семенами удивительной конструкции. Уходя в свои ежегодные походы, в тайге я скучал о его зелёных трёхзубцах. Однажды, вернувшись из месячного сложного сплава по бурной сибирской реке, я вышел на балкон полюбоваться, поздороваться со своим красавцем. Хотелось после тридцатидневного хвойно-лиственного постояня увидеть трепетную резьбу листьев моего друга, прикоснуться к гладкой коре его ветвей и поделиться радостью возвращения домой. Я вышел на балкон и ахнул. На уровне второго этажа обездоленно белел спил ствола моего клёна. Душу захлестнула боль и возмущение. Кто это сделал? Почему? Зачем? Жена спокойно объяснила, что это работники ЖЭКа сделали осеннюю “обрезку” всех деревьев в нашем дворе. Такая у них, вероятно, технология ухода за озеленением города. Я сразу вспомнил уродливые живые столбы вдоль многих тротуаров нашего города. Это всё, что остаётся от величавых тополей после такой “обрезки”. Смотришь на них и, кажется, слышишь стон страдающей зелёной плоти. Невольно начинаешь искать оправдания этому варварству. Вероятно, надо было освободить провода от близких ветвей, предупреждая замыкание. Но так же “обрезают” и там, где нет никаких проводов. Борьба с тополиным пухом, от которого страдают многие горожане и дети? А не лучше ли вообще поменять тополь на липу, берёзу, а не “украшать” город нелепыми обрезками, вызывающими неприятные ассоциации с бездарностью и непрофессионализмом.

У меня под балконом рос не тополь, а клён. Кому он помешал? Уродливый стандарт мышления: урезать, так урезать.

Я стоял оглушённый увиденным. В ушах звенел визг бензопилы и треск падающего моего клёна. Внезапно почувствовав сильный укол собственной совести, я ощутил себя, чуть ли не толстокожим неблагодарным существом. Сколько радостных минут подарил мне мой зелёный товарищ, сколько раз он помогал мне выдержать удары судьбы-злодейки, а я там, в таёжном заливе не уловил энергию его страданий. А может быть, непонятная тоска на берегу красивейшей реки, у костра, в кругу верных друзей и была связана с этой ненужной жестокостью человека по отношению к дереву? Мы мало заботимся о наших младших братьях-животных, но почти забываем, что рядом живут наши зелёные братья. Они живые! Они чувствуют, страдают, понимают!

Радость возвращения домой была омрачена, хотя я старался этого не показывать своим домочадцам.

Зимой я смотрел на снежную шапку, сидящую на спиле клёна, и молча успокаивал себя.

— Он же очень сильный. Придёт весна, и мой друг протянет навстречу солнцу новые веточки. Он проснётся! Обязательно проснётся. Иначе быть не может. Глупость не должна торжествовать.

Словно услышав меня, мой верный товарищ встретил весну робкими зелёными росточками, которые грустным хоромом окружили ствол и наперегонки устремились вверх. Произошло, если не чудо, то удивительное явление. За одно лето клён воспрял из обескровленного пенька в дерево, которое поднялось до моего балкона и вновь аккуратно положило свои ветви на его ограждение. Я был счастлив, словно встретил товарища, которого не видел много лет.

Ежедневно выходя на балкон, я, как и прежде, общаясь с клёном, воспринимал его крепкие новые ветви, как посланцев старого друга, которые, следуя его заветам, готовы помочь мне, поддержать, успокоить.

Соседей давно перестали удивлять странности безнадежно законченного романтика, седовласого бродяги-хирурга, не понаслышке знающего цену жизни и смерти. Его нередко видели, как он гладит ствол растущей во дворе березки, как перевязывает надломившуюся веточку или замазывает краской рану ствола, нанесённую равнодушной рукой. Я давно перестал удивлять соседей.

г. Челябинск

Сергей Уральский

Нету с нами Серёжи Есенина

Рукопашный бой

Король войны — бой рукопашный,
 Сколь скоротечный, столь и страшный.
 Здесь дьявол урожай свой жнет,
 Счет на мгновения идет.
 Свои, чужие — все смешалось,
 И мыслей вовсе не осталось.
 Один стремительный порыв:
 Коли, убей, вперед, в прорыв!
 Вот кто-то кровью захлебнулся,
 Не повезло, не увернулся.
 Оскал звериный на челе,
 Глаза застыли в мертвом сне.
 Жизнь рядом нить свою прядет,
 Кузнечик росы в травах пьет.
 Он, несмышленный, не поймет,
 Что молох смерти пряжу рвет.

Школьные годы

В семье и школе, не забудь,
 Мы начинаем жизни путь.
 Времен мелькает колесница,
 Не позволяя возвратится
 В мир детства нашего, назад,
 Где стены школьные хранят
 И первый радостный звонок,
 И первый каждого урок,
 И тяжесть двойки в дневнике,
 Плохое слово на доске,
 Разбитый нос, подбитый глаз,
 И параллельный вредный класс,
 И мимолетный милый взгляд,

Ответы, в общем, невпопад.
 Диктант, контрольные, зачеты,
 Лабораторные, расчеты.
 И первый бал, и танец белый,
 И поцелуй, такой несмелый...
 Все пролетело, словно сон,
 О, если б возвратился он!
 Бегут по-прежнему года
 К известному финалу,
 Лишь в памяти своей всегда
 Мы возвращаемся к началу.

Памяти С. А. Есенина

Расплескалось небо сиренево,
 Я по первому снегу грущу.
 Нету с нами Серёжи Есенина,
 У Природы забвенья ищу.
 Где ты, Русь моя, ситцем укрытая?
 Где тальянка, что в рощу звала?
 А деревня, как птица подбитая,
 Не расправит в полете крыла.
 Разомлела рука опустелая:
 Веру отняли, брось, не проси,
 И кабацкая дурь отупелая
 Перегаром плывет по Руси.
 Расшуметься просторам бы песенно,
 Да затихли поэты в глуши,
 И гуляет Москва сыто-весело
 На поминках народной души.
 Пустополье ветрами прострелено,
 По дорогам зигзаги лихи,
 Нету с нами Серёжи Есенина,
 Кто отпустит нам наши грехи?

г. Усть-Катав

Анатолий Гагаринов

Пикник

Старое железо заскрежетало и покатилося. Мимо поплыли какие-то заборы, растяжки опор, провода, разномастные стены гаражей. Нарастающее движение электропоезда оформилось монотонным воем и, наконец, застыло в постоянной фазе.

В одном из отсеков полупустого вагона сидели двое. Он — седеющий неопределенного возраста мужчина говорил что-то приглушенным бархатным голосом, жадно глядя перед собой. Бросалось в глаза желание понравиться ей и, хоть и выглядело смешным, но было понятным и оправданным. Она была чертовски хороша. Женщина слегка за тридцать в полном расцвете женской красоты, платиновая блондинка с большими зелеными глазами. Едва тронувшая полнота лишь подчеркивала женственность белого упругого тела. Она была из породы людей, которые все схватывали на лету, и от длинных объяснений ей становилось скучно. Он чувствовал это, но обстоятельство, с которой излагалась та или иная мысль была врожденной.

— Понимаешь, о теории этногенеза в двух словах не скажешь. Она родилась в лагере, в голове умного, образованного, генетически заряженного человека. Возможность записывать свои мысли у него появилась не сразу, поэтому приходилось многое держать в голове, многократно возвращаясь назад, прокручивая в голове весь материал, любые записи могли отобрать, но он знал, что вся эта вакханалья должна кончиться, да и просто, чтобы не сойти с ума не мог не думать.

— Так в чем же суть теории?

— Понимаешь...

— Понимаю.

— Если тебе не интересно я могу не говорить.

— Да нет, мне интересно.

— Ну, тогда не перебивай, я постараюсь коротко.

— Да уж, пожалуйста.

— Автор рассматривает этнос, т. е. большую исторически образованную, устойчивую группировку людей — как некий биологический организм. И как всякий организм этнос имеет возраст, который сопровождается определенными энергетическими возможностями. Первый этап субпассионарный характерен неразумной разрушительной силой, способной принести этносу неприятности, длится примерно три четыре века. Затем наступает период пассионарный. В данном случае энергетические возможности совпадают со способностью к созиданию, это, как правило, период расцвета великих империй, он характерен большими завоеваниями нации. Например, Рим, Греция Александра Македонского, крестоносцы. Потом этносы постепенно угасают, и если нет притока новой, свежей крови, молодой пассионарной или субпассионарной биологической подпитки, превращаются в реликтовые народы, живущие в симбиозе с природой, например, наши ханты-манси, бравшие в свое время Рим. Помнишь Атиллу?

— Не помню.

— Не мудрено. Этот варвар давно жил.

— Догадываюсь.

— Не пойму тебя, давай говорить о том, что тебе интересно.

— Мне интересно, что я скажу мужу. Где была.

— Ну, придумай что-нибудь.

— Лимит придумок исчерпан.

— Ну, ты у нас женщина творческая, выкрутишься. Нам пора выходить.

Он спрыгнул с подножки первым, подал ей руку. В это время года, среди недели, народа приезжало немного. Охранники в камуфляжной форме, встречающие все электрички по расписанию, почтительно кивнули ему, а после многозначительно переглянулись вслед.

Они шли по протоптанной среди леса тропинке. Воздух вкусно пах травой и чуть уловимым запахом дыма. Впереди показалось небольшое строение, к которому была прилеплена кирпичная прямоугольная башня с длинной трубой.

— Располагайся, — сказал он, пропустив ее в комнату и показав на кресло.

— Я немного похлопочу. — Открыв предбанник, он загрузил печку дровами и растопил.

Огонь быстро занялся с веселым потрескиванием.

Она тем временем осматривала участок. Видно было, что сделано все добротнo и с толком. Особого размаха не было, но чувствовалась рука мастера.

— Да вы садовод, — сказала она.

— В садоводы мне пока рановато, но работать я люблю — это развивает практический интеллект.

— А это что?

— Это вход в овощную яму, над ним будет стоять дом. Вот тут лестница ведет к двери на глубину трех метров, там у нас продукты, соленья, варенья.

— А это что?

— Тут стоит насос, который качает воду наверх в бак над баней.

— Я зайду в баню.

— Конечно.

— О, как классно. Это вы все сам?

— А то, — он гордо выгнулся.

— Послушай, давай на ты.

— Не могу я. И еще. Я приехала в баню. Давайте договоримся, что больше ничего не будет.

— Я не обещаю, ну посмотрим, не ехать же назад, насиловать я тебя не собираюсь. Давай к столу.

— Вы же знаете — я не люблю коньяк.

— А что ты будешь, за все эти годы, что я тебя знаю, я не изучил твои вкусы.

— Может быть «Мартини», но «Мартини» у вас явно нет.

— Нет, у меня есть «Мартини».

— Мне, право, что-то не хочется. Не люблю ходить в баню нетрезвой.

— А что ты пила, когда у тебя был твой гитарист.

— Я тогда все пила и было приятно. Все было приятно, зачем вы вспомнили об этом.

— Все, все. все. Давай все-таки немного выпьем и закусим. Чуть, чуть. Ты знаешь, что «Мартини» — это вермут. Его подают к острым салатам, которых у нас нет, и к мясным закускам. Несмотря на некоторую сладость, вермут имеет горьковатый привкус. Это в нем от полыни, хинной корки и гвоздики, и вот эта горечь хорошо гармонирует по вкусу с мясом. Из мясных закусок у нас отварной язык с горошком. А я буду пить водочку, под которую язык тоже пойдет.

— Только вы много не пейте, ради бога. Хорошо?

— Давай выпьем за то, чтобы нам не пришлось жалеть ни о чем. Прими происходящее как маленький отдых от того кошмара, в котором ты живешь, отвлекись и не думай ни о чем...

Она зашла в парную первой и села на полоч, прикрыв грудь рукой. Он зашел обмотанный по поясу полотенцем, подойдя к ней, убрал руку с груди, она опять прикрылась.

— Ну, что ты, ложись я натру тебя медом. Она убрала руку. Небольшие нежные груди с упругими сосками и большими кругами вокруг них казались ослепительно-белыми.

Ласковым движением он положил ее на спину, взял заготовленную смесь меда и соли и стал медленно втирать в кожу.

— Теперь держись, — он бросил несколько веточек мяты на камни и, зачерпнув воды из ушата, плеснул туда же. Пар зашипел и стал медленно оседать, слегка обжигая тело.

— Подыми ногу. Париться надо начинать отсюда. — Прогрев ее ноги он отхлестал все тело, затем обтер ее мокрым веником и окатил водой.

— Возьми простыню.

Она закуталась и, выйдя в предбанник, легла на диванчик.

Плеснув воды на каменку, он стал хлестаться сам. Ей показалось, что он при этом несколько раз выругался. Это как-то не резало слух, была здесь какая-то лихость, казалось бы, не свойственная этому человеку.

Когда он вышел, она сидела, красивая, загадочная. Простыня на середине разошлась, обнажив начала расколых грудей и маленький треугольник волос. Он подошел к ней вплотную и поцеловал. Она осторожно ответила. Его губы стали бродить по ее телу, слегка щечока его щеточками усов.

— Ой, щекотно.

— Терпи, — взяв сосок в рот, он стал языком водить вокруг него.

— Откуда вы знаете, что мне это нравится.

— Давно живу.

Он положил ее на спину, склонившись, было над ней, но вспомнил как, недавно рассматривая какой-то прыщик, положил зеркало, а потом, вставая, склонился над ним — он тогда заметил, что начал стареть.

Перевернув ее, он вошел сзади. Мягкая плоть легко впустила его, и он стал медленно раскачивать бедрами, постепенно увеличивая темп и вдруг замер, она сделала движение навстречу, он стал дразнить ее, не давая почувствовать движение, но, заигравшись, почувствовал, как накатывает волна и, выйдя из нее, кончил на диванчик...

Случилось то чего он давно хотел, но почему-то он не чувствовал себя удовлетворенным, у него вдруг сложилось впечатление, как будто он взял чужую вещь. Она прикрыла глаза рукой и сказала:

— Вы так смотрите.

— Как?

— Стыдливо. Если стыдитесь не нужно этим заниматься. Зря все это.

— Сейчас еще раз погреемся, и ты убедишься, что это не зря. Давай все-таки на ты.

— Нет, я не могу.

Подбросив в топку несколько поленьев, он зашел в парную и подготовился к следующему заходу, срезав несколько пихтовых веток, запарил их. Она вошла, по кошачьи ловко забралась на полку, и с показной стыдливостью отвернулась от него. Два веника: пихтовый и березовый заходили по ее белому телу ...

Он взял ее на руки, поднес к маленькому бассейну и осторожно опустил в воду через край. Разгоряченное тело не почувствовало холода. Забравшись в бассейн и сев на выступ, он бережно приподнял ее и посадил прямо на твердую плоть и, прижавшись к ней всем телом, почувствовал как она, обнимая его ногами, стала отвечать на его движения встречными толчками, возможно, ей вспомнилась забытая страсть, дыхание стало прерывистым...

— Не бойся, я тебя берегу, — сказал он.

Она отдалась ему полностью, раздался глухой стон, а когда он вышел из нее, горячая струя толчками снизу ударила ее в грудь и контрастом с холодной водой усилила ощущения до такой силы, что некоторое время прошло в небытии. Придя в себя, она почувствовала, как он нежно слизывает слезы с ее лица.

— Ты что? — спросила она...

В полупустом вагоне электрички наши герои возвращались в город. Он держал на груди ее голову и глупо улыбался...

Пролог

Она подошла к головному вагону и сказала высунувшемуся из окна машинисту:

— Там в четвертом вагоне мужчине плохо.

Сказав это, женщина ускорила шаг, все чаще поднося к глазам руку с платком. Было видно, что она плачет.

г. Челябинск

Александр Комендантов

С природой бесполезно спорить

Круговорот

Необъятной щедростью согрето
В ласковых космических лучах,
Яркое, пленительное лето
Проплывает в сказочных ночах.

Налитые ягоды неспешно
Соберу с уставшего куста.
Расцелую девственную вишню
В спелые и сочные уста.

Сеет морось небосвод дырявый —
Август плавно перешел зенит.
Очень скоро клен мой раскудрявый
Золотом беззвучно зазвенит.

Одолеют свежесть и прохлада,
И поникнет буйство красоты.

Заморозок утренний из сада
Вылещет безжалостно цветы.

И деревья, торопя друг друга,
С грустью сбросят бронзовый наряд.
И зимы серебряная вьюга
Заметет заснувший листопад.

Заискрит алмазностью дождинок
Тихий шелестящий разговор.
И под вальс кружащихся снежинок
Новый год заступит на дозор.

Затрещат крещенские морозы,
Стужа загарцует на коне.
И благоухающие розы
Будут расцветать в красивом сне.

Неохватной шалью теплоснежной
Завернет февральская метель.
И слезой согреет душу нежно
Первая весенняя капель.

И земля в круговороте вечном,
За любовь весну благодаря,
Как невеста, в платье подвенечном
Пышно расцветет у алтаря.

Зелень, буйно шествуя парадом,
Затрубит, ликуя, на весь свет.
Будет нам заслуженной наградой
Новой жизни красочный букет.

Звезды засияют, как «модели»,
Как осколки шумного костра.
Соловьи, приветствуя веселье,
Не заснут в безумстве до утра.

На веселье я не буду лишним
И найду свободные места,
А когда поспеет снова вишня —
Расцелую в сладкие уста.

* * *

Спустилась ночь. Сиреневым все стало,
Как рыжие узоры, облака
Тащились тихо по небу. Устало
Ложилась спать сомлевшая река.

Я по тропинке быстро к ней спустился,
Водичка — исполнение мечты.
Услышав всплески — я на звук пустился,
Туда, где речка пряталась в кусты.

Девчонки, две, там голымя купались,
Плескались после сельского труда.
Весь день, бедняжки, в поле убирались —
В деревне сенокосная страда.

Зевака — месяц, на пути привычном.
Над серебристой речкой обомлел:
Зачаровал его восторг девичий,
Изящество и гибкость юных тел.

Я любовался сказочной картиной
С волнением и трепетом в груди.
Парок курился сонно над низиной,
И мыслей озорных — хоть пруд пруди.

Ушел я тихо, чтобы не нарушить
Идиллии волшебной чистоту,
Гармонию природы не разрушить —
Святого мироздания красоту.

Кумир

Обласкан музыкой, блеск и треск
Обвала шквалистых оваций.
В зените славы Эверест —
Объект охоты паппарацаи.

Вниманием не обделен —
Вокруг восторженные лица.
Друзей, поклонниц миллион —
И надо ж было так случиться:

Свернул с торжественной тропы.
Посмел нелепо оступитьсья.
Под улюлюканье толпы
И ядовитость борзописцев.

В глазах туман, печаль и тишь,
Открыта до пупа рубаша:
Кого в России удивишь —
Лечить депрессию рюмахой.

Друг одиночества — запой.
Погиб кумир. Какая радость!
Ушел затравленный толпой —
Шакалы не прощают слабость.

* * *

В юности пословицу однажды
Слышал я о речке и пути:
Невозможно человеку дважды
Будто бы в одну реку войти.

Невозможно? Экая проблема!
Стоило об этом вести речь?
Молодому — море по колено,
А не то, что речку пересечь.

Молодость лихими скакунами
Понесла вперед — только держись.
В буднях, за житейскими делами
Растворилась прожитая жизнь.

С возрастом не став сухим и важным,
Повидав немало на веку,
Говорю вам: невозможно дважды
Никому войти в одну реку.

* * *

Мне под шелест мокнущей листвы,
Под раскаты грозового лета,
Девушка из солнечной мечты
Вдруг приснилась нынче на рассвете.

Стройненькая, в платье голубом
С нежной, обаятельной улыбкой
Танец отбивала с огоньком
Весело играя станом гибким.

Звонкий голосок, задорный смех
И горячих губ прикосновенье
Разорвали связь земных помех —
Время сократили на мгновенье.

Сердце встрепенулось вмиг в груди,
Забурила кровь огнем по жилам
И вся жизнь, казалась, впереди —
Голова седая закружилась.

* * *

Колокольчик шальной залихватски звенит,
Раскаленное солнце забралось в зенит.
Как мираж, среди лугов расплывается
Утомленная речка — красавица
И проточное озеро — старица.

Тело легкое да мускулистое
Окуну от жары в воду чистую.
Приласкает меня свежесть старицы:
Дай мне, Господи, сил не раскаяться,
Молодецкой душе не состариться

* * *

Уплыло прошлое в туман —
Мы новый заведем роман.
Тебе я снова подарю
Восхода летнего зарю.
Фиалок полевых букет
И свежесть утреннего леса.
Тебе написанный сонет,
Прочту, дурачась, как повеса.
Пойдем по жизни с огоньком,
Ворвемся ветром в старый дом
И новый день нам будет рад:
Восхода летнего зарю,
Тебе я снова подарю,
Как много-много лет назад.

Осень

Разгулялась не на шутку осень,
Золотом окрашивая город.
Облака плывут в макушках сосен —
Я еще не стар, но и не молод.

Свежий ветер собирает тучи —
Счастья нам с тобой не преумножит.
Ты с другим — и с ним, наверно, лучше —
Грустный взгляд твой сердце мне тревожит.

Помнишь, загорелый август звездный,
Музыка чарующе звучала.
Можно все вернуть — еще не поздно,
Можно все опять начать сначала.

Раствориться в вечность утомленным,
Теплотой сердец своих согретым,
Открывать друг друга изумленно
Ласковым и нежным бабьим летом.

* * *

Вот и снова осень. Бабье лето.
Запорхали листья на ветру...
Мы с тобой когда-то до рассвета
Провожали чудную пору.

Подкатили свежесть и прохлада,
Лето пролетело, как во сне
Я под сонный шелест листопада
С грустью вспоминаю о весне.

О мечтах, несбывшихся надеждах,
О делах, что сделал невпопад,
О желанье нежном, как и прежде —
Окунуться в твой влюбленный взгляд.

Жизни осень, как художник кистью,
Изменила цвет любимых глаз.
Наша юность, как с деревьев листья,
Улетела далеко от нас.

* * *

Уморилась бедная планета —
От жары вспотели полюса.
А синоптики вещают, что за летом
Нам мороз подтянет пояса.

Это все издержки потепленья,
Катаклизмы, черт бы их побрал.
Нужно срочно отсылать прошение
В Канцелярии — чтоб кто-нибудь решал.

Сверху им понятней и виднее,
И возможности побольше, чем у нас,
Там, у них, и кадры поумнее —
Как-никак живут на небесах.

Мы, конечно, чтонибудь исправим,
Может — кой-чего изобретем,
Может — речки вспять бежать заставим,
Или полюса перевернем.

Человек, как говорится, царь природы
И не без него творятся чудеса.
Ну а если нас зажмут невзгоды —
Отошлем письмо на небеса.

Пусть решает, помогает делом
 Нами всеми признанный кумир.
 И на помощь поспешает смело,
 Коль уж создал этот грешный мир.

На реке

Гуляет в прошлом память в непогоду,
 А по ночам тоской тревожат сны:
 Колымские таежные восходы —
 Романтика отшельников лесных.
 Простор реки, блуждающей сквозь горы,
 Напор ее стремительной волны,
 И перекатов бойких разговоры,
 И ручейки, что светлых вод полны.
 Впадающие нитью звонкой в русло,
 Сплетаются в клокочущий оркестр.
 Луна с небес сверяет взглядом тусклым
 Природой разрисованный реестр.
 Горит костер — чаёк нам греет души;
 Уха кипит — блаженный аромат!
 Медведь вразвалку прет по кромке суши,
 Унюхав дым — бежит. На перека
 Выходит лось, от комаров спасаясь.
 Красавец! Гордо голову задрал,
 Фырчит. Копытом воду рассекая,
 Фонтаны брызг поднял. Медведь, стремглав,
 Летит на перека, слепой тетеря,
 Фантомом зла, погибельной бедой.
 Сохатый удирает, чуя зверя —
 Скользит огромной тенью над водой.
 Трещат кусты под бешеным напором —
 Устроил на пути своем погром.
 А у костра смолкают разговоры.
 Ночной переполох гудит, как гром.
 Топтыгин перепуган треском, гулом
 Бросается назад. Наверх! Стрелой!
 Обделал бедолага жидким стулом
 Тропинки, что ведут на водопой.
 И тишина! Начало солнцевосхода.
 Заснуло эхо — спутник темноты,
 От края и до края небосвода
 Темнеет зелень, серые хребты.
 Веками сохранный природа —
 Наряд неброский вечной мерзлоты.

Встреча

Промчалось вихрем северное лето,
 И лес роняет бронзовый наряд.
 Деревьев серых тощие скелеты
 Прощальной грустью душу бережат...
 Дорога по терраске вьется тихо:
 Шагаю вверх вдоль шумного ключа
 И груз свой перекидываю лихо
 С потертого усталого плеча.

Каким — то чувством вдруг обеспокоен
 Я замер. И, буквально два шажка,
 В густой траве уверен и спокоен
 Стоит медведь — лохматая башка.
 И мысли, как стрижи, вдруг засновали
 Одна к другой — и хаосом сковали.
 Назад — нельзя! Вперед идти — опасно!
 А положение мое ужасно:
 В любой момент медведь может взречь —
 Подняться на дыбы и озвереть.
 Налево — кочки, голая торфянка;
 В груди комок, но голова светла
 И боком, боком, медленно к полянке...
 Направо — ключ, отвесная скала.
 Бросая взгляд поверхностный на зверя,
 Как скалолаз. Вперед! В мгновение ока
 Десяток метров вниз. Глазам, не веря,
 Стою среди бурлящего потока.
 Топтыгин в прошлом. Далеко.
 Мне дышится свободно и легко.
 А страх пришел позднее — доброхотом,
 И по спине холодным липким потом.

Бурундук

(Таежная быль)

Бурундучок, готовясь к спячке,
 Продукты запасаает впрок:
 Орешки крупные в заначку
 Сбирает за короткий срок.
 Всю осень труженик в работе —
 Погожих дней наперечет.
 Зверек в хозяйственной заботе
 И дни, и ночи напролет.
 Кружит по лесу, ищет шишки,
 На дом наткнувшись, наперед
 Решил, что это было б слишком.
 Не посмотреть — вдруг что найдет.
 В охотничьей избушке пусто.
 Людей не видно. И не густо
 С продуктами: как под метлу —
 Лишь пара крошек на полу.
 Но оказалась, не напрасно
 Решил получше поискать:
 Забыли сливочное масло
 Охотники в бидон убрать.
 Сообразил зверушка живо:
 Морозной зимнею порой
 Кормежка будет мировой,
 А масло — добрая пожива.
 Набив защечные мешочки,
 Проныра уж бежать хотел,
 Да видно, зря спешил пострел —
 Нагрелось маслице до точки
 И потекло. Зверек растерян.
 Понять не может он потери.
 За щечки вновь его собирает,

А масло тает, тает, тает.
По лапкам, грудке вниз стекает.
Бурундучок фырчит, стрекочет
Поведать, будто что-то хочет
На непонятном языке.
В причудной лапочке — руке
Застыло маслица кусочек.
Его опять в мешочки прячет

И от досады скачет, скачет.
Зверьку, конечно, невдомек
Усвоить жизненный урок:
С природой бесполезно спорить.
Оставить нужно кутерьму,
Орешки на зиму готовить
Придется, как всегда, ему.

г. Коркино

69

Графикан № 4-2010

Анна Федосеевкова

Террорист

(Быль)

Если бы я была скульптором, обязательно изваяла бы памятник ждущему на остановке. — Тощая продрогшая фигура, с развевающимся шарфом и вытянутая худая шея. Голова повернута в сторону горизонта, где вот-вот покажется авто. А во взгляде — ожидание, тоска и надежда, которая, как известно, умирает последней.

Трамваи, почему-то, все, как один, на вокзал не шли. Юркие переполненные «ГАЗели» проскакивали мимо.

Я стояла на остановке и, переступая с ноги на ногу, с унынием прикидывала шансы быстро добраться до вокзала. И вот, после получасового стояния на пронизывающем ноябрьском ветру, мне, наконец, повезло. Когда я в очередной раз убедилась, что подошедшая маршрутка полным — полна, как та коробочка, передняя дверь неожиданно распахнулась и кто-то в куртке и черной вязаной шапочке, натянутой до самых глаз, пропищал: «Быстрее, тетенька!»

Не успела я отреагировать на «тетеньку», как сзади, без всяких церемоний, меня подтолкнули и я, едва успев уцепиться одной рукой за дверную ручку, а другой подхватить подол длинной юбки, оказалась в кабине рядом с черной шапочкой.

Обычно я не пользуюсь «привилегией» — сидеть в кабине рядом с шофёром. Мало ли что? Всё-таки в салоне ехать безопаснее. Но тут уж, как говорится, не до жиру.

— Слава Богу! Наконец-то! — тихо радовалась я, а машина уже летела по проспекту, набирая скорость. Ярко-желтой мышью она петляла в сплошном потоке транспорта и, резко тормозя на светофорах, дождалась, когда он подмигнёт своим зелёным глазом. А потом, резвой лошадкой, с места в карьер, неслась до следующего перекрёстка.

Существо неопознанного пола, ёрзающее на сиденье между мной и шофёром, постоянно шмыгало носом и дёргалось всем телом. Я заметила плеер, висевший на груди, и тоненький проводок у щеки.

До вокзала оставалось две остановки, когда существо повернулось ко мне и пропищало: «Тетенька, вы сходите?».

«Сходят с ума!» — пробурчала я себе под нос и, обидевшись, наконец, на «тетеньку», сердито бросила: «Нет.»

— Тогда меня пропустите!

— Да? И как вы это себе представляете? — ехидно спросила я. — Я, что, акробатка, чтобы шастать туда-сюда?

Шофёр, не обращая внимания на нашу словесную дуэль, резко затормозил. Я сидела неподвижно и сильнее вжималась в спинку сиденья, всем своим видом показывая, что никуда из «ГАЗели» выходить не собираюсь.

Существо задумалось. Потом вдруг подпрыгнуло, уселось мне на колени, повернуло ручку и, распахнув дверь, оказалось на тротуаре. Всё произошло так быстро, что я не успела даже пикнуть. А с тротуара мне уже весело махала слетевшей шапочкой хорошенькая девushка в узеньких чёрных джинсах с короткой рыжей стрижкой.

— Ну и молодёжь пошла! — пробурчала я для порядка, довольная тем, что всё так просто разрешилось.

Когда машина остановилась у вокзала, я открыла дверь и, неожиданно для себя, неуклюже съехала с сиденья на тротуар, каким-то чудом успев всё-таки приземлиться на ноги,

а не на пятую точку опоры. Получилось это у меня почти так же виртуозно, как и у моей бывшей попутчицы. Подхватив сумку, как ни в чем не бывало, я поправила сбившийся капюшон и медленно, с достоинством зашагала по пешеходному переходу. Скосив глаза, заметила насмешливый взгляд шофера. Ему, похоже, тоже понравился мой невольный трюк. «Ну, надо же! — угадала я его мысль, — на молодёжь ворчит, а сама вон, что вытворяет!»

Вокзал встретил меня ровным гулом пчелиного улья. Люди озабоченно сновали туда-сюда, образуя небольшие завихрения у дверей магазинчиков. Очереди у касс были небольшими. Это в пятницу здесь настоящее столпотворение. Студенты, соскучившись по дому, разъезжаются во все концы области. Кто-то — чтобы повидаться с родными и друзьями, а большинство — пополнить оскудевший студенческий бюджет и отощавшие общежитские закрома.

Сегодня был четверг. Я без особых усилий купила билет на ближайший автобус и присела на скамейку. В моём распоряжении было почти полчаса.

Развернув пухлую газету, я с интересом предалась изучению великолепных возможностей, которые мне сулили рекламы банков. И так было приятно, что хоть кто-то в этом мире рвётся решить все мои финансовые проблемы. С головой окунувшись в сладкие мечтания, я изредка поглядывала на часы, висевшие на противоположной стене...

Кто-то бесцеремонно плюхнул большую дорожную сумку прямо мне на ноги. Я вздрогнула и, ничего не понимая, уставилась на неё.

Потом перевела взгляд на зимние кроссовки такого же грязно-серого цвета. Наконец, подняв голову, я увидела улыбающуюся физиономию. Невысокий смуглый парень смотрел на меня большими черными глазами и улыбался с неподдельной радостью, как будто перед ним сидела его родная мамочка или, на худой конец, — горячо любимая тётушка.

Мне даже на миг показалось, что он прямо сейчас набросится на меня и задушит в крепких родственных объятиях. На всякий случай я оглянулась назад, но за моей спиной никого подходящего не наблюдалось. Лихорадочно перебирая в уме возможные варианты, которые бы объяснили его неподдельную радость, я внутренне съёжилась и ждала, что же будет дальше. А парень, продолжая улыбаться, демонстрируя отличное состояние своих зубов, наклонился ко мне и мягким обворожительным голосом попросил:

— Мадам! Постерегите, пожалуйста, мою сумку. Мне минут на двадцать надо отойти.

И не дождавшись ответа, он метнулся в сторону выхода. А я успела только крикнуть ему вдогонку:

— Мне скоро ехать!

Не оборачиваясь, он махнул рукой:

— Я недолго! Мне только цветы купить!

И его куртка растаяла в пёстрой толпе.

Ошарашенная, я сидела и тупо соображала:

— Почему это он именно ко мне обратился? А моё любимое Это тут же подсунуло ответ:

— А почему бы и нет? Я ведь не какая —нибудь там... И мой внешний вид...

Не знаю, до каких размеров вырос бы уровень моей самооценки, если бы нить рассуждений не оборвал громкий, хорошо поставленный женский голос:

— Дама, вы что, ненормальная? С ума сошли?

Ещё ничего не понимая, я повернула голову в сторону, откуда доносился голос.

— Вы, что? Не понимаете? Кто это сейчас свои вещи незнакомым оставляет?

Ярко накрашенная блондинка искусственного происхождения, хорошей упитанности, модно одетая и, по всей видимости, очень довольная собой, смотрела на меня с явным неодобрением, высоко подняв тонкую ниточку тщательно выщипанной брови:

— Кто? — растерянно спросила я.

А она, не обращая внимания на мой тупой вопрос, продолжала свою тираду:

— Надо же! Постерегите! Ишь чего захотел! — Вытаращив на меня глаза, как-то по особенному выворачивая сине-фиолетовые губы, она громко выговаривала мне, как нашкодившей ученице:

— Женщина! Вы телевизор не смотрите? Газет не читаете? — с паузами вопрошала она, явно рассчитывая на внимание окружающих.

— Каждый день вам талдычат, чтобы чужие вещи не трогали, а особенно сумки, да ещё — на вокзале!

Она чуть наклонилась ко мне пышногрудым корпусом, обдав густым терпким запахом дорогих духов, и строго спросила:

— Вы зачем согласились? А вдруг там бомба?

— Да я не соглашалась... — вяло пыталась я оправдываться. А колючий противный холодок страха пополз уже по спине вдоль позвоночника. — Я редко бываю на вокзале... — мямлила я, уставясь на сумку, как кролик на удава. — Да, я растерялась как-то... Сразу и не сообразила...

А блондинка, хлопая густо нашвабренными ресницами, трагическим голосом вопрошала:

— Ну и что теперь делать будем, а? А вдруг рванёт? — Она бочком подошла к сумке у моих ног и вдруг предложила:

— А давай, откроем! Посмотрим, что у него там? — перешла она неожиданно на миролюбивый тон.

— Что Вы? — испугалась я и вытянула руки вперёд, загоразивая сумку. — А вдруг действительно рванёт?

Блондинка подбоченилась, по-хозяйски окинула взглядом заполненный людьми зал и озабоченно сказала: — Да-а-а.. Трупов будет мно-о-го!

Я испуганно вскочила и стала оглядываться, не представляя, что теперь делать.

— Может, милицию позвать? — неуверенно предложила я.

Как назло, в поле моего зрения не попадал ни один милиционер. Блондинка стояла всё в той же воинственной позе и с явным интересом наблюдала за мной.

— Ну и чего ты стоишь? Ждешь, когда мы тут все взорвёмся? — почему-то уже перейдя на ты, ехидно и с нескрываемой враждебностью, спросила она. — Давай, ищи кого-нибудь!

— А кого? — не понимала я. — Тут даже милиции нет.

— Ищи охранников! Должна же быть у них служба безопасности!

Еле передвигая ватными ногами, чувствуя себя виноватой и беспомощной одновременно, я поплелась в сторону кафе, где щуплая уборщица в синем халатике вытряхивала мусор из ведра в черный пластиковый мешок.

— Скажите пожалуйста, а где я могу найти кого-нибудь из службы безопасности?

Она непонимающе взглянула на меня:

— Кого?

— Ну, милиционера, охранника, сторожа, наконец!

— А-а-а... — равнодушно протянула она и огляделась. — Да, вон, мужики, рядом с игральным автоматом. — и указала куда-то рукой.

И действительно, в нашу сторону шли, о чем-то весело переговариваясь, два охранника в одинаковой зелёной форме.

— Миленькая расцветочка, — успела я подумать, шагнув им навстречу.

— Извините, пожалуйста. Тут такое дело... Прямо не знаю, как сказать... — мямлила я, умоляюще глядя в глаза старшему из них. Он почему-то внушал мне большее доверие.

— Что случилось? — строго и официально спросил он.

Сначала сбивчиво, а потом вполне вразумительно я объяснила ему ситуацию.

— Может, я поторопилась? Может, он ещё вернётся? А вдруг — нет? — Закончила я свой рассказ и повела их на «место происшествия».

Сумка всё так же одиноко стояла там, где её оставил парень.

Блондинки рядом не наблюдалось. Я огляделась. Блондинка нарисовалась со своими вещами у окна кассы, напротив сумки, но метрах в двадцати, и внимательно наблюдала за всем, что происходит. Позицию она выбрала такую, чтобы можно было в любой момент шмыгнуть за угол, в зону недосягаемости.

Охранники посмотрели на сумку, отошли в сторону и спокойно стояли, продолжая разговор и похихатывая время от времени.

— Нашли время анекдоты травить! А тут такое может случиться! — злилась я.

Не понимая, почему никто ничего не предпринимает, я плюхнулась на старое место и уставилась на злополучную сумку.

«Вот дура! Вечно куда-нибудь вляпаюсь!» — мысленно ругала я себя. Вспомнив о времени, посмотрела на часы. До отправления оставалось ровно семь минут.

- Черт! Надо же! Теперь, чего доброго, поведут фоторобот составлять. На автобус опоздаю... Да, и парня толком не запомнила...

Я попыталась мысленно представить его себе:

— Так, роста он невысокого. Лет ему... А сколь ж ему лет? Наверное, не больше двадцати пяти. А может, даже и чуть меньше... Черная шапка... Нет, кажется кепка! Нет, —

шапка. Точно, — шапка! Куртка... Куртка черная, из плащевки. Что ещё? — Глаза. Глаза у него красивые, черные. А ресницы длинные и пушистые, как у девушки. И улыбочка. Хоть в рекламу! Зубы белые, ровные, как на подбор. И внешность — явно не славянская...

Я сидела и уныло смотрела на людей, снующих мимо меня. Перспективы, которые я рисовала себе на ближайшие два-три часа, не обещали ничего хорошего.

— Вот, и делай людям добро! Что ж теперь, и верить никому нельзя? — трагически вопрошала я себя.

Я безнадежно всматривалась в лица людей и готова была уже расплакаться от отчаяния и жалости к себе, такой невезучей и несчастной...

И вдруг, я увидела его! Он торопливо шел, почти бежал. В высоко поднятой руке он бережно нёс цветы, упакованные в целлофан с яркой ленточкой. И улыбался своей рекламной улыбкой. Мне улыбался!

Вскочив, я схватила свои вещи и, не дожидаясь, побежала к выходу.

— Всё в порядке! Вон он идёт! — бросила я на ходу охранникам. И услышала за спиной громкий голос блондинки:

— А мы тут уже милицию вызвали! Думали, ты — террорист!

Я сидела в теплом автобусе и, закрыв глаза, тихо радовалась, что всё так хорошо кончилось. Представляла себе мальчишку с его цветами и солнечной улыбкой. И от чего-то мне было неловко и немного грустно...

Первая учительница

Тамара Александровна Бабицкая — моя первая учительница. Я благодарю судьбу за то, что именно этого умного, талантливого, красивого человека она назначила моим первым проводником во взрослую жизнь.

Тамара Александровна воспитала в каждом своём ученике уверенность в том, что жизнь — это чудесный мир, а ребёнок — творец с огромными задатками и талантами. Наш класс был самым активным, артистичным и спортивным. Мы пели, танцевали, рисовали, мастерили собственными руками разные нужные вещи. Мы не были «паиньками». С нами было трудно. Ведь наш учитель учил нас до конца отстаивать свою позицию, стоять горой за товарища и за правое дело. Из школы мы унесли во взрослую жизнь любовь и благодарность учителям, активную жизненную позицию, равнодушие, смелость в поступках, стремление брать на себя всё самое трудное и интересное, не бояться «набивать шишки». До сих пор я узнаю письма своих одноклассников по почерку — у всех он такой же, как у нашей первой учительницы.

Первое сентября

Учительница Тамара Александровна — до невозможности молода и красива. Розово-сиреневый трикотажный костюмчик с узенькой юбкой, едва прикрывающей колени, тесно облегает её ладную фигурку. На стройных ножках в капроновых чулках со стрелками красуются белые «лодочки» на высоких шпильках. Модная химическая завивка придаёт заколотым сзади светло-русые волосы пышность и воздушность. Учительница похожа на большой розовый одуванчик. Очки на кончике остренького веснушчатого носика совсем не портят её молодого улыбающегося лица.

Вся классная комната заставлена вазочками, банками и ведрами с цветами. Цветы лежат везде — на учительском столе, на партах, на подоконниках...

Весь первый урок Танюшка, обалдевшая от непривычной обстановки, запахов краски и цветов, новых впечатлений, восхищённо таращится на учительницу, вертит головой, разглядывая шары-светильники на высоком потолке, стены с портретами каких-то сердитых лысых, длинноволосых и бородато-усатых мужчин. Она почти не слышит того, что говорит учительница. Но когда та делает ей замечание, девочка, уже не отрывая глаз, следит за всем, что происходит у доски. Всё сегодня ново и интересно. И Танюшка решает — школа ей нравится!

Соседка по парте — высокая крепкая девчонка с толстой косой. Она, так же, как Танюшка, одета в новое коричневое платье в складочку и белый фартук с большими белыми крыльями. У Элки круглое лицо, нос в ярких веснушках, розовые щеки с весёлыми ямочками. Над умными любопытными глазами непокорно торчит густая русая челка. Смешно

вытянув нижнюю губу, она то и дело дует вверх, чтобы волосы не лезли в глаза. Элка склоняется над тетрадкой, смешно высовывает кончик языка и старательно выписывает закорючки и петельки. А язык в точности повторяет движения пёрышка. Девчонка прикусывает язык зубами, но он снова освобождается и пытается жить своей независимой жизнью.

Красная деревянная ручка зажата побелевшими от напряжения пальцами так, что слышен жалобный скрип металлического пёрышка. Элка широко развела согнутые локти, бесцеремонно сдвинув соседку на самый краешек парты. Танюшка, скукожившись, пытается писать аккуратно, но у неё плохо получается. И когда в очередной раз непослушное перо поехало мимо строчки и, зацепившись, выдало большую жирную кляксу, девочка заплакала. Молодая учительница всё видит. Она тихо подходит, молча сводит Элкины локти, отодвигает её тетрадь и, проведя ребром ладони по середине парты, строго произносит:

— Парта большая. Никто никому не должен мешать. Сядьте удобно и следите за осанкой!

Таня облегченно шмыгает носом и по-хозяйски занимает свою законную территорию.

На уроке рисования Элка великодушно делится с Таней цветными карандашами, а та в ответ обещает показать фантики.

Когда прозвенел звонок с последнего урока, Танюшка раскладывает фантики на парте, а девчонки обступают её тесным кружком. Они с завистью смотрят на бумажное «сокровище». А Танюшка воодушевлённо рассказывает, как и когда фантик появился в коллекции, на что она его поменяла... Осторожно, как нечто дорогое, ценное, девочки берут фантики в руки, разглядывают, обмениваются впечатлениями... Через полчаса одноклассницы уже знают, кого как зовут, кто где живёт и с кем дружит.

Бережно сложив фантики в портфель, Танюшка вместе с остальными выходит во двор. Кто-то достает из портфеля скакалку. Начинается соревнование. Каждой хочется показать, как она здорово прыгает. Чего только не умеют девочки: прыгать на двух и на одной ножке, с закрытыми глазами, спиной назад, через скрещенные руки, прыгать по двое и даже по трое. Но всех обскакала Люська Виноградская — маленькая юркая смуглянка, смешная и курносая. Она постоянно вытирает нос внутренней стороной ладошки, проводя снизу вверх. Как будто боится, что нос выпрямится и станет таким, как у всех. Люська дольше всех неутомимо прыгает через скакалку, а её пушистая коса мотается за спиной и взлетает вверх, готовая вот-вот оторваться.

— Ну, всё! Хватит! Айда по домам! — командует Люська.

Девчонки бегут за своими портфелям, сваленным в кучу на крыльце.

Танюшкин лежит сверху и почему-то открыт. Предчувствуя неладное, девочка откидывает крышку и обнаруживает пропажу. Фантики исчезли. Только один сиротливо лежит на асфальте, рядом с повядшей, потерянной кем-то астрой.

Танюшка стоит с раскрытым портфелем в руках, а из глаз прозрачными бусинами выкатываются слёзы.

— Не реви! Найдём гадину! — заверила Люська и воинственно обвела взглядом девчонок. — Ну, смотрите! Если кто-то из вас... — И, не договорив, закинув портфель на плечо, пошла домой.

Всю дорогу до дома Танюшка горько ревет, не обращая внимания на Элкины уговоры, на оклики и насмешки прохожих.

Утром следующего дня перед началом первого урока, когда все уже расселись по местам, серьёзная Люська вышла к доске и, сощуривая круглые, шоколадного цвета глаза, строгим голосом заявила, что она знает, кто спёр у Таньки фантики. Если не хочет, чтобы ему расквасили нос, пусть вернёт! Она, видимо, решила взять вора на испуг. А вдруг клонет?

Учительницу, вошедшую со звонком, удивила ненормальная гробовая тишина, повисшая в классе.

— Молодцы, ребята! Настоящие ученики! Так и надо: дисциплина должна быть всегда, даже если учителя нет в классе. А тебе, Люся, я объявляю благодарность.

Люська, смущённая неожиданной похвалой, зарделась как маков цвет и села на место.

Когда прозвенел звонок с последнего урока, Люська схватила Таньку за рукав и решительно потащила на улицу. Элка едва успела за ними.

— Будем проверять портфели. Всё рано найдём вора! — прошипела Люська, — Вставай здесь. Ты, Элка, никого не пропускаяй.

Вышедшим на крыльцо девчонкам Люська объявила:

— А ну! Открывайте портфели!

И чтоб ни у кого не оставалось сомнения, она показала кулак:

— Видали? Щас получите, если не поняли!

Все всё поняли. Шмон был произведён быстро и организованно. Среди уже проверенных первоклассников появились добровольные помощники. Им, видимо, тоже не терпелось узнать, кто совершил такое подлое дело. Да ещё в первый день учебы.

Самым активным оказался Васька Плотников — «Сало». Такое незамысловатое прозвище он получил в первый же день, благодаря своей невероятной полноте и неповоротливости. Сало, сопя от усердия, проворно шарил в чужих портфелях, подобострастно заглядывая Люське в глаза, докладывая о результатах проделанной работы. Трудился на совесть.

Вокруг проверяющих собрался уже почти весь класс, а фантики так и не нашлись. На лицах ребят читалось недоумение. Послышались робкие предположения:

— А, может, это вовсе и не из нашего класса кто-то? Всю школу же не обыщешь?

Тут на крыльцо вышла техничка тетя Шура:

— Ну, что собрались? Чего домой не идёте? Кто у вас в первом «Б» сегодня дежурный?

— Ой, я забыла! — виновато промямлила толстогубая, медлительная Таня Суркова — Сурок.

— Иди, убирай! Столько мусора оставили после себя. Фантики раскидали по всему полу!

— Фантики? — взвизгнула Люська и, кругнувшись на пятке вокруг собственной оси, схватила подружку за рукав и поволокла обратно в класс. Любопытные последовали за ними.

По всему полу классной комнаты, вперемишку со смятыми тетрадными листками и грязными промокашками, цветным ковром лежали фантики.

— Ой, это же мои! Мои фантики! — радостно ойкнула Танюшка и вместе с девчонками бросилась собирать.

Найденная таким образом пропажа была благополучно возвращена в портфель, а счастливая Танька вместе с Элкой и Люськой, весело болтая, отправилась домой.

Уже прощаясь, перед тем, как разбежаться в разные стороны, Люська задумчиво произнесла:

— А я всё равно узнаю, кто этот гад! Ишь, хитренький, подбросил. Всё равно найду! Пусть не радуется.

В мирное русло

Нет худа без добра — это известно каждому. История с фантиками, несмотря на незавершенный конец, вызвала у всего класса нестерпимый зуд коллекционирования. Каждый день на переменках или после уроков в классе происходили импровизированные «выставки-презентации» самых разных коллекций и собраний. Вниманию одноклассников была представлена целая кипа открыток. Да ещё каких! Там были даже такие, старинные, с кудрявыми ангелочками и миленькими девушками с пухлыми щёчками и губками бантиком, с пушистыми кошечками и надписями с буквами ять. Их, как оказалось, собирала ещё чья-то бабушка. Мальчишки сравнивали отцовские альбомы с марками: у кого толще. Девчонки обменивались тетрадками со стихами старших сестёр и вырезками из журналов. Некоторые притащили плоских бумажно-картонных кукол, к которым прилагались кипы нарисованных платьев и шляпок.

Любочка Ковальчук — единственная избалованная дочка взахлёб любящих её родителей, принесла цветную картонную коробку из под каких-то диковинных конфет. Когда Любочка открыла крышку, взорам восхищённых девчонок предстали самые настоящие брошки, какие носили взрослые барышни на шерстяных и крепдешиновых платьях и блузках: в виде бантиков, бабочек, цветов с разноцветными камнями и стекляшками разных размеров. Брошек было штук двадцать. Каждая из девчонок хоть одну подержала в руках. Бесценным сокровищем казалась им старая бижутерия, доставшаяся Любочке от московской родственницы, у которой она гостила летом. Перед тем, как закрыть коробку и снова перевязать её коричневой резинкой, Любочка прицепила каждую брошку к шелковой тряпочке и пересчитала брошки.

Валерка Ятайкин — маленький замарашка с хитренькими восточными глазками, принёс шахматную доску с фигурами, вырезанными из костей какого-то морского зверя. Никто не знал, что за зверь лёг костями на шахматное поле, но фигурки понравились всем (Валерке потом досталось от отца за то, что не все костяные зверушки вернулись домой).

Валя Кутепова — бойкая широкоплечая девочка с непослушными льняными прядями, стянутыми на затылке в хвост, жила рядом со школой. Она притащила большую коробку из-под обуви с одеколонными флаконами. Бутылки и бутылёчки разной формы и размеров с красивыми наклейками были пусты, но запах остался. А те, на дне которых ещё таились остатки одеколона, были тут же открыты и опустошены. В классе несколько дней потом стойко держалась гремучая смесь одеколонного парфюма самых разных сортов.

Не обошлось без происшествий. Сало удивил ребят коллекцией каких-то красивых бумажек, похожих на большие денежные купюры. Он с важным видом вынул пачку из портфеля и небрежно бросил на парту:

— У нас таких дома — завались. Берите, кому надо!

Все и взяли. Кто одну, кто — несколько... А на следующее утро в классе состоялся допрос с пристрастием. Васькина мама, такая же большая и щекастая, как сын, долго и пронзительно визжала, обзывая ребят ворьём, шаромыжниками и прочими нелестными словами, пока не вмешалась Тамара Александровна. Через день все до одной бумажки были возвращены владельцу. Оказалось, что Васька, решив всех удивить, нашел дома облигации государственного займа, припрятанные родителями подальше от детей.

— Я думал, что они не нужны никому, — неубедительно оправдывался Васька, когда мать трясла его за чуб перед классом.

Тамара Александровна почти весь урок о чем-то вполголоса разговаривала с ней за дверью, Васька, красный и растрёпанный, шмыгал носом у доски, а притихшие ребята ждали, чем всё кончится. К их большому удивлению и неподдельной радости учительница ограничилась воспитательной беседой на тему «Своё и чужое», а также срочным внеочередным родительским собранием. Впрочем, это мероприятие не принесло никому огорчений. Репрессий со стороны родителей тоже не последовало. По крайней мере, никто из ребят на эту тему особо не откровенничал.

Надо отдать должное учительнице. Она, хоть и молода ещё была, но проявила настоящую педагогическую смекалку. Бурную инициативу снизу, проявленную её питомцами, она легко подхватила и направила в мирное русло. Тамара Александровна объявила классу, что составила график:

— ...и теперь каждый должен провести воображаемую экскурсию по воображаемому выставочному залу, выступить с глубоким и содержательным рассказом о своём экспонате, — закончила она свой рассказ о пользе коллекционирования.

Благодаря воспитательной находчивости молодой учительницы, простое, понятное желание похвастаться, произвести впечатление, у многих первоклашек переросло в истинное увлечение и неутомимое стремление к новым познаниям. Объектами неподдельного интереса её воспитанников стали не только предметы обычного коллекционирования. Дело дошло до семейных фотографий, а потом и до домашних питомцев самых разных возрастов, мастей, степеней клыкастости, зубастости, пушистости, шерстистости и хвостатости.

Вор найден

Люська Виноградская извлекла свою выгоду из учительской затеи. Принесённые ею наклейки от спичечных коробков, которые собирал старший брат Стасик, таинственным образом, как Люська и предполагала, исчезли из портфеля уже после второй переменки. Пошептавшись с подругами, Люська внимательно и пристально всматривалась в глаза одноклассников, пытаясь неизвестным ей пока дедуктивным методом Шерлока Холмса выявить эту подлую душонку — похитителя. Единственное, что казалось бесспорным в Люськиных рассуждениях, — воришкой, скорей всего, был пацан. Девчонкам спичечные коробки вместе с наклейками были совершенно до лампочки.

Последним уроком в пятницу была физкультура. Физрук где-то задержался. Свалив портфели в кучу, класс с диким гиканьем и визгом носился по спортзалу. Кто с мячом, кто просто так, наслаждаясь свободой и вседозволенностью. Люська и Элка незаметно выскользнули за дверь.

Они решили без помех и излишнего сопротивления произвести обыск в раздевалке. И в первом же мальчишеском портфеле нашли то, что искали.

Выявить хозяина портфеля тоже не составило труда. На всех тетрадках красовалась одна и та же фамилия: Плотников.

— Вот, Сало — га-а-ад! — выдохнула Люська.

С Васькиным портфелем в одной руке и пачкой спичечных наклеек в другой, она с победным криком влетела в спортзал. Вид у неё был такой, что гвалт и беготня прекратились сразу, как только Люська затормозила перед Васькой и обрушила на его круглую, щекасто-ушастую голову всю тяжесть его же портфеля.

— Попался, гад? — она гневно ткнула ему в нос кулак с ворохом наклеек.

Васька сразу всё понял. Он покаянно опустил круглую, коротко остриженную со смешным чубчиком голову. Из-под воротничка его клетчатой фланелевой рубашки предательски ползла вверх волна ярко-алой краски. Она медленно заливала шею, подбородок, круглые щёки, лоб, оттопыренные уши... Когда краска пробралась под чубчик, из Васькиных глаз на пол посыпались градины крупных слёз. Тишина стояла такая, что слышно было, как они стучаются об пол, прежде чем разлететься в мелкую сверкающую в лучах солнца легчайшую пыльцу...

После того, как Люська долбанула воришку портфелем ещё раз, класс сорвался с цепи. Никто не разбирает ни правых, ни виноватых. Лупили, кто кого и чем попало. И уже было неважно за что. В азарте вспыхнувшей битвы за справедливость в ход пошли кулаки, ногти, коленки и другие части тела. Тумаки раздавались направо и налево. Крик и визг в спортзале стоял такой, что никто никого не слышал. Все орали.

Опоздавший физрук, прикинув масштаб предстоящей работы, позвал на помощь ещё двух, свободных от уроков учителей. Совместными неимоверными усилиями они кое-как растащили кучу-малу и укротили первый «Б». Ваське досталось по полной программе. Из расквашенного носа по двойному подбородку с ямочкой стекала розовая сукровица вперемешку с соплями и слезами. Он громко ревел, как маленький. Рубашка была порвана. Пуговицы разлетелись по полу. Один рукав безжизненно свисал с опущенной руки, держась на манжете. Другой — ниточкой надежды цеплялся за плечевой шов. Его просто не успели оторвать до конца.

После урока состоялось экстренное классное собрание. Перед взъерошенными и растрёпанными «бэшниками», застывшими по стойке «смирно» у своих парт, с грозными, недовольными лицами встали учителя: Тамара Александровна, длинный физрук, имени которого никто из ребят пока не запомнил, директор — Любовь Петровна и ещё несколько любопытствующих взрослых. У Тамары Александровны дрожали руки, а на бледных скулах выступили нервные пятна. Она бестолково снимала, тёрла носовым платком и снова надевала очки, сокрушенно повторяя:

— Кто вас этому учил? Ну, кто вас этому учил?

— Бандиты! Сборище хулиганов! Я не позволю заниматься самоуправством в своей школе! — В громовом голосе директора штормовыми нотами звучала нешуточная угроза. — Мы выявим зачинщиков безобразия и примем меры. И меры будут очень строгие! Оч-ч-ень строгие! Если тут кому-то кажется, что в школе можно устраивать колл-л-лективные драки, я вас уверяю, он очч-чч-ень ошибается!

— Ну, вы ребята, даёте! Хорошо, хоть не убили друг друга! — с восхищением выпалил молодой физрук. А потом, оглянувшись на директрису, уже строгим голосом рявкнул:

— Дисциплина обязательна для всех! — и смущённо кашлянул.

Зачинщиков выявили быстро.

На второй день в школу вызвали Люськиных, Элкиных и Танькиных родителей.

— Самое страшное, что девочки, первоклассницы способны на такое безобразие! — закончила свою возмущенно-патетическую речь солдафонного вида директриса. — Я настоятельно прошу, нет, я требую от родителей принять незамедлительные и действенные меры. Иначе, кого мы будем иметь через три-четыре года? — трагически вопрошала она, а потом, громко выдохнув, без сил рухнула на стул. Старый стул жалобно пискнул, но устоял.

— Да, что с ними церемониться? — устало махнула рукой Танюшкина мать, — задрать подол и всыпать!

— Ну, так тоже нельзя! Вы же — родители! Должны понимать: телесные наказания — не аргумент в век освоения космического пространства. Надо найти нужные слова, чтобы до каждого дошло. Телесные наказания в Советской стране? В нашей школе? — Ни в коем случае! Я не допущу никакого рукоприкладства! — подняв брови домиком искренне возмущалась завуч Ираида Абрамовна — старая дева смутного возраста.

Девчонки стояли в коридоре за неплотно прикрытой дверью, вслушивались в разговор и, замирая от страха, ожидали своей участи.

Элка не сомневалась: ей достанется! Если не ремень, то уж стоянка в углу обеспечена. Вместе с домашним арестом на неделю, а то и на две.

Люська хорошо изучила характер своей матери. Девчонка точно знала, что весь материнский пыл испарится бесследно, пока они дойдут до дома.

Многодетная семья Виноградских жила на самом краю посёлка. Их домик был последним в ряду таких же шпальных домишек, больше похожих на землянки: кособоких, с низенькими, покрытыми толем крышами, из-под которых подслеповато и наивно глядели они на мир чистые стёкла маленьких окошек.

За домом был большой пустырь, заросший лопухами и корявыми кустами акаций. А дальше — железный забор, который своей высотой и непроницаемостью постоянно дразнил ребячье любопытство.

— Главное, — вовремя увернуться, если мать, наслушавшись педагогических наставлений, всё-таки предпримет попытку воспитательного воздействия. — думала Люська — любимое чадо своих родителей. Чадо было последним из шестерых отпрысков династии Виноградских. И очень поздним ребёнком. Люська ещё не знала, что поздний ребёнок — самый дорогой для родителей, беззащитных перед грядущей старостью и осознанием вины за свой безрассудный и стыдный, с точки зрения обывателей, поступок — рожать в сорок с хвостиком лет. Но всем своим детским сердцем она чувствовала, что родители её любят и никому не дадут в обиду, и, тем более, не станут наказывать физически. Люськин отец — Вацлав Адамович — тихий бухгалтер с овощной базы любил своих и чужих детей какой-то неземной, ненормальной любовью. Никто не слышал от него не то, что грубого слова, его вообще не было слышно, потому что голос у него был тихий, шелестящий. Да и говорил он редко. Просто сидел и, протирая круглые очки клетчатым носовым платком, задумчиво смотрел на детей и улыбался виновато — глупой улыбкой. Когда дело касалось его собственных детей, он напрочь забывал коротенькое, простое слово «нет». Люське, Эльке или Стасику не составляло большого труда выпросить у отца всё, что угодно: от последнего в его кармане рубля, до самой дорогой игрушки в магазине. Поэтому тётя Фаля, Люськина мать, чутко стояла на страже скудного семейного бюджета и старалась, чтобы зарплата мужа хранилась в недосягаемости от него, в целостности и сохранности.

Элка стойко выдержала повторный допрос, учинённый дома, строгое устное внушение матери и добавочное воспитательное воздействие в виде трёхчасового тупого созерцания глубокой трещины в переднем углу детской комнаты.

Легче всех отделалась Танька. Мать лениво шлёпнула её ниже спины, — так, для порядка. Не отвечая на расспросы бабушки, молча проглотила таблетку, перевязала голову платком и, махнув рукой, упала на кровать и отвернулась лицом к стене: — Пропадите вы все пропадом! Сил моих нет!

Восьмое Марта

— Международный женский день Восьмое Марта — самый главный праздник в школе! — Так думали все ученики начальных классов. Потому что в этот день их учителя, а вернее учительницы, как царевны-Лягушки, преображались до неузнаваемости, волшебным образом превращаясь в сказочных принцесс.

А Тамара Александровна была самой красивой. Это было бесспорно! И попробовал бы кто поспорить с первым «Б»! — Вот никто и не спорил. По крайней мере, вслух усомниться в этом никто не решался.

Любимая учительница предстала сегодня перед классом в умопомрачительном платье из розовой парчи. Умопомрачительным его делали пушистые манжеты и воротничок из старого, когда то белого песка, снятого с отслужившего свой срок зимнего пальто. Неизменно белые лодочки на тоненькой шпильке завершали образ неземной богини, сошедшей с небес. На музыкальных длинных пальцах — два кольца: одно тоненькое обручальное, другое — массивное с огромным камнем, на отшлифованной поверхности которого змеятся темные узоры. Такие же камни — в тяжелых серьгах, вдетых в маленькие розовые ушки. Они зелёными задумчивыми каплями качаются под облаком пушистых светлых волос, завораживая взгляды ребят. И никакие силы в мире не могут оторвать эти взгляды от такого невозможного чуда — их Тамары Александровны, которая стоит у доски в убогой обстановке школьного класса, переступая лёгкими каблучками по выщербленному полу с облезлой краской. И никакие педагогические уловки классной Богини в этот день не способны про-

биться к неокрепшему разуму своих учеников, не умеющих ещё преодолевать чары женской красоты и сказочного волшебства преобразования.

Справедливости ради, надо отметить, что в не многочисленном педагогическом коллективе школы пребывали ещё несколько Богинь.

А сухонькая, поджарая директриса, чем-то неуловимо напоминающая полковница Александра Суворова, застрявшая во времени завуч, химичка, благополучно достигшая пенсионного возраста, и ещё несколько педагогов, возраст и половую принадлежность которых первоклашки определяли только по одежде и причёске, скорее всего, относились уже к другим, более серьёзным кастам. Либо к добрым волшебницам (в чём очень сомневались первоклашки), либо к злым колдуньям, либо к убеждённым, уже состоявшимся ведьмам. Но не о них речь.

Римма Михайловна — бестелесное, белокурое существо, похожее на ангела, окутанного аурой дорогих духов, — учительница второго «А». Галина Александровна — классная мама четвёртого «В» — маленький, взъерошенный воробышек, удивлённо хлопающий длинными ресницами над широко распахнутыми огромными серыми глазами. Тамара Александровна — самозабвенная любовь первого «Б»... — Вот и все Богини. По крайней мере, из того круга педагогов, которых знала малышня.

— Но, если уж Богини для чего-то сошли с неба, значит, им следует поклоняться и приносить дары! — были абсолютно уверены все первоклашки. Родители первого «Б», похоже, думали так же. Поэтому сегодня их любимые чада важно вышагивали в школу с пакетами и коробочками. Они выкладывали свои сокровища на учительский стол. И каждый старался, чтобы именно его подарок оказался сверху, а любимая учительница именно его узрела первым.

Диапазон родительской фантазии зависел от многих факторов. И в первую очередь от интуитивного желания «подмазаться», обратить внимание педагога на любимое дитё. Чтобы оно — дитё, благодаря совместным усилиям, стало в недалёком будущем вполне «перспективным выпускником и настоящим гражданином своей страны». А если без пафоса, то каждый лелеял вполне понятную надежду на более пристальное внимание педагога к одному из сорока шести учеников, и, если уж не на любовь, то хотя бы на более снисходительное отношение к растущей «надежде и опоре» родителей.

Учительница, вошедшая в класс одновременно со звонком, озадаченно остановилась у стола, заваленного подарками, и с улыбкой смущения развела руками:

— Ну, зачем вы, ребята? Мне ничего не нужно...

В классе повисла тишина непонимания. Стоящие по стойке «смирно» ученики, затавив дыхание, пожирали учительницу глазами и недоумевали, почему она не радуется, не хлопает в ладоши и не скачет на одной ножке? Ведь от такого количества подарков любой здравомыслящий человек просто обязан немедленно сойти с ума!

— Дорогая, Тамара Александровна! Поздравляем Вас с международным женским днём! Желаем Вам крепкого здоровья, успехов в труде и большого чел-ов... че-ло-ве-чес-ко-го счастья! — выразительно по слогам дочитала вслух свою открытку Люба Баркова — умная девочка с высоким лбом. Остальные стояли, не в силах оторвать глаз от заваленного коробочками и свёртками с бантиками стола.

— Ну, что ж... — неуверенно вздохнула Тамара Александровна, — Если уж... Тогда вручайте сами свои подарки. Так, наверное, будет правильнее.

Церемония вручения растянулась на весь урок. Ребята, кто с гордостью, кто в лёгком смущении, друг за другом подходили к столу, брали в руки свой подарок и, прочитав поздравление, вручали Богине. А она с серьёзным видом пожимала протянутую руку и одинаково благодарила всех:

— Спасибо! Очень приятно!

Элке тоже было очень приятно. Она хотела поразить Тамару Александровну коллекцией фотографий известных артистов, которые покупала в газетном киоске, экономя на буфетных пирожках. Но мама приготовила для вручения толстую книгу в красивом переплёте. Она называлась «Пётр первый». Учительница, бережно принимая книгу из рук Элки, сказала так, чтобы слышали все:

— Книга для любого человека — самый лучший подарок! А такая — особенно!

Но не все подношения приняла Богиня. Увидев в руке маленького толстощёкого крепыша Славки Земелина прозрачный пакетик с капроновыми чулками, она покраснела и строгим голосом отчеканила:

— Бельё и одежду я покупаю себе сама! Возьми, пожалуйста, и отнеси это своей маме. И скажи ей от меня спасибо.

Потом она внимательно осмотрела стол, отложила в сторону ещё несколько пакетиков и кулёчков. Когда торжественно-дарительное начало праздничного дня подошло к завершению, Богиня произнесла ответную речь:

— Я тоже поздравляю ваших мам и бабушек с Женским днём, желаю им всего самого хорошего и надеюсь, что и вы преподнесёте им самый желанный подарок — вашу отличную учёбу и достойное поведение. И передайте, пожалуйста, мою просьбу: больше никаких подарков ни по какому поводу мне дарить не надо. Потому что я, как любой вежливый человек, обязана буду тоже подарить всем подарки. Но моей зарплаты на это не хватит. А мне не хочется быть неблагодарной.

Подаренные шоколад, конфеты и зефир в красивых коробках были благополучно уничтожены совместными усилиями в тот же день. — Тамара Александровна после уроков организовала весёлое чаепитие с играми, ребусами, загадками. Но урок первоклассники усвоили прочно. Заканчивая школу, на выпускном вечере они преподнесли своим любимым учителям фотографию класса в скромной деревянной рамочке, огромные, самые красивые из возможных букеты июньских цветов и безумно благоухающие охапки отцветающей сирени.

г. Коркино

Александр Петрушкин

Неужели теперь я смертный

* * *

Невоспитуемые мы — перевоспитывать не поздно:
во всех небесных детдомах — то карантин, то доносы.
Не заговариваешь боль, не проговариваешь смертных:
учиться поздно говорить — вокруг Кытлым. Из незаметных

я самым незаметным стать хотел бы — угольною пылью...
у нас — особенная сталь — из тощей и прозрачной выи
рукою вынешь голоса тех, кто лежит здесь под дорогой,
припоминая Богу мать и, с матерью перед порогом

заканчивая разговор, перед порогом с каждой сукой
я говорю, как говорю (всё чаще через пере)стuki
И с этой стороны стучат, и с этой обломают перья —
как смерть кумам или ментам — все наши кости в глотку мерой.

* * *

Не вспоминай меня — на свет
наколот пластырь света. Урка,
пока ты остаёшься здесь —
летит, как стрекоза, маршрутка.

Не вспоминай меня — простить
из лагеря побег заветен
пока хранят, как сухари,
зверёныши нас, эти дети.

За всех, что были неспроста,
теперь начисленная плата

нас ждёт, считая тьму до ста
и пластыри до зоосада.

Ты, убивающий стрекоз
подземных тёмными шагами —
не ожидаешь, но пройдёшь
над взглядом нашим сапогами.

Не вспоминай меня за свет
засвечено — на пол-аршина
мой дом оторван от земли
и пластыря почти не видно.

Моисей

Сергею Ивкину

Господи, сколько костей в моём горле и сколько гостей? —
 Если заснуть, то возможно уже не проснуться —
 Это ли повод читать то, что им
 косноязычный подарит повод вернуться

Яблочный помнишь забор, подзаборная швайн? —
 Сладок язык каждой вши в языковом окопе —
 Небо не кажется ближе — жежешна родня —
 Это ли повод забыть о горе и вернуться к Европе.

Так подымаешься в, свой как чума, интернет
 Ноги в свинце и сам полимерен напрасно —
 Мера не выдаст, и КемерОвский не съест —
 Смертные здесь — тоже особая каста.

Ляжем костями, чтоб урановый счётчик звенел,
 Чтобы давились виной своей полые лица.
 Ангел упрячет крыло в подвисочный раздел,
 Чтобы любой Моисей здесь не смог объясниться.

Господи, встань и иди через гору, насквозь, на провал,
 Брось мне в подачку молчанье и лет тридцать восемь
 Бог нас блюёт — в смысле чертит незримый финал —
 Сколько в горле костей? — бьётся оземь.

* * *

* * *

мне не с кем говорить ни тут ни там
 похоже дым похоже по губам
 водили х...ром бритвою пером
 судьбою рыбьей чешуёй лапшой
 братан не бойся больше не проси
 на двух не хватит зеков и рассий
 на двух не хватит пепла и вины
 вода течёт но обтекает дым

нам не с кем говорить с тобою брат
 вводи по капле в вену препарат
 ты препарлируешь и бога и лягух
 как каин авеля как плоть безмолвный дух
 братан не бойся дальше будет свет
 ещё подальше тьма — двух сигарет
 нам не хватает и хватаешь дух
 как рыба воздух бога нет на двух

нам нечем говорить с тобою брат
 весь русский низок инородный гад
 мне не с кем говорить за нас с тобой
 один стоит над нашей головой
 с прошитым темячком и рваною губой
 откроет рот и бьётся как плотва
 со смертью накрест языком братва
 а я стою и наблюдаю дым
 и не кем мне вот здесь
 заговорить

о, оловянный голос тишины
 до оленины мясо на зубах
 нас носит страх за третьих [не своих]
 на мятной к пятнице неделе на губах
 воловых львиное лицо глядит в окно
 и оставляет четверной [как в рюмке] свет
 и машет стрекоза ему в окно четырёхкрытый
 и просторный снегу

цвет

о, жертвоприношение моё
 непринятое чашей — никого
 ни ангела ни семени во тьму
 ни крови ни ошметка не возьму

в субботу в пасху в мясо как своё
 меня кладёт за дар себе зверьё
 о, доброе зверьё меня меня
 ты вынимаешь дымом из огня
 и раздуваешь ноздри как метель
 засовывая как записку в щель

написанное мною м...даком
 и унося в своё гнездовье ком
 из мяса и его нетишины
 которые уже не
 прощены

Четверг

неужели я настоящий...

О. Мандельштам

и была у смертей улыбка
но недолго — на море зыбка

от локтя до локтя как Индра
ты приедешь и слышишь Тында

на хрена мне как двери тело
что я мог всё уже ты спела

скрипка купленная трёхрублёво
а пройдёшь и внутри х...рово

только дверь постучится в воздух
растворится голос возле

неужели теперь я смертный
баба с возу — улыбка светит

* * *

спине уже не больно на окно
ложится смерть ласкать её детей
и хорошо быть среднему поэту
приподыматься к утреннему свету
так рядом с местной бабой третью
не ожидать и слушать как живой

с соседом говорит стучится пяткой
в живот у смерти в земли для детей
как хорошо быть средним человеком
уравненным со смертью живым смехом
своих уже рождённых дочерей
и им одним понятным слов порядком

спине уже не больно на окно
прикладывается смерть — её щекочешь
и быть иным и говорить с плечом не хочешь
тем более что на плече их нет
тем менее что узнавать ответ
причины не найдется не находишь

и снигири клюют её животный свет
рельефный неизвестный
бог есть нет

и никого не
спросишь

Чад

Ольге Ермолаевой

над головами в чад трамвай влетел разбился
на стаю медленных ворон
разворотился

на стаю медленных ворон на горловое
молчание на дирижабль
над головою

свистит молчание свистит заветной уркой
над головами в чад трамвай на полудурка
всегда дурак

найдёт игру цветные тряпки
на перестрелку есть всегда свои
посадки

над головами Чад трамвай и дым до пепла

и я стою — не навсегда

светло и слепо

г. Кыштым

Владимир Тараканов

Джокер

(Рассказ)

До глубокой ночи в комнате № 906 университетского общежития играли в карты. Хозяева, будущие юристы, в пух и прах «разделали» Георгия Семенова, больше известного под именем «джокер». Он филолог, второкурсник. И лучше нас с вами знает «формулу» Михаила Круга, что «не очко обычно губит, а к одиннадцати туз». И пять раз за вечер этот самый туз не позволил парню «сорвать» банк. В свою комнату Жора возвратился без гроша в кармане. Были проиграны все деньги, полученные сегодня переводом от родителей. «Утро вечера мудренее... Как-нибудь выкручусь... Через три дня стипендия», — думал он, засыпая.

Но поговорка: «Утро вечера мудренее» на следующий день легла больше решкой, чем орлом. Перво-наперво он проспал занятия. Правда, и в другие дни Семенов без угрызений

совести пропускал лекции и практические. Зачем ему, скажем, старославянский язык? Когда получит диплом, в школе, наверное, и русский-то перестанут преподавать. Кроме того, что проспал, так еще по его душу прибежала сокурница — отличница Алка Югова. Она прирабатывает лаборанткой в кабинете литературы и была на различных «посылках».

— Тебя, Гога, — говорит, — декан желает лицезреть. Послал вот меня. Ждет. Отчего-то сжимает и разжимает кулаки. Вроде как драться с кем-то собирается... Без Семенова, говорит, не возвращайся.

Общежитие в двух шагах от альма-матер. Дорогой Георгий успеваешь не только выморщить у Алки стодольник до стипендии, но и подумать: либо декану уже «настучали» о вчерашней игре, либо его волокут на «ковёр» для «накачки» за постоянные пропуски — в эти дни в университете проходит «неделя» всеобщей посещаемости занятий...

Но оказалось ни то, ни другое. Добрейший Александр Павлович встретил джокера «свиристым лицом», на «здрасте» только хмыкнул, энергично потер одну ладонь о другую и этак ехидно спросил:

— Как вы думаете, Семенов, чем я перед вашим приходом занимался?

— Ну... руководили деканатом, — глупо улыбаясь, сказал студент.

— Правильно. Руководил. Составлял список на стипендию вашего курса. И что любопытно, в этом списке ваша фамилия... отсутствует.

— Как? — выдохнул вопрос Георгий.

— А так — нет ее... Можете сами убедиться, — и декан пододвинул список с фамилиями однокурсников.

Джокер глазами пробежал его и, молча, вернул декану. Повисла нехорошая пауза. Через минуту-другую декан нарушил ее:

— Почему не спрашиваете: по какой причине я не включил в список ваше имя? Или сами догадываетесь?

— Нет, не догадываюсь, — честно признался Георгий. — Убей Бог, не знаю...

Декан стер «свириность» с лица и уставшим голосом сказал:

— А я — знаю. У вас — «хвост». По старославянскому.

Семенов не обманывал Александра Павловича. Действительно, в суете комфортной студенческой жизни (вечера за карточным столом, почти ежедневные дискотеки в «Клаб-академии», походы на хоккейные матчи, посещение гала-концертов эстрадных звезд и многое, многое другое), он напрочь забыл про «неуд», который ему еще в прошлом семестре поставил «Юс большой». Начисто выветрился этот факт из памяти. Хотя студенту Семенову на память грех жаловаться. Она у него как цифровой фотоаппарат. И тем не менее... Как рыба, вынутая из воды, Георгий глотнул воздух и произнес:

— Без стипендии будет... неуютно.

Декан на эти слова даже бровью не повел. Зато сказал:

— Ведомость на стипендию в бухгалтерию буду сдавать завтра утром... Так что у вас есть шанс.

Семенову не надо «разжевывать», что и как делать. Через пять минут он был у Алки Юговой и держал в руках ее аккуратные конспекты лекций по старославянскому. Нашлись у отличницы и записи практических занятий, диктантов и контрольных работ. А в библиотеке случайно оказался учебник. С этим добром наш картежник вернулся в общежитие, изнутри свою комнату запер на ключ (чтоб не мешали), лег на койку вверх животом и... растворился в уходящем в небытие языке древних славян. Правда, кроме чтения конспектов и учебника, он вставал, на отдельные листочки выписывал необычные предлоги, суффиксы и окончания, слова с полногласными «оло» и «оро», другие премудрости. И через три часа был готов к поединку — встрече с преподавателем Геннадием Андреевичем Трубочкиным. Этого профессора, с глухим бубнящим голосом, с длинными ручищами и ножищами, движениями и походкой похожего на гималайского медведя, с маленькими и умными глазками, заросшими густыми черными волосами, студенты всех курсов и всех факультетов звали-величали «Юс большой». За глаза, между собой, конечно. И вот теперь надо найти этого самого «Юса».

По расписанию сегодня он не учит своим «титлам» и «полногласиям» ни журналистов, ни правоведов, ни переводчиков с русского на английский и испанский... Подобно гончому псу, Жора обежал кафедры и кабинеты, где мог бы быть «Юс»; читальные залы и книгохранилища университетской библиотеки; заглянул в буфеты на всех десяти этажах и даже в комнаты... гигиены. Геннадия Андреевича нигде нет. Больше того, сегодня его даже не видели.

— Наверное, работает дома... Он же монографию пишет.

И дают адрес. Но дома его тоже нет. Зато от сына-школьника Георгий узнает, что сегодня Геннадий Андреевич должен пойти... в баню.

— До ужина, — сообщает подросток. — Он каждую неделю по средам ходит хлестаться веником, — разглашает тайну профессорского здоровья мальчишка. — Иногда и меня берет, — откровенничает он и называет адрес общественной бани. — Но я туда ходить не люблю — жарко очень... Я, когда заставляют, в ванной моюсь...

До похода «Юса» в баню оставалось всего ничего. Зимний день короток. Под вечер хлопьями повали снег, пахнувший, как пишут классики, яблоками. Не успев замерзнуть — он прятался за углом бани — Георгий увидел широко шагающего профессора. Из его огромного портфеля, с которым приходит в университет, торчит березовый веник. Джокер пришел тоже не с пустыми руками: в рюкзачке за спиной были полотенце, мочалка, мыло, трусы и майка. И еще кое-что. А в кармане куртки — зачетка.

Входной билет в баню Егор купил заранее. Более того — два билета. В часы пик (обычно под вечер) к кассе выстраивается очередь. И если бы людской «наплыв» случился на этот раз, он второй билет предложил «Юсу».

Но в тот день «наплыва» не было. Вот Геннадий Андреевич заходит в баню. Студент — следом. Вот профессор выбрал кабинку и снимает пальто. Наш двоечник рядом делает то же самое. Преподаватель видит Семенова, узнает его и даже хвалит, что тот пришел в баню. Своим глухим басом (бу-бу-бу) рассказывает о том, что Франция, Англия и другие европейские страны, которым мы сегодня завидуем, в отличие от Руси, баню для себя «открыли» лишь в позднем средневековье.

— Что, так грязными и ходили, — насмешливо спрашивает студент.

— Немытыми, — уточняет «Юс». — А славяне с древнейших времен наслаждались горячим паром, теплой водой и березовым веником.

— А как же римляне? — демонстрирует свое всезнайство Семенов. — Были же у них термы?

— Были, — соглашается профессор. — Сенаторы и богатые рабовладельцы в термах освежались от пыли и пота. Но это далеко не наши славянские бани.

Так, разговаривая о банях и термах, профессор и студент разделись и, голые, стали равными. Равными вошли в общий зал, взяли жестяные тазики, окатились теплой водой и отправились в святую святых бани — парную. И здесь началось невообразимое. По просьбе старшего студент безжалостно трет мочалкой шерстистую спину и грудь профессора; хлещет, будто палач, этого гималайского медведя веником; через каждые пять-семь минут обливает холодной водой. Если посмотреть со стороны — настоящее истязание человека... Геннадий Андреевич проделывает над Жорой те же варварские манипуляции. Оба при этом от удовольствия визжат, стонут, ахают, улюлюкают, хрюкают, вскрикивают. А жаркий пар так густ, что его можно резать ножом. Сидя на самой верхней полке в парилке, наши филологи еще и разговаривают. Студент рассказывает об устройстве кержацких бань «по-черному и по-белому» (его деды-прадеды были староверами), о чистых сугробах снега, в которых бородачи после парной «купались». Профессор, в свою очередь, делился впечатлениями от финских саун.

Распаренные, обессиленные, не способные уже и языком ворочать, наши герои, наконец, выбирают в предбанник. И переводят дух. Их размягченные души медленно возвращаются в чистые тела. А те «умирают» от жажды. Полцарства за глоток любой жидкости... Студент, ничего не объясняя «Юсу», встает, идет в раздевалку к своей кабинке, достает из рюкзака то самое «кое-что» (две бутылки жигулевского пива) и возвращается к профессору. Увидев бутылки, большой знаток старославянского языка, произносит только одну букву:

— О-о-о!

Насладившись пивом, радостью распаренного тела, банными запахами (чего стоит аромат березового веника!) и звуками, «Юс большой» поворачивается к Георгию, в упор смотрит ему в лицо и требует:

— Рассказывайте, зачем вы пришли в баню? Что вам нужно от меня?

— Хороший вопрос, — не задумываясь, как в телевизоре, говорит джокер. — Спасибо за него. Сам хотел завести разговор об этом...

И он, как на исповеди, выкладывает все. И как его вчера «на обе ноги в очко обули» юристы из 906, и с каким лицом сегодня разговаривал с ним декан, и как грозил оставить без стипендии... И за что? Всего-навсего за «хвост» по-старославянскому!

— И этот «хвост» надо, — замылся Егор, — как-то...

— Отсечь, — подсказал «Юс».

— Да, — подтвердил джокер. — До завтрашнего утра.

И теперь уже он выжидательно смотрит в лицо профессора.

— Баня, веник, мочалка, пиво, — забубнил «Юс», — взятка?

— Зачем же вы так? — в свою очередь обиделся Семенов. — К этой встрече я хорошо подготовился: проштудировал конспекты всех ваших лекций, переписал все упражнения, что мои однокурсники делали на практических занятиях. Полистал и учебник. Спрашивайте. Я готов ответить... на пять.

Такой наглости «Юс большой» тоже не ожидал. «На пять, — подумал он, — не знают даже авторы учебников и монографий». Но в его практике были случаи, когда приходилось принимать экзамены и зачеты в раздевалке, на бегу в коридоре, в столовой, в антрактах спектакля и даже один раз в троллейбусной давке. Но чтобы в бане? И у него загорелись глаза охотника, почувствовавшего близко дичь.

И вот двое голых, красных, распаренных, в окружении таких же голых и галдящих мужиков, больше часа говорят черт те знает о чем — о каком-то юсе большом и юсе малом, полногласных и шипящих, титлах и многом-многом другом. Дурдом, да и только! Когда же у профессора не осталось вопросов, он сердито сказал:

— Давайте зачетку.

Через минуту-другую Георгий Семенов принес авторучку и зачетку. «Юс большой» перевернул жестяной тазик вверх дном, положил на него зачетку и крупным почерком вписал: «удовл.».

— При пересдачах выше оценки не ставят, — опять же сердито пробубнил он. И добавил:

— Как жаль, что я не ваш отец!

...В тот вечер студент Семенов ужинал у Геннадия Андреевича. После чая профессор записал домашний адрес и телефон родителей студента, проживающих в провинциальном городишке. При этом с угрозой заявил:

— Если будете снова пропускать занятия — обязательно сообщу отцу. Попрошу приехать и привезти... ивовую розгу. И он вам «пропишет» не только ижицу, но и юс большой.

— Думаете, я дамся? — дерзко сказал студент. — Ему со мной не справиться...

— А куда денетесь? — улыбнулся преподаватель. — Если понадобится, я вашему отцу помогу. Буду с удовольствием держать вас... за ноги.

— Ну, если вы... тогда... конечно...

— То-то и оно... Тоже мне... джокер.

Последнее слово было произнесено с теплотой в голосе.

г. Челябинск

Валерий Кузнецов

О дай мне Боже, лепты не рублем

Земная ось

*По тибетскому поверью
земная ось проходит через Меру.*

Земная ось проходит через Меру,
Скрежещет твердь и сыплет пыль в дыру.
Проходит ось навывлет сквозь Перу,
Скрипит уключиной и множит мою веру
Во всякую восточную химеру,
Во всякую житейскую муру.

Через предгорья, горы, Кордильеры.
Но где же отыскать тебя саму?
Где пик твой властно ранит атмосферу,
Переходя из сумрака во тьму?
На чем, гора, ты делаешь карьеру,
Влечешь сквозь дым и прячешься в дыму?

И преисподней служишь для примера,
Смятением и сердцу, и уму,
Когда зовешь на недругов холеру,
С надменным безразличьем дромадера
Дымы покажешь, грохоты и серу,
Ни в чем не соответствуя тому...

Девушка с веслом

Кленовых листьев, символов Канады,
Мне ни за что не вынести в пролом
Сквозь ту ограду возле колоннады,
Что охраняет девушка с веслом.

Она весла давно не полоскала.
А по ночам, ломая хрупкий лист,
С соседнего к ней сходит пьедестала
Такой же бесталанный футболист.

Они разделят гипсовые вздохи,
Она плечом прильнет к его плечу,
И мяч летит ко мне из той эпохи,
В которой он ударил по мячу.

Стальной каркас и гипсовая челка —
Готов спортсмен к труду и на парад.
И, кажется, что родственны мы в чем-то,
Чему теперь я, собственно, не рад...

Повесть

Мы с ангелом безумия на стрёме
(Он подковал на скорости коня)...
Бежать бы мне, пока он спит в соломе
В моем стогу, а, может, занят в доме,
И, главное, не верящим в меня.

Мы пишем с ним одну сплошную повесть,
Тягучую, как тяга к словесам,
Прилипшую, как золото к весам.
И ничего чужого — чтобы совесть
Не совестила, что не поешь сам.

Я поздно начал — рано не уеду,
Пока спит тот, кто нам сломал беседу.
О, дай мне, Боже, лепты не рублем
Чуть больше той, что жалуешь к обеду,
И меньше, чем блондинок за рулем.

Мать бамбуков

Я сгибаюсь под тяжестью звуков,
Я ослепну от вспышек огня.
Где цветешь меж агав и урюков,
Где ты, суцая мать бамбуков?
Приходи поглазеть на меня!

Наши встречи нечасты и жутки —
Это я в амазоньи леса
Запущу по маршрутам маршрутки,
Отмежую твои промежутки,
В телефоны забью адреса.

Дай мне палочки эти для плова!
Я попробую в пальцы их вплесть.
Мать бамбуков — ты суть или слово?
И на что ты со мною готова?
Хорошо, что была ты и есть!

Не открою — откуда и кто ты
Ни одной из досужих собак,
У которых выигрывал лоты,
На которых следы позолоты.
И на шее есть твой Зодиак...

г. Миасс

Алексей Мешин

Орден Трудового

У него было что-то общее с Чеховым, он тоже родился в Таганроге. Других совпадений за Витьком я не замечал, но он пытался эти сомнения развеять и с упорством графомана посылал свои статьи в заводскую многотиражку. Редакция с таким же упорством, исправляя ошибки, возвращала ему рукописи. Тема была одна-трудовой подвиг бригады доменщиков, которая выполнила план на сто двадцать процентов. Редакция могла бы и не возвращать рукопись, как и заведено, но было несколько «но». Во-первых, Витёк был бригадиром комсомольско-молодёжной бригады, победителем Всесоюзного соцсоревнования, во-вторых, депутат горсовета и в последних, редактор газеты был его друг. Вот он по дружбе раза два его опубликовал, а того понесло на писательство. Обычно главный до неузнаваемости редактировал заметку, а тот ходил гордый и всем показывал статью со своим портретом, объясняя, что любовь, кашель, и талант не утаишь.

Витёк был близок к истине. Закончилась восьмая пятилетка и газета «Правда» опубликовала список награждённых. Среди них значился Виктор Иванович Краснопёров, который удостоился Ордена Трудового Красного Знамени. За орденом пришлось ехать в Москву. Сборы были короткими. Жена напекла пирогов в дорогу, зажарила курицу. С завода ещё

три человека поехали, все за орденами. Рабочий класс праздновал трудовую победу всю дорогу, поэтому приехали в столицу чуть тёплые. Хорошо что церимония была назначена на другой день. На Казанском их встречали как героев, отвезли в новую гостиницу «Россия», предупредили, чтобы завтра, в одиннадцать, были как огурчики, чистыми, бритыми и в галстуках. Отдохнули, побрились, помылись, всё чин-чинарём, а с галстуками вышел казус. Из троих только один носил его раньше, а завязывала ему жена. Поехали в ГУМ за галстуками, ума хватило купить строгие, хотя Витёк всё примеривал с пальмами. В одиннадцать наглаженные и наодеколоненные, в новых красных галстуках с отливом стояли на ступенях гостиницы. Помощники большого руководства партии не обманули, вовремя подъехал микроавтобус и повёз передовиков в Георгиевский зал для вручения наград.

Во время поездки прикрепленный товарищ (он так представился) их напутствовал.

— Ордена будет вручать сам Леонид Ильич, руку сильно не жать, в засос не целовать, обнимать тоже нельзя. Стойте и всё. Обнимет хорошо, сами не прыгайте. Благодарить от всего рабочего класса будет товарищ Звягинцев. Вот, Пётр Николаевич, ваша речь, здесь всё продумано, Вы только с чувством прочитайте, чтобы не запинаться, ознакомьтесь заранее. Отсебятины не надо, речь уже журналистам отдали.

Пётр взял листочки трясущимися руками, почему-то сразу вспотел и начал про себя читать. Слова были хорошие, простые. В основном он должен был поблагодарить Партию и Правительство за большое доверие и заверить, что и впредь они уж постараются догнать и перегнать Америку...

— Да, ещё хотел вас предупредить, после награждения будет приём, вы там не перусердствуйте. Будут носить шампанское, возьмите один бокал и ходите с ним.

— Куда ходить-то?

— Никуда, а здесь же, ведите беседы, кто подойдёт из правительства поздравить, поздоровайтесь, не забудьте спасибо сказать. Вот и подъехали.

После таких наставлений заводчане переглянулись, посуровели и чуть не строем двинулись за прикрепленным. Витёк всё-таки сострил.

У них здесь не пикник, а приём, принимать будем по-маленьку.

Петро на него зыркнул, Витёк замолчал, сменил ногу и бодро зашагал дальше.

Зал их ошаршил. Богатые люстры, золото, высокие потолки и живые портреты, которых они носили на руках во время демонстраций, здесь улыбались с кем-то обменивались репликами, создавали доброжелательную обстановку. Витёк было обрадовался им, как старым знакомым, и совсем незаметно начал тыкать в сторону и шёпотом сообщать товарищам о всех членах Политбюро. Звягинцев его оборвал на правах старшего и секретаря партячейки. Прошли в сторонку, им указали место и выстроили в шеренгу. Церимония началась после вступительного слова Генерального, который подвёл итоги пятилетки и сказал спасибо рабочему классу, лучшие представители которого здесь собрались. Все захлопали, наши представители тоже вдарили в ладоши, но с опозданием. Растерялись. Сначала вручали звёзды Героев и ордена Ленина, потом перешли к трудовым. Конечно, они ждали, когда озвучат их фамилии, но всё равно это произошло неожиданно. Витёк даже замешкался, а потом чуть не бегом кинулся, но Петро во время дёрнул его за рукав и тот остепенился. И вот стоят они перед камерами, новые кавалеры, смущённо хлопают глазами, улыбаются, переминаются с ноги на ногу. Кто-то легонько сзади подтолкнул Звягинцева к микрофону, тот вспомнил о заготовленной речи и скорпостижно начал шарить по карманам. Речь пропала, он красный и потный стоял у микрофона и готов был провалиться. Вдруг, прикрепленный протягивает ему листы.

— Пётр Николаевич, вот ваше выступление, вы его на столике оставили.

Пётр схватился за листочки как за соломинку и с большим вдохновением и облегчением прочитал без запинки текст, потому что он его практически выучил. Ему захлопали, а Генеральный похвалил.

— Видно товарищ волновался, но ведь дело сказал. С таким рабочим классом можно горы свернуть, а не только пятилетки выполнять. Захлопали ещё сильнее. Витёк стоял рядом и гордился не только за родной завод, а за весь Урал. Пётр полез в задний карман за платком и там обнаружил своё выступление. Как оно туда попало, объяснить себе он не смог.

Награждение прошло удачно, бросились звонить на завод, по домам, а Витёк редактору. Наговорил целую статью и тот обещал напечатать. Не терпелось родных обрадовать, земляков обнять, ну и отметить это дело, как положено. Местные партийные органы уже

об этом позаботились. В аэропорту их встречали официальные лица, пионеры с гвоздиками, свои доменщики пришли. Возник стихийный митинг. Их хвалили, за них радовались, они краснели и гордились не столько за себя сколько за родных. Вот мол и на вашей улице праздник. Неожиданно для всех, а прежде всего для себя, Витёк осторожно подвинул секретаря парткома Денищенко.

— Иван Михайлович, дай я тоже людям пару слов скажу, а то всё Петро да Петро, он там глаголил пусть маленько послушает.

— Да ты у нас герой прямо, вон бригада стоит, ждёт твоих проникновенных слов.

— Товарищи, я живого Ильича видел!

Все переглянулись.

— Ну, Генерального ЦК КПСС, Леонида Ильича Брежнева.

— Он мне орден повесил, вот он. Обнял, вот эту руку пожал и говорит, что рабочим классом Урала можно гордиться! Вот я и горжусь. Спасибо парткому, профкому, Мане, жене единой и, конечно, бригаде. Без вас никаких рекордов бы не было.

На этом его яркая речь, как по форме так и по содержанию, закончилась. Опять все захлопали, а оркестр грянул туш. Тихонько подошёл редактор.

— Ты что несёшь, какая тебе Маня единая?

— Ну, в смысле, шибко родная.

— Так бы и говорил, меня позоришь. «Горжусь» Уралом, слова выучи потом речи говори.

— Да, ладно, чо ты меня всё учишь, давай завтра на Банное махнём, там и отметим по-человечески на базе доменного. Вся бригада будет.

— Подумаю, привет семье, мне в редакцию надо, срочный материал сдавать.

— Понимаю, давай двигай, статью-то мою напечатаешь?

— Как только грамотным станешь, так сразу!

— Грамотным, мы академиев не кончали, в литинститутах не обучались, а жизнь больше некоторых понимаю...

— Не заводись, я уже стар, вижу хуже, но больше, приеду. Главный редактор многотиражки, Михаил Исакович Маргулес, был на двенадцать лет старше Витька, а тому в прошлом году тридцатник отметили. В молодости это большая дистанция. Он действительно окончил институт имени М. Горького, выпустил с десятков книг. К Витьку он относился по-отечески, снисходительно. Нещадно критиковал его за опусы, учил пониманию языка, грамоте и в то же время уважал его рабоче-крестьянскую философию. Про себя отмечал, что парень развивается в нужном направлении. Больше всего его поражала настырность ученика. Он мог свою заметку переписывать по пять раз, но дух народного творчества всегда присутствовал.

Суббота выдалась по настоящему летней, хотя июнь только наступил. Дни стали длинными, вечера тихими, но вода ещё не прогрелась. Соловьи отмечали начало летнего сезона трелями на все лады, от костра уходить не хотелось, да и уха ещё не поспела. Собралась вся бригада. Чашки, ложки у каждого при себе, водка в озере охлаждается, солёные огурцы, помидоры и разваристая картошка на поляне. Сало порезано, деревенский хлеб вместе с варёными яйцами в корзинке. Ожидание достигло предела. Все смотрели на Маргулеса, он был знаток по рыбной ловле и ухе. С важностью, не допуская нареканий, подошёл знаток к ведру и начал медленно помешивать уху, объясняя остальным, что юшка ещё жидковата. Кто-то посоветовал для «скуса» вылить бутылку водки прямо в ведро, мол дядька так делал. Маргулес терпеливо объяснил.

— Вылить, конечно, можно, но уха-то кипит, значит, там сто градусов по Цельсию. Водка испарится и эффекта, на который рассчитывала публика, не будет.

Остальные закивали головами. Мол чо добро переводить, не затем её студили, чтобы тёплую жрать как это делают жрецы. Наконец, Михаил дал отмашку. К ведру выстроилась очередь, женщин пропускали вперёд, но грудастая Люська норовила пролезть ближе.

— Люсь, с твоими бы формами в гарем, горе мыкать. Смотрю на тебя и свой восторг не могу передать словами, а денег не хватает!

— Вот вы, мужики, все такие. На чужой каравай рот разявите, а свой сохнет. Я девушка серьёзная и ни в какие гаремы не собираюсь. Буду свою судьбу ждать, может инженер или журналист какой, навроде вас, заинтересуется красотой не оприходованной.

— Так уж никто и не оприходовал?

— Как видишь, сплю с открытой форточкой, больше не с кем. Хорошие мужики давно повывелись, одна интеллигенция осталась... Маргулес не решился продолжать двухсмыс-

ленный разговор дальше, потому что Люся ему давно нравилась, но себя он считал стариком. Витёк побежал на берег вылавливать авоську с водкой, ритуал нельзя было нарушать. Петро говорил, уха без водки, как закусь без селёдки.

Маргулес всю суетню быстро упорядочил.

— Товарищи, торжественность момента не должна утонуть в ухе и водке. Если мы не скажем добрые слова в адрес виновников торжества получится банальная пьянка, а если скажем да ещё от сердца — будет запоминающееся событие. Я предлагаю поднять тост за новых орденаносцев, их у нас не так уж много, поэтому мы и ценим их высоко. За вас, мужики!

Все полезли к ним с кружками и поздравлениями, женщины с поцелуями. После второй заговорили разом. И уже трудно было понять, кто за кого пьёт, но повод помнили.

Случилось всё по Черномырдину, хотели как лучше, получилось, как всегда. Уха осталась, водка кончилась. Нашлись добровольцы, пошли в башкирскую деревню, всего-то километров десять будет. Остальные пошли раков ловить. После ухи на раков потянуло, вдруг ходоки вместе с водкой пива принесут, а тут раки. Пусть порадуются. Сумерки спустились, а душа рвалась в бой. Быстро наделали факелов, с ведром к озеру. Женщины не дождалась, ушли спать. Приозёрная сырость загнала их в дачи.

Чтобы за зря не мокнуть решили раков ловить голышом. Разбились по двое, один светил, второй ловил. У Петра факел быстро протгорел, он выскочил на берег в поисках ветоши. Долго не думая, схватил первую чёрную тряпку намотал на палку, для верности привязал газету, чтобы хорошо горела. И опять в озеро. Всех охватил азарт, ведро наполнялось раками. Витёк пошёл костёр поддержать, но трусов своих найти не смог. Натянув штаны на голое тело, занялся обязанностями кострового. Мужики стали подтягиваться и торжественно водрузили ведро с раками на палку.

— Мужики, никто не видел мои трусы, чёрные?

— Так они у всех чёрные, это интеллигенты в белых выпендриваются. Маргулес, ты один не рыбалил, у тебя какие трусы?

— У меня сухие и чистые, меньше пить надо, тогда ничего не будет теряться.

— Так я ещё камнем их придавил, чтобы не сдуло.

Петро уже давно догадался чьи трусы сгорели синим пламенем на его факеле, но молчал. Даже делал вид равнодушный и интересовался, когда водка придёт, а может и с пивом, раки уже краснеть начали. На дороге послышался возбуждённый говор. Возвращались добровольцы. Хотя было время невоенное, все трое оказались побиты, у кого рубаха порвана, у кого глаз подбит, но у каждого в кармане трофей, белая головка торчала. Маргулес, как самый трезвый во всей компании, спросил первый:

— Ребя, что случилось, кто вас так отделал?

— Всё было путём, нашли дом продавщицы, подарили ей часы Шуркины, они у него никогда не ходили, пошли с ней в магазин и взяли шесть бутылок.

— Где остальные?

Встрял Петро.

— Слушай по порядку. Идём обратно, весёлые, а этот, малолетка, Шурик наш: давайте зайдём в клуб, у них там сегодня танцы. Мы не успели нос просунуть, как кто-то крикнул: «Бей городских, опять к нашим девкам припастали!» И понеслась. Бутылки, которые в руках были, разбились об их колганы и бежать. Нам тоже досталось, их много было, танцы же.

Кто-то бросил клич, мол надо не посрамить честь рабочего класса и начистить носопырку колхозникам. Маргулес не дал разгореться страстям, всё перевёл в шутку и предложил обмыть орден Витёка по правилам, как положено. Взял награду, положил в кружку, налил водки, чокнулся и велел выпить. Все с удовольствием ритуал поддержали.

Веселье набирало обороты, раки летели как горячие пирожки. Разгорячённые побежали купаться. С гиком и уханьем бросались в воду в чём мать родила и радовались луне, которая светила, но не грела. Немного отрезвевшие после купания, разбрелись по своим дачам. Витёк опять напялил штаны на голую задницу, натянул футболку и растерянно оглядел себя. Ордена не было. Тут он вспомнил, что его отцепил и положил в кружку. Начал искать свою кружку, все кружки валялись на поляне, но ордена ни в одной. Стесняясь он сказал об этом Маргулесу. Тот заставил всех искать пропажу. Шестеро пьяных мужиков ползали по поляне, натываясь друг на друга, при свете Луны перебирали камушки и жестянки. Орден канул! Извозившись и измаявшись стали проситься домой, мол утром найдём, никуда не денется. На том и порешили.

Витёк по тихому зашёл на дачу и хотел уже пристроиться на диване, но его ждали. Маня не спала, включила свет, увидев его вскрикнула.

— Господи, ты где был, почему грязный?

— Орден искал, потерялся.

— Как потерялся, он у тебя на рубахе был прикреплен.

— Был да сплыл. Стали обмывать, а потом купаться, он и пропал.

— Это не орден пропал, это ты пропал. Из вылазки на природу, пьянку устроили, всё вам в хайло-то мало. На ночь глядя, молодых в деревню, за десять километров послали водку искать, а им рожки набили. И никому не стыдно! Ложись спать, завтра разберёмся.

Витёк покорно снял штаны и пошёл к кровати. Маня как увидела его в простой наготе так и села.

— Ты не только орден, ты совесть потерял вместе с трусами, где трусы оставил, у кого был?

Только сейчас Витёк оглянул себя с виноватой улыбкой, но уже спокойно ответил.

— Ни у кого я, Маня, не был. Горе не приходит одно, потерял орден, трусы сгорели.

— Ты, что пожар тушил, подвиг совершил.

— Ничего я не совершал. Петро их на палку намотал, поджёт и пошёл раков ловить и не сознаётся гад. Вот пить бросать надо, это ты права. Меня не прогоняй, можно я здесь переночую, а завтра видно будет...

А по утрам они проснулись, как писал Шукшин. Чувство неловкости было написано на лицах вчерашних героев. Кто-то вспомнил как они при Луне на корячках ползали по поляне. Смех душил мужиков, его сдерживали, женщины улыбались, но опохмелиться им не дали, да и нечем было. С удовольствием пили чай с деревенской сметаной и свежими булочками. Витёк был подавлен, Маня больше молчала. Один Маргулес был в прекрасном расположении духа и не болел с похмелья. Оказалось он раньше всех встал, перевернул все угли в костре и нашёл орден, правда, немного обгорелый. И когда напряжение достигло апогея, вручил его потерпевшему и сказал, что теперь он приравнивается к боевому, а трусы тебе Петро купит новые с лампасами. Будешь при ордене и в лампасах, прямо генерал!

Бригада поклялась на углях, что в городе и на заводе никому ничего не скажет о случившемся. Мол отметили, как обычно, посидели, чайку попили. Только Маргулес сказал, что он, наверно, рассказ напишет. Да всё ему было некогда. Он мне его поведал, а я записал.

Петрович

Петрович на пенсию пошёл рано. Гадай всю жизнь в цехе изложниц мантулил. Работа тяжёлая, с металлом, а последнее время и нервная. Набрали молодых, ничего не умеют, всех разговоров — за длинным рублём пришли, а бригадир за всё в ответе. Начальство тоже сменилось. Ни красных знамён, ни вымпелов не стало, поощряли всё больше конвертами и другим говорить не велели.

Достоинство рабочего человека таяло на глазах, недовольство росло изнутри. Всё о перестройке говорили, мол лучше будет, а дела всё хуже и хуже, потом совсем цех закрыли. Вот он и отправился на заслуженный отдых по горячему стажу. Мужик ещё крепкий, шести десятков нет. Без дела сидеть не привык, начал маяться, себе места не находил. Сосед, тоже пенсионер, с их металлургического, его увещевал.

— Ты, Петрович, не майся, об Родине шибко не думай. Она об нас не печалится. Во я утром встану, окину Отчизну взглядом, думаю чем бы ей подмогнуть. Опохмелюсь и ну-трум чую, как ей легчает! А как ты изводишь себя и помереть до смерти можно.

— Вот ты, Спиридон, грамоте обучен, в бухгалтерии на заводе сидел, а понять не можешь, что человек без дела гибнет, как птица без полёта.

— Ух ты, куда хватил, можа тебе в космонавты записаться, щас туда туристов посылают, а у тебя орден да три медали. За прошлые заслуги скидку сделают, и будешь ты бороздить Вселенную, а от туда и плюнешь на них, а может ещё чо сделаешь. Промахнуться трудно, столько сволочей развелось. Ты подгодай под Рождество, они все в Куршавели собираются, ну заденешь одного французика, так там не убудет...

— Весело живёшь, Спиридон, всё шуткуешь, я ведь серьёзно задумался. Кому нужен, Маруся три года как померла, дети разлетелись. Дмитрий в Москве, что-то там строит. Дочь

за немца вышла, в Ганovere живут. Звонят, не забывают, а толку то что. Вот у меня два внука, а не того ни другого не видел ни разу.

— Слушай, Петрович, если серьёзно, у нас в «Куручкино» сад рядом с моим продаётся, а с другой стороны Оксана делянку держит. Справная баба. Соседи-то куда-то уезжают, недорого просят. Вот и бери по случаю.

Петрович послушал соседа, присмотрелся к домику, участку. Не богато, но всё есть. Две теплицы, дом справный, кусты, деревья, банька. Последняя его прельстила. Давно мечтал о своей бане, чтоб по уму всё было. Быстро срядились и Петрович стал новым садоводом.

Спиридон не обманул. Сад Оксаны оказался рядом. Как бы в укор ему ухожен, обустроен и весь в цветах. Исподволь он поглядывал на соседский участок и старался повторять его в хорошем. Но получалось плохо. Он видел, как медведи в цирке вальс танцуют, вроде бы вальс, а все хохочут. Вот у него тоже вроде те же цветы, а гармонии нет. Всё в раздрай, грядки мешают друг другу, огурцы на помидоры лезут...Оксана тоже присматривалась, но не столько к участку, сколько к соседу, но никаких попыток к близкому знакомству не проявляла. Так, кланялась издали. Но обстоятельства бывают сильнее нас. Случилась у ней маленькая беда. Прорвало трубу, залило пол-сада, а женщина сама эту аварию устранить не могла. Как назло в саду никого, будни. Петрович припарковал машину и увидел ручеек, который пробился до его теплицы. Он пошёл по ручью и упёрся в штaketник соседки из-под которого журчала вода. Поднял глаза и встретился с беспомощным взглядом Оксаны.

— Петрович, простите это я вас залила, приехала а тут такое, прямо не знаю, что делать...

— Да Вы, Оксана, как Вас по бабушке?

— Петровна!

— Так родня почти, не беспокойтесь, сейчас всё по-родственному и сделаем.

Взял газовый ключ, повернул заглушку на основном водоводе и прикупил муфт и тройников на разводку. Через час, всё было готово, под трубами кирпичики, шланги затянуты новыми хомутами. Не зная как отблагодарить спасителя, Оксана пригласила его в дом на чай. Извинившись, что спиртного не держит, хотя понимает, в данном случае это было бы уместней. Петрович смущённо улыбнулся и сказал, что он за рулём, а чай полезная штука да ещё с мятой, как заварил хозяйка.

Про себя отметил: женщина бальзаковского возраста, лет сорок пять, как в народе говорят, баба ягодка опять. В ней проглядывала кустодиевская красота с украинским отливом. Вела она себя естественно и свободно, с ней было легко. Она, как бы между прочим, поведала, что век коротает в одиночестве, муж два года назад погиб в автокатастрофе, а детей им Бог не дал. Вот одна отрада — сад. В детстве, под Полтавой, у них был большой сад, груши, как тополя, яблоки очень вкусные, черешня и вишня — вёдрами, поэтому она всё ещё любит вареники с вишней.

— О, я тоже люблю вареники только с мясом. Они у нас пельменями зовутся. Только их без водки нельзя. Заворот кишок может быть, а вот когда на поллитра — пятьдесят штук приходится, самая хорошая норма. Сердце в радости, тело в истоме, руки к прекрасному тянутся...

— К жене, наверно?

— Увы, я тоже овдовел, но вкус к жизни не потерял. Могу ещё в чёмнибудь пригодиться, например, трубы починить, баню истопить.

— Это я уже поняла!

— Однако, засиделся я у вас, не хочу обременять, да и в саду надо поковыряться. Давно собираюсь баню переделать. Вот сделаю её по всем правилам, тогда милости прошу на лёгкий пар. Париться у меня, чай пить у Вас. Консенсус получится.

— Кроме чая я и ваши вареники с мясом делать. Вот когда объект сдадите, тогда и отметим...

Петрович вернулся к себе в глубокой задумчивости. Первый раз без Маруси он подумал о другой женщине, а посоветоваться не с кем. Вот и стала ему Маруся сниться и как раньше в башку вбивать истины. Он слышал её голос, интонации, чувствовал взгляд, дыхание, но был виноватым и всё просил у ней прощения, а она его успокаивала.

— Петрович, ни в чём ты не виноват, ну что тебе куковать одному, чаю подать некому, слово молвить не с кем, в доме женская рука нужна, ты же у меня в уюте жил.

Тут Петрович вспомнил, что он, и в правду, три года никакой ремонт не делал, тенёты в углу не убирал, а как окна моются и представления не имеет. Про себя решил, форсиро-

вать события не будет. Жизнь сама покажет. Складывалось по хорошему, жили в саду всё лето.

Оксана не сильно спрашивала соседа, сама разбила цветники, украсила беседку диким виноградом, перепланировала грядки и велела огурцы перенести в другую теплицу, а помидорам дала простор. Показала новоявленному садоводу как сделать обрезку плодовых и заложить черенки. Он отремонтировал ей баню, а свою довёл до совершенства, так что ходили париться в его, по очереди. После бани пили чай на веранде с мёдом и вареньем, вели тихие разговоры о житье, ночевать шли по своим хатам. Ему нравилась её целомудренность, ей основательность соседа. Каждый ждал своего, но не торопил другого. Уважали паритет друг друга. Само-собой получилось, что в этом альянсе обязанности разделились на мужские и женские. Он отвозил свой и её урожай в овощехранилище, она делала заготовки, он следил за трубами, постройками, она за рассадой.

Их поженила поздняя осень. Когда закончился сезон и садоводы переехали на зимние квартиры, им сразу стало неуютно и одиноко каждому в своей. Петрович мучился недолго. По старому обычаю, на Октябрьские праздники надел чёрный костюм, белую рубаху, галстук, побрился два раза, купил гвоздики, шампанское, торт «Наполеон». Направился к Оксане. Она жила на Северо-Западе, а он в Металлургическом районе. Пока ехал на маршрутке, всё перебирал — какие слова он ей скажет. «Приехал жениться» или «давай поженимся», как в передаче. Всё было не то, а сам уже у подъезда. Поднялся на шестой этаж, квартира открыта, его ждали.

— Оксана, я вот тут приехал тебя с праздником поздравить, 7 ноября, Днём Великой Октябрьской Социалистической Революции! Вот цветочки тут, шампанское. Я не знаю почему несу всю эту чушь, просто не могу без тебя. Можно, по-родственному, у вас переночевать, а то у меня неубрано и закусить нечем.

Кустодиевская красота основательно подготовилась к встрече. В квартире пахло пирогами. Фартук в клеточку, скромное, лёгкое платье ладно облегло выдающиеся формы, небрежная косметика подчёркивала выразительные, чёрные глаза, грудь волнительно вздымалась.

— Как долго я тебя ждала, мой дорогой, родственник. Хорошо, что осень наступила, а то бы не приехал.

И бросилась ему на шею, покрывая всё лицо горячими поцелуями. Петрович явно не ожидал встречи. Одурев от счастья, обхватив родное, с лёгкостью, которая была в молодости, бросил её на диван, уткнулся в грудь и испил крепкого, настоявшегося вина. Он был пьян её любовью, как поёт Филька, она в нём растворилась без остатка. Опомнились, когда пироги сгорели и дым уже заполнил всю кухню.

Они чувствовали, что к ним вернулась молодость и можно похулиганить. Открыли окно и дружно стали махать полотенцами, попадая друг по дружке, что их смешило ещё больше. Подгорелые пироги настроения им не испортили. Торжественность момента при открытии шампанского была соблюдена. В свидетели они взяли Господа и свою совесть.

Рейтинг

Бывший депутат Государственной Думы некто Воробьёв Иван Фомич был удручён и обеспокоен падением своего рейтинга, как в прямом так и переносном смысле. Раньше, как приверженец ЛДПР, он поддерживал на всех митингах своего лидера и говорил, что российская женщина должна быть всегда счастливой и никогда одинокой, поэтому они выступают за многожёнство

Логика была железной. Если женщин больше, а мужиков меньше, то последние должны осчастливить всех, чтобы никто в остаток не выпал. Второй аргумент был ещё весомее, мусульмане как-то справляются в своих гаремах, а русские мужики чем хуже? Правда, на одном из митингов, коммунисты возразили, мол там женщины живут припиваючи, как в раю, а в ваших гаремах будут горе мыкать. Третьим аргументом либералов был простой технический ход, который не требовал больших затрат при переходе на многожёнство. Не надо менять Конституцию, только издать указ, в котором легализовать всех любовниц в статусе вторых или третьих жён. Сразу будет всплеск рождаемости к чему и призывает правительство.

Но после того как Иван Фомич потерял депутатскую неприкосновенность, стал стариться на глазах, рейтинг, соответственно, упал. Он быстро пересмотрел свои взгляды на ячейку общества, стал ближе к коммунистам.

Всплеск интеллекта постепенно переходил в развивающееся слабоумие, а потенция ещё удерживалась виагрой. Про жену стал говорить уважительнее. Клялся, что никогда её не разлюбит, уже не успеет. Мол чем старше дама, тем вкуснее борщ, а этим вертихвосткам только шампанское жрать да задницей вертеть. Теперь его нравственность поднялась на небывалую высоту, бывший депутатский статус обрёл второе дыхание, любовь к женщинам всё больше носила платонический характер, хотя самого Платона он не знал. При знакомстве дамой уже не задерживал её руку в своей для поцелуя чуть дольше, чем требуют приличия. В рамках приличия и благопристойности он с трудом протянул два месяца.

Надо было случиться такому, что бывшая секретарша, Тонечка, привезла ему на дачу из депутатского кабинета некоторые личные вещи, потому как новый депутат попросил её об этой услуге, о других просить не стал, привёз свою Тонечку. Она и поехала к Фомичу поплакаться в жилетку и ему посочувствовать. Вещички были предлогом. У Тонечки был синдром недопомогания. Никто её не домогался кроме Фомича, вот она и решила тряхнуть его стариной и своей страстью, так как точно знала, что на даче Иван один кукует. Жена к детям, в Москву уехала.

Воробьёв, как истинный политик, быстро просчитал ситуацию и приосанился. Непорочные мысли отошли на второй план, виагра взяла своё, Тоня лениво расположилась на диване и сделала обиженное лицо.

— Вань, а ты не скучал по мне, уже два месяца прошло? Хоть бы для приличия позвонил, узнал как я там без тебя пропадаю... Принеси-ка мне чашечку кофе, а то всё я тебе носила, а благодарности за пять лет так и не дождалась.

— Это я-то тебя не благодарил, а кто со мной на Канары и Гоа летал в служебные командировки и там аборигенов соблазнял пока я в посольстве маялся?

— Зачем даму корить красотой, я что ли виновата, что все они обалдели, когда я вышла на пляж в бикини!

— Могла не выходить.

— Мне что в шубе надо было на пляж... Вань, ты убиваешь во мне женщину. Я не пойму, ты ревнуешь или домогаешься? Со временем меняется многое, только не моя красота.

С этим Воробьёв поспорить не мог и не хотел. Шесть лет назад, когда его избрали в Думу уже второй раз, они отметили с друзьями это событие в «Арбате», а после ресторана кто-то предложил продолжить банкет у Славы Зайцева на показе. Вызвали машины и поехали в центр моды. Их сразу заметили помощники подсустились, поставили первый «А» ряд. Латино-Американская какофония разлилась по залу, «солнечные» лучи пробивали подиум, на заднике покоилось море. Девушки в купальниках по одной медленно проплывали на этом фоне слегка фиксируя свои фигуры перед тем как окунуться в море. Иллюзия была полной. Лазерная установка из Германии сотворила это чудо. Фомич, когда увидел стройную блондинку с голубыми глазами, уже не мог оторвать от неё взгляда.

Потом под аплодисменты вышел Слава Всем поклонился, его осыпали цветами. Он сделал незаметный знак другу Фомича, тот толкнул его и они прошли за кулисы. Зайцев церемонно представил депутатов и сказал, что они все истинные поклонники высокой моды и красоты. Вот и пришли поблагодарить девушек. Фомич с трудом отыскал глазами Тоню и расталкивая всех вся кинулся к ней с букетом. Слава бросил: «Красота была замечена и депутатом отмечена». Все улыбнулись. Так состоялось их знакомство. События развивались стремительно. Через месяц она была его помощником, через два секретарём. Пять лет пролетели фанерой над Парижем в том смысле, что он Тоню прокатил по всей Европе и всюду она была представлена как большой специалист в социальной политике государства и здравоохранении, потому как после школы окончила фельдшерские курсы, но Тоня женским чутьём знала на кого опереться, с кем поддерживать знакомства, кому подражать. Часто цитировала Путина.

— Милый, я что-то утомилась на этих приёмах. Замочи-ка чаю пакетик и принеси на балкон.

Фомич эти поручения выполнял с удовольствием. Он знал жизнь по картам, сначала надо скинуть, а потом взять, но давал по мелочам, брал по крупному. Ему удалось на думском комитете продать вопрос поставок медикоментов из Европы (началась эпидемия свиного гриппа) через Брынцалова, бывшего депутата и магната в фармацевтике и устроить

к последнему дочь на должность совсем небедную. Никто никому взятки не давал, всё было легитимно

Правда, после своей отставки дочь тоже отставили. Он пытался два раза дозвониться до магната, но тот был вне зоны досягаемости. Бывший депутат не мог понять истинной причины визита Тони на дачу. Свои мужские достоинства он не преувеличивал, ума хватало, рейтинг испарился, в материальном плане был тоже на мели, по сравнению с той кормушкой, у которой десять лет тёрся. Что же её притащило за околицу Москвы? Любовь и романтические чувства он отбросил сразу. Не та Антонина женщина, чтобы на сопли разводиться.

— Тонь, ты чо прикатила? Давай дипломатию разводить не будем.

— Ну ты сам догадайся, раньше умный был, бросил меня, красотой попользовался и никакой Вам компенсации Тонечка Петровна не полагается!

— Вот теперь ясно. Давай начистоту. Пять лет ты как в масле каталась, в шоколаде жила. Тряпки заграничные, обувь итальянская, бельё французское, парфюм тоже. Зарплата у тебя была на уровне замминистра. Вот цена твоей красоты вместе с компенсацией. Если только за этим, ответ получила, жаль расставаться на этой ноте.

— Вань, ну зачем так грубо, ты же дипломат. Соскучилась я по-бабски вот всё. Не веришь? Зря, клеились ко мне без тебя папины сыночки, всё не то. Хлюпики, от них мужиком не пахнет. Может я глупость скажу, ты меня считал рациональной девушкой, а у меня на ужу эмоции, глаза мокрые. Не буду я красивых слов говорить. Привычка — вторая натура. Привыкла я к тебе, Ваня! Только сейчас поняла, что ни тряпок, ни заграниц и шоколада мне не надо. Ты плохо меня знаешь. Когда все отвернулись и даже не звонят, я не могла предать. Знаешь, я не могу без тебя, если не любишь, хоть пожалей!

— Тоня, ну зачем так. Ты же знаешь, что мне не безразлична. У меня жена на руках больная, мне поздно с ней расходиться, да и дети не поймут.

— Ты не расходишь, не надо. Клавдия Ивановна замечательный человек и про нас всё знает. Ты не гони меня. Устрой где-нибудь рядом, я помогать ей буду по хозяйству, она согласна.

Фомич открыл рот, как будто не хватало воздуха, сел на кровать, вытер лоб.

— Ну ты даёшь. Как согласна?

— Да она сама мне позвонила, сказала, что уезжает, вот я и приехала. Ещё сказала, что тебе очень плохо и ей больно смотреть как ты мучаешься, интерес к жизни потерял и ничего тебя уже не радует. Я тоже это поняла, как только увидела.

— Да, Тоня, рейтинг мой упал ниже некуда. Я простой пенсионер, но пенсионеры тоже как-то живут или выживают, пока не понял. Неужели ты, женщина бальзаковского возраста и неувядшей красоты, решила связать свою жизнь с пенсионером?

— Тебе честно скажу, мне податься некуда, да и не хочу...

Фомич разом выброшенный из прошлой жизни и приспособляющейся к новой, не мог не оценить этой привязанности. Его растрогала искренность и преданность человека, которого он любил и для которого жил последние годы. С изменением статуса даже не мечтал быть с ней рядом. Жена, эта умная и деликатная женщина, ни разу его не попрекнула, да ещё сделала шаг, на который способна не всякая. Клавдия Ивановна вернулась неожиданно.

— Профессор Пиотровский, наш сосед, поехал на дачу и мне позвонил, как всегда, я и не отказалась. Хорошо, Тонечка, что Вы к нам заглянули, а то Иван Фомич совсем захандрил, надеюсь Вы ему настроение подняли. Сейчас чай будем пить, я «наполеон» привезла.

— Да, вот как раз о жизни мы и говорили. Одним днём ему настроение не поднимешь. Здесь психотерапевт или хороший человек рядом нужен. Блеск в глазах потерял, бактерии пессимизма распространились по всему организму, но вдвоём мы его быстро на ноги поставим, научим жизнь любить по новой...

И не стовариваясь женщины удалились на кухню готовить чай. Клавдия Ивановна думала о Ване, но и о себе не забывала. Она устала быть одинокой при живом муже, работа у него была на первом месте, вечные командировки, а здесь появилась компаньонка, которая хорошо знала Ивана и уважала его жену.

Сначала соседи на этот странный альянс смотрели с недоумением, потом привыкли, а им было хорошо и весело, наступила редкая гармония коммунистического быта. Пиотровский их обзывал: «Семья Виардо».

г. Челябинск

Владимир Волков

Скупую мужскую слезу утирая...

Семечки-сестрички

Раз сидел я на крылечке,
 Думку думая свою,
 В небеса пускал колечки...
 Покурю и запою.
 Не пашу я и не сею,
 От работы я бегу.
 Я придумал панацею
 От привычки к табаку.
 В миг открытия такого
 Ощутил я вдруг толчок,
 Разорвал свои оковы
 И жестоко смял бычок.
 Кто-то скажет:
 Дохлый номер
 И игра не стоит свеч...
 Возражу:
 Пока не помер
 Разожгу-ка свою печь.
 Буду жарить целый вечер
 На подсолнечном на масле...
 Как стемнеет, не замечу,
 Только б угли не погасли.
 После стану методично
 Избавляться от привычки.
 Мне помогут в том отлично
 Эти семечки-сестрички.

Вопросы

Мои возгласы тихи.
 Я сижу, пишу стихи.
 Впрочем, к этому, конечно,
 Меня тянет бесконечно.
 Ведь в поэзии душа,
 Безусловно, хороша...
 У кого души-то нет? —
 Напиши-ка мне ответ.
 Но ответа я не жду
 Выдам: Хау ду ю ду?
 Нет ответа, нет вопроса...
 Поступаем очень просто —
 Значит, в рвении души
 Все вопросы хороши.
 Почему, — вот мой вопрос,
 Нет нормальных папирос?
 Чем, из области умор,
 Привлекает Беломор?
 Те вопросы в темечке,
 Но реальны семечки...
 Возразите: Это как?
 Семечки в пакетиках.

Для спокойствия души
 Ты грызи их, не спеши.

Путаница

Кулич и Клич — два разных слова.
 Но не таких-то уж и разных,
 как тот же Клич и Паралич.
 Я вижу, для тебя это не ново.
 А ты смотри и суть увидь,
 я не пытаюсь удивить:
 «У» будет,
 если вычесть Клич из Кулича.
 А «Пара» — просто часть Паралича.
 И, если «Пар», да еще «Пар»,
 то получаем Пару Пар.
 Но, если «Жар», да еще «Жар»,
 никак не выйдет Жару Жар.
 Другое дело — Жар в Жару,
 что нам порой не по нутру.
 Нутро находится внутри,
 снаружи миллиметра три.
 А, может, десять или пять...
 Ну вот, запутался опять.

Сирень

Поохать, поахать, понюхать сирень...
 Тут впору бы плакать, да плакать лень.
 Во время цветения — пенье в душе.
 Под сенью растения — рай в шалаше.
 А память опять отсылает назад.
 Опять двадцать пять, всякий весел и рад...
 Горит и мерцает вчерашний день.
 Деревья спасают, бросая тень.
 Тень стелется юно постелью в траву,
 но повесть свою я на этом прерву...
 Присяду на травку, исполнюсь я лени,
 ладони спокойно сложу на колени.

Параллель

Порой удивляемся,
 сколько сюрпризов нам дарит природа.
 Допустим, вчера обнаружил я город,
 который весь радостью жизни дышал.
 Итак, параллельно, под старой циновкой
 его население весело прыгало,
 праздную жизнь...
 Родители нервно и зорко следили
 за малыши очень детьми,

чтоб те не сломали бы где-нибудь шею
в ребяческой шалости их...
Однако сегодня тот город,
как дерево жизни,
был срублен под корень.
Тела бездыханно усеяли пол.
Лишь два таракана, седых старикана,
сидят на обломках и плачут негромко,
скупую мужскую слезу утирая...

Междометия

Бесполезны слов массивы,
междометий мишура...
Все вы, право, так красивы!
У любой своя игра.
Впрочем, в играх мало толка,
кроме той, что визави.
Вместо правил без умолка
междометия любви.
Всё твердим их и не слышим
возражения души...
Чувствам этим небо крыша,
рукавом их не туши.
Взгляда ядом не трави их,
возмущённо вскинув бровь.
Исцели любовный вывих,
Люба, Любушка, Любовь!

Прогноз

Если на улице будет дождливо,
я не пойду никуда,
чтобы из окон своих молчаливо
глядеть,
как стекает вода.
Если на улице будет снежно,
не выйду из дома.
Тем паче,
я пледом пушистым укурюсь
небрежно,
свернувшись под ним в калачик.
Но, если на улице будет ясно,
я тоже не высуну носа.
И, все же,
любая погода прекрасна.
Конечно,
какие вопросы?

Чемодан

Помнится, залез я как-то в чемодан...
И не только лишь рукой одной или ногою.
Даже, может быть, не только
кучерявой, бестолковой,
вечно непричесанной башкой,

но полностью, всем телом.
Так я впервые осознал
все преимущества домашнего уюта...
Бодяга та надолго затянулась:
Беззвучно щелкнули замки.
Жестоко и, увы, непоправимо!
И кто-то сильный и большой,
но, вместе с тем практически незримый,
взял чемодан за рукоять,
и так несет меня по жизни.
Идёт, кряхтит, но все ж несёт.
Бывает, что встряхнёт на поворотах,
когда порой в дороге укачает...

Трамвай

Простого совета искала Света,
но убежала на стрелку.
Муссоны, мусоля край вкуса и цвета,
как Тузики рвали грелку.
За сим, встрепенулся Максим,
ушедший всем телом в шубу.
А тот, кто сидел прямо рядышком с ним
от холода стискивал зубы.
О`кей! — блеснул английским Сергей,
нашарив в кармане трёху...
Проба на бис, — пробасил Борис
и взгляд взметнул на Лёху.
Лёха тоже не скучал, чудо-валенком качал.
Кондуктор взвизжала: На выход! —
махая свободной рукой.
В трамвае остался лишь Миха,
какой-то он был не такой.

Обычный вечер

Стволы деревьев в полудрёме
глядят в незримые зрачки
куда-то в даль. И окна в доме,
что те зеркальные очки.
Леса качают важно плетью
и шелестят густым листом,
расставив ветки сложной сетью
в пространстве воздуха пустом.
На небе призрачно бесптичном,
как в тихом омуте, ни зги.
Вода сырая, как обычно,
стекает прямо на мозги.
Храпят стреноженные кони,
упрятав головы в песок.
Пастух во сне тревожно стонет,
прилёт он только на часок.
А по-над берегом, над правым
идут влюблённые гурьбой...
Перекурю у переправы,
как чистый Марльборо-ковбой.

И в спину бьёт промокший ветер,
аж пробивает макинтош...
Ты возражишь: Обычный вечер,
прохладный только...
Ну и что ж?

Пернатые

Занятие, конечно пошлое —
полёты из будущего в прошлое.
Куда увлекают нас птички слепящие —
завтрашние, вчерашние...не настоящие?
Привычка обычная до неприличия —
ума к настоящему безразличие.
В силках его мечутся люди беспечные —
нищие, бедные и обеспеченные.
Прекрасные мысли, мечты и поверья
лишь изредка дарят блестящие перья.

Есть старый обычай мечту приручить,
из рук покормить, зарубить, проперчить.
Но блюдо такое грозит огорчить.

Святой

В дугу мощнейшим образом
река выходит из себя.
На берегу святой с чудесным образом
стоит и молится, любя...
Вверху светило улыбается
из-под насупленной брови.
А тот всё молится и мается
во славу Спаса на Крови.
Блестит рассветное знамение,
земля уходит из-под ног.
Долой закаты и затмения! —
Воскликнуть я, наверно б, мог.

Пни

Дряхлые старые кочки, старые дряхлые пни...
Смотрим часы на цепочке...
Через часочек копни —
выкопай ту диадему в лёгкой кайме из брильянтов
и расшифруешь дилемму мощности прочных атлантов.
Так и доходим до точки...
Не прерывайся, ни-ни!
Спелые зрелые почки,
Славные майские дни!

Мир Ванны

Все мысли — пепел, да зола, и бриллианты — тот же уголь.
Труба меня вперёд звала, а всё по борту шло на убыль.
Припоминаю наши встречи... Кем был ведом? Чем был влеком я,
всё той же самой русской речи неся домой пустые комья?
Ведь при наличии удачи в том доме есть ещё места —
молюсь и верю, а иначе я б сиганул в раствор моста...
В пучине сердце бьётся гулко! А дальше дело лишь за малым —
с теченьем медленным прогулка по чудным рекам и каналам...
Пока я нежился в купели, твердел на блюде парафин.
Все тени спрятаться успели в полусушенный графин.
В нём, наподобие Нирваны, спасенье страсти наших душ:
Сеть магазинов «Мира Ванны» предложит Вам контрастный душ!

Удар

Я сворачиваю рано с торного пути,
наподобие тарана пробую идти.
Пробираюсь и плетусь, непутёвый путник.
Ну да ладно, ну и пусть... надо мною спутник
любопытательно кружит. Всюду ширь галактик.
Я же сам не лыком шит, — теоретик — практик.

Сразу вижу — что к чему, где и как пройти.
 Не хочу сидеть в доме, душно взаперти.
 А за стенкой без конца расторопный топот.
 На ступеньках голоса — всенародный ропот...
 Спутник, в космосе вися, ничего не весит.
 И кричит природа вся, что, порою, бесит.
 Тяжкий корпус всякой мути прёт, неутомим,
 он является, по сути, спутником моим.
 Веды, сутры, Гита, Тора, прочий Божий дар —
 тот таран, качнув который, наношу удар.

г. Миасс

Татьяна Аверкина

Я подарков дарить не умею

Трамвайные истории

1

Мне кондуктор билет отрывает в трамвае:
 Я невольно украдкой на цифры гляжу.
 Я, быть может, желанье свое загадаю,
 Но об этом, конечно, никому не скажу.
 25—23, 18—17, 19 и 3, 10—7, 8—2. —
 Не совпало число: и я прячу с улыбкой
 Несчастливый билет в отворот рукава.
 И вот так каждый день. Я качаюсь в трамвае,
 Но счастливый билет получить не судьба.
 Завтра счастье свое еще раз испытаю.
 Я билетов куплю не один — сразу два!

2

Дайте-ка, кондуктор, мне билет:
 Я давно желанье не загадывал.
 За последние пять-восемь лет
 Я в билеты даже не заглядывал.
 Как-то было серо все, и вдруг —
 Разбежались тучи с неба хмурого, —
 Я в билет с волнением заглянул —
 Вот оно! Совпало! Счастье клюнуло!

Счастье

Я подарков дарить не умею, —
 Откровенно тебе говорю, —
 И, поверь мне, — признаться не смею, —
 Но я скоро тебе подарю:
 Подарю тебе купол звездный
 И серебряную луну,
 Этот вечер хрустально-морозный
 И звенящую тишину,
 И волшебное снега мерцанье,
 И загадочный свет фонаря,
 И, быть может, на этом свиданье
 Я тебе подарю себя.

Это я

Я люблю расписные закаты
 С переливами соловья.
 И восхода пылающий батик
 цвета роз или янтаря,

Я люблю теплый летний вечер
 И серп месяца золотой,
 Молний блеск, громовые раскаты,
 Тишину над уснувшей рекой.

Я люблю многоцветные арки
 Ярких радуг, и шелест дождя,
 Листьев желтых кружение в парке,
 Первый утренник Октября,

И в промозглости зябко-осенней
 Темно-бархатные вечера,
 Первый снег Покрова, первый иней,
 Ожидание Рождества.

Свидание

Ночь.
 Тишина и
 сияние звезд,
 Снега
 мерцанье,
 Луна и мороз.
 Стук.
 Замирание
 сердца. Испуг!
 Скрип
 половицы,
 и в комнате — Друг!
 Радость!
 Восторг!
 И объятия жар!

Эта тонкая нить жизни**Рассказ**

— Ну что сдал своё техническое задание? — с усмешкой спросил Александра его руководитель, ведущий инженер бюро навигационных приборов. Александру впервые после пяти лет работы поручили создать стабилизатор курса крылатой ракеты. Алекс, так его в шутку называли друзья, после телесериала о Штирлице, тяжело вздохнул: много недочетов он обнаружил в изобретенной им конструкции. Не хотел сдавать задание, но руководитель настоял. «Вместе исправим недостатки, — обещал он, — у нас с тобой целый год до запуска прибора в производство. В технике нет ничего невозможного».

— Теперь суши сухари! — издевался начальник.

К кульману, на котором чертил Алекс, подошла жена.

— Шурик! Сегодня твоя очередь забирать сына из детского садика, — заявила она.

— У меня комсомольское собрание, — пытался отбиться супруг...

Вечером Алекса ждала телеграмма: «Отец потерял сознание. Увезли на “скорой”», — писала тетя Шура.

Александр редко бывал в граде своего детства. Тот и после непрерывного строительства в годы советской власти, так и остался большой деревней. Единственный Дворец Культуры, возвышаясь на горе, только подчеркивал захолустность населенного пункта. Гипсовые фигуры горняков на крыше дворца застыли как жители Помпеи в последний день. Воздух малой родины и тот со скрипящим на зубах привкусом окалины. Редкие девятиэтажки торчали занозами в теле дряхлеющего поселения. Алекс спустился по мосту, над конфигурацией которого смеялись сами местные жители. Он напоминал гигантский кукиш. Вот и цыганский барак. В самой большой комнате жил отец после развода с матерью. Нашел себе помоложе, пораскованней, но и с ней жить не стал.

— Саша, — обратился к Александру батя, лежа на постели, — не успею я, видимо, окончить воспоминания, может, ты доведешь их до ума?

Алекс помнил. Это была его давешняя, скрытая боль. Однажды в школе учительница дала задание написать об участии родителей в войне. Саша обратился к отцу. Он все честно рассказал. Как ушел добровольцем на фронт, как попал в плен. Это было не из серии героических эпизодов. Та же мать посмеялась над отцом: «Тоже мне воин! В первом же бою сдался!» Но учительница похвалила Александра. Сочинение поместили в стенгазету. Бальзамом на душу пролились слова крутого одноклассника: «Молодец, — неожиданно похвалил он, — достоверно описал». «Гордиться нечем», — замылся сын «героя». «Это кому как повезет в жизни. Случайность не предсказуема!» — подбодрил Сашу мудрый сверстник.

Александр взял с прикроватной тумбочки общую тетрадь размером с амбарную книгу, в черной кожаной обложке. Она ему показалась необычайно тяжелой.

— Начало хорошее, — похвалил батю. Сам подумал: «Пока у человека цель — он живет».

— В больнице держать не стали, — сообщил родитель, — уколы будут ставить дома, — и словно предсказал дату своей кончины, промолвил, — Эх! Подняться бы на крыло ко Дню Победы! — и устало прикрыл глаза.

Хоронили отца 11 мая 1984 года. Как он просил, с военными почестями: под звуки духового оркестра Дворца культуры. При подходе к кладбищу худосочный трубач с включенными вихрами и колотунным взглядом ввернул в марш игривые нотки. Александр долго глядел на него, не понимая: зачем он хулиганит. Потом подумал: плохо я знаю Шопена. Может быть, в его траурном марше и есть бравурная тема, как намек, что зерно, прорастая, погибает, давая жизнь новому ростку. Вечером он открыл тетрадь отца, буквы расплывались перед глазами. Такое с ним случилось впервые. Каждый вечер Саша добросовестно брал черную тетрадь и словно погружался в реальность прошлого. Настоящее по сравнению с ним казалось ничтожным!

— Этой осенью, — повествовал отец, — в Крыму дул пронизывающий, как дыхание смерти, ветер. Гнал по Сивашу белые барашки бурунов, трепал низкорослый кустарник шибляк, бросая разноцветные листья в воду; волнами гулял по обширным полям. Степь готовилась к зиме. Упитанные сурки байбаки, деловито таскали зерно впрок с неубранных колхозных угодий, не обращая внимания на людей в военной форме. По небу проносились

редкие облака. Мелькание тысячи саперных лопат сверкающей цепью перегораживало вероятное направление наступления противника. Вдалеке слышится приглушенная канонада. Где-то рядом восьмикилометровый перешеек, соединяющий полуостров с материком. В середине цепочки бойцов Петр Горелов по-крестьянски не торопко выкладывает на бруствер почву каштанового цвета. Рядом с ним пыхтит Ваня Латышев, выскребая каской дно окопа.

— Ты Петро, — замечает земляк, — метр с кепкой, а бицепсы как у Поддубного!

Горелов улыбается, ему нравится ощущение внутренней силы. Петр вспоминает, как они познакомились на станции Рутченково. Рельсы в мареве блестели на солнце. Он в лаптях, в лихо надетой на затылок фуражке-восьмиклинке, ее сшил сам.

Толпа на вокзале пела, плясала и плакала. Возле гармониста — Настя Власова. Петр тайком посвящал ей стихи:

Нас у мамы — три рта, как галчат,
Наша жизнь, что рубаха из льна,
Много милых в деревне девчат,
А в сердечко запала одна....
Жаль о свадьбе не может быть речи,
Хоть слыву я в деревне Левшой.
И мечтая, боюсь нашей встречи,
Кроме чувств «ни копыя за душой»!

Кого Настя провожает? Братьев — нет, отец — староват. Цветастый платок ей к лицу. Она вступила в круг, дробно стуча каблучками. Запела частушку, сочиненную Гореловым для посиделок в клубе. Словно родник освежил пустыню.

Помню я жаркое лето,
Как расставались мы с ней,
Нам три коротких куплета
В роще пропел соловей....

Петр, заглядевшись на пассиву и с маху налетел на такого же, неказистого парня с котомкой за плечами. И получил справа по скуле, но, не ответил ударом на удар, а подражая отцу, с достоинством, протянул руку драчуну:

— Чем «гачами с переляку» махать, давай сначала поздороваемся! — и с такой силой сжал ладонь земляку, что тот присел от боли и вдруг жалостливо запросил:

— Отпусти, а то невмочь!

Сержант Уртаев что-то говорит. Это возвращает Горелова в реальность.

Открытое, как на ладони место, не лучшая позиция с точки зрения бойца. Пушки и танки отсутствуют, нет даже противотанковых ружей. Правда, одна из двух обойм в под-сумке с бронебойными патронами — у них пуля как пенек тупая. Чтобы не ricochetить от брони, а сплющиваясь, пробивать ее. Но надо умудриться попасть в смотровую щель или в трак гусеницы. На всю дивизию из мототехники одна полуторка, крытая брезентом, торчит огородным пугалом позади линии обороны.

Видимый фрагмент степи — словно выпуклый. Петр чувствует себя букашкой на глобусе, которая вот-вот соскользнет с него. А какого труда стоило попасть на фронт!

Петр в тот день проснулся поздно. Воскресенье! На отрывном календаре, как в дневнике плохого ученика краснели две жирные двойки. За раскрытыми ставнями качала зеленущими плодами черемуха. Слышались крики детей, играющих в войну. Он рывком сел на настиле из досок. Помахал кулаками в воздухе. После пожара семья Гореловых перебралась к родственникам в Донбасс. На земляном полу времянки — яловые сапоги. Петру их вручили вместе с грамотой. Однажды в шахте, где он работал крепильщиком, лава пошла на осадку. Горелов, не раздумывая, под треск и осыпание над головой в ударном темпе устанавливал дополнительные стойки. Подоспели товарищи и забой отстояли.

На выходной Петр запланировал ремонт кровли. С крыши открывалась величественная панорама русской кочегарки. Сколько хватало глаз, виднелись многочисленные соору-

жения в виде шатров, с вращающимся колесом наверху. Рядом с ними остроконечные горы пустой породы, дымящиеся остатками угля и древесины, как маленькие вулканы. Словно гигантский художник смешивал в небе разноцветные дымы над городом Сталино. Мать с сестрой Шурой хлопотали возле летней кухни в огороде. Ветер доносил запах картофельных оладушек. У клуба блеснула лысина — партийный секретарь Журавлев. Сегодня лекция: «Пакт о ненападении». Горелов уважал партторга за ясность и логичность речи. И тот в свою очередь беседовал с Петром более откровенно. Журавлев дошел до первого дома. Отец Насти — на крыльце, сверкая линзами очков, скручивал «козью ножку», его жена стирала белье. Партийный секретарь поговорил с ними через забор. Мать Насти всплеснула руками и заголосила как по покойнику. Горелова как ветром сдуло с крыши.

— Петро, ты куда? А кушать?

— Потом, потом, — махнул он рукой матушке.

— Всю ночь не спал, — жаловался Журавлев, — писал доклад о дружбе с Германией, а придется на ходу перестраиваться и проводить диспут о вероломстве фашистов.

Услышав весть о войне, Горелов не шибко расстроился, хоть и дрогнуло что-то в душе. Думал война продлится не более полугода. Боялся опоздать. Память хранила образ дяди Георгия — командира-пограничника. Он приезжал на похороны деда, когда Пете исполнилось лет семь. Гимнастерка с иголки, брюки-галифе по последней моде, сапоги хромовые горят на солнышке, португез новенькая со скрипом. Характером добрый, отзывчивый. Младший Горелов и не подозревал о таком великолепном родственнике. Вся улица вышла провожать его. Петя не выдержал, заревел, бросился за подводой. Отец остановил лошадь, дядя взял племянника на руки:

— Вырастай большой, тогда и возьму тебя на свою погранзаставу, — пообещал он.

— Где же ты теперь мой дядя? — размышлял Петр.

Выходной, но двери райкома распахнуты. На листке в клетку — «ЗАПИСЬ ДОБРОВОЛЬЦЕВ». Очередь в несколько человек. Усталый военный. Стакан с давно остывшим чаем в блестящем подстаканнике.

— Уголь — хлеб военной промышленности, — устало возразил лейтенант, возвращая заявление, — «бронь» государство не зря дает.

Горелов огорчился: надо же, рядовой крепильщик и освобожден от воинской обязанности! Военный, глянув во вспыхнувшее лицо Петра, улыбнулся. А тот отчеканил:

— Я — молод, здоров, хладнокровен и тверд. Уверен — мое место на фронте!

— Ударно трудиться нужно и в тылу, — настаивал военный.

— Я неженат! — Горелов бросил на чашу весов последний, самый сильный аргумент, — некому по мне будет слезы лить, у матери нас четверо, а погибнуть можно и в шахте...

Винтовка-трехлинейка на бруствере.

— Мой отец Зимний с ней брал, — шутил инструктор по рукопашному бою сержант Уртаев. Нюхавшему порох в Финскую, можно и поёрничать. Ходили слухи, будто инструктор поссорился с начальником училища перед отправкой на позиции.

Петр вспоминает «учебку». Шибко их не доучили, из-за прорыва фронта фашистами.

— На пехоту нападает конница, — дает вводную Уртаев, — курсант Горелов! Ваши действия?

— Встать на одно колено, — четко отвечает и показывает Петр, — приклад прочно упереть в землю, штык в сторону неприятеля.

Любопытный суслик, привстав из травы, свистнул удивленно, вызвав всеобщее веселье. Жара несусветная — тридцать шесть в тени! Но Горелов полон сил и задорной энергии, хотя пот течет из-под пилотки, по спине и ручьем по ногам, скоро кажется, в сапогах от него захлопает. На привале он наблюдает за богомолем — диковинное насекомое. Голова с мощными челюстями, передние лапы с зазубринами, как латы средневекового рыцаря. Насекомое встает на задние лапы, воздев передние к небу, как будто действительно молится, и в резком броске бьет по зазевавшейся мухе. Петр повторяет движения богомола. Ваня покатывается от смеха.

Занятия под навесом. Благодать. Не так жарко. Грубо сколоченные скамьи. Инструктор задает вопрос:

— Какая защита лучше?

Латышев не теряется, зачитывает устав: «Считается предпочтительным выбрать удобный момент и напасть на неприятеля первым».

После отбоя курчавый, темноволосый парубок позвал шепотом:

— Робята, айда в самоволку, здесь такие сады! А девушки! — и причмокнул.

Друзья синхронно помотали головами. Их предупреждали: за отсутствие в училище без уважительной причины более двух часов — трибунал. Он мягкие приговоры в военное время не выносит! Армия без дисциплины, что оркестр без музыки! Койки стояли под открытым небом. В казарме не хватало места. Ночью пошел дождь. Горелов укрылся простышкой. Капли барабанили по натянутой материи. Утром проснулись — простыни сухие. Жара! Кровать самовольщика зияла пугающей белизной.

Срочное построение. Перед курсантами, проучившимся всего месяц, выступает начальник училища генерал Сорокин в своей обычной громогласной манере:

— Враг прорвал фронт в южном направлении. Приказ Главнокомандующего...

Патруль демонстративно ведет мимо строя кудрявого парубка без ремня.

По степи эхом донеслось:

— Достать НЗ и подкрепиться.

Но Петр диковинную копченую колбасу тонкими кральками съел еще в теплушке. Осталось полбуханки хлеба. Сухомятка не лезла в горло. Он вылез на бруствер, свернул сигарку, полюбовался, как удачно замаскировал окоп, это получалось лучше всех. От непогасшей спички, по мальчишеской привычке поджег соломинку, другую, нашел веточку потолще и вскоре миниатюрный костерок тлел у ног. Суетливый муравей вместо того, чтобы бежать прочь, кинулся в самое пекло. Дурачок!

— Курсант Горелов! Демаскируешь позиции!

Огонек навевает воспоминания.

Огромная изба. Лунный свет дрожащей половицей желтеет на полу. Похрапывает дед Андрей, на разные лады ему вторят бабка Фекла, многочисленные сыновья, дочери, снохи, среди которых и матушка Петра. Двери в сени распахнуты. Конец мертвецки засушливой весны. Петю разбудил неясный шум на улице, он не решается будить взрослых. Младший Горелов лежит на печи, таращит глаза в потолок. Там шевелит усами большой рыжий таракан. Ударил набат. Все подскочили с належащих мест, ринулись наружу. Петя глянул в конец улицы, куда показывал отец Иван. Языки пламени лизали хату известной в деревне дурочки. Сама она металась рядом. Огонь как Змей-Горыныч с ужасающей быстротой пожирал все на своем пути. Ветер поднимал с крыш огненные шапки соломы и переносил их на другую сторону широченной улицы. Выли собаки, истошно мычали коровы, ржали кони, вырываясь из рук хозяев, орали дети. Их молодухи уводили подальше в огороды. Наждаком скоблил слух нескончаемый визг свиньи, второпях забытой в хлеву. Дед, как полководец, руководил сыновьями, получая ожоги, пытаясь водой и мокрым тряпьем отстоять избу и амбар с зерном. Но бесполезно, море пламени уже бушевало с обеих сторон от избы Гореловых. Рухнула крыша, где недавно еще спали родственники; рванули гранаты, припрятанные с гражданской войны. Толпа шарахнулась в сторону, опрокинув чугунок с кашей. Его вынес Петя, спасая самое ценное. Он заметил холодные глаза чужого человека, стоящего в тени. Исчез черный человек незаметно, как и появился.

— Петро колбаски хошь? — тронул земляк Горелова за плечо. Тот недоверчиво покоился на Ваню, но ответил искренне:

— Не отказался бы.

— А нема халявы! — развел руками Латышев, а губы — до ушей, хоть завязочки пришей!

Сержант Уртаев сдержанно крикнул. Он неприкосновенный запас тоже срубал. На всякий случай. Нет ничего постыднее голода — вспоминает Петр детство, которое совпало с голодомором 1933 года. Далеко в степи запеглял заяц. Горелов вскинул винтовку.

— Без команды не стрелять, — не на шутку рассердился сержант.

По цепочке бойцов от комбата докатилось:

— Всем отдыхать!

— А ворошиловский стрелок на боевое дежурство! — внес коррективы Уртаев.

Далекая канонада стихла. Слышен скрежет зубов спящего сержанта, сладкое причмокивание земляка. Небольшие холмы затрудняли обзор. Сами собой начали складываться строчки под завывания ветра:

Под знаменем борьбы — за счастье человечества —
Со Сталиным и партией родной
Мы строим жизнь в своем родном отечестве,
И мудро управляем всей страной.

Краем глаза заметил мельтешение: на расстоянии ружейного выстрела из-за бугра с остановками крадучись выдвигалась, пятнистая легковушка. Не учел враг дальнобойность трехлинейки. Патрон по-боевому уже в патроннике. Петр выстрелил. Одновременно раздался нарастающий вой вражеского снаряда, казалось летит он прямо в сердце.

— Если слышишь вой — значит, он не твой, — присев на корточки, повторял Горелов, рифмованное наблюдение Уртаева. Помогало плохо. Разрыв! Выглянул — снаряд разорвался слева от нашего грузовика. Петр выстрелил, еще! Ползет зараза как заговоренная. Развернулась! Врешь сволочь! Не уйдешь! Второй снаряд разорвался справа от полуторки. Вилка! Спокойно, Петруха! На тебя вся Россия смотрит! Где вторая обойма — в ней бронебойные. Неожиданно пришло хладнокровие. Точно совместил мушку, целясь в мотор, задержал дыхание, и очень плавно, как учили, нажал на курок. Над капотом «пятнистой крысы» взметнулось пламя, из дверцы вывалился фашист и закружил петлями как заяц. Линия нашей обороны обозначилась дымками выстрелов. Третий снаряд взметнул вверх брезент нашего грузовика, словно черная птица взмахнула крылами.

— Жаль, — прокричал Петр, подскочившему сержанту, — не успели нам раздать из грузовика ни одного патрона!

Досадно порой рядовому за оплошности командиров! Боеприпасы можно было по полю растянуть, а не в машине держать! Обычно разговорчивый Уртаев молчал. А ведь это он, человек ответственный, пригнал машину и должен был побеспокоиться о разгрузке!

— Имитация, — после недолгого раздумья, сурово произнес незнакомое слово сержант, — имитация доставки боеприпасов на передовую! Вот такие брат дела! Аховские!

Смертоносные столбы стали взбухать вдоль свежерытых окопов. Только пыль пошла от наших редутов. Хоть бесприцельный огонь, но на психику давит сильно. Местность содрогалась от разрывов. Струйки земли, словно ручейки холодного пота, скатывались за воротник. Скользящий спрут страха вырвался из укромного уголка души, куда его с вечера загнал Горелов, начал расти, распуская щупальца, сковывая тело, выпустил чернильное облако, затуманивая сознание. Хотелось бежать туда, где нет этого ужасающего грохота, несущего каждое мгновение смерть. Прошлое перестало существовать. Мир замкнулся вокруг Петра оболочкой. Вдруг в его скорлупу вклинился голос сержанта:

— Рядовой Горелов! Ты куда! — Уртаев крепко держал его за плечо, — не дрейфь, живы будем, не помрем! Первый раз всем страшно!

Петр закурил, поданный сержантом «Прибой», душистое облако вошло в легкие, руки перестали дрожать, сознание прояснилось. Он заметил — Ваня забился Уртаеву под мышку, как цыпленок под крыло клуши. Горелову ненадолго стало смешно. Выскочившего из окопа, пехотинца избарабанило осколками, только ключья полетели от шинели. Молотилка продолжалась до вечера, немцы не жалели боеприпасов.

Ночь упала на землю черным саваном.

— На один день врага задержали, — подбадривал всех сержант.

Затеняя звезды, простреляли «Аннушки». Так называли наши фанерные бипланы. Над территорией противника замелькали всполохи. Дают немцам прикурить!

Петр «закемарил», сидя на корточках...

Грянуло тысячеустого: «Ура!» — пехота приветствовала возвращение самолетов. Немцы пускали осветительные ракеты. В темноте урчали моторы.

— «Манштейн», однако, подкрался незаметно, — зло произнес невидимый в ночи Уртаев.

— Дайте-ка ребятки по гранатке, свяжу на всякий случай, — продолжал сержант.

Рассвело. Остов вражеской легковушки исчез. Воронка на месте нашего грузовика дымилась остатками древесины. Вновь простреляли «Аннушки». Уменьшились до размеров птицы, к ним потянулись огненные нити, самолеты вспыхнули соломой и пошли прахом в землю! Говорят, на них летали девчата. У когохватила ума послать их на верную смерть?

Позади позиций в шахматном порядке рванули мины. Все ближе и ближе. Самое варварское оружие. Нет от него укрытия и в окопе. Белесый след от мин виден над холмом, откуда вчера возникла легковушка.

— Тринадцатая — непобедимая! Вперед! За Родину! За Сталина!

— Мама, — орал Ваня вместо «Ура!», так было страшно.

Над головой — смертельный пересвист. Говорят — маленьким можно не кланяться: все пули летят над тобой. Врут! Просто тяжело бежать согнувшись! Горелов увидел себя как бы со стороны — с непомерно длинной трехлинейкой с примкнутым штыком, в поднимающей пыль, неровно бегущей цепочке бойцов. Раздался вой. Петр следом за Уртаевым скатился в первую же воронку, сдернув за рукав Латышева. Слово проснулось шестое чувство. Мозг не осознал значение звука, а мышцы перенесли тело в укрытие. Видимо у кого просыпается подобный инстинкт — больше шансов выжить на войне. Выстрелили по очереди вперед. Цели не видны. Рядом — пехотинец, разодранный огромной железной лапой. Запах смерти ужасен! С какой изощренной жестокостью бездушные механизмы, созданные умными людьми, калечили живую плоть! Петр предпочел бы оборону супротив подобного наступления: сколько молодых, здоровых ребят полетело в первой же атаке!

— Короткими перебежками! — скомандовал Уртаев, и выкарабкался из воронки, пытаясь вынуть винтовку из рук убитого, но тот держал оружие поистине мертвой хваткой. В рядах наступающих один за другим начали рваться снаряды.

— По-пластунски вперед! — последовал приказ.

Горелов полз, как учили: плотно вжавшись в землю-матушку, даже голову склонил набок, скользя щекой по сухим комкам. Ему казалось — внутри грохочущей мясорубки уцелели они одни. Мир сузился до черных сапог сержанта. Они то удалялись, то приближались.

— Гранаты к бою! — скорее увидел, чем услышал Петр.

Он швырнул «карманную артиллерию» за холм. А чеку вынуть забыл! Какой он будет первый противник?! Жутко! Одно дело тыкать штыком соломенное чучело.... Под ногой что-то хрустнуло — губная гармошка! Прав был отец — боится германец русского штыка!

— Отходим на прежние позиции!

Налетели самолеты. Душераздирающий визг бомб. Смерд взрывчатки. Крики раненых о помощи. Ничто так не угнетает, как ощущение полного бессилия. Горелов вдруг запросил у Бога помощи, вкладывая в слова все напряжение мятущейся души, думал за грохотом никто не услышит. Услышал, Ваня повторяет:

— Отче наш, иже еси на небеси...

Петр, оказывается, хорошо знал мамины молитвы! Таинственное тепло вошло в каждую клетку взбудораженного организма, хотя ад продолжался. Горелов перевернулся на спину. В облаках пыли мелькали летающие кресты. Жаль кончились патроны, да и было то их всего двадцать: две обоймы по десять патронов.

— Вань! У тебя патронов не осталось?

Близкий разрыв захлестнул лицо, словно черная ширма накрыла белый све....

В этом месте рука отца скользнула вниз, ручка порвала конец страницы. Он не пережил пленения второй раз, пусть даже на бумаге.

Толмачиха

Из-за Уральского хребта в районе горы Каскыново выглянуло ослепительное июньское солнце. Осветило темные от росы крыши поселка Злоказово. Луч скользнул по желтым пяткам ромашек, по синим звездочкам васильков в распахнутые ставни избы на два оконца, ласковым котенком улется возле щеки девочки-подростка, разметавшей иссиня-черные волосы по разнолоскутной подушке. Нина не открывая глаз, улыбнулась, вспомнив вечер.

— Лупи их! — азартно вопила Катя, сжимая сочный пучок крапивы через манжет кофты. Восемь Володей улепетывали что есть мочи в проулок.

Матушка к вечерним гуляниям дочери относилась снисходительно. Она сама в молодости любила водить хороводы на Сорочьей поляне, где и познакомилась со своим Дмитрием Осиповичем. Он после свадьбы поставил дом на околице безымянной улицы. Улица длинным рукавом тянулась от сельсовета до березовой рощи с колодцем возле речки. Жители этой улицы существовали обособлено, вступая с селом в затяжные конфликты.

— Восемь Вовок, одна я! Куды Вовки, туды я, — дразнила Нину Колченогая.

Кто виноват, что после смерти Ленина почти каждого мальчика родители называли Володей. Колченогую презирали — бобылиха, и скотина у неё непутевая — козы блудливые.

Хлопнула калитка.

— Нечистая сила! — послышался из сеней, так матушка ругала дочку за школьный атеизм, — это ты парней подучила? — звякнули дужки ведер, солнечные зайчики заполошно заметались по стене, — зачем ворота Колченогой перетащили к колодцу?!

— А пусть не обзывается, — подумала Нина, но промолчала. Мать не любила возражений. Она стояла над дочерью руки в боки. Рослая, не по-русски скуластая баба.

Родительница загремела ухватом в печи. Мама остывала быстро: Нина единственная дочка из четырех детей. Родилась на покосе. Отец принял роды, перерезав пуповину собой.

Однажды зимой Нина простыла. Изба вместе с ней то разрасталась до размеров деревни, до синих гор, куда они бегали за кислицей, до каменного города, гремящего тяжелыми составами, до самых звезд, холодно подмигивающих Нине, то невыносимо сжималась в маковое зернышко, в центре которого находилась Нина. Но сквозь горячечную дымку дочь видела мать, осеняющую себя крестным знамением:

— Господи! Спаси и сохрани единственную дочку!

Сколь раз Колченогая советовала:

— Спрячь Настасья икону от греха подальше!

— Пушай висит, — хмуро возражала мама.

В тот злосчастный день колыхнулась занавеска в проеме единственной комнаты. В клубах морозного пара в избу вошел Володя Конопатый, по взрослому сдернув малахай, и перекрестился. За ним внесли брата Гришу. Мать осела на пол. У брата в боку торчала расщепленная штaketина. Он ее использовал для торможения при спуске на лыжах. С неё капало что-то зеленое. Отец кинулся запрягать лошадь. Умер брат по дороге в больницу.

— Бог дал, Бог взял! — возвратясь, хмуро подытожил отец.

«Злой Бог, — мыслила Нина, — прибрал бы лучше Колченогую! Она только всем мешает!»

— Илью бы с собой не таскала! — ворчала мать, ставя на стол крынку с топленым молоком.

— Он сам за мной как хвост бродит, — возразила Нина, подцепив ложкой оранжевую пленку. «Будешь есть пенку, вырастут усы», — вспомнила Нина слова среднего брата Аркадия, того забрали в армию неделю назад.

— С кем еще Илье гулять? — озвучила мысли Нина.

— Отца на тебя нет! — мать треснула дочь по затылку. Шустрая кошка подхватила оранжевое солнце, упавшее на пол. Нина выскочила за дверь, показав язык неестественно как-то скособоженному боженке на иконке. Возле лавочки — пучки крапивы.

— У-у! Толмачиха! — услышала за спиной и прибавила шаг, — шоб тебя трамвай переехал!

Это рассмешило Нину — в деревне трамваи не ходят. Она действительно остерегалась только отца Толмача, так его называли в деревне, хотя он ничего плохого ей не делал. Бывало, разбалуются они с Ильей на печке, а отец резко отдернет занавеску и так строго посмотрит, что они надолго затихали. Его разбойничья борода вводила в робость и взрослых.

Отец возил спирт с завода на станцию. Трудовая повинность. С напарником приспособились делать шилом отверстия в бочках, отливать содержимое в ведро и прятать под кустом. Возвращались спиртовозы с песнями. Мать ругалась. Нина с друзьями прогулялись вдоль их маршрута и пинком опрокинули ведро с дурманящей влагой.

— Энто твои архаровцы бурагозят, — брызгал слюной напарник отца, глядя на ребят, рассевшихся как воробьи у ворот.

— Свистишь ты всё, — грубо возразил ему отец, — как мой приятель Троцкий!

— Ты, что знаком с Троцким? — свирепо поинтересовался напарник.

— Да, здоровкался за руку, — гордо сообщил отец, — разговаривал с ним как с тобой, уважаемый человек! Не то, что ты!

Отец соскочил с телеги, взял лошадь под уздцы и зло обозвал подельника:

— Чурка, ты, с глазами!

Ребятишки прыснули смехом. Напарник, вспыхнув темным лицом, из-под охапки сена выхватил топор и через телегу заехал отцу в ухо.

— Убил! — заверещала Нина, не помня себя.

В сельсовете состоялся суд. Детей в помещение не пустили. Нина наблюдала через раскрытое окно — ее протолкнули поближе. На сцене — стол, покрытый сукном. Трое незнакомцев — в кожаных куртках. Отец с напарником под охраной с боку на лавчонке.

— Боря прощаю, — глухо из-за перевязанной щеки произнес отец.

— Дмитрий Осипович! Где Вы находились в Гражданскую войну?

— Как все. Воевал!

— Вы служили у белых?

— Какое-то войско через деревню проходило. Кто не успел спрятаться — мобилизовали. Отказ — расстрел! В первом же бою ранило. Лежим мы цепью за деревней, офицеры нас в атаку поднимают. С той стороны слышно: «Вперед товарищи! Ура!». Только встал — удар в плечо. Спереди маленькая дырочка, а со спины кусок мяса величиной с блюдце выхватило. Потом госпиталь. Пока лечился, пришла Красная армия.

Боря отпустили. Отца увезли в город. Несколько раз Нина с мамой ходили к нему пешком в город. Отец отбывал наказание, работая свободным конюхом.

Воскресенье, но в колхозе летом выходных не бывает. Луч солнца только осветил флаг сельсовета, а комсомольско-молодежная бригада уже отправилась заготавливать дрова. Командовал бригадой дед Михей. Не такой он пожилой, считала Нина, а только притворяется, отрастив неопрятную бородищу, словно пытаясь вызвать жалость к мнимой своей старости. Но играл он частушки на гармошке забористо.

Кто сегодня нынче в моде,
Нынче в моде у ребят?
Кто в деревне верховодит...
Нины Толмачевой брат!

— нарушил покой березовой рощи дед Михей, — ишь, молодежь, клевать стали носом под тележный скрип.

Володя Конопатый подхватил напев:

Я не сам, она сама
Скамеечку подставила!
Я не сам, она сама
Целовать заставила!

— Предатель конопатый, — сердито подумала Нина....

Бригадир отмечал крестиком самые корявые деревья. Загонял всех и сам трудился до пота, словно от этих дров зависела жизнь всего колхоза. А солнце пекло невероятно.

Ночью умер дед Михей. В плотницкой мастерской стоял готовый гроб. Подросткам поручили обить домовину. Володи ушли за материей. У Нины родился замечательный план.

— Плохая примета, — отговаривала Катя, — помрешь скоро.

Услышав голоса, Нина легла в гроб, перекинув расплетенную косу с затылка на лицо, Катя с Ильей прикрыли ее крышкой и спрятались в углу. На секунду стало жутко...

— Вот это «бзыкнули», — радостно потеряла ладони Нина, глядя вслед «сверкающим пяткам» Володей.

Выглянули на улицу. Никого! Только во дворе деда Михея выла собака.

Зашли в избу, в другую. Коромысло, брошенное поперек сеней, пустые ведра на тропинке. Обычно ласковая кошка скачками удирает в огороды. Неожиданно столкнулись с Колченогой. Аж вздрогнули.

— Бегите детки в сельсовет, — прерывисто посоветовала она, — вчера началась война.

«А Аркадий наверно не доехал до части», — ворохнулась мысль.

Подростков мобилизовали на объекты, приравненные к военным. Нина работала кочегаром на большом паровозе, названного в честь главного чекиста. Её рабочее место в тендере: открытом полувагоне позади паровоза. Она нагребала уголь на стокер — так называли подающий, как у мясорубки винт только больших размеров. Он транспортировал уголь в топку.

Нина с Ильей жили у знакомых возле вокзала. Трамвайная линия делала петлю, уходя в город. Вагоновожатый обычно разгонял трамвай, даже если не было гололеда.

Нина от накопившейся усталости приспособилась спать на ходу. Она шла намеченным маршрутом, а сознание отключалось. Ей грезились события.

— Ты кого мне вчера дала, — бушевал в диспетчерской дядя Саша, — заснул сосунок в тендере, чуть в стокер не попал. Нинка хоть и девка, а любого пацана за пояс заткнет!

От Аркадия пришло письмо: «Наш состав под Киевом попал под бомбежку. Получили приказ: идем в бой на Белую Церковь...», — писал брат.

Очнулась Нина от резкого звонка. Обмочаленные ветки кустарника угрожающе стучали по мчащему вагону. Она отпрянула, махнула рукой в сторону брата. Носок её ступни коснулся рельс. Внезапная дурнота подступила к горлу. Глянула и не поверила: большого пальца правой ноги как не бывало.

г. Миасс

Николай Григорьев

Бытовая купель

Повесть

Валерия — имя латинское означает бодрая.

1.

Это происходило в одном из целинных посёлков с неприличным названием Кислая Бурда. По просьбе директора совхоза «Утёс» группа десятиклассников выехала на автобусе «Кубань» выжигать старые (после обмолота) кучи соломы. Старшей над группой ребят директор — сам из приволжских немцев — назначил Берту Ранье.

С утра над степью без конца и края, вширь и вдаль висела серая хмарь. Но к полудню распогодилось: заиграло весёлое солнышко, заподувал свежий ветерок. Вскоре подсохшая солома вспыхивала, как порох. Заранее опуханная могучим «Кировцем» клеть поля, усыпанная тьмою соломенных, из-под комбайна, куч, охваченная клубами грозно-косматого дыма, являла грозно-фантастическое зрелище. Не верилось, что это могучее чудо рождено всего-навсего от вспышки какой-то маленькой, слабой спички. Тем не менее каждый из парней и девчонок подсознательно ощущал себя творцом увиденного, но теперь уже не подвластного для тушения рукотворной стихии.

Берта объявила перерыв. Будто стайка чирикающих воробьёв, с шутками-прибаутками, с беспечно-весёлым смехом десятиклассники приземлились в тени скирды соломы, кипящей тьмою мышей-полевков. После обеда этой скирде предстояло так же исчезнуть в огне, как и догорающим на поле кучам. О том, что скирда переполнена полевками Валерия, конечно, не знала. Иначе ни за какие «коврижки» девушку не сморил бы короткий роковой сон.

Самым отвратительным насекомым, увиденным Валерией Касьяновой под дуплой на уроке «Ботаники», она считала шерстяную моль. Увеличенная в сотни раз, до размера летучей мыши, она заставила Валерию содрогнуться от отвращения. В тот момент одноклассник Степан Иванов, далёкий от страха к фауне, невольно поймав гримасу ужаса на красивом лице Валерии, осуждающе рассмеялся. Краска стыда, иронии и смущения залила лицо девушки. Жалея влюблённую в него и любимую им Валерию, парень честно признался:

— Знаешь, Лерка, я тоже испытываю страх и отвращение, но только при виде гадюк. От этих ползучих тварей меня охватывает колотун, а на голове, кажется, волосы шевелятся.

— Смеёшься? По обличию твоему я бы не сказала, что ты бяка-бояка.

— Правда, Лера, ей-Богу правда. Провалиться мне на месте, если я вру. За внешней невозмутимостью я прячу свой страх, а внутри... Поверь — это не трусость, а что-то такое необъяснимое, что-то такое мужское, стыдное, которое нельзя показывать, как и мужские слёзы.

— Да уж это правда, Стёпа. Верю и согласна, что парень слезомойка — кисель...склизняк... Разве такой размазня защитит девушку в трудную минуту? А вот нам, слабому полу, слёзы иногда помогают защищаться.

— И не только защищаться — подхватил Степан. — Иногда слёзы украшают девушку. При плачущей девушке парень чувствует себя рыцарем.

Этот диалог остался в памяти влюблённых, казалось, навсегда, а вот жизнь диктовала свои правила.

2

Водитель автобуса «Кубань», ожидавший ребят, чтоб отвезти их после работы домой, дремал за «баранкой». Автобус стоял на меже соседнего поля. Время от времени водитель скидывал глаза на циферблат своих ручных часов. Приближалась пора обеда. В салоне автобуса стояли три походно-заплечных термоса с наваристым мясным борщом, шницелями с гречневым гарниром и на третье с яблочным компотом. Догадываясь, что школьникам пора «заморить червячка», водитель подъехал к скирде и сходу, заглушив мотор, закричал:

— Эгей, воины-поджигатели, промерёхались (проголодались)? Директор совхоза своё дело туто знает! У него даже лодыри откормлены, как боровки на убой! А передовики производства и ударники труда, типа нас — в славе купаются, как свиноматки в грязи! Так што не раздумывайте много и долго, а после школы дуйте всем гамузом в трактористы и доярки, в агрономы и зоотехники. Теперичь это шибко модно. Вот, к примеру, ты Степан, как смотришь на такую пресспективу?

— А ты, дядя Вася, сам-то как смотришь на перспективу стать не водилой автобуса, а директором совхоза?

Во встречном вопросе Степана дядя Вася, видимо, заметил поправку ошибочно произнесённого слова, а так же тонкую иронию парня, но, не показывая вида, простодушно проворчал:

— Великий ты учёный, однако, Степан, а учёного учить... только портить. Ты вот давай-ка поменьше раздобурдывай, а побыстрее вытаскивай из автобуса термоса. Вижу, кадык-то глотки считает и ты, стало быть, есть прилично хочешь.

— И, правда, Стёпка, поторопись! Стоит ли выпячивать начитанность за умность — осудила Степана Валерия.

Парень обиделся на девушку, но скрывая обиду под внешней бравадой и по-дурацки козыряя, воскликнул на потеху одноклассникам:

— Слушаюсь мать-командирша! Я же олух царя небесного.

Назревал конфликт, о котором догадалась только одна Берта. Она тронула Степана за рукав, сказала мягко, но как отрезала:

— Стёпушка, извинись перед старшим, да и перед Валерией не мешает!

Спесь Степана исчезла. Пряча от всех взгляд, он прихватил ящик с алюминиевой посудой, передал Берте и обернулся к шофёру:

— Извини, дядя Вася. Я же не со зла брякнул, просто пошутил неудачно. Не сердись на меня. Садись с нами обедать.

— Славный ты парень, Степан, как и твой погибший на войне отец. Не сержусь я на тебя, потому что знаю, что на сердитых воду возят. Однако всё же скажу одно: котелок от у людей с виду вроде по шаблону, но по разному закипает и варит. Так што ты Стёпа, недовар-то помене да пореже с языка допускаяй. Глядишь вдругорядь директор совхоза обратит внимание не на Берту Ранье, а на Степана Иванова, понял парень?

— Понял, дядь Вась, понял... не дурак.

— Ну вот и славно. А девчатки, Стёпа, обе хороши, что Валерия, что Берта. Только одна из них лебедь белая, а другая лебедь чёрная.

— А кто какая? — понизил голос Степан.

— А вот это, Стёпша, как твоё ретивое (сердце) подскажет. И давай закроем эту тему, пойдём обедать.

3

Во время обеда от взгляда дяди Васи не укрылось то. Что Валерия открыто помыкает Степаном, считая его приручённым навечно. «Не поймала, а ощипала» — неодобрительно подумал дядя Вася. Валерия, не обращая ни на кого внимания, открыто плела паутину верховенства. Мимика лица и жесты Валерии были не столько откровенны, сколько наивны и грубоваты. Порывистые движения рук девушки, повелительный тон голоса, с претензией на независимость, выдавали скрытую надежду юной особы на единоличное влияние и обладание Степаном.

«Истрадалась девка — определил дядя Вася. — А Стёпка, пентюх этакий, хоть бы хны! То ли не созрел ещё парень, то ли цену себе знает? Что-то я в толк не возьму его молчания. Ить чую, что он умён, а ведёт себя, как недоумца! Нет. Он скорее всего под маской молчания прячет своё стеснение, свою тактичность. Эх, Стёпа, Стёпа, в любви недотёпа! А девка-то хитрит умело. Видать чары обольщения ей бабьей породой с кровью достались! Неужели Стёпка клюнет на Валерины запуки (хитрости)? Ить без лупы видно, што она для близиру башку ему на плечо припечатала. Неужели он не чует подоплёки, неужели не видит, што она чёрная лебедь? Ить козе понятно, што у неё какое-то показное внимание к Степану? О! О! свою ложку с куском мяса тычет ему в рот! Он што безрукий? Да, обнажённость выходов Валерии на людях неприлична до предела. Знает холудора, што красавица... вот и охомутивает парня. Волосы шёлковые волной и беретик дорогой по моде. Подаёт себя, как бриллиант на блюде, а на самом деле, сгоревшая сердцем и умом, как окурок в пепельнице. А Берта лицом чернявенькая и не так броская красотой, как Валерия, но нравом... истинно белая лебёдушка. Такие, как Берта на дороге не валяются. На лице гордость и благородство, будто искусным живописцем намалёвано, ведёт себя с величием Богини, но без гордыни! Эх, Степашка, Степашка, лопоухий ты дурашка! Около тебя же не девка, а райское сокровище! Бери смелее этот сосуд двумя руками и всю жизнь неотрывно пей до дна нектар из этого сосуда. Эвон как она стреляет глазёнками по Валерии осудительно! Вижу, што Берте шибко хочется оборвать настырный трёп Валерии да, похоже, девичья гордость не позволяет. И ещё я вижу, што Степка-то Берте... свет в очах! А што? Стёпка парень видный! В такого не грех по уши втрескаться. Токо к нему, вижу, пододец особый требуется, а Валерия его через палку гнёт...»

4

Весь обед протекал под весёлый смех ребят. Казалось, что шаловливым подковыркам Валерии над Степаном не будет конца. Казалось, что её беспечный и залиvistый хохоток, должен был разбудить в парне протест, но, видимо, по причине влюблённости Степана в Валерию, взрыва не последовало. Дурашливые шутки Валерии, будто водный поток горной реки несли её неудержимо к чему-то неведомо печальному.

Вначале Берта вместе со всеми смеялась над не очень удачными шутками Валерии, но она первая почувствовала роковое приближение беды. Сквозь слёзы смеха, жалея Степана и, желая остановить неуёмную Валерию, Берта построжала:

— Ой, Валерка, не перед добром ты сегодня разошлась. Как бы беды не случилось.

— А до беды семь лет, будет или нет! — отмахнулась Валерия.

— Всё равно перестань! — и слегка коснулась руки Степана.

— Не перестану! Ты мне не указ! — вскипела Валерия. — Думаешь, если директор назначил тебя над нами старшей, так ты пророка за бороду поймала?! Не любо — не смейся и... вообще отхлянь (отстань)! Верно, Стёпа?

Задумчивый парень дипломатично ответил:

— Когда я ем, я глух и нем...

И так же, как Берта, подумал: «А ведь и правда беда не по степи гуляет, а по людям ходит. Осатанела сегодня Валерка. Шуточка, что уточка: с гнезда слетела — не поймает, но птенцы-то на звериное съедение остаются. Сколько можно надо мной шпакулить! Всему же есть предел! Как это я раньше не заметил, что Валерия меня в грош не ценит?»

И в подтверждение своей мысли услышал обидное:

— Стёпушко, немтырь ты мой шёлковый.

Тут Степан впервые, как бы очнулся от гипнотического сна. Он вспомнил прикосновение руки Берты к его тыльной стороне ладони и будто блеском молнии пронзило его сердце горячей волной. Внезапный жар окатил тело парня от макушки до пят и обратно. Их взгляды встретились. Как в раскрытой книге, в глубине глаз Берты Степан прочёл ответное чувство...

А Валерия вновь насмешливо напомнила:

— ...верите? Стёпа у нас инвалид. Ему пеплом уши законопатило. Хи-хи-хи! Нашёл — молчит, потерял — молчит. Берта, ткни Степана под бок, разбуди «спящую красавицу». Спроси: не хочет ли она прогуляться со мной по степи? Я ей букет маков подарю.

Такой «подначки» от Валерии Степан не ожидал. Сравнение и, если хотите, открытый намёк на принадлежность к противоположному полу, вывели парня из равновесия. Он взорвался:

— Пошла прочь, тараторка липучая! Надоела ты мне, как горькая редька! Видеть тебя, Валерка, не хочу! Сгинь, как...

— Ну и оставайся «лавка с товаром»! Больно ты мне нужен немтырь немытый!

Обиженная Степаном Валерия нырнула в дверь автобуса и затихла там в салоне. Дядя Вася поднялся в салон вслед за Валерией. Открыв капот, молвил:

— Зря, девка, обиделась на Степана. Допекла ты его.

— Да ну его в пим!

— Не надо так с парнем. Женщина в брюках — куда ни шло, а на мужика одеть юбку — позор! Себя виновать...

— Знаешь, старый хрыч, ковыряйся-ка ты в своём моторе, а не в моей душе! Учитель... — со злой иронией отшила она старика.

Ничего не ответил дядя Вася, только с досадой крикнул.

5

Молодёжь по предложению Берты затеяла игру в «жмурки». Она пыталась пригласить в игру и Валерию, но куда там! Валерию заела гордыня. Она изрекла с условием: «Стёпка извинится... ещё посмотрю. Иди отсель, Берта, тошно мне без игры, а с игрой ещё будет тошней».

— Ну, смотри «сноха — тебе жить, дуйся, как мышь на крупу — и, не договорив, присоединилась к играющим.

Валерию раздражало неподдельное веселье и близкий шум и гвалт игравших около автобуса ребят. «Надоели!» — фыркнула она и ни кем не замеченная покинула салон, переместившись на дальний край скирды. Там, распутав шуршащих в соломе полёвок, она отрыла небольшое углубление. Не видимая со всех сторон, Валерия прилегла в это углубление и, жалеючи себя, притихла. В голове стучало: «Идиот этот Степка! Думает, что я не заметила, как он шары пялил на Берту! И она... Тоже мне кошка драная — соперница выискалась! Ха, подруга! Без Берты, без подруги я, как конь без подпруги обойдусь, а вот без Степки, как без поганого ведра не обойтись. Ничего. Придёт времячко, поиздеваюсь я над ним. На коленях будет ползать, язык масляный появится...»

Последняя мысль Валерии вспыхнула несуразным противоречием:

«Мне жить без Стёпки... но я могу и без любви... прожить». И уже её мысль теряя очертания здравого смысла поплыла куда-то в неведомое и она провалилась в короткий, но опасный сон. Она уже не слышала, как одна из старых полёвок, недовольная неожиданным соседством, тревожно пискнула. Ей отозвалась молодая. Под беспечное посапывание Валерии, мышьяная возня возобновилась.

6

Игра в «жмурки» была в полном разгаре. Берта с завязанными глазами ловила Степана. Он, увёртываясь от её цепких рук, стуча ложкой (вместо колокольчика) об алюминиевую кружку, иногда позволял ей касаться себя. В эти короткие мгновения музыка юных сердец пела гимн любви. Дядя Вася, сидя за баранкой, наблюдал за играющими, завидовал их возрасту: «резвятся, трафить их, как жеребята — стригунки на лугу возле маток и горюшка им мало! Не взрослые ещё, но уже не дети. Самое золотое время. А Стёпка — хорош! Молчал, хмурился и на тебе: раскрылся и засиял всеми цветами радуги. Молодец! Распознал белую лебедь. Хорошая пара народится и жизнь людям на радость украсит. Вот што значит доброе слово! Да што там слово. Ласковый взгляд делает человека счастливым. А Валерки среди молодёжи нет. Видимо в лесопосадку ушла до ветра».

Наконец в тесном кругу ребят Берта поймала Степана за подол рубашки. Степан снял повязку с глаз Берты. Слеплённая внезапным светом, а более всего близкой белозубой улыбкой парня, она долго приходила в себя. В это время, полагая что игра закончена, кто-то из скукавших ребят поджёт солому. Ей, ещё не остывшей от азарта игры, растворённой в объятиях Степана, было не так уж важно знать имя поджигателя. Очарованная первой неиспытанной близостью к Степану, она услышала ответный стук его сердца. Перестук их сердец совпал с внезапно налетевшим порывом ветра, который, охально взлохматив волосы парней, поиграв подолами платьев девушек, перебросился на скирд соломы. С яростью задрал бушующий огнём пласт соломы, ветер погнал этот огненный шар по вершине скирды, как ком перекасти-поле. Там, на дальнем конце скирда, лизнув последний раз вершину, шар

ярко вспыхнул и растворился в небе. Весь охваченный пламенем скирда, как мчавшийся на полной скорости поезд, грозно гудел.

— Какое счастье, что автобус и все мы находимся с наветренной стороны — отстраняясь от Степана, сказала Берта.

Словно замороженные дикой атакой ветра, ребята молчали. Они не все, конечно, догадались, что с расстояния примерно сорока метров можно было видеть, как из крутых боков скирда, спасаясь от пекла, пулей вылетали чёрные комочки полевок. Нестерпимый жар, обжигающий ребячьи лица, вынуждал их пятиться назад. В этот момент раздался душераздирающий вопль Валерии. Она, обезумев от боли, неслась прочь от скирда, не видя ничего перед собой, будто выпущенная из лука стрела. Берет, на её голове чадил серым дымом и плавился, как воск на свечном огарыше. Жидкие капли капрона при беге падали на плечи несчастной, проникали внутрь на кожу головы.

Оцепенение ребят мигом улетучилось. Многие во главе со Степаном бросились её спасать. Но расстояние между Валерией и бегущими ей на помощь не сокращалось, девушка бежала значительно быстрее. Если бы не Берта, её безумный бег мог бы продолжаться до тех пор, пока не остановилось бы её сердце. Берта догадалась, что догнать Валерию можно лишь на автобусе. Крикнув шофёру: «Дядь Вась!» — она юркнула в салон. Дядя Вася рванул машину с места и, обогнав Валерию, резко затормозил.

Берта и чуть позднее водитель встали на пути Валерии. Свалив её с ног, они накрыли пламя курткой. Прижатая к земле она впала в шок. Через сорок минут бешеной гонки автобуса Валерию доставили в районную больницу.

7

Нелепая или если хотите роковая случайность, а может быть и сама судьба, будто непоправимый природный катаклизм вмешалась в жизнь Валерии, Степана и Берты. Похоже на них на троих белый свет сошёлся клином. В народе говорят, что клин клином вышибают, но это оказался не тот случай, когда таким способом можно было что-либо поправить. Обида Валерии на Степана напрочь затмила дружбу с Бертой и превратилась в жгучую ненависть и прочно вселилась в Валерию.

Две недели Валерия находилась в реанимации. Её злость на Степана была так глубока, что даже придя в себя, она не обрадовалась счастью бытия. Войдя в здравый ум, увидев в оконном отражении своё уродство, Валерия ещё больше ожесточилась душой так, что стала искать для Берты способ мести. И зная ранимый характер Берты, она легко нашла этот способ. Но как бы не сильна была жажда мести, до поры, до времени Валерия затаилась, потому что окончательно, как ей показалось, уверилась в силе своей ошибочной правоты. Она не спешила претворить свою мысль немедленно, а предпочла ждать удобного, задуманного ею момента. По её поверхностному мнению, как она думала об измене Степана ещё лёжа в скирде соломы «Отместка» — это не месть, а торжество справедливости.

8

Берта Ранье рожала первенца. Впечатлительная с детства она под страхом обещанного Валерией возмездия рождения ребёнка — уродца, металась в приступах схваток. Обыкновенное проклятие за потерянную женскую красоту, выраженное Валерией, она принимала... как знамение, как нависшую над ней угрозу свершения этого знамения. Отрываясь от зеркала и надрывно плача, Валерия кричала:

— Сука ты, Берта! Ну кто тебя просил спасать меня?! Кому я нужна теперь такая уродина? Ты нарочно это сделала: людям на смех, а мне на вечный гнёт! Ты лучше бы дала мне сдохнуть, чем теперь жить и пугать людей моей обезьяньей образиной!

Нагнетая злость на берту, Валерия надрывалась:

— Пусть сам Сатана накажет тебя Берта! Пусть унесёт он тебя на суд сатанинский в преисподнюю...

— Зря, Валерия, ты полощешь мою душу, как половую тряпку. Не хотела я зла, когда спасала тебя. Все бросились тебя догонять, но догнать не могли. Жалеючи тебя, Лерка, одна я сумела при помощи дяди Васи. Мне показалось, что это не ты факелом пылаешь, а я сама. Случись это со мной, разве бы ты, Лерка, осталась безучастной? Разве бы стояла в стороне? — оправдывалась Берта, а Валерия, глядя на беременную Берту, ещё больше сатанела:

— Молчи, стерва! Я бы палец о палец не ударила! Ты это со злым умыслом подстроила, курва! Ты меня пред Степкой на посмешище выставила! Чтоб тебе на расшарагу ходить, чтоб тебе не разродиться, чтоб тебе родить такую же уродину, какой я живу по твоей милости! Проклинаю!

Нагоняя на себе страх ещё за нерождённого ребёнка, Берта металась то в бессмысленном бреде, то вновь приходя в мир реалий. В паузах между схватками, в её сознании усиливаясь, звучало колокольным звоном пророчество несчастной кликуши. Призрак надвигающейся на Берту катастрофы, накатывался будто огромный дорожный каток. К тому моменту, когда наконец в родильной палате раздался звонкий голос младенца, Берта тронулась умом. Акушерка, принявшая в ладони девочку, весело затараторила, ещё не зная истинного положения:

— Экая крикунья и красавица родилась! Беляночка в отца, с кудряшками. Подожди минуточку, мамочка, пуповину обработаю дочке твоей, в пелёночку заверну и дам тебе полюбоваться на свою кровиночку.

Молчание Берты заставило акушерку обернуться. Застывшая и безучастная маска лица Берты, бессмысленный, упёртый в потолок взгляд роженицы насторожил опытную акушерку. В тысячный раз, выполняя привычное дело, акушерка подошла к Берте и, подсунув к её груди запелёнутый свёрток с девочкой, вновь зачастила:

— Принимай, милая мамочка, своё изделие. Глянь, личиком-то вся ты, хоть и беляночка. Но это в папу Стёпу. Только что-то в твоих глазиньках, милая, я счастья — радости не вижу. Уж в своём ли ты уме, девонька?

— Нет! Не надо! Убери прочь — затрясло мелкой дрожью тело Берты.

Порываясь встать, она слабо отталкивала ребёнка.

— Это ещё што за новая мода! Девять месяцев носила дитё, а теперь из сердца вон!? Нет, милая мамаша, так дело не пойдёт! — волнуясь, построжала акушерка.

Строгость акушерки ещё больше отдалила Берту от реальности в бездну мистики, но акушерка всё ещё не замечала странного положения роженицы:

— Ты давай, девка, не дури! Необлизанное дитё — сирота! Дай дочке грудь, авось что-то ёкнет в твоём сердце материнское. Хотя, что я горожу огород. Это дитё тянется к титьке по инстинкту. А мать радостью материнства божественна, как сама Богородица Дева Мария! У меня детей четверо и каждый мне мил и дорог, каждый болькой, каждый близок, как пальчик на руке. Какой не режь — больно. Мне помыслить страшно, если бы я хоть одного из деток бросила. А ты одного сродила и лежишь ковёзисься! Давай не примальндывай, не отворачивайся к стенке. Постыдилась бы маленько, так-то! Чо людям-то скажешь? Как им в глаза посмотришь? Может дитя-то не Степан состряпал? Может совесть твоя не чиста? Говори, не лежи обызом!

— Нет! Уйди от меня, сатана! — дико закричала Берта.

— Не кричи, слышу и знаю. Степан добрый и видный мужик. На, бери ребёнка, корми.

— Не возьму! — вновь закричала Берта и отвернулась к стенке.

— Ну почему, Берта?

— Это не ребёнок! Это, это обгорелая головёшка! Это уродина, это мумия! Накаркала Валерия. Сбылись её слова...

9

Степан божьим сном не ведал о постигшем его несчастье, когда услышал позывные своего мобильного. «Ах, подруженьки, как горестно...» с пугающей настойчивостью вызванивал мобильник музыку Верстовского из оперы «Аскольдова могила». Взволнованный ожидаемым из роддома звонком, Степан с порывистой суетливостью вынул мобильник из кармана пиджака и поднёс к уху.

— Да — произнёс он казённое междометие.

Где-то там, на другом конце связи, как ему показалось, замешкались и он, с нескрываемым нетерпением, повторил:

— Да-да. Я слушаю.

И уже тут же, без промедления, женский, несколько натянутый голос, поздравил:

— С наследницей... ой нет, с первенцем тебя, Стёпушко!

— Не понял — ответил Степан, хотя сразу же догадался, что родилась дочь, которую благодаря УЗИ они с Бертой ждали.

Волна радости, гордости и вместе с тем волна какой-то необъяснимой тревоги и растерянности наполнили Степана. А в трубке верещало:

— С дочкой тебя, Степан Иваныч, с дочкой. Красавица... вылитая мама. А волосиками в тебя: беленькая и с кудряшками. А уж спокойнѐхонькая... копия ты, Стѐпа. Наверно и не чаял вовсе, что папой станешь... забот прибавится... Ты что молчишь, Стѐпа? Аль не рад?

— Рад — выдавил из себя Степан.

— Коровушка-то у вас с новотѐлу или в запуске?

Словоохотливость акушерки, а особенно её последний вопрос, казалось, заданный не ко времени и не к месту, глубоко озадачили Степана.

Зная обычно молчаливую акушерку Вассу Григорьевну, он никак не мог взять в толк, что же за причина ввела акушерку в говорливый транс. «Видно у Берты исчезло молоко, я слышал, такое бывает у рожениц. Задержка на день-два — ничего страшного», — подумал Степан, не видя других причин, успокоился:

— Васса Григорьевна, за дочку спасибо, но мне кажется — дай Бог ошибиться, что ты что-то недоговариваешь. Не ходи вокруг да около, говори прямо. С Бертой всё в порядке? Она жива?

— Да что ты, Стѐпа, Бог с тобой — сплюнь! Живѐхонька твоя Берта. Токо вот...

— Что, токо вот? Говори, Васса Григорьевна, не тяни kota за хвост.

— Помощь ей нужна, не в себе она, Стѐпа. Давай-ка не мешкай, собирай пелѐночки, распашѐночки и мигом в роддом за дочкой, а далее разговор не телефонный. — И отключилась.

10

Акушерку и гинеколога Тамару Иосифовну Степан заметил издали... Он пытался обойти их незаметно. Но, увы! Зоркая Васса Григорьевна жестом позвала его к себе, успев при этом что-то шепнуть по латыни Тамаре Иосифовне. Гинеколог согласно кивнула головой и так же повторила неизвестное Степану слово. Так что увидеть через окно Берту не удалось. Степан на ватных ногах поднялся на крыльцо роддома, молча поклонился. Женщины ответили тем же. Тамара Иосифовна пригласила Степана к себе в кабинет. Следом вошла акушерка.

— Присаживайтесь, Степан Иваныч. В ногах правды нет. Я вынуждена Вас огорчить, сказать горькую правду — пряча взгляд в сторону, произнесла Тамара Иосифовна. — Крепись, Степан Иваныч, ты же мужчина.

— Да што в конце концов произошло? Скажите вы толком или так и будете меня муржить? Вы дадите мне с ней встретиться? Или...

— Хорошо, Степан, скажу правду. Берта отказывается от ребёнка. Девочка во всѐм родилась без паталогий, а ей, как в сказке Пушкина, кажутся какие-то непонятные страсти-мордасти.

— Какие страсти-мордасти!? Вы врачи или коновалы!?

— Успокойтесь, — строго сказала гинеколог — И не надо эмоций. Ваша жена сейчас находится в гиперчувствительном состоянии, видимо, навеянного на неё в дородовом состоянии. И это состояние у нас вызывает опасение. Вызванное каким-то отрицательно-побудительным внешним воздействием её положение опасно. Она может впасть из психоневрологической меланхолии в опасную форму шизофрении. Чтобы этого не случилось, вы её муж и нам можете помочь.

— Чем же, позвольте узнать? — иронично, на грани нервного срыва, спросил Степан.

— Сейчас ей надо дать щадящий режим. Никаких встреч с вами и полная изоляция от рождѐнной девочки. Берта несомненно поправится и даже хорошо бы после её выписки вам сменить место жительства. В окружении старой обстановки синдром видения может возвратиться в более тяжѐлую форму. Жаль, но малютку ожидает судьба искусственницы. Вы, Степан, как отец, девочку можете забрать сию же минуту. Васса Григорьевна даст вам полную консультацию по уходу за ребёнком. Так ведь, Васса Григорьевна? Посоветуете молодому папе?

— Да-да, Тамара Иосифовна. Я охотно это сделаю — согласилась акушерка.

— Спасибо, но не стоит беспокоиться, — отказался Степан — и тут же пояснил, — на первых порах мне помогут тѐща и моя мама.

— А там, даст Бог, и сама Берта поправится — подхватила Васса Григорьевна и с присутствующим женским любопытством спросила. — Дочку-то, Степанушко, поди уж как-то нарекли?

Чать заранее с Бертой обговорили имечко святого, в честь которого придётся в будущем праздновать день именин?

Степан, задумавшись о беде, молчал, а Васса Григорьевна заливалась:

— Святое дело, Стёпа, следовать правилам христиан: выбирать перед рождением имя ребёнку. В старину в России так было принято. Не дураки люди были, выбиравшие с именем, святого покровителя. Уж не Любушкой ли назвали? По святцам-то славянское имя и по дате рождения в аккурат...

— Нет, Васса Григорьевна! Дочку будем называть Людмила — нашёл в себе силы ответить Степан.

— Тоже ладно. Людмила — людям мила. Сейчас, Стёпа, я мигом принесу тебе дочку сюда...

А Степан вновь ушёл в себя: «За што же моей семье досталась такая тяжкая купель наказания?! Где, когда, в чём я нагрешил? Уж не в тот ли момент, когда моё сердце вместо Лерки заняла Берта? Но ведь сердцу не прикажешь! Неужели во всём том, что случилось с Касьяновой, есть доля моей вины? Нет, я не оправдываюсь. Я готов взять на себя косвенную вину за Леркино уродство, но разве вернёшь ушедший поезд? Наверное тогда можно было стерпеть Леркино сравнение... да вот так уж получилось. Это, конечно же Леркины козни загнали Берту в центр чёрной тучи и эта туча задела краем наказания ни в чём неповинную дочку Людочку. Нет хуже наказания для девочки, чем остаться без материнской груди. Но надо жить. Жить наперекор всему, что приготовила судьба. Буду надеяться на лучшее, буду верить, что Берта скоро поправится, буду поднимать на ноги дочку. Всё образуется и заживём мы с Бертой счастливо. Видимо и впрямь, как советует Тамара Иосифовна, назрела необходимость сменить место жительства. Лерка — язва — не даст ведь покоя Берте».

В его памяти запульсировали подсознательно строчки из стихотворения Н. Рубцова «Разные птицы».

Я уеду из этой деревни,
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери
Будет боль на душе глубока.

Не так уж было важно для Степана, что он несколько переиначил поэта. Это Степану было ближе, трактовка понятней. Попутно Степан подумал, что поэта-бедолагу судьба тоже не баловала. «Эх, нахлестаться бы сейчас с горя, как поэт рубцов, но мне нельзя. У меня есть маленькая Людмилка. Она без меня...»

В эту секунду вошла Васса Григорьевна. Она, оборвав мысли Степана, сыпала:

— Держи, Степан, своё хрустальное изделие. Холи и лелей дочку, она тебе в старости счастьем и отрадой станет. При немощи дряхлой твоей исть-пить подаст. Да, што ты, как пахарукий (неловкий) стоишь? Бери и ступай! Пусть радостью полнится сердце твоё, а дом ваш не видит нужды. О Берте сердце не рви. Она — чует моё ретивое (сердце) поправится.

11

Пролетело пять лет, которые показались Степану вечностью. Первую половину пятилетия он, обременённый больной женой и малолетней дочкой, разрываясь на части, не знал ни минуты, ни дня покоя. Занятый работой и посещением областной психиатрической больницы, он сновал челноком между Кислой Бурдой и Заовражьем, где у его тёщи, бабушки Фрони, жила и росла его дочка. Навещая в больнице Берту ежемесячно, Степан замечал и радовался тому, что здоровье жены, хоть и воробыным скоком, но идёт на поправку. Вместе с тем он исподволь готовил Берту к жизни вне больницы, говоря, что без неё в семье скучно, что он мечтает удочерить девочку, как только она выпишется из больницы. Степан спрашивал Берту, не возражает ли она его мечте.

Со временем страх Берты притушился и ко времени выписки совсем исчез. Склонив голову на плечо мужа, на её лице вспыхивала улыбка радости и она, соглашаясь со Степаном, всё чаще напоминала ему о его решении удочерения. Он, обнимая похудевшую, но ещё более прекрасную жену. Пытливо смотрел ей в глаза и с осторожностью выяснял:

— Помнишь, Берта, как мы мечтали назвать дочку?

Она, частично потерявшая при родах память, нахмутив лоб, отвечала.

— Прости, Стёпа, кажется, забыла.

— Это, милая Берта, не беда. Я напомним. Славное имя мы выбрали, чтоб она именем своим всю жизнь для людей милой была. Намёк мой, Берта, на поверхности лежит. Или напомним?

— Нет, Стёпа, нет. Я сама вспомню. Я хоть не бабка-угадка, но по твоему намёку догадалась. Я думаю имя это — Людмила!?

«Москвичок» Степана резво катил по степному тракту, оставляя после себя невидимый шлейф выхлопных газов. По обеим сторонам тракта бушевала маковым кипеньем весёлая весна. Маковая киноварь, охватившая степь вширь и в даль, казалось, была готова вот-вот запалить собою бездонное лазерное небо. Степан радостный, что одинокая жизнь остаётся за спиной, запел:

Только степь, только степь, только жить, только петь
Славить ширь, славить даль, славить небо,
Как же мне не любить эту щедрую степь,
Эту степь золотую от хлеба.

Ему, парившему сейчас совсем в ином отрезке времени, было совсем не так уж важно, что перед его взором не хлебная нива, а маковая кипень. Как бы там ни было, под восхищённым вниманием Берты он пел гимн счастью и оду степному простору:

Если дождь — на всю степь и в полнеба гроза,
Если снег, то метель на полсвета.
Ну, а если весна, нам тогда не до сна
И с баяном бродить до рассвета.

Внезапно оборвав пение, Степан спросил:

— Берта, ты не будешь на меня обижаться? Не будешь сердиться?

— За что, Стёпа?

— Я ведь удочерил девочку и назвал её Людмилой.

— Неужели, правда, Стёпа?

— Чистая правда, Берта.

— Ой, Стёпушка, какой ты молодец! А где она сейчас? С кем? У кого?

— У тётчи, — и уточнил — у твоей мамы в Заовражье. И едем мы сейчас не в Кислую Бурду, а в Заовражье. Я ведь сразу после начала твоей болезни сменил место жительства. Увидишь, там тебе понравится. Людочка знает что поехал за тобой. Когда уезжал, она спрашивала: «Папа Стёпа, ты поехал за моей мамой? Да?» Так что ты, Берта не удивляйся, что она чуть-чуть похожа на тебя. Я такую в детдоме подбирал. Не удивляйся, что Людочка будет называть тебя мамой. Мы с бабой Фроней её так приучили. Она такая ласковая, такая приколотная! С твоей фотографией в кровать ложится и прежде чем уснуть фотографию целует и говорит: «Спокойной ночи, мамочка». Веришь, Берта, у меня, глядя на неё, комок в горле застревает... прости, милая, что только сейчас признался. Прости...

Берта прикрыла губы Степана ладонью и прошептала:

— Славный ты мой, Стёпушка! Видно сам Господь мне тебя подарил...

Продолжая путь, Степан снова запел:

Только степь, только степь, только жить, только петь,
Славить ширь, славить даль, славить волю.
Как же мне не любить эту вечную степь,
Эту степь дорожную до боли*...

Едва Степан умолк, с чувством произнесла:

— Тебе, Стёпа, не в «зооветре» (так между собой они называли зооветеринарный институт) бы учиться с таким-то голосом, а в консерватории.

— Куда уж мне с грыжей! — пошутил он.

— Ей-Богу, Стёпа! Нынешним певунам до тебя, как от земли до луны. Особенно этому... раскрученному...

Она назвала имя певца и впрямь набившему слушателям оскомину.

* Стихи поэта М. Шанбатуева.

— Да шут с ним, Берта. Пусть живёт, как хочет, а мы будем жить, как можем. У нас с тобой, милая, своя еда, своя судьба, свой хлеб-квас и медовый Спас...

12

Замужество Валерию обошло стороной. Так и жила она, одиноко, не заимев детей. Нельзя сказать. Что её из-за уродства обегали мужики. С этой ипостасью у неё всё было в порядке. Но как только мужская особь прикасалась к её характеру, очередная житейская смычка давала трещину, и дело рассыхалось.

Первый претендент на руку и сердце по имени Миша, довольно симпатичный и умный скромняга рассудительно заявлял, что дурнота приглядится, а доброта пригодится. После месячной медовой купели, он уже осмеянный Валерией до красноты корней волос, якобы за мужское обжорство, укорял себя: «Крепко я — Мишаня-простофиля — обмишулился с этой Валерией-холерией. Сутками пахал, в две смены, как конь в борозде, а она... утрами картошку варёную, в обед картошку пареную, вечером мне под нос картошку жареную, а по праздникам картошку в мундире. Накрахмалила мой организм до выворачивания пупка. Даже воротничок у рубашки то ль от крахмала, то ль грязи, как суслик у норки столбиком торчал. А словом она меня кастерила так, што я краснел покраше варёного рака. И будто жорман я лидийский, и объедала де дорийский, и мамонт де миксолидийский. Спросил я как-то Валерию: почему я жорман, да ещё какой-то лидийский? А она мне отвечает, што сама не знает и, дескать, я много буду знать. То скоро состарюсь. Трескай, говорит, што подано на стол и в две дырочки посапывай. В общем, терпел я, терпел, ждал от неё ласкоты, ждал, когда в ней женщина проснётся, да все жданки «съел». Потихонечку, когда перед самым коровьим рёвом её сон глубокий обуял, собрал я свои, немудрёные манатки и к соседской вдовушке, отчаянной головушке слинял. Долго Валерия аркалась через плетень с соседкой, да не на ту напала. Много сулила Валерия соседке пакостей, как и Берте. Не знаю, кто кого бы доконал, но появился у Валерии на горизонте Васька Стручок. Как он с ней ладил, по какому месту гладил... пусть сам расскажет.

Васька Стручок не рассудительный тихоня Мишаня, а ходовой и ренкий мужичонко, как только что обученный меринок-трёхлеток. Закатился Васька Стручок в Кислую Бурду, как перекасти-поле. Сорок лет катало по степи Ваську Стручка, пока не зацепило за плетень и постель Валерии Касьяновой постояльцем-примаком. О себе, о жизни у Валерии в примаках он рассказывал с весёлой самокритикой в третьем лице: «От скуки на все руки был Васька Стручок: хоть печку сложить, хоть банёшку срубить, хоть обувку починить, хоть клин к бабёнке подбить. Вы не смотрите на Ваську Стручка, што он ростиком полтора метра, если подпрыгнет. По мужской линии Валерия с ним как чай вприкуску пила, потому как Васька не в сучок, а в корень вырос. Кормила Валерия Ваську Стручка, как в санатории. Сразу поставила на сало-мясное довольствие. После мясного хлеба однажды напал на Ваську трудовой зуд. Первым делом заглянул он в чулан. В чулане, превращённом в бытовую кладовку, не хватало только порядка. «Да! — проворчал Васька, — да тут чёрт ногу сломит!» А из чулана, после призрачного намёка Валерии, он решил сделать совмещённый санузел. Но делать нечего. От чуланного бардака Васькин трудовой зуд только ещё сильнее окреп. Сразу в дверях лежал и мешал пройти вглубь кладовки объёмистый мешок.

— Валерия, тут у тебя «сидор», набитый какой-то дребеденью.

— Нет у меня никакого Сидора, и сродичку не бывало. Как на духу скажу тебе, Вася, Мишаня был, а Сидор тебе приблазнился.

— Экая деревенщина ты, Валерия. Сидор — это чувал.

— Чулан?

— Да не чулан, а чувал. Мешок, значит.

— Ну, так бы и сказал. Это ещё, бывши живой, мой отец шерсть в этот мешок складывал. Десять уже годочков память об отце храню, а ты, Вася, боронишь всякую-всякоту. — возмутилась Валерия.

«Ого! — подумал Васька Стручок, — а бабёнка-то строптивая! Не любит, каракатица, когда вожжина под хвостом мозолит!» — и с показной виной смутился:

— Извини, Лерочка, не знал семейных традиций. Оно, конечно, память об отце хранить — святое дело, но шёрстка-то, Валерия, «тютю!» придётся сжечь память вместе с молью.

— Не собирай, что не скислось!

— А ты сама глянь, хозяйка-скупердяйка!

Валерию бросило в жар. Она даже не обратила внимания на нелицеприятную оценку. Шерсть, как живая шевелилась. Где-то из глубин её организма возник признак тошноты.

Сдерживая приступ рвоты, Валерия вспомнила школу, урок биологии и моль под микроскопом. Вспомнила Степана, БERTУ и посылаемые беременной Берте проклятия.

Васька Стручок что-то говорил, а ей казалось, что это не он, а она сама произносит: «... чтоб не разродиться тебе проклятой, чтоб родить тебе не ребёнка, а зверёнка похожего на шерстяную моль под микроскопом!»

Последние слова Валерия произнесла с перекошенным ртом, чем очень удивила Ваську Стручка. Глядя на неё снизу вверх, он хохотнул:

— Ты чево, хозяйка-скупердяйка, суксилась?

— Ничево... проехали... Я всё собиралась валенки скатать, да вот...

— Обидно — посочувствовал Васька. — Четыре пары валенок... не мене моль сожрала. Пораньше бы мне годиков на семь ковырнуть этот мешок, я бы тебе таких пимишек да чёсанок накатал... износу бы не было.

— Так мне и надо, разявье! И на кой чёрт полез ты в этот чулан! Я бы не знала, что шерсть молью съедена и жила бы со спокойной душой! Явился — не запылится на мою головушку, как пёс шелудивый!

Так появилась первая брачная трещина между мастеровым Васькой Стручком и матерью скандалистки Валерией.

Кусочек своей бродячей жизни Васька стручок закончил от первого лица:

— Лявва эта Валерия оказалась! За одни только харчишки отстроил я Касьяновой санузел, перекатал банёшку, электрофицировал отопление. Кем я токо не конотобил у Валерии: скотником и плотником, кузнецом и печником... Мечтал прижиться насовсем, но из-за её поганого нрава, вновь покатился травой «перекати поле» по степным весям».

И как бы, между прочим, добавил:

— Кормила она меня хорошо, на чистой постели спал, рядом она похрапывала умная во сне. С этой стороны не надо рая. Хабар, одним словом, для желудка, а для души — крах! — закончил Васька Стручок.

Третий «амурчик» прилип к Валерии ради спортивно-спорного интереса. Так и заявлял: «Мой расчёт вести счёт. Видите... с моего лица только иконы писать, а стало быть что? А стало быть я призван самой природой-матушкой бабу хандру от грусти спасать. Хандра у Валерии... не приведи Господь! Так что пошла она в дырявый чум! Я вольная птица. Мне кукушинья жизнь, что бальзам на тело.

13

«Москвичонок» Степана Иванова нырнул в нижнюю улочку Заовражья и, распугивая уличных дворняжек, запылит к избёнке бабушки Фрони. Тёща, не имевшая сыновей, души не чаяла в зяте. Степан, зная это, старался «держат марку», быть, как кровным сыном. Он терпеть не мог пресловуто-скабрёзных анекдотов о тёщах. Услышав начало анекдота, он уходил в сторону или умело осаживал «скалозуба». Между тёщей и зятем давно возник тайный сговор, в котором с самого начала болезни Берты, рождённая ею девочка играла в их общении связующую кровную роль, но для Берты, как для матери, она была приёмышем. Этой самой уловкой Степан и бабушка Фроня всячески старались уберечь психику Берты от повторной вспышки страховобязни в уродливой инвалидности ребёнка. И это им удавалось.

Бабушка Фроня, отёрнув в сторону оконную шторку, издали узнала лазоревый цвет машины Степана. На не по-стариковски свежем лице бабушки заиграла улыбка радостного волнения.

— Люда, Люда, внученька, вот и дождались мы с тобой папу с мамой. А то как же ить! Пришёл черёд и засияло для нас красно солнышко! Давай-ка, дитятко, ручонку, идём встречать ко двору. Не славно встречать дорогих гостенёчков в избёнке букой. И у тебя, внучка, смотри радости в один лапоть не складёшь — скачешь, как стрекоза. Да не пялься ты в окошко...

Как не спешили внучка с бабушкой встретить Степана с Бертой у двора — не успели. Машина стояла уже у ворот. Её двери распахнулись. Степан оказался в объятиях бабушки Фрони. А к Берте, которая чуть-чуть задержалась в машине, уткнулась лицом в колени Люда, о которой Берта убеждённо думала, что она приёмыш.

Говорят, дети плачут без слёз. Не правда! Порыв детской непосредственности, искренней радости, детские слёзы чище утренней росы, обожгли сердце Берты огнём любви. Она искала в движениях девочки и в её лице свои собственные жесты и черты. Искала и находила, всё ещё веря Степану, што Людмила приёмная дочь, которую он подбирал по её подобию. А девочка щебетала:

— Мамочка! Родненькая, как долго я тебя ждала! Ты мне часто-часто приходила во сне! Будто плывёшь по маковой степи, как по воде среди красных цветочков, тянешь ко мне руки, а сама тихо-тихо шепчешь: «Люда, доченька моя! Пльви, деточка ко мне! Не бойся, золотко, не бойся!» Я хочу к тебе двинуться, а цветочков всё больше и больше. Они мешают мне плыть, тянут ко дну. А ты всё дальше от меня и всё дальше, всё меньше и меньше. Я плачу, просыпаюсь, а около меня бабушка Фроня или папа Стёпа...

Внезапно девочка спрашивает:

— Тётя Берта, а ты, правда, моя мама?

Берта не успевает ответить. В словах дочери Степан улавливает опасность для Берты и, не задумываясь, как это воспримет дочь, спешит увести разговор в сторону. Подняв дочь высоко над головой, закружил:

— Ах, ты муха-цокотуха, сказывай, давай-ка: чем бабушка Фроня нас угощать будет?

— Блинчиками, папа Стёпа.

— А ещё наливочкой рябиновой, груздочками...

— Так что же ты, проказница, к столу не приглашаешь папу с мамой?

— А я команду от бабы Фрони жду.

Все разом рассмеялись. Острый вопрос, на который Берта замешкалась ответить, на сей раз, как подводный камень, был благополучно обойдён.

14

Валерия, живя ещё с Мишаней, говорила: «Окунусьзьзьзь-ка я в бражную купель, штоб развеять зелёную тоску, штоб уйти в мир «пофигизма».

Мишаня, наливая Валерии рюмку самогона, советовал:

— Не пей, Лера. Бабы быстрее мужиков спиваются!

— Я, Мишаня, для аппетита. Ты эвон как уплетаешь картоху после первой рюмки! Аж за ушами пищит! А я вот выпила... у меня по телу, будто ангел в домашних тапочках прошёл. Наливай, Мишаня, вторую. Парой жить веселей...

Так, стартуя в объятиях Бахуса, Валерия покатила под уклон к своему ещё далёкому, но бесславному финишу. Мишаня неумело пытался вразумить сожительницу, но напоролся на такой каскад унижительных слов, что у него пропало всякое желание даже глядеть на Валерию.

«Кикимора болотная! Ещё и пыжится! Ну, и хрен с тобой! Чисти своё поносное хайло! Мне с тобой ребят не крестить и в кумовьях не ходить!» — подумал Мишаня, наливая третью рюмку.

Утром голова Валерии трещала от боли. Мишаня, чтоб вновь не получить порцию мата, притворно-ласково прошептал:

— Лера, боль из головушки выбивают стаканом. По себе знаю, што утрами муторно с похмелья. Небо с овчинку кажется... Хочешь, налью?

— Ой, Мишаня, не надо! — уткнувшись в подушку, стонет Валерия.

— Надо, Лера, надо...

— Ой, Мишаня, тошнит! Ой, Мишаня, вырвет!

— Не вырвет, а вырвет, так повторишь! Испытано...

В этот злополучный день Валерии поставили первый прогул.

Семиклассники хотя и не знали причины прогула, но не далёкие от истины, весело кричали:

— Ура! Литры (литературы) не будет! Холера заболела!

Через год Кисло-Бурдавская школа лишилась хорошего учителя-русака, но приобрела вечную «под мухой» техничку. Человеческая, а точнее директорская инерция жалости продолжалась до полной деградации личности. Валерию доставили в психоневрологическую клинику, позднее на один день после выписки Берты. Врачи, как могли, пытались спасти Валерию от бесславного конца, но все старания врачей были тщетны. К этому времени она — бомж женского пола — растеряла родных и близких. «Белая горячка» одержала победу.

Забота о погребении скандалистки легла на плечи Степана. Он стоял над могильным холмиком, опёршись на черенок лопаты, и думал. Мысли ворочались каменно, как жернова, перетирая бытовую купель.

«Разная она у каждого человека и чем-то схожа — эта бытовая купель, но с одним печальным концом. Кинутый в Берту «камень», возвратился к Валерии бумерангом. Справедливо ли это? Не знаю».

с. Кидыш

Моя тревога, счастье и покой

Ареопаг

Рассказать бы всю правду о мире.
 О себе и о людях вокруг,
 Разорвать этот замкнутый круг.
 Да боюсь, испугается лира.
 Выражаясь, как некий сапожник,
 Буду рифмой бумагу саднить
 И высокие чувства дразнить,
 По-иному сказать невозможно.
 Обо всем, что творится на свете.
 Развенчать мировой беспредел,
 Да, нелегкий мне выпал удел.
 Что же мы, ну ей богу, как дети.
 Прячем правду и злость за икону,
 Во хмелю недоумков плодим,
 И доверчивой паствой глядим,
 В рот тому, кто превыше закона.
 Но ослабив звериные лики,
 Ухмыляется ареопаг,
 Над бесовскую страстью бедняг.
 Спят и видят правители «клики»,
 Как вернее самой Хиросимы
 Убивает вино и табак.
 И в сравнении с водкой пустяк
 Смертный бой под известной Цусимой.
 Снова в действии план «Барбаросса».
 В новом облике старых идей.
 Не ариец и не иудей
 Посвягает на светлые росы.
 Раздувая конфликты и войны,
 Безобидный, казалось, альянс
 Исполняет жестокий романс,
 Затевая бескровную бойню.
 С ним никто состязаться не в силах.
 Слепнет разум при виде банкнот.
 Вот и травят Великий народ.
 Табаком и смертельным этилом.
 Он поставил на нас миллиарды,
 И, шипя ядовитой слюной,
 Не предвидит развязки иной,
 Для него мы лишь партия в нарды.

* * *

Победа! Святое, заветное слово,
 Сплетается времени веретено,
 И цепкая память на генной основе
 Все крутит из прожитой жизни кино.
 Сюжет о войне, как из собственной были
 Мне часто назойливо снится во сне,
 Как наши солдаты на фронт уходили
 И заживо в танках горели в огне.

Как немцы детей добивали безжалостно
 И голос той девочки через года:
 «Не убивай меня, дядя, пожалуйста,
 Я тебе куклу за это отдам».
 Ни кто не забыт и ни что не забыто.
 Знакомая строчка со школьной скамьи.
 Военная тема еще не закрыта,
 Поскольку касается каждой семьи.
 Под Курской дугой тишина до рассвета.
 Кто чутко дремал, кто готовил наказ,
 Кто письма писал, не дождавшись ответа,
 С тревогой в душе ожидая приказ.
 Я не был под Курском ни в жизни, ни в битве,
 Не видел, но помню — горела земля,
 В бою не спасали пустые молитвы.
 ... Там дед молодой, уцелел только я.
 И с дедом другим Сталинград защищая,
 Я падал, сраженный и снова вставал.
 И смерть нас с косою обходила, тощая
 И в каждом бойце я себя узнавал.
 Мальчишки-солдаты, отцы-командиры,
 Вы жизни своей не щадили в боях.
 Во имя свободы и светлого мира.
 Бессмертен ваш подвиг и слава в веках.
 Страшнее беды не бывало в природе
 И, память священную свято храня,
 На уровне геном, в сознании народа,
 Скорбит, содрогаясь, родная земля.

Ностальгия

Прошли давно те времена,
 Забыто чувство откровенья
 С тетрадью синей — феей сна —
 Мои прекрасные мгновенья.
 Закоренел, обременился,
 Жизнь захлестнула как поток.
 Так безнадежно убедился
 В никчемности красивых строк.
 Кого дивить теперь стихами
 В кругу жестокости и бед.
 Мы умываемся грехами,
 Забыли святости обед.
 Мир так жесток и, чтобы выжить
 Я зачерствел, я стал сухим.
 Учился многое не слышать,
 К чужому горю быть глухим.
 Лишь иногда, в глубокой пьянке,
 Лирический проснется дух —
 Давай-ка брат споем «Таганку»,
 Налей-ка брат еще на двух.
 Но, как ни странно, ностальгия

Сон растворила нынче мой
И чувства давние, нагие
Меня окутали собой.

* * *

Косматые дикие пенные волны,
Северный ветер полярных широт.
Что было в той жизни, я точно не помню.
Прошел целый век, а быть может и год.
Что было в той жизни, я точно не знаю,
Но помню, что было и точно со мной.
И вдруг, словно трассером память шальная
Кольнула под сердце смертельной тоской.
Такое-же море, такие-же волны
И ветер соленый насквозь прошивал.
Холодной разлукой был мир переполнен
И шторм, свирепея, в ночи бушевал.
Тогда между нами ни мили, ни годы,
А целые жизни, как пропасть легли.
И, моря студеного синие воды, Залить эту
пропасть уже не могли.
Мне снился твой образ родной и далекий,
Он белою чайкой за мною летал.
Я слышал твой голос, такой одинокий.
Он звал меня, помню, любимая, звал.
Прожить эту жизнь я хотел поскорее,
Чтоб где-то за бездной иную начать.
И вот, мы уже безнадежно стареем.
О нашей любви научились молчать.
Но бились шторма о бескрайнюю пропасть,
Но голос зовущий, стихая вдали,
Не понял, не принял такую жестокость.
И стигнул на длинных дорогах земли.
И кончилось все... Я с неистовым криком:
— Останься, любимая! Слышишь? Зову.
Бежал за тобой по вселенной безликой.
Бежал, обгоняя людскую молву...
Что было в той жизни, в безрадостном
прошлом
Кошмарным видением снится порой.
Как жаль, что так мало с тобою я прожил,
И жизни для нас не случится второй.

* * *

Мы уходили в белые метели
В разгар февральской Таллиннской зимы.
Деревья снежные печально в след смотрели
Огням во льды затёршейся кормы.
Мы шли через заторы и торосы,
Сквозь ледяные белые поля.
Нам снились лета голубые росы,
Нам снилась тёплая весенняя земля.
Шторма неистовые, бури, ураганы —
Всё позади, не долгов был наш путь.
Лука Британии, равнины и курганы

И вахты, вахты, вахты — не вздохнуть.
Летело время, день за днём мелькали,
Невзгоды — прочь, обид ненужных вздор,
Работа до смертельного накала,
Волны и ветра непрерывный спор.
Земля дохнула свежим ароматом
Знакомым запахом родных моих лесов.
И ты походкой робкой, угловатой
Идёшь ко мне из тех далёких снов.

Еще раз о море

Мир светлых грез, мечты и вдохновенья,
Ветров соленых, вольной бирюзы.
Полгода одинокого забвенья,
Земные сны и память до слезы.

Обновление

Беспросветно, тоскливо и скучно,
Словно жизнь погрузилась во тьму.
Все никчемным вдруг стало, ненужным
И причину тому не пойму.
То ль недели дождливые эти,
То ли просто усталость души,
То ль вконец непослушные дети,
Или мрачность житейской глуши.
Нужно что-то менять обязательно,
Пока серые томные дни
Не добились меня окончательно
Этим однообразием своим.
Улететь, убежать все забросив.
На вершину высокой горы.
Словно тяжесть тяжелую сбросив,
Безысходность унылой поры.
Там, где воздух вольнее и ветер,
Просветлеет мой разум хмельной.
Даже станут послушнее дети,
Несмотря на их возраст шальной.
С головой окунуться бы в свежесть,
В ледяную прохладу реки,
Выпить утра росистую нежность,
Чтобы помыслы стали легки.
Чтобы жить, не пугаясь измены,
Правду людям в глаза говорить,
Нужно что-то менять непременно,
А никчемное попросту смыть.
И придет, как волна обновление,
И в кругу долгожданных забот,
То не мыслимое вдохновенье
Закуражит меня, завлечет.

* * *

Уездный город, патриарх Урала.
Среди других соседних волостей,
Ты словно огонек у пьедестала,
Искрой улыбки радуешь гостей.
Стоишь, не претендуя на величие,
Раскинув руки-улучки домов.
До сей поры в купеческом обличии,
Под праздничный напев колоколов.
Как искренен и прост в воздушной дымке
Твой белый стан над зеркалом реки.
Моя родная, милая глубинка...
Кривить душой мне как-то не с руки.
Ты самых светлых дней моих начало,
И в муках я и в радости с тобой.
Земли и неба крестное венчанье.
Моя тревога, счастье и покой.

* * *

Я знаю, много лет промчится
И будет дождь хлестать в окно.
В твой дом сквозь годы постучится
Тот, кто тобой забыт давно.
Ты вздрогнешь, руки прижимая,
Как божий крест к своей груди
И, молча, скажешь:

— Все прощаю.

А вслух мне выкрикнешь:

— Уйди!

Но я, пристывши к твоим окнам,
Глотая слезы или дождь,
Стою, целуя эти стекла,
А губы сковывает дрожь.
Ни ночь, ни осень дождевая,
Ни окна, что погасли вновь,
Ни кто не знал, что умирала
От ран истекшая любовь.
Ты не сомкнешь сегодня ночью
От слез уставших своих глаз.
Трава у вымокших обочин,
Казалось, плакала за нас.
Я не уйду от твоих окон.
И пусть холодный хлещет дождь.
Стою, целуя эти стекла,
А губы сковывает дрожь.
Все то, что в мире было свято,
На что надеялся, искал,
Осенней ночью было смято,
Дождливым утром потерял.

Каюсь

Не помогли притворство и причуды.
Открылась воровская западня.
Сплелись все сплетни, стихли пересуды,
И ты ушел сегодня от меня.

Я помню, как бежала без оглядки,
По жизни за тобой и за судьбой.
— Да, человек огромная загадка
— Твердят теперь мне все наперебой.
Наверно я слегка перестаралась,
Перелюбила, гордость позабыв.
Всевышний, Боже! Каюсь, каюсь, каюсь.
А ты ушел, другую полюбив.

Сцена у водоколонки

«Давайте познакомимся», — так сразу
Без всяких предисловий заявил
Молоденький и наглый, блин, зараза,
Но вобщем-то ухоженный верзил.
«Я понимаю в «Пристане» хотя бы,
В «Дуэте», у армян, в конце концов», —
Съязвила девушка, поправив канделябры.
А так-то много вас охотных молодцов.
«Ну, что ж вы сразу, сходу гарбузами,
Не охлаждайте благородный пыл».
И всю дивчину наглыми глазами
Насквозь, как говорится, просверлил.
Прошелся вниз по мягким бугорочкам,
Поднялся вверх, измерил взглядом грудь.
А между тем, вода текла из бочки,
К ногам верзила пролагая путь.
— Эй, слюни подбери, штаны промочишь
И, чувствуя высокий интеллект,
Ушел верзила так, про между прочим,
Свалил наш несознательный субъект.
Не состоялось брачное знакомство,
Еще один не заключен союз.
Не будет представителем потомства
По лужам бегать рослый карапуз.

Сирены

Смеркалось. Вечер. Плыл туман
Сиреневый и липкий.
Я брел домой, немного пьян,
К жене походкой хлипкой.
По-над кустами облака
Ржавели тучным скрабом.
Эх, затянуть бы песняка....
Да, выпил я не слабо.
До дома мне еще шагать,
Нужда теснит рассудок.
Спиртное, надо полагать
На тощий пил желудок.
Тропа над речкою вела,
Подъемы и ложбины,
Погодка славная была.
Я шел к своей любимой.
Услышав всплеск за камышом,
Подумал, — видно рыба,

А там, девчонки голышом,
 Устроили «Карибы».
 Я шасть туда — отлить слегка
 И, заодно признаться,
 Из под куста, наверняка,
 На них полюбоваться.
 Нужда прошла сама собой
 И как-то, ненароком,
 Пришла другая, чередой,
 Точней сказать — насскоком.
 Так, в упоении святом,
 И в непристойной позе,
 Себя я чувствовал котом,
 В охотливом неврозе.
 Хотелось многого тогда,
 Но чувствуя измену,
 Гомера вспомнил, вот беда,
 Гляди и впрямь сирены.
 И волос крашен, видно хной,
 И кожа не лоснится,
 С моей красавицей женой
 Им близко не сравниться.
 Любите женщин, мужики,
 Но все же, зная меру,
 И всем соблазнам вопреки
 Припомните Гомера.

* * *

Краткий миг, даже взгляд в полнамека,
 Может стать поворотным в судьбе.
 Ни страданий, ни слез, ни упрека,
 Только эти слова о тебе.
 Я дышать без тебя не умею
 С той поры, как ты стала женой,
 От короткой разлуки немею
 И робею при встрече с тобой.
 Сколько было бесплодных исканий,
 Помню, север мятежный, шторма.
 Тихий Таллин, безумство желаний,
 Острова, что сводили с ума.
 Я искал утешенья гордыне.
 Наслаждения буйством стихий.
 От судьбы убегал на чужбину,
 Оставляя былые грехи.
 Завершились морские дороги,
 У причала стоят корабли,
 Лишь седого Урала отроги
 В легкой дымке маячат вдали.
 Не жалею о лучшем и пошлом,
 Без заноз невозможно прожить.
 Даже шаг в незадачливом прошлом
 Настоящее мог изменить.
 Пусть недолго продлятся мгновенья,
 Я иллюзиям воли не дам.
 Независимы до откровенья,
 Не придирчивые к годам,
 Мы уйдем, как и все, между прочим,

В неоглядное царство теней.
 Стану я камышом у обочин,
 Ты дорогою верной моей.
 Возрождаясь в любом проявлении,
 Я найду тебя взглядом одним,
 Чтобы даже в другом измерении
 Наслаждаться дыханьем твоим.

Сюжет о велокроссе

Женя, я, Петрович, Палыч
 Поутру, как повелось,
 Раньше солнца за вокзалом
 Собрались на велокросс.
 Кто не смог — истек на слюни,
 Сидя дома у окна.
 Между тем, свежи и юны,
 Вдоль дорожного сукна
 Катим весело, игриво,
 Невзирая на года,
 Лишь почесывая гриву,
 Пусть седую, не беда.
 Цепь кузнечиком стрекочет,
 Шины воют с ветром в лад.
 Женя с камерой хлопочет,
 Напрягая аппарат.
 Палыч давит на педали:
 «Слабым был давно бы здох».
 Мы с Петровичем отстали —
 Велокросс не ловля блох.
 В этот раз без приключений
 Обойтись не удалось,
 Но и самоотречений
 Нам услышать не пришлось.
 Разыгрался ветер с ливнем.
 Промочил нас до портков.
 Женя с камерой, наивно,
 Плохонулся, будь здоров.
 «Твой сосок длинней и тоньше»,
 — Говорил один знаток.
 «Не спускай же ниппель больше
 Догадаться раньше б мог».
 Палыч дует, что есть силы:
 «Был бы слаб, давно бы здох».
 Эх ты, мать моя, Россия,
 Велокросс не ловля блох.
 Цепь стрекочет под ногами,
 Шины с ветром в унисон.
 Руль резвится под руками.
 Неужели это сон?

Велокросс

Долгожданной свободы заветный глоток.
 Цвет черемухи, вкус медуницы,
 В объективе знакомые лица,
 Ёрных шуток веселый поток.
 Позабытые с детства желанья,
 Горный спуск. Замирает душа,
 И погодка, подстать хороша.
 Вот предел всех надежд и мечтаний.
 Велокросс без этапов и гонки,
 По родным, сокровенным местам.
 Для души, как заветный бальзам,
 С ароматом пронзительно тонким.
 Снова весело крутишь педаль,
 Как в далеком безоблачном детстве.

И, хотя уж совсем не по средствам.
 Мой шальной велоконь — мне не жаль.
 Пусть искрятся в кружении спицы,
 Горный воздух и солнце в глаза,
 И черемух душистых лоза
 Осыпает пыльцу на ресницы.
 Чуя загодя шум колеса,
 Упорхнет придорожная птица.
 Растворится боль в пояснице.
 Словно верный мой друг по лесам,
 По забытым, нехоженым тропам,
 У ручья охладившись слегка,
 То аллюром несет, то галопом
 Ощутив на себе седока.

г. Верхнеуральск

Людмила Чиркова

Три стихотворения

Путь прозрения

Прекрасен мир, в котором есть покой,
 Где тишина даёт уму разрядку...
 Белёная туманность над рекой
 И близится гармонии разгадка...

Остановись, прислушайся, вдохни
 Живой материи благоуханье.
 Хотя бы на мгновение прими
 Дар Благодати — и ответь стихами.

На грани

Бывает, что растерянность трепещет,
 Ты в хаосе, не видишь горизонт,
 И раздражение волною хлещет.
 Начало дня, — как беспощадный фронт...

Где ж воля — раскрутить виток обратно?
 Целитель где, что силы сохранит?
 И где подсказчик, что рассудит складно,
 И безрассудство, гнев твой охладит?

Надеюсь, приближается спасенье —
 Спешит, летит! И Дух мой оживёт
 Быть может от звонка, иль птицы пеня...
 Нежданное ПРОЗРЕНИЕ — придёт.

Какая светлая печаль

Какая светлая печаль
 Была в прощанье нашей встречи.
 Теплел прохладный майский вечер,
 Манила призрачная даль.
 Какая светлая печаль.

Под взглядом звёзд густеет мрак.
 И дух сирени обнимает,
 А сердце будущим рыдает...
 Всё было так...или не так...
 Какая светлая печаль.

Весны далёкой той мираж,
 Виденье, прошлого величье.
 С годами не терял обличье
 Мной сотворённый образ Ваш...
 Какая светлая печаль...

г. Миасс

Вера Белая

Зацвела черемуха

* * *

Я наслаждаюсь
 Каждым днём —
 Смакуя,
 Пью
 Минуту
 За минутой...
 Да мало на́лито
 В бокале том...

* * *

Сердце устало:
 «Тук-тук, тук-тук ...»
 Время не ждёт:
 «Тик-так, тик-так...»
 Я очерчу
 Надежды круг
 С верой, что все
 Тревоги пустяк!

* * *

Чужи
 На уровне души —
 Близки
 На уровне химии..
 Ты в жизни
 Все испытать
 Спеши...
 На ладонях
 Короткие линии...

* * *

Ну, вот и все —
 Мы подошли
 К той грани —
 Где всё — равно,
 И ничего
 Не ранит.

* * *

Стихи не пишутся,
 А жаль...
 И ветер воет,
 Словно, плачет...
 Пегас крылатый
 Мимо скачет —
 В чужую даль...

* * *

Уж за полночь...
 Гляжу в окно —
 Там укрывает снег
 Машины, крыши...
 И встав на цыпочки,
 Я край дороги вижу
 Твои следы занесены
 Давным-давно...

* * *

Чувства
 — Бритвы —
 Режут
 Сердце,
 Слезы
 Лечат
 Не
 Всегда!
 От
 Себя
 Куда
 Мне деться?
 Мне
 Со мной
 Беда!

* * *

Листьев желтых ажурная вязь,
 Чёрных стволов вкрапленье —
 Осени вдохновенье
 Для восхищённых глаз.

Неба безумная синь,
 Радость от солнца бьющая,
 И журавлиный клин —
 Всё аллилует сущее!

* * *

Мне на плечо упал кленовый лист —
Он оторвался от родимой ветки,
И жёлтый цвет его по-солнечному чист,
И благодарна я осенней метке.

* * *

Закаркала всполошено ворона,
Срывая листья ветер налетел,
И зашумела вековая крона,
И прячась в ней, какой-то птах запел...

* * *

Великая и светлая молва
Объединяла города и веси!
Звонили благостно колокола
Христос воскреси!
Христос воскреси!
Христос воскреси!

* * *

Зацвела черемуха,
— Холода...
На денек прощались,
Да вот беда.
— Отцвела черемуха
— Белый цвет,
А вестей от милого
Нет и нет.

с. Агаповка

Евгений Ерошкин

В укрожных уголочках мозга

* * *

Бывает такое, поздним вечером выключат электричество.
Произвольные формы путаются с симметричностью.
Десять раз спотыкнешься по пути из спального помещения
В кухню, где в буфете свечи лежат для освещения.
Наступаешь на кошку, материшь ее беспощадно,
Ногой в табурет, лбом изучаешь шифоньер прохладный,
Роняешь торшер, запинаешься о чьи-то сандалии.
Только доходишь до кухни, смотришь, а свет уже дали.

* * *

Он каждую ночь поет серенады,
И все почему-то в моем направлении.
Ни я, ни соседи нисколько не рады
Этим любви его проявлениям.

Набрал кипятка и вылил с балкона,
Чтобы прогнать весны завсегдатая.
Но не убавил крикливого тона
Мартовский кот — сволочь мохнатая.

* * *

Отделяет природа душу от тела,
В клетки вселяя вселенский покой.
Из крохотной комнаты, дрогнув несмело,
Лечу я на встречу с твоею душой.

Два облика светлых кружатся, смеются.
Только лишь в высь, и не падают вниз.
Больше к земле они не вернутся.
Мысленно мы в единство слились.

* * *

Раскрываясь потайной страницей тетради,
Меняю сознание чего-то ради.
Растекаюсь по древу странными мыслями.
Делаю выводы каплями, брызгами.

Приближается ком к горлу осипшему.
Высшее падает камнем к низшему
Где я был вечером? Ждешь мой ответ?
«Да» превратилось только что в «нет».

* * *

«Ты уже спишь?» — шепнешь на ушко.
 «Пока что нет» — перевернул
 Прохладной стороной подушку,
 Интуитивно зачерпнул
 В укромных уголочках мозга
 «Люблю тебя». Сказал. Уснул.

* * *

Кризис-шмизис, что за байки
 Разлетелись по стране?
 Выбываем молча страйки,
 Улыбаемся вдвойне.

Не беда, что увольненья
 Происходят день за днем.
 Ну и что, что нет везенья,
 Мы привыкли и живем.

Что с того, что нам не платят
 За работу точно в срок.
 На столе портвейн и скатерть,
 «Дружба» — плавленый сырок.

Может, нам не зарекаться
 От сумы и до тюрьмы.
 Будем жизнью наслаждаться,
 Лишь бы не было войны.

* * *

Лежу я солнцем опаленный,
 И искры сыплются из глаз.
 Ищу я смысл потаенный
 В крошечной тьме счастливых фраз.

Ну, что же сделать-то, скажи мне.
 Ведь я до солнца долетел
 Достать звезду на день рожденья.
 Теперь я, видно, не удел.

Но слышу я от губ родных мне:
 «Ты, видно, тот еще чужак!»
 А я подумал, может, вспыхнет
 Звезда, что дальше Солнца. Факт!

* * *

Ночь
 за стеклом и оконными рамами,
 Гром
 летает над ветками тополя.
 Жизнь...
 еще долго не будем старыми,
 Да,
 мы любили друг друга допьяна.
 Яд...
 пью вино с никотином я ведрами.
 Все,
 уезжает любовь дилижансами.
 Ты
 продолжаешь движения бедрами,
 Я
 сыт по горло твоими танцами.

* * *

На юге я бегал от снега,
 На север умчался от зноя.
 Везде то же самое небо
 И мысль, что ты рядом со мною.

* * *

Труба трубача,
 Стебель плюща,
 Топор палача,
 Колпак от плаща,
 Светит свеча,
 Укус от клеща,
 Перья грача,
 Плавник у леща,
 НЭП Ильича,
 Лук для борща,
 Скальпель врача
 Ждешь трепеща.
 А суть-то одна:
 «ЧА-ЩА» пиши с «А».

г. Кыштым

Снится жаркое лето Уралья

Осень

1

Пожелтела трава при дороге.
Лист кружится, сорвавшийся вниз.
Ветер дует размашисто-строго.
Ветка голая бьёт о карниз.
Побледнело в дугах разнотравье.
Сиротливо осунулся куст.
Под ногой, словно лопнувший шарик,
Раздается валежника хруст.
Птица реже на воду садится.
Повзрослевших уводит птенцов.
Лето сердится, плачет в землю,
В поле слышится крик мужиков.
Нивы голые, убрано сено.
Ребятишек хозяйки бранят.
Под дождем намочились, наверно,
А идти в теплый дом не хотят.
Каждый день уходящее лето
Все старается свет удержать.
Мы ему благодарны за это,
Только осень придётся встречать.
Есть в ней прелесть особой приметы —
Всё ковром золотистым цветёт,
Укрывает от многих секреты.
Чем она наше сердце берет?

2

Осень нахолила веточки ели.
Дрожит на ольхе пожелтевший листок.
Мы лето с тобой удержать не сумели.
Пытаемся сделать последний рывок.
А дождь барабанит сердито по стеклам.
Пора признавать правоту перемен.
Журчит, обезумевши влага по стокам.
Касается ветер открытых колен.
Тепло летних грёз мы потратили вместе.
Его поглотила осенняя стынь.
Припев не допели в сложившейся песне,
Горчит на губах поцелуя полынь.
Засыплет следы наши снежной порошей.
От встречи последней пахнёт холодком.
Зачем же мы встретились снова под вечер?
Ждала нас черёмуха вновь под окном.
Красуется осень – пора листопада,
Расставив за нас с тобой точки над «i».
Нам в счастье вернуться усилие надо,
Но ты меня в лето теперь не зови.
Покроется дуг золотым покрывалом.
Исчезнет тропинка под сухостью трав.

Наверное, солнышка нам было мало,
Коль мы расстаёмся с грустинкой в глазах.
В багряный платок нарядилась рябина.
Стоит, притаившись, чтоб нас не спугнуть.
Совсем мы не рады осенней картине,
Но летний дурман не желаем вернуть.
И кто-то другой под черемухой нашей
Однажды в ночи объяснится в любви.
И пусть им рябина то место укажет,
Где, с летом простившись, мы в осень ушли.

Пес

Тоскливый взгляд из конуры собачей
В соседний двор Трезорка устремил,
А там Каштанка на свободе скачет.
Каким бы он счастливым рядом был!
Но тянет вниз стальная цепь на шее.
Он обречён, и нечего мечтать.
Цепной собаке надо быть при деле,
А не впусую с шавками скакать.

Былинка

На дугу средь цветов, разнотравья
Очень гордо былинка стоит.
Лишь одна она в поле такая,
Прикасаются к себе не велит.
Ветерок её нежно колышет,
Лучик солнца тепло ей дарит.
И стоит она, словно не дышит
И с собою сама говорит.
Колокольчик склоняет головку,
Словно почести ей отдаёт.
Ей при этом как будто неловко,
Да стеснения не выдаёт.
Полыхает вокруг разнотравье
Гнуты стебли от ветра в степи,
А былинка осанку расправила,
Прикоснуться к себе не велит.
Вот и осень. Блестит позолота.
Вянет, сохнет трава на дугу.
Где ж былинка?
Сорвал её кто-то,
Иль со всеми цветами в стогу?
Отгородилась среди разнотравья!
Так зачем было спесь проявлять?!
Каковым оказалось тщеславие!
Тьфу! Былинка.
Проблем нет сорвать!

Стаи чаек горластых с рассветом
 Запятнали собой берега.
 И мычанье коров рядом где-то,
 Тот ласкающий ветер слегка.
 Подолами ловили мы рыбу.
 По колено в студеной воде,
 От волны, превратившейся в дыбу,
 Укрывались в траве-лебеде.
 Как гурьбой убегали к «Мышьянке»
 Босиком по горячей пыли.
 Со словами: «Ах, вы, хулиганки!»
 Отмывать нас в Сарыкуль вели.
 Там паслось деревенское стадо
 На плацу перемешанных трав
 Говорить о Сарыкуле надо,
 Здесь, по сути своей, каждый прав.
 Сохраняя частицу природы,
 Первозданность уральской земли,
 Детство, память и лучшие годы
 Рядом с озером этим прошли.

Новый Год

Отсчитано.

Отмерено.

Отобрано.

И свел баланс свой уходящий год.
 Ждет перемен народ и утра доброго.
 Что год грядущий в багаже несет?
 Повязаны узлом утраты горькие,
 И наспех сделаны нехитрые дела.
 Подарков дети ждут, веселья
 с горками,
 А взрослые – душевного тепла.
 Посеребрил мороз деревья россыпью,
 Укутал похудевшие кусты.
 Стоят сосенки с серебристой
 проседью,
 И на реке прозрачные мосты.
 Хрустит снежок, слоями
 утрамбованный,
 Из труб тягучий выползает дым.
 Хрустальным замком город
 заколдованный
 Ждет Новый год и парят над ним сны.

* * *

Говорили: жалея —
 не жалела.
 Не кради, говорили —
 крада.
 Говорили: не смей —
 я посмела.
 Умоляли: уйди!
 Не ушла.

Говорили: прости —
 не прощала.
 Говорили: не жди —
 я ждала.
 Говорили: не тронь —
 отнимала.
 Умоляли: оставь —
 увела.
 Говорили: не впрок —
 не внимала.
 Говорили: чужой!
 Не беда!
 Говорили: отдай —
 оставляла.
 Согласились: бери —
 прогнала...

Отпусти меня в степь...

Отпусти меня в степь,
 Где ковыль стелет ложе,
 А ночным покрывалом
 Станет ветер степной.

Я хочу все успеть,
 Стать в любви помоложе.
 Мне отмеряно мало
 Этой жизни шальной.

Отпусти меня в степь,
 Чтобы волосы вихрем
 Разметал по плечам
 Озорник — ветродуй.

И покрепче прижмись
 Ко мне вечером тихим,
 И до одури пьяной
 Дари поцелуй.

Огни в деревне

Огни в деревне нашей ярко светятся,
 Бросает тень последнюю закат,
 А мне в слова твои совсем не верится,
 Но ты сказал, что нашей встречи рад.

Вот ровно месяц к нам в село из города
 Приехал ты на лето погостить
 И отрастил усы, и даже бороду —
 Хотел меня чуть-чуть постарше быть.

Твои глаза, что цвета неба синего
 Пленили всех незанятых девчат.
 А мне с тобой быть хочется счастливою,
 Лишь мне одной ты даришь нежный взгляд.

Огни в деревне нашей ярко светятся
Все говорят, что нас счастливей нет
А мне в любовь последнюю не верится,
Пройдет она, когда придет рассвет.

Весна бесоватая

Сбились в кучу дома с перепугу
На бугре возле мутной реки
Крыши плотно прижались друг к другу
Перекошенные козырьки.

Заливала собой огороды
Полновластная дама — вода.
Не жалея запруды и броды
Надвигалась лавиной беда.

От воды становилось белесым
Небо серое в тяжести туч
По полям полз туман под откосы
Снег сползал, словно уж, с горных круч

И река с желтой вязкою глиной
С пеной ржавой своих берегов.
Не казалась, как прежде, игривой,
Избавляя мосты от оков.

Наступала весна бесоватая
Обжигала холодной водой
И зима, без вины виноватая
Зря не спорила в марте с весной.

г. Еманжелинск

Павел Хрипко

Сын — за отца....

1

Дико всхрапывая, Верный мчался во весь опор. Грязные лохмотья пены, как ошметки шкуры, срывались с гнедого крупя мшатака и почему-то летели следом, не рассыпаясь. А волки настигали. Их ровная, жуткая цепочка приближалась. Тимка дрожащими руками, почти слепой от страха, выдергивал из джида очередную стрелу, натягивал тетиву и, почти не целясь, посылал копьенку в оскаленную пасть ближайшего хищника. Но когда Тимошка оглядывался назад, там опять близко к хвосту Верного уже маячила другая страшная голова бирюка. Тимка, как ни силился, не мог понять, то ли он промазал, то ли это был очередной волк.

«Сколько же их там?» — лихорадочно билось в голове мальчика. Удивляло и то, что в малый его колчан умещалось только три стрелы, а он уже потерял им счет, боялся, что эта последняя, но каждый раз, протягивая руку, нащупывал наконечник новой. И вдруг стрелы кончились. Тимка тщетно шарил рукой, колчан был пуст. Головной волк вдруг сделал резкий скачок, опередил коня и вцепился ему в шею. Верный резко остановился, встал на дыбы и захрапел. Тимка, холодея от ужаса, затрясся в седле.

— Ты дозревывать станешь, али с нами поедешь? — раздался строгий голос отца, враз снявший ужас, дрему и кошмарный сон. Тимошка радостно обхватил руками отца, прижался к его большому телу.

— Волки! — вырвалось у него.

— Какие волки? — затревожился Демид, — приснилось? Беги умойся, пройдет.

Тимка быстро оделся, сполоснул лицо студеной водой из кадки, что у колодца, выпил полкубатки еще не остывшего парного молока, поданного матерью, и выскочил на крыльцо.

Отец уже оседлывал его маштачка, бережно разглаживая складки кожи под потником и на брюхе, чтобы не защемить подпругой.

Перекинув через плечо колчан со стрелами и саадак с луком, Тимка хотел, было, уже вскочить в седло, но был перехвачен матерью:

— А ну зайди в горницу! И ты, и ты иди, — позвала она отца каким-то необычным, повелительным голосом.

— Да неколи, — сопротивлялся Демид, — и так уже припаздываем, казаки ждут. Несмотря подчинился Матрене, зашел в горницу, стал перед большой дедовской иконой, мерцавшей сусальным золотом в углу на чисто выскобленной божнице, снял шапку, несколько раз перекрестился большим замахом и застыл на миг, то ли творил про себя молитву, то ли думал о чем-то своем. Мать заставила Тимку стать на колени и зашептала охранную молитву.

Тимке в диковину такие строгие лица взрослых перед иконой и он пытается разобрать слова матери: «Христе Боже наш, погуби крестом твоим борюция нас...» — понять не может, но проникается какой-то тревожной серьезностью родителей, и у него бегают мурашки по спине.

Уже на улице, за воротами, мать еще раз, со слезами на глазах, крестит всадников. А от кузенки, за огородом, торопится дед Иван, припадая на своей деревяшке. Ступню он потерял еще молодым казаком в войне с французами, но не потерялся, обучился кузнечному делу. Коня подковать, колесо ошиновать, перетянуть, сабан ли, борону изладить, а то и кистень — лучшего коваля в округе не было.

— Возьми вот, — сует он Тимке сверток, — свежих копынок наковал, авось стодится. Утку подстрелить али зайца, — смеется дедуня в лопастую бороду и широким крестом осеняет путников.

— Остерегайтесь, да пооглядчивее там, — наказывает он уже сыну, с нетерпением ждущему окончания проводов. — Время ноне полохливое. Остерёга и зверя бережет. Осторожа лучше ворожи. Да помни, Демид, скорый наперед, осторожный назади.

И уже вдогонку кричит:

— Да в свару не ввязывайтесь, малого побереги!

2

За земляным валом у южных ворот станицы их уже поджидали два конника. Младший брат деда Ивана, юркий проворный Илья, старше своего племянника Демиды всего на год, да вахмистр Поликарп Шаишников, рослый и красивый лейб-гвардеец, недавно вернувшийся с конвойной службы в Питере. И хотя у Поликарпа звание было выше, старшим поставили урядника Демиды.

Когда подбирали пикетные степные команды, атаман станицы, покручивая седой ус, высказался:

— Оно, конечно, Поликашка крепкий, чистоплотный казак, да и грамоте обучен, но ить тут граница. На каждом шагу подвох. Это не на анпираторских смотрах по линейке в белых перчатках красоваться. Здесь кайсаку степь, что дом. Змеёй по лощинам проползет, не углядишь. Вороватый народец, то скотинку уведет, а то и человека на продажу умыкнет. Тут уж раззяву не лови. Демид, он сметливый, да и след как по писаному читает. Ты уж не серчай, Поликарп Терентыч, в другом каком деле не обойдем, а тут не обессудь.

— Да не в обиде я, господин атаман, — нарочито растягивая слова, нехотя откликнулся Шаишников, — мне это командирство в Питере обрыдло.

Миновав песчаный брод речки, усыхающей к осени, пустили коней крупной рысью и вскоре выскочили на развилку дорог, остановились.

— Ну что, напрямик через болотнику али кругалём через Аметное? — озадачил Демид всадников.

— Давай через Аметное, — затараторил Илья, — я там, надясь, морды ставил. Карась там черный, крупняк, как лапоть, да и линёк попадается. Прихватим и ребят ухой угостим.

— Седни можно, — поддержал его любящий поесть Шаишников, — в воскресенье батюшка разрешает рыбное, хоть и пост. Без скоромного на службе долго не выдюжить.

— А ты уверен, что плетенки твои не обчистили, — засомневался старшой, — а то зря крюк дадим.

— Иэх, Демид Иваныч, — хлопнул рукой по седлу Илья, — да кому там, едрен корень, чистить-то? Свои не тронут, а киргиз рыбу не ашает, костей много, ему барашка подавай. Я и сам не против валушка на вертеле, да с жирком...

— Кончай тараболить! — оборвал Демид говоруна. — Че попусту язык мозолить. Едем на Аметное, только без задержки, чтоб к обеду быть на месте.

С места тронулись рысью. Далеко впереди, хвост кольцом, бежал вислоухий Шарко, распутивая лаем зазевавшихся ворон. За ним, бок о бок, касаясь друг друга стременими, Тимка да Илья, низкорослый плечистый малый, прозванный Муромцем за умение небывальщину выдавать за правду, забавный рассказчик, шутник и балагур. Тимке он приходился дедом, хотя ему еще не было и сорока лет. Вырвавшись на волю от своей многоротой семьи, Илья радовался как ребенок. Он то передразнивал ворону карканьем, то подсвистывал гаечке, то трещал коростелем.

— Хочешь, я тебя научу, как зверем обернуться, — вдруг посерьезнев, обратился он к Тимке.

— Как? — удивился мальчуган.

— Да очень просто. Надо в лесу найти ровно спиленный пенек, чтоб кора была целая, воткнуть с приговором нож и перекувырнуться через него, станешь оборотнем, хоть бирюком, хоть зайцем. А захочешь опять в человека обернуться, с другой стороны забеги и перекувырнись. Но если кто нож унесет, так зверем и останешься.

— А ты пробовал? — спрашивает Тимка.

— Не, заговоров не знаю. Одна бабка обещала поделиться, да денежку просит.

— А ты бы волком хотел стать? — заворожено спрашивает Тимка.

— Не! Я бы конем стал, диким конем, джигетаем. Стоп! — Илья вдруг резко натянул поводья, — Видишь перед леском справа темные бугорочки — это барсучьи норы. Там скакать нельзя — конь ногу сломает. Запомни, — сказал он почему-то глухо, — может, пригодится. А какие ты масти коней знаешь? — снова перешел Илюха на игривый лад.

— Ну, вороная, каряя, белая, — неуверенно отвечал Тимофейка.

— Э, брат, белой масти у нас не бывает, только у арабских скакунов. На них енералы ездят. Но наши коняки басее, любое сено хрумкают, а арабчикам только овес подавай. У каждой лошадки свой окрас. Мой вот жеребчик чалый, мешаной шерсти, белой с желтой, а есть игренева, совсем рыжая, гнедая, мухортая, с желтой подпалиной на морде. Есть чубарая, барсовая с китайской границы, а то сибирские, халзанной масти, темные с белой лысиной во лбу или чагравые, темно-пепельные...

Кони вдруг резко встали, всхрапнули и застригли ушами. Илюхин жеребец тревожно заржал и попытался встать на дыбы. Навстречу им неся, поджав хвост и оглядываясь, Шарко.

Подъехавшие Демид и Карп тоже остановились в недоумении. Кони вели себя спокойно, храпели, задирая головы, пугливо гуртились, тесня друг друга.

— Эко на твоего кобеля страху нагнали, уж не сабарманы ли нас поджидают, — забеспокоился осторожный Шаишников, сжимая рукоять пашки.

— Шарка разбойниками не спужаешь, — тихо отозвался Демид, — тут, похоже, зверем запахло.

— Тять! Глянь-ка, на дороге у леса большая собака стоит, — закричал востроглазый Тимка, показывая пальцем.

— Это, сынок, не собака, а серый аука, волчара нас поджидает, хозяин здешних колков. Ничё, он сейчас уйдет, летом он и ягодками не брезгует.

И в самом деле, серый, еще раз глянув на всадников, не спеша, пересек дорогу и скрылся в зарослях. Кони перестали беситься, заработали хвостами-махалками, отгоняя надоедливых слепней.

— Так мы и до вечера не доедем, — проворчал Демид и тронул нагайкой своего жеребца. Пошли крупной рысью. Шарко теперь бежал обочью дороги, высунув язык.

3

Когда кони перешли на шаг, Поликарп, тронув рукоятью плети колено Демиды, спросил, пряча улыбку в свои щегольские усы:

— Что-то ты, Иваныч, запасмурнел седни, али опять знаки?

— Ты вот, Поликарп Терентыч, все подтруниваешь надо мной, знаки, знаки, — передразнил он друга, — а тут не до смеху. Кто в субботу смеется, в воскресенье плакать будет.

— Ну, совсем застрашал. Не таись, выкладывай, мне-то сказать можно, — посерьезнел Поликарп.

— Да дурных примет много складывается, оттого и на душе муторно, — грустно означал Демид. — В утре, когда еще коней поил, да поклажу в торока увязывал: припас ружейный, да провиант, откуда ни возьмись, ворона на перекладине воротной уселась и давай каркать. Инды из себя выходит, надрывается, и все в мою сторону. Даже кобель не выдержал, из будки выскочил и на нее лаять. А карге хоть бы хны, каркает, еще и головой кланяется. Шуганул ее каменюкой, улетела. А наемдни пичужка об сенишное окно разбилась. Теперь волк дорогу пересек, все один к одному. Зря я сынишку с собой взял. Не дай Бог, перестрелка какая иль стычка.

— Ох, и нудный же ты человек, — возмутился Шаишников, — волк-то к счастью, вот ежели бы заяц дорогу пересек, тогда другое дело. Да и не бери ты в голову, все обойдется, не

первый раз. А парнишке твоему пора уже к походной жизни приобывать, ить казак растет. Привыкнет, обживется, так и в аду ничего, — зубоскалил Поликарп. — Чего черт в болоте сидит? Смолоду привык.

«Хорошо тебе турусить, — думал Демид, не ввязываясь в болтовню товарища, -четыре девок породил, дома сидят, о чем речь».

Меж друзьями разница была почти в десять зим, но они были шабры, соседи, избы их стояли через улицу напротив. Оба были заядлыми рыбаками и отменными песельниками.

Демиду всегда тянуло ко всему необычному, неизведанному. Он свободно толмачил с заезжими бухарскими купцами и киргизами на их наречии. Мог и погоду лучше всех предсказать, способен был и к знахарскому делу.

Когда Шаишников вернулся из Питера, где служил в конвойном полку лейб-гвардии, Демид завалил его расспросами: расскажи, расскажи.

— Да что там хорошего, — отмахивался Поликарп, — муштра, да казарма, строгости не-сусветные. Один раз, правда, отличился. Стояли мы верхами в карауле на выезде из дворца, а у кого-то из княжат кобыла понесла бешеным аллюром и в нашу сторону. Все казаки в сторону брызнули, а я навстречь. Жеребца на дыбы поднял, чуть не сшиблись. Княжонок, совсем еще малец, упал, ушибся, плачет. Я поднял его, да губернерам отнес. Благодарили, подзорную трубу подарили, рублишек подкинули. Мы потом с казаками хорошо посидели.

4

Проскочили заливные дуга с высокой в пояс душистой травой. Тимке так хотелось прыгнуть в самую ее гущу и повалиться, распутивая птичек, как это делал время от времени Шарко. Но каким-то новым неизведанным чувством мальчуган понимал, что у него началась какая-то другая, пусть понарошке, но казачья служба. Вот и шашка своя, правда, маломерка и тупая, но с темляком и в ножнах, как у бати, и лук, хоть и маленький, но настоящий, боевой, не детская казарга, чтоб глиняными пульками стрелять. Да и конек загляденье: круп желтоватый, хвост и грива черные, да еще полоска по хребту. Седло как у взрослого, арчак дед Иван из березового корня вырезывал, и тебенки кожаные по обе стороны. У Верного спереди нагрудничек, сзади пахва, чтоб седло не съезжало. Стремена на путлицах кованые с узорами. А самое главное, в тороках настоящие латы, никакая стрела не пробьет. Дед Иван, когда дарил броники, приговаривал:

— Кольчужка, знамо, полетче, от нее и картечина отскакивает, но кочевник с ружьем не путается, у него стрела, а от нее только латы спасают.

* * *

Дорога втянулась в дубняк, стала уже, разлапистые ветки цеплялись за одежду, будто здоровались. Где-то вверху полыхало солнце и яркий свет его, процеженный узором густолистья, тревожил душу. Пахло сухой прелью, таволгой.

За густыми зарослями колючего терновника, шершавого ежевичника Тимке казались чьи-то подсматривающие глаза, рога, зубы.

Жеребец Карпа вдруг резко повернул голову влево и призывно заржал.

— Ну, ты холера, — пнул коня сапогом Шаишников. — тебе все кобылы мерещатся. За толстыми раскидистыми дубами кто-то очень осторожный рассыпался долгим «тр-р-р-р» и снова надолго умолкал. То ли пытался остановить всадников, то ли кого-то предупреждал о непрошенных гостях. И снова устанавливалась та необычная лесная тишь, нарушаемая лишь чаканьем копыт да пофыркиванием лошадей. Дубрава затаилась, присматривалась, жадными ушами изучала пришельцев. Недаром же говорят: степь смотрит, а лес слушает. Вдруг откуда-то прилетела длиннохвостая стрекотунья-сорока, перелетая с дерева на дерево, треща и чачакая, проводила кавалькаду до самого озера Аметного.

Подъехали, спешились, размяли затекшие суставы, ослабили подпруты у коней. На берегу кучкой лежала одежда Илюшки: он ускакал вперед загодя, чтобы сэкономить время, рядом стоял его обученный как собака Буланый, то ли охранял шаровары хозяина, то ли о чем-то сосредоточенно думал.

Место было кугистое, топкое. По урезу берега все заполонила жесткая резучая осока. Середина озера блестела от зеленых блинов водяного лопуха, огромных, как сковородки, их подсвечивали ярко-оранжевые фонарики-кувшинки. Бесчисленные родники спасали озеро от гибели, до той поры, когда накапливались несметные снега в горах, и тогда вертлявый

Урал вспенивался во всю мощь и расплескивался вширь на десятки верст, пополняя озера, ерики, котлубани не только свежей водой, но и уловистой рыбицей: черной костистой и красной хрящистой.

Тимка подъехал последним.

— Тять, там столько ягоды, все усыпано, — раздеваясь на бегу, бултыхнулся в прохладную воду, разметав тучи брызг, но купался недолго. Наскоро одевшись, схватил манерку и скрылся в кустах.

Шаишников кинул свою широкую епанчу поверх травы, стянул сапоги и улегся, уперев ноги в ствол вяза. Демид ослабил подпруги у Тимкиного меринка, разыскал галички, вынул пашку из ножен и пошел берегом озера.

— Ты ет куда? — ехидно усмехнулся Поликарп.

— Ловить верблюда. Пока лежит, а то убежит, — проворчал Демид, и добавил, — крапивное место поищу, жигалки надо накопить, авось пригодится.

Лошади стали кругом, голова к голове, будто о чем-то совещались, поминутно помахивая хвостами, отгоняя слепней и комаров.

— Эх, накомарник забыл взять, — горевал Поликарп, отбиваясь от налетевшей тучи кровососов. Колотя себя сломанной веткой и чертыхаясь, он кинулся подбирать сухие ветки, траву, достав кресало, высек огонь, раздул до пламени и прикрыл сырой травой. Повалил густой едкий дым, и туча комарья отступила. В дремотной чуткой тишине озера раздался приглушенный крик Ильи:

— Робя! На помощь!

Шаишников замешкался, натягивая сапоги на босу ногу, прихрамывая, побежал на голос. У густых зарослей тальника в воде уже маячила фигура Демиды. Он тащил на себе почерневшую плетеную вершу. Илья, блестя телесами, подталкивал ее сзади. Внутри что-то чернело и трещало. Когда плетенку вытащили и потрясли, из нее вывалилась шевелящаяся куча раков.

— Вот те и рыба, — недовольно забурчал Шаишников. — Два рога, а не бык, шесть ног, а без копыт. Я их не употребляю, они мертвяков оглаживают.

— Ты че взбесился? — возмущился Демид. — Откуда здесь мертвяки, глухое место. Пока старшой по одному осторожно выбирал раков покрупнее, бросал их в мешок, Илья полез за другой мордой. Ее выволакивали уже втроем, тяжелую, облепленную щучьей травой. В ней что-то блестело и трепыхалось.

— Эту морду я тестом обмазал, вот они и налезли, — приговаривал Илья, прыгая на одной ноге, вытрясая воду из ушей, — ведра два карасей, да какие лапти, золото с чернью.

Пока Демид перекладывал рыбу крапивой да завязывал мешок, Илья запрятал плетенки в камыши.

— Ставить уже мочи нет, комары заедают, да и Демид ругается, потом подскочим, поставим.

Когда уже приторочили мешок с рыбой, с дальней поляны выскочил Тимка. Губы, щеки и руки его в черном ежевичном соку. Подавая отцу полную манерку крупной сизой ежевики, мальчуган возбужденно говорил:

— Если б не змея, я бы и в картуз ягоды набрал. А она как зашипит и за мной, чуть не догнала.

Все казаки невольно прыснули от смеха.

— А у него желтая полоска была? — спросил Демид.

— Да вроде была, — растерянно отвечал Тимка.

— Так то ж ужик желтопуз, — успокаивал его отец, — его не боись, боись козюльку, она на солнышке любит греться.

— А ты корону на голове у него не видел? — смеясь, встрял Илья, — а то, может, то ужинный царь, его трогать Боже упаси, беды наживешь.

— А еще я голову лошади видел, — сказал Тимка неуверенно, — и какую-то чудную шапку.

— Что? Лошадь в шапке? — захохотал Поликарп.

— Не, — оправдывался мальчик, — шапка отдельно. Далеко было, за деревьями, может, мне показалось! Мне тогда мошка в глаз попала. Пока протер, там ничего уже не было.

— Так на самом деле было или показалось? — с тревогой в голосе спросил Демид.

— Не знаю, — растерялся Тимка.

— Коли кажется, — ворчал Шаишников, — креститься надоть.

— А ко мне еще птичка в рукав залетела, от ястреба пряталась, прошмыгнула и на грудь уселась. Я хотел ее погладить, а она — фыр-р-р — и улетела.

— Вот, видишь, сколько у тебя происшествий, а то бы сидел в избе, мух давил, — проворчал Поликарп.

— Тять, а можно на следующий раз Гриньку с собою взять, — зардовался Тимка, — он ничего не боится.

Но Демид не ответил, заматывая листом подорожника порезанный палец: кровь не унималась.

— Эко тебя клешнястый ухватил, чуть бармак не оттяпал, — посочувствовал Илья, — я тоже осокой ноги изрезал, зато с уловом.

Отдаваясь звонким щемящим эхом, вдруг ожила кукушка. Но после третьего кука заперхала, будто подавилась.

Демид вдруг нахмурил брови, посерьезнел, засуетился:

— Трогаем, время к полудню, надо поторапливаться.

Солнце приближалось к зениту, когда выбрались к обширной елани, на затравевший зимник. Отдохнувшие кони, чуя конец пути, пошли машистой рысью.

5

Демид рысил первым, то и дело подгоняя пятками сапог своего каурого жеребца, беспокойство не покидало его, и все больше усиливалось. Саднил порезанный палец. Из головы не выходил волк, пересекший дорогу, теперь эта кукушка. Знаки были пустяковые, вздорные, не стоящие внимания, да и степняки еще с самой весны не пересекали рубежа, может, обойдется и на этот раз. Он боялся за старшенького своего стригунка Тимошку, которого впервые взял на опасную сторожевую службу.

«Пусть переночует ноне, побегает, порезвится, — думал Демид, — а назавтра отправлю его в станицу, уговорю. Кочевники на первотравье своих мохноногих теперь откормили. Со дня на день за барантой полезут».

Пойменные дуга остались позади, дорога пошла на взгорочье, кони захекали, мотая головами, перешли на крупный шаг. Справа открылся серо-зеленый гребень шихана, и, когда по сухому кочкарнику взобрались на перевал, внизу открылось такое приволье, такой простор звенящих далей, что все враз умолкли. Кони стояли, тяжело поводя боками, шумно отфыркивались, и, казалось, тоже дивились открывшемуся чуду. Первобытная, необжитая человеком кочевая ширь, перерезанная кое-где неширокими ериками, как кишками, соединяющими по весне чрева котлубаней с поросшими камышом ильменями. Задернелая, отливающая серебром, ковыльная непашь. Изредка покрытая дымчатыми островками берез, тальника, чилигой, завораживала.

Вдалеке, у самого небоската, в сиренево-сизом мареве, темнел шихан, похожий на огромный малахай. На самой его вершине светлел мар, чья-то скорбная могила или маяк в степном безбрежии.

— А где же пикет? — разочарованно протянул Тимка.

— Да тут за изволоком, совсем рядом, — пояснил Илья, — а тот шихан уже чужая земля, там начинается великая степь.

Осторожным шагом, сшибая мелкие окатыши, кони сошли в долину и зарысили по еле приметной тропинке.

Вскоре открылся нарядный, как из белого полотна, березовый колок. Понизу густое вишенье с рубиновыми точками поспевающих ягод. По-над колком цепочка островерхих, как будто выдавленных из земли, холмов. На самом высоком, с приплюснутой вершиной, белела полукольцом каменная кладка — оборонительное заграждение, а из нее вздымалось открытое взгляду четырехное сооружение с помостом. Над ним остроконечная крыша. Рядом торчал состыкованный из длинных жердей шест с тугим оголовком сухой травы, облитый смолой.

Сторожевая вышка поставлена была, видно, знающим человеком. На добрый десяток верст вглубь просматривалась враждебная степь на восход, на север и на юг. С западной стороны почти вплотную к шихану примыкал плотный кустарник, далее изогнутые колени старых берез. В каменном теле холма зияла нора в половину роста взрослого человека, своего рода землянуха с каменной плахой у входа. Со стороны степи шихан обрывался крутым уступом, а у самой его подошвы в густой траве сочился родничок.

Место было обжитое. В затишке, на утопанной полянке печурка из ровных голышей, поодаль закопченный таганок, длинный стол на козлах, лавка и чурбаки.

Тимка, как замороженный, рассматривал диковинное сооружение о четырех ногах:

— Такая высокая и не падает, чудно!

Он мигом, не раздумывая, взлетел на самый верх каланчи. Высоты он не боялся. Крыши, деревья всегда притягивали его.

На площадке, под кровлей из чакана, прячась от зноя, стоял в дозоре его друг, дядя Коля Биктасов, крещёный татарин. Он единственный в станице держал верблюдов, умел за ними ухаживать.

— Верблюд лошади не хуже, сильный, выносливый, нежный, и плюется хорошо, - шутил Биктасов.

Своих детей у него не было, и он всю нерастрченную отцовскую любовь изливал на Тимку, сына своего однополчанина Демида, с которым они бедствовали в Хивинском походе, вернулись живыми и теперь служили в пикетных командах. Биктасов даже выделил Тимке спокойного верблюда, приучил его становиться на колени и когда подросток усаживался меж мягких и пушистых кочек, осторожно вставал на ноги и покорно повиновался маленькому наезднику.

— Тять, а почему казаки на верблюдах не ездят, — спрашивал он под хохот станичников, — и седла не надо, да он, если разбежится, то и коня обгонит.

— С верблюда падать больно высоко, ушибешься, — отшучивался Деמיד, — да и плюется он.

Пока казаки нагатавливали сушняку для костра, да чистили рыбу, Тимошка натаскал из родника полный котел воды, изрядно проголодался, и уселся у костра ждать ухи. Рядом, на травке, скрестив ноги калачиком по-татарски, сидели четыре казака из тех, что прибыли на смену и те, кому утром следовало отбыть домой в станицу. Здесь было уютно. Дым отгонял надоедливое комарье, из-под крышки котла уже вырывался дразнящий ноздри дух наваристой ухи, и казаки, размякнув на время от службы и надоедливых домашних забот, наслаждались временным покоем.

— Завтра домой. Траву косить, — задумчиво тянул Федор Горшков, кусая былинку. Застоялись здесь, как быки в загоне. Ух, я и злой на работу!

— Не слезь! — одернул Федора осторожный Портнов Василий.

— А че на слезь, — зачекал Горшков, — мы свое отстояли, пусть другие комаров покармят.

Вдруг раздался глухой стук копыт, подъехал Деמיד, спешился, присел на корточки перед станичниками, хмурый и молчаливый. Казаки умолкли, чуя недоброе.

— Ну не тяни, Деמיד Иваныч, — возмутился Шайшников, — выкладывай, что там случилось.

— Плохо дело, служивые, симы порушены, у Агафошкиной росташи бродь в траве неширокая, коней пять, не больше. Помет конский уже подсох, видно, перед рассветом проскочили.

— Братцы, — шмякнул о землю шапкой Илья, — так мы ж мимо них прогарцевали. Все один к одному. Они волка с лежки спугнули, и жеребец Карпов кобылу киргизскую учуял, да и Тимка сквозь кусты малахай видел, значит, не привиделось. Они могли нас и у озера голенькими прищучить вместе с вершами.

— Могли, — глухо отозвался Деמיד, — да кто-то им помешал.

— Да не помешал, — проворчал рассудительный Биктасов. — Они серьезное дело затевают. Давненько не наведывались. Разведку пустили.

«Неужто придется маяк жечь, станицу булгачить, — думал Шайшников. — Тятка мужиков выгодно нанял, сено косить собрался. Эж все сорвется», а вслух пробурчал:

— Да какая там разведка. Заблудились, али так прохлаждаются.

— Ага, за вишней приехали, — съязвил языкатый Илья.

— Что будем делать, казаки? — выдохнул Деמיד.

— Давайте сначала ухи похлебаем, — забеспокоился Илья, — остыло, поди. Ить поджарый живот без еды не живет.

— После ужины двоих назначили в караул, всем остальным велено было спать.

— Ночью не сунутся, да и собаки учуют, — рассуждали казаки.

— Кочевник рисковать не любит. Их не более пяти, а нас шестеро, да еще Тимка, - шутили служивые. — Справимся.

С бухарской стороны, там, где неясно угадывался полуобруч холма, заалело, стал выползать раскаленный щит воровского светила, помалу светлея, превратился в бледный диск полной луны, осветил зыбкие степные дали и вскоре закрылся плотной пеленой туч.

— Ну вот, и эта иудина степнякам подыгрывает, — возмутился Илья, натягивая меховушку на плечи, — пойду, покараулю.

— Крестный, можно, я с тобой? — подал голос Тимка.

— У отца просись. Я тебе не командир.

При звуке голоса сына у Демида тревожно ворохнулось в груди. Предстояла беспокойная ночь, и кто знает, где оно опасней: в дозоре или на биваке, хотя рядом поспокойнее. «Ежели что случится, я ж в самой коловерти буду, не до него будет, а Илюшка удачливый, да и отец же по кресту». Демид ждал, надеясь, что Тимошка сробеет и не попросится, но ошибся.

— Тять, можно, я с дядей Ильей пойду и Шарка возьму, — добавил мальчик для убедительности.

Грохнул приглушенный смех, казаки, соскучившись по своим детям, с интересом наблюдали за Тимкой.

— Иди, — помедлив, ответил Демид тихо, — да ергак захвати, от земли холодно будет, и строже добавил, уже обращаясь к обоим. — Без баловства там, с оглядом, да дремуху не поймайте.

— А мы с Тимохой сонной немочью не страдаем, — весело ответил Илья, довольный, что хоть не одному ночь коротать.

— Федор, к коням, смотри, чтоб не разбрелись, а ты, Камиль, — приказал Демид другу, — поднимись на мар, оттуда обзор больше.

— Дак темь же стоит, батьку лысого он там увидит, — съязвил Шаишников, невольно выдав свою тайную недоброжелательность к старшому.

— Ничё, присмотрится, да и хмарь не стоит на месте, скоро посветлеет.

* * *

Илья место выбрал удачное. За грядкой леска, неподалеку от казачьего становища, сбочь дороги, кренились друг к другу, образуя кружок, четыре старых березы. Корни их давно переплелись, и они стояли мощной семьей, помогая выжить молодой поросли. Место на фоне леса было неприметным и служило хорошим укрытием. Саженьях в десяти затравевшая конотопом дорога в станицу. По обеим сторонам дороги тянулся широкий, в полверсты, прогал, сухая пустошь, непригодная для растительности. Местность была открытая, доступная глазу, проскочить здесь незамеченным было трудно.

Илья стелил на траве прихваченную в землянке шкуру, пришепелявая:

— Сенцо духовито, как в церкви на Троицу, благовоние. От такого запаха кони не евши сыты.

Тимка попытался затащить на шкуру и Шарко, но тот глухо рычал и упирался всеми лапами.

— Не канителься, Тимоха. Ни за что не пойдет. Это ж вильчура, волчья шкура, — шепотом объяснял Илья, — лет пять прошло, как бирюка мы здесь укокали. Ох, и матерый был, двух коней порвал по весне, кишки выпустил. Ну, мы его и наказали. Шкура выделана, да и не пахнет, а собаки до сих пор чуют.

Разложив жеребейки, кусаные пули и приготовив винтовку, Илья достал из мешка ключую веревку, сплетенную из конского хвоста, и разложил ее вокруг их временного при- станища.

— От гадюки верное средство, не переползет, брюшко у нее нежное, колючек боится.

Илья улегся на живот и умолк, слушая лесную тишину. Тимка, прижавшись боком к крестному, прилег рядышком. Его одолевал озноб то ли от зябкого повечерья, то ли от страха. На соседнем дереве кто-то хрипло фыркнул, хрустнула сухая палка. Низко над землей пролетела большая птица.

— Совушка, бедокурная головушка на охоту поплыла. Чистоплотная птица, падали не ест, ей свежатинку подавай. Ночная птица, глаза по плоске, в темноте видит как кошка. И уши у нее слышат лучше, чем у собаки. А птицы ее терпеть не могут: гнезда зорит. Вот она днем и прячется то в дупле, а то и в нору залезет.

В дальнем перелеске кто-то тяжело вздохнул:

— Ух-ху!

— Ну, вот и дядя Филин на промысел вышел. Теперь заяц держись, да он и на сайгачонка может напасть, хищник, — вполголоса рассказывал крестный.

Но вот небо распеленалось от туч, чернота ушла к дальнему колку, и стало видно до рогу. Озноб у Тимки прошел, спать не хотелось, и вдруг где-то вверху, совсем близко, раздалось звонкое протяжное — ви-и-ид! Ему ответили часто — так-так-так! Послышалось бульканье, будто капли в воду и следом сухой дробью по доске. Тишина на мгновение, и запела тончайшим голосом дудка с лихими переливами.

— Дядь, че это? — восторженно зашептал Тимка.

— Соловушка прилетел, — ответил Илья, — не спугни. С березового листочка росы напился, распевается. Это молодой старается, слышь, еще пленканье не освоил.

И вдруг над самой головой, казалось, протяни руку и достанешь, запела нежная флейта то громко и весело, то тихо и жалобно. Одна доля начиналась еле слышно, умолкала, выждав томительную паузу, и вдруг взрывалась дробью отчеканенных звуков.

— Это уже старичок старается, мастер, ревнует. Слышишь, как разливается? У них своя урядица: вот почин, вот оттолочка, а вот гусачок, теперь прищелка и трель. Наши соловушки больше десяти колен давать не способны, а вот раз мы в походе были, под Варшавой стояли, так там я до двадцати колен насчитывал. Вроде и птичка невеличка, а заголосит — весь лес дрожит. И людей не боится, вишь, около нас хоронится. Божья птица. Ну, ты еще малой, до тебя не доходит, а она сердце любовью заражает. Послушаешь, и жить хочется. Тимка, ты не спишь?

— Нет, нет, крестный, рассказывай, — откликнулся казачонок.

— Оно, вот, и кукушка полезная тварь. Хоть и блудница, своих птенцов не выводит, другим подбрасывает, зато мохнаток уничтожает. А эту зловредную волосатую гусеницу, губительницу леса, никакая птица не потребляет, только кукушка. Дай такую колючку птенчику, он и сгибнет. Прожорливая птаха, но и мудрая, живет долго. Но птицы ее гоняют, покоя не дают.

Вдруг где-то слева тревожно ухнуло и раздалось хлопанье больших крыльев, кого-то спугнули. Шарко поднял голову, тихо зарычал и с громким лаем кинулся в чащу леса. Сквозь его удаляющийся лай еле слышно донесся топот копыт. Илья пододвинул к себе патронташ и прислушался.

— Крестный, че это? — прошептал Тимка.

— Видно, появились волки и в нашем колке, да еще, может, и двуногие. Кому-то не спится в эту ночь глухую, — задумчиво ответил Илья.

— А Шарко? Его не съедят? — забеспокоился Тимка.

— Не сепети, вернется твой волкодав. Летом волк не голодный.

Тимке припомнился утренний сон, и он с ужасом ждал возвращения пса. Вскоре шелхнулись кусты, и Шарко, шумно дыша, улеся у ног хозяина.

— На кого ты лаял? — обратился мальчик к псу, глядя его голову.

— Ага, счас он тебе и скажет, — улыбнулся Илья, — Сам учись собачьему языку, толмачом песьим станешь. Однако, не до смеха, — опомнился казак. — Пси́на не дурнее нас, на бирюка не побежит. Ничего, рассветет, разберемся. А пока спи, а то квелый будешь. Денёк-то будет горячий.

Посерело. Стали четко видны стволы деревьев, и Тимошка, упершись ногами в теплый живот собаки, уснул, как будто внезапно провалился в черную пропасть.

8

Утром, не разводя костра, позавтракали остатками вчерашней ухи. Собрали круг. Илья доложил о ночном происшествии:

— След конский нашел, подкова вроде не наша, ковка точками, у нас-то бороздки, да и ухнали, вроде, с круглыми шляпками.

— Дак вроде или как? — возмутился недоверчивый Шаишников. — Ты, Илья, тырында известный, тебя только слушай.

— Так и Шарко лаял, — вмешался Тимка, защищая своего крестного, — он куда-то сбегал, а потом пришел.

От дружного хохота казаков с ближнего осокоря взлетели галки.

— А он когда пришел, ничего не говорил? — спросил кто-то, и опять хохот.

«С утра смех не к добру», — подумал Демид, озирая лица беззаботных станичников. Осмеянный Тимка, сопровождаемый верным Шарко, умчался к вышке, мигом взлетел к своему другу Биктасову.

— Дядя Коль, а зачем эта длинная палка посередке, до самой земли?

— Да это, — не сразу ответил Камиль, что-то высматривающий из-под ладони, — для быстрого спуска на землю, если приспичит.

— У, как здорово. Можно попробовать? — Тимка обнял гладкий ствол шеста, чтобы скатиться вниз, но был остановлен Биктасовым.

— А ну глянь-ка, у тебя глаз острый. Вон там, у дальнего шихана на бухарской стороне есть черные точки или у меня в зенках рябит?

— Там наверху дерево растет и что-то беленькое, — сразу же ответил мальчик.

— Ну, у тебя глаз прямо царский, — далеко видит. Из нас только отец твой дерево отселе узрит, и то ввечеру, когда солнышко на поклон. Ну и что около дерева?

— Там какие-то черные собаки или козлы... Нет, это дяденьки на лошадях с шихана спускаются, их много.

— Сколько?

— Два, три и еще три... — считал Тимка.

— Не врешь?

— Ей Богу! — перекрестился мальчик.

— Робя! — гаркнул Биктасов с вышки, — а ну кто-нибудь сюда беглым шагом.

— Что там стряслось? — бурчал Поликарп, поднимаясь на вышку, где ждали его Биктасов с Тимкой. — Что, опять сабарманы кажутся?

Приставив подзорную трубу к глазу, Шайшников стал обшаривать степь. Как на картине, проплывали серебристые султаны ковыля, белесая полынь, коричневела на плешинках выгоревшая трава, клонились от ветра густые заросли чилиги, красным отдавала поспевающая вишня.

— Да никого нет. Опять Тимофею что-то привиделось, — возмутился Шайшников.

— Дядя Карпо, да ты не туда смотришь, — обиделся Тимка.

— Дай ты мальчонке поглядеть, — не утерпел Биктасов, — что ты такой топыристый. Я же тоже видел черные точки.

— Яша, няша, Дуняша, — передразнил Поликарп, выказывая свое недовольство уже открыто. Ему не нравилось прозябание здесь, в унылой глухомани, то ли дело Питер! Обидело, что и старшим не назначили. На сходе он и виду не подал, но обида грызла. Обошли, унизили, как сидёнка желторотого.

— Ну, на, позеворонь, если уж так хочется, да не урони.

Тимка взял дрожащими руками невиданную доселе блестящую черную штуку, прижал к глазу и ахнул. На вершине дальнего шихана, казалось, совсем рядом, хоть руку протяни, лежал белый камень, рядом стоял каменный столб, похожий на тетку с головой, без шеи и большим животом. Повел ниже, и за редким осинником увидел черную мохнатую лошадку, рядом невысокого человека в малахае.

— Вот они, — вырвалось у Тимки, — я их вижу. Шайшников выхватил трубу и застыл на месте:

— Да, это они, косорылые, но их мало. На, погляди, — передал он прибор Биктасову, — я насчитал восемь, но может, не все.

— В осиннике не видно, разве что в дальнем колонке, — обмолвился Камиль, возвращая трубу Поликарпу.

* * *

Оставив дозорного на вышке, Демид собрал казаков, оглядел всех, уперся взглядом в Шайшникова:

— Ты уверен, что их только восемь?

— Да вроде всё обсмотрели, других не видать. Они стан разбили. То ли ждут чего, то ли коням роздых дают.

— Ну, вот и ты завродел, — съязвил Илья, напомнив Поликарпу его утреннюю издевку. — Ждать выгоднее было бы за Бабыим шиханом, там ручей, лужок зеленый, да и место укромное, не на виду. А они как будто нарочно себя кажут. С чего бы это?

— Хитрят чегой-то сабарманы, а, может, отвлекают, — сказал Демид. — Ну, что, казаки, смолу будем жечь, станицу поднимать, али сами справимся?

— Да как ведь сенокос, — застонал Поликарп. — Сорвем всех станичников, трава перестойт, зеленка сохнет, солнце тут вредное. Али мокрень пойдет. Сена не заготовим, чем скотину зимой кормить?

Все молчали. Каждый думал о своем хозяйстве, о семье.

— Да что тут думать, — подал голос неунывающий, как всегда, Горшков, — их восемь, нас шестеро.

— А если кто в тылу нашем шастает? — возразил Демид. — Симы-то порушены.

Да может там сайгаки пробежали, они ж границ не соблюдают, — продолжил Горшков.

— На худой конец два-три кайсака здесь могут быть, но не больше, — вмешался Портнов, — Сотню коней в наших колках не упрячешь. Так что всего их наберется чуть поболее десятка. Аль не управимся? Ить мы ж казаки!

Демид, еще раз оглядел команду:

— Ну, раз вы не супротив, станицу булгачить не будем. Но глядеть в оба. Оружие проверить, коней заседлать. У кого шашка затупилась — наточить. Занять круговую оборону. Портнов, ты ноне отдохнул, смени Биктасова на вышке.

«Вот оно, — думал Демид, садясь на коня, — все приметывы в руку. И зачем я Тимку с собою взял, — корил он себя в который раз, — домой отправить не с кем, а одного — опасно. Может, пронесет!»

9

С запада, с мокрого угла, понесло свежачком, и вскоре полнеба затянула иссиня-черная зловеющая нахмарь. У Демида некстати захолонуло сердце, он кликнул Тимку, не отходившего от Ильи.

— Где латки, что дед Иван тебе сковал? — спросил он тихо. — Надень, а под них шелковую рубашку не забудь, да поскорее.

— А че, война будет? — обрадовался Тимка.

— Нет, так, на всякий случай. От крестного ни на шаг, — приобнял Демид сына и поспешил на вышку к дозорному.

— Ну что тут, Василий, видно?

— Сказать пока нечего, — кинул немногословный Портнов, — никого не видать, даже суслики попрятались.

— Это к дождю. Твое дело за супротивником следить, а не за сусликами, — строго отрезал старшой.

— Да запасмурнело, и шихана-то Бабьего не видать.

— Поликарп, — крикнул с каланчи Демид, — ты бы дал дозорному свою трубу на время.

— Ага, разбежался, — ответил Шайшников, — царский подарок, он мне не даром достался.

— Ха! А ты мне хвастал, что на соленые арбузы ее выменял, — вмешался, смеясь, Горшков.

— Когда я тебе говорил? — вытаращил глаза Поликарп.

— А на встрече, когда ты со службы приехал.

— Да на арбузы я курительную трубку выменял у чухонского купца, — оправдывался Шайшников.

— И подзорную впридачу, — хохотали казаки.

— Что-то вы, казачки, веселитесь. Не пришлось бы плакать! — подал голос подошедший Демид.

— Что ты, старшой, все каркаешь? — посерьезнел Горшков. — Не любо, не смейся. А у меня своя воля: хочу, смеюсь, хочу — плачу. Не обессудь, старшой, где умному горе, там глупому — веселье. Утром домой, баньку истоплю, веничек дубовый, да с крапивкой, пропарюсь, балалайку в руки, да на вечерку до петухов.

— Беспечный ты человек, Федор, — укорил гулену старшой, — до утра еще дожить надо. Кто знает, что эти нехристи задумали. Летось на Михайловскую станицу дважды нападали. Тогда семеро казаков сгибло, да еще и степь подожгли. Сено, и хлеб в снопах — все погорело. А у тебя одни вечерки на уме. Посматривайте здесь, не зевайте. А мы с Ильей по тылам проскачем.

— А чего это он про шелковую рубашку мальцу своему гутарил? — спросил Шайшников, когда Демид скрылся из виду.

— Вызнал он где-то, что шелк от стрелы оберегает, — ответил Горшков.

— Эт каким же макарком? — хмыкнул Поликарп.

— Дак стрела, когда летит, вращается, закручивает материю, и застревает. Говорит, что и монгольские ханы на себя тельницы из шелка надевали.

— Враки все это. От блох защищает. Насекомое по шелку как некованный конь по льду, — заявил знающий Шаишников. — Послушай, Биктас, а что, правда, Демид подщетенный?

— Да, я сам видел у него шрамы на подошвах. До службы, когда он еще сиденком был, степняки на покос набежали, старых побили, а парнишек да девчонок в Рынь-пески да в Бухару на продажу. Демиду купил какой-то бай, а чтоб не убер, подщетинил его. На подошве шкурку разрежут, рубленого конского волоса напихают, да зашьют. Сначала, говорит, на карачках ползал, а потом приноровился. Ну, а вскоре казаки отбили его, да вылечили.

— А я и не знал, — вздохнул Поликарп.

— Так ты ж в столице, на царских хлебах гужевался.

— Ну-ну, — отозвался Шаишников, приготовляя заряды для своего кобурного пистолета.

10

Демид, оставив казаков у вышки, велел Илье осмотреть левое крыло лесочка, а сам поскакал на правое. Ему не нравилось полудрежное затишье природы, безмятежное настроение казаков, и эта зловещая, не ко времени наползающая, хмарь. Он чувствовал, осязал всем своим беспокойным нутром, что вокруг пикета затевается что-то неладное.

«В двух верстах, на бухарской стороне, кучкуется группа степняков, и здесь кто-то шастает. Конечно, стоит дать сигнал, и станичники будут здесь, но что я им скажу? А уж они найдут, что сказать!»

* * *

Тимка в кованых латах с заклепками, с колчаном, полным стрел, при сабельке-полумерке, гордясь своим видом, увязался поначалу за Ильей.

— Ну, ты, брат, прям Илья Муромец-второй, после меня, — подтрунивал зубоскал-крестный над Тимкой, — теперь все кайсаки разбегутся.

Тимка почувствовал скрытую насмешку в похвальбе Ильи, обиделся, и повернул за Шарко, который, к чему-то принохиваясь, бежал к месту их ночного дозора. Кобель пересек длинную пустошь, разделявшую два колка, уходящих до стыка с соседними пикетами, и скрылся в густом терновнике. За колючими ветками до самых пойменных лугов тянулись раскидистые дубовые рощи с густой травой. Тимка боялся этих мест: по словам крестного, в такой глухомани водились лешие.

В глубине леса вдруг бешено залаял Шарко, потом завизжал, и все стихло. У Тимки сжалось сердце, немного поколебавшись, он решил, что не может бросить друга в беде и, прищпорив коня, поскакал на визг собаки. Поискав глазами прогал, мальчик уже хотел было, въехать в терновник, но что-то заставило его остановить коня и оглядеться.

Казачонок осторожно повернул голову вправо, и обомлел: в полуверсте от него, там, где дорога выходила из терновника, прячась за кустами, четко вырисовывались на зеленом фоне три всадника в странных черных шапках, а один был в высоком малахае. Тимка вспомнил, что в подзорную трубу он уже видел таких конников, то были чужие. Он развернул своего маштака и помчался наутек, к лесу, в сторону пикета. Тимка вовремя вспомнил про сурчиные норы, и правил строго по едва заметной тропинке, зная, что сворачивать ни вправо, ни влево нельзя: Верный сломает ноги, и тогда — конец обоим.

О сурчиных ловушках, заросших травой, преследователи пока не догадывались, и скакали по-над дорогой, не отставая ни на шаг. Перед самым колком тропинка соединялась с дорогой, и Тимке нужно было первым выскочить на перекресток, опередив кочевников, но они постепенно приближались. Казачонок, скосив глаза, разглядел скачущего впереди мордастого степняка в высокой шапке. Правой рукой он крутил над головой какое-то кольцо из веревки, чуя легкую добычу. Развязка приближалась. Тимка успевал на перекресток, но его уже немолодой маштачок вряд ли мог уйти от погони в лесу.

* * *

Демид доскакал до толстой поваленной березы — стыка с гранью соседнего пикета, но ни следов, ни порушенных символов не обнаружил. В левой стороне груди что-то ныло, жгло, как будто раскаленный гвоздь касался сердца. Он развернул своего каурога, выехал на длинную проплешину и поскакал к пикету. Впереди, на сурчином поле, три всадника бешеным наметом нагоняли четвертого. Не веря своим глазам, в переднем всаднике Демид узнал маленькую фигурку сына. Он хлестанул нагайкой жеребца, и помчался наперерез, уже не надеясь перехватить кочевников.

А расстояние меж ними быстро сокращалось. Казалось, еще миг, и на Тимошку обрушится страшная беда, но неожиданно преследователи полетели на землю, их кони, куврыкаясь, повалились на траву.

Демид понял, что ноги киргизских коней попали в норы, и, хотя Тимка успел скрыться в березняке, казак, не сбавляя хода, по краю колка приближался к упавшим. Но норы попались, видимо, старые, неглубокие, и особого вреда степнякам не принесли. Через минуту они уже все трое сидели на лошадях. Заметив несущегося на них казака, они развернулись и порысили навстречу ему, охватывая с обеих сторон. Двое поблескивали саблями, третий, поотстав, крутил в руке аркан.

Демид мгновенно оценил обстановку. Сорвав винтовку с плеча, он, почти не целясь, выстрелил в правого крайнего, и не промахнулся: раскинув руки, тот вылетел из седла. Левому всаднику с клинком в правой руке мешала голова собственного коня. Демид был левша, да и казачьи шашки были длиннее киргизских сабель. Почти неуловимое движение, и второй степняк полетел на землю. Казак, привстав на стременах, поднял шашку, намереваясь достать третьего, но противник вдруг резко взмахнул рукой и круто развернул коня. Петля волосяного аркана прошла Демидову шашку, поднятую руку и захлестнула подмышки. Резкий рывок выхватил Демиду из седла, едва не свалив коня, и ударил об землю.

* * *

Тимка, почти лежа на гриве коня, с ужасом ожидал удара сзади. Верный, ёкая селезенкой, мчался из последних сил, круп его блестел от пота. И вдруг за спиной раздались глухие удары, крики, стоны и звон оружия. Тимка оглянулся назад: все три всадника барахтались на земле. Верный, не сбавляя хода, приблизился к лесу. Мальчуган облегчено вздохнул и обернулся еще раз.

Всадники уже были в седлах, но скакали почему-то от него, а навстречу им, размахивая шашкой, несся его отец.

У Тимки все смешалось в голове: и радость, что остался жив, и что видит своего тятю. Вдруг ясно понял: их трое, а отец — один. Повернув коня, казачонок поскакал за кочевниками. Он видел все: удачный выстрел отца, лихой удар шашкой, летящую к голове отца черную веревку и его внезапное падение. Каурый в недоумении стоял около лежащего хозяина и, наклонив голову, трогал губами его лоб.

Кочевник выхватил саблю, намереваясь окончательно разделаться с противником, но внезапно увидел скачущего на него того самого «малайку», которого они так бездарно упустили. Отбросив веревку аркана, горяча коня, помчался навстречу отчаянному мальцу, готовясь снести ему голову.

Верный, всхрапывая, послушно несся навстречу гибели. За эти несколько страшных минут Тимка пережил столько, что и взрослому хватило бы с лихвой. Мальчик почувствовал обостренную ясность мысли, которой у него раньше не было. Ни когда он улепетывал от змеи в ежевичнике, ни когда удирал по тропинке от степняков. Теперь он твердо знал, что ему надо делать, чтобы спасти отца и не погибнуть самому.

Тимка изо всех сил натянул поводья, пытается остановить Верного. Конь от неожиданности заржал, взвился на дыбы и, роняя обильно пену, встал как вкопанный. Бросив поводья, выхватил левой рукой из-за плеча лук, правая привычно быстро нащупала стрелу в колчане. Натянув до предела тетиву, Тимка впервые в жизни целил в живого человека, в смертельного врага, который готовился его убить. Страшно было смотреть в узкие прорезы глаз, на сверкающую полоску стали. Оставался какой-то миг, вздох, два лошадиных скака. Промажнуться было нельзя, и только когда опухло горячим дыханием чужой лошади, Тимка разжал занемевшие пальцы правой руки. Стрела со свистом вошла в лоб кочевника. Он еще по инерции махнул саблей, выронил ее и свалился на острые сучки вырубленного кустарника.

Казачонок подскочил к отцу. Тот лежал вниз лицом. Черная волосяная петля пережимала его правую руку и стягивала тело. Левая, сжимавшая шашку, была откинута в сторону. Мальчик попытался растянуть петлю, но только исколол пальцы. Тогда он, упираясь изо всех сил, все же сумел перевернуть обмякшее тело отца на спину, и приник к его лицу. Оно было в царапинах, в потеках крови, перемешанных с землей, но теплое. Глаза были закрыты.

— Тятя! Тятя! Ты живой? — кричал и плакал Тимка, тормоша Демида за плечи.

* * *

Илья проскакал до крайнего шихана, до симов соседнего пикета и повернул обратно. Ни следов, ни посторонних звуков слышно не было. Несколько капель дождя брызнуло на его разгоряченное лицо. Черная туча разродилась грозой, внезапным пыльным вихрем, и ушла на бухарскую сторону. Вдруг где-то впереди бабахнуло из винтовки. Лесное эхо многократно повторило звук, превратив его в залпы. Илья тронул коня нагайкой, и поскакал в сторону выстрела. Вырубка кончилась, и казак выскочил на изволок, с которого просматривалась вся длинная солончаковая пропleshина. На ней виднелась пара лошадей без седоков, а у дороги, ведущей к пикету, навстречу друг другу неслись два всадника. Когда один конь вдруг резко остановился и взвился на дыбы, у Ильи захолонуло сердце: в гнедом меринке он узнал Тимкиного Верного.

Ругая себя последними словами, что так легкомысленно упустил крестника из виду, Илья пришпорил коня, и тот летел, почти не касаясь земли. Надежды на добрый исход почти не оставалось. «Сабарманы добычу в живых не оставляют, если знают, что ее нельзя захватить». Пересекая низину, Илья на некоторое время потерял всадников из виду, а когда выскочил на высотку, невольно придержал коня. Совсем близко, у дороги, нетерпеливо бил копытом породистый скакун в убранной серебром уздечке, нагруднике с заковыристой бляхой и дорогим седлом с кожаными подушками. От коня тянулся повод, намертво зажатый в руке лежащего навзничь тучного степняка с торчащей стрелой в самой середине лба. Лисий малахай валялся рядом, обнажив лысоватый череп.

Поодаль, в густом травостое, голова к голове, стояли еще два коня: каурый жеребец Демида и гнедой маштачок Тимки. Сам он тряс Демида, уливаясь слезами.

Илья мигом подскочил к раненому, растянул петлю аркана, рванул рубаху и приложил ухо к его груди.

— Цыть, ты! — прикрикнул он на крестника. И в тишине, нарушаемой лишь стрекотом кузнечиков и звоном конской сбруи, услышал редкие глухие удары сердца.

— Жив твой тятка! — прошептал Илья. — Дай-ка свою баклажку.

Он набулькал в ладонь воды и плеснул на лицо Демида. Когда поднес флягу к его губам, тот открыл глаза, увидел заплаканного Тимку и виновато улыбнулся.

— Чего разлегся? — закричал радостно Илья, как глухому. — Вставай, сабарманы вокрут!

— Где? — Демид сразу поднял голову, сел и огляделся.

— Да вон лежат. Твое рукоделье?

— А третий где? — забеспокоился старшой, кряхтя и ощупывая себя. Боль отдавалась во всем теле, но переломов вроде не было.

— Да ты вставай, отряхивайся, — частил весело Илья, — покажем мы тебе и третьего. Демид, поддерживаемый Тимкой, с трудом поднялся, кинул шашку в ножны, поправил винтовку и огляделся. Каурый, завидев хозяина, подбежал к Демиду и стал, балуясь, нежно обмусоливать ему ухо.

— Ну, не шали! — прохрипел казак, ласково потрепал за гриву и поднялся в седло.

— Давай скорей сюда! — звал неугомонный Илья. — Глянь, какого бирюка завалили! Подъехав, Демид взглянул на тело кочевника и удивленно протянул:

— О, да это же Самарбай! И стрела в черепушке! Кто его? Неужто Тимка?

— Он, он, крестничек мой, если б не его копынка, кирдык бы тебе пришел, племянничек.

— Это ж мой старый знакомый, — растянул губы в улыбке Демид, — пятки мне надрезывал, щетинку в ранки подсыпал, да еще хихикал. Лютый бандюга, сколько он наших людей извел! Брал только молодых, остальным глотки резал. Работорговец. Ничем не брезговал, мясник.

— Ну, теперь ему крышка. Тимка расквитался с ним на этом свете, а на том аллах ему еще добавит за все злодеяния, — подытожил Илья, вытирая о траву изукрашенную саблю

разбойника и протягивая ее крестнику. — Получи награду за геройство, твой первый боевой трофей!

Казачонок растерялся, у него еще не прошел весь ужас свершившегося. Дрожащими руками он взял клинок, с опаской потрогал лезвие, содрогнулся, и сунул его в ножны.

— Ничего, подрастешь, оценишь, — заключил Илья, — а тебе, Демид, арканчик волосяной на память от бывшего знакомого, в хозяйстве стодится, вместо налыгача для быков. А мне позволь сдернуть чапанчик с приятеля твоего. А то я ем орехи, а на зипуне моем — прорехи. Да и нахлобучка мне его подойдет, пока башка цела, а то ведь на тулово без головы шапки не пригонишь.

Демид только махнул рукой. Илья тут же облачился в нарядный халат, надел малахай, и стал настолько неузнаваем, что даже его чалый настоороженно застриг ушами и отпрянул в сторону.

— Ну, теперь долго проживу, — ухмыльнулся Илья, — свой конь не признал, ишь, как шарханулся.

Вдруг над леском показался столб черного сигнального дыма, следом грохнул выстрел. Казаки вскочили в седла и помчались к пикету.

11

А незадолго до этого на пикет навалилась беда. Когда Демид с Ильей ускакали проверять тылы, клубящийся войлок тучи над сторожевым шиханом, наконец, поглотил ослепительный диск солнца, и враз смерклось, будто наступил вечер, хотя время было предобеденное, и в казане томилась ячменная каша со шкварками, укутанная зипуном.

Где-то жалобно застонала выпь. Потянуло прохладой, запахло чабрецом и полынью. Вороны, переваливаясь с крыла на крыло, полетели в укрытие.

Биктасов закончил правку лезвия своей шашки и хотел бросить ее в ножны, как вдруг что-то ослепительно сверкнуло, и раздался гром такой силы, будто рядом выстрелили из пушки. А спустя мгновение на вышке послышался вскрик и стук упавшего тела.

— Василий! — окликнул Биктасов. — Портнов! Отзовись! — и, не дождавшись ответа, побежал к входу на каланчу.

Шаишников, на ходу навинчивая штык, полез на шихан с другой стороны.

Биктасов, взбежав по лестнице на верхнюю площадку, увидел лежащего на помосте Портнова со стрелой в шее, но крови видно не было. Камиль потрогал его лоб. Василий открыл глаза и прохрипел:

— Скорей, жги маяк, там... — махнул он рукой в сторону степи, и потерял сознание. Биктасов поднял голову: у самой линии озера в сторону пикета двигалась черная цепочка всадников. До них было более двух верст. «Но кто ранил Портнова?» — думал казак, однако, надо было торопиться. Выхватив из воценого мешочка кресало и кремень, он стал высекать огонь. После третьего удара трут затлеел. Внизу, у шихана, вдруг раздался топот копыт, крики, выстрел, чей-то стон, а по перекладинам лестницы затопали чьи-то сильные ноги. Торопясь и задыхаясь от дыма, Биктасов наконец-то раздул пламя и поднес его к пучку мочала, облитого смолой, и в тот момент, когда маяк зачал густым черным столбом, над помостом показалась голова в малахае. Но не успел кочевник натянуть тетиву, как получил шашкой по голове. Казак пинком отшвырнул нападавшего, и тот полетел вниз, сшибая нижних. Воспользовавшись замешательством степняков, Камиль по центральному шесту мгновенно скатился вниз.

У входа на каланчу два вражеских всадника горячили коней. Наверху пикета раздавались удары: пробравшиеся туда кочевники пытались саблями срубить задубелый шест, чтобы погасить маяк, но это им пока не удавалось.

Биктасов, хоронясь за лестницей, приблизился к одному из басурманов и ткнул его в бок шашкой. Резко звякнуло: под одеждой оказалась кольчуга. Он выхватил саблю, и только толстенная свая вышки, за которую отпрянул Камиль, спасла ему жизнь. Казак попал в ловушку. У выхода сторожили два разъяренных кочевника, а по лестнице с другой стороны спускались еще два.

* * *

А ниже, на утоптанной площадке шихана, там, где караульные казаки любили посидеть перед заходом солнца, шла еще одна схватка.

На Шаишникова, вооруженного штыком, напали сразу два конника, и, казалось, он был обречен. Но рослый, хватистый гвардеец не только мастерски владел шашкой, но и был обучен защищаться штыком против конного как пикой. Но пика была длиннее штыка, зато штык с винтовкой — длиннее сабли. Тщетно кочевники гонялись по пятаку за Поликарпом, мешая друг другу. Он смело отбивал штыком сыпавшиеся на него сабельные удары, и сам нападал на всадников.

Когда Демид с Ильей и Тимкой на взмыленных конях подлетели к пикету, там шел отчаянный и неравный бой. Звенели сабли, всхрапывали кони, доносились гортанные чужие голоса. Двое оставшихся казаков пешими отбивались от шестерых кочевников.

Демид кинулся выручать Поликарпа. Зажатый конниками, он уже с трудом отбивался. Тесная, изрытая копытами площадка не позволяла «сабарманам» нападать одновременно. Гвардеец широким пугающим замахом не подпускал к себе степняков, увертывался от ударов, но силы его были на исходе. По рубахе, со спины, расплзлось красное пятно, глаза заливал едучий пот, перемешанный с кровью. К сердцу подкатывал тошнотворный комок недоброго предчувствия. Правым сапогом он неожиданно ступил в глубокую колдобину, выбитую конем, и на миг опустил штык. Оказавшийся вблизи кочевник воспользовался промашкой и нанес страшный удар, но Демид, наметом поднимавшийся на шихан, успел выстрелом срезать «сабармана». Сабля его скользнула по голове Шаишникова, но баранья шапка смягчила удар. Поликарп, обернувшись на выстрел, увидел друга, и, наконец, выхватив свой кобурный пистолет, разрядил его в другого кочевника.

* * *

В это же время с другой стороны шихана, у входа на вышку, заканчивалась еще одна стычка. Биктасов, зажатый в узком пространстве каланчи, отбивал наскоки двух ордынцев, шаг за шагом спускавшихся по ступенькам. Лестница была довольно узка, верхний кочевник не мог достать саблей Камиля и только помогал отбивать удары. Выход заслоняли еще два всадника, они тоже пытались достать казака своими кривыми клинками, сужая и без того тесное пространство. Камиль знал, что если они догадаются сойти с коней, участь его будет решена. Он отбивался левой рукой: из раны на правой сочилась кровь.

Неожиданно раздался бешеный топот, и к самому входу подскочил чалый конь с всадником в киргизском халате. Кочевники замешкались, пытаясь узнать своего сородича. Два молниеносных взмаха клинка незнакомца, и все кончено. Воспользовавшись замешательством степняков на лестнице, Биктасов прямым ударом поразил нижнего. Второй убежал наверх и выпрыгнул в крутой яр.

На Илью вдруг из-за вышки налетел со штыком наперевес Шаишников. С трудом отбив удар шашкой, Илья заорал диким голосом:

— Ты че, сдурел? Байбак питерский! Своих бьешь!

Оторопевший Поликарп с трудом узнал в богатом кочевнике Илью и опустил штык.

— Ну, ты и вырядился, шут балаганный! — возмутился Шаишников. — А если б я тебя заколол?

— Ну и что, — ёрничал Илья, — мальцов бы моих до смерти кормил, сытее б были.

— У меня и своих хватает, — отшучивался Поликарп.

Схватка продолжалась не более получаса, а всем казалось, что уже вечер.

— Откуда эти сабарманы взялись? Что, дозорный прошляпил?

— Обхитрили они нас, — сокрушался Демид. — Там слева от Агафошкиной росташки тянется протока, заросшая травой, прямо к Бабьему шихану. Если вести коней в поводу, да еще травой подмаскироваться, то в колок можно пробраться незамеченным. Лошадки-то у них niskорослые, да и солнце с утра было встречь сторожевому.

— Карпуша, если б ты свою трубу не пожадничал, — ввернул Илья, — они бы не проскочили.

— Кончай балагурить, казаки, — прервал разговоры Демид, — ордынцы на подходе. Илья, поставь новую куделю на шест, да зажги маяк, узнай, что там с Портновым.

Вскоре снова густо зачал маяк, принесли Василия, дозорного с вышки. Он был жив, но говорить не мог, оперенная стрела торчала из шеи.

Илья с Поликарпом занялись раненым. Демид поднялся с Биктасовым на вышку. Густой черный дым поднимался высоко в небо.

— Станица теперь знает, — промолвил Камиль. — Скоро прискачут, только бы успели!

— Как думаешь, сколько их? — спросил Демид.

— Сотни две, не меньше.

— Нам их не сдержать, всех переколят, — с грустью сказал Демид. — Надо уходить, пока не поздно.

Густая цепочка всадников была еще далеко, когда вновь зачал маяк, ордынцы поняли, что их лазутчикам не удалось справиться с дозорными, и перешли на малую рысь. Они понимали, что станица извещена и идет на помощь. Вскоре раз за разом бухнула пушка. Кочевники перешли на шаг и остановились.

— Ну что, Иваныч, наша взяла? — обрадовался Биктасов.

— Подожди, Камиль, они совещаются, что еще решат, — отозвался Демид. Послышался топот многих коней, и к пикету выскочил отряд казаков с пиками и винтовками. Они построились длинной цепью у шихана и по команде «Шашки вон!» все враз выхватили клинки и подняли над головой. Кочевники сбились в кучу, зароились, как потревоженные пчелы, тоже все враз выкинули кривые сабли, развернулись, и потрусили обратно в степь. Попытка уничтожить дозор на пикете и застать врасплох станицу на этот раз совалась.

— Можя, догоним, пужнем, чтоб неповадно было? — крикнул казак в лохматой папахе, еле сдерживая коня.

— Я те пужну, ядрена вошь! — нахмурился сотенный командир. — Атаман строго наказал: границу без надобностей не переходить. Приказ будет, тогда и повоюешь!

— Ишь, плутяга, — хохотали станичники, — ему лишь бы сено не косить.

* * *

— Илья, ты Тимошку не видел? — спросил Демид.

— Да вот токо рядом крутился, все доглядывал, как я здесь управляюсь.

На пеньке сидел Портнов с перевязанным горлом. Его рана была не опасна. Стрела прошла насквозь, и Илья, осторожно обрезав выступающий оперенный конец, вынул древко, дал схлынуть густеющей крови, обеззаразил рану снадобьем, перевязал, и велел молчать:

— Ни гу-гу! Болтать будешь, кровь горлом пойдет.

Василий молча кивал головой, благодарно улыбаясь лекарю. А тот, разложив на широком обеденном столе под разлапистой березой другого раненого, Горшкова, уже колдовал над его раной.

— Знаешь, чем стрела лучше пули? — спросил он Демиду.

— Да хоть пуля, хоть стрела — одна сатана.

— И не говори. Стрела рану затыкает, и кровь не пуцает. — делился Илья своими наблюдениями.

— Ну, а что Федор? Как он?

— Неважнецки. Копьянка глубоко в бок вошла. Резать надо, пока он в беспамятстве, а то, боюсь, до станицы не довезти.

— Карп! — окликнул Илья гвардейца, прислонившего перебинтованную голову к березе. — Ты маленько потерпи, твою голову пробривать надо, волосья мешают. Рана у тебя немудреная. Поставь своей папахе свечку в церкви за спасение. Нож-то при тебе?

— Ну да, — с необычной уважительностью протянул Шайшников, — острый как бритва.

— Вот-вот, ты его прокали, да сюда неси, не пожалей для станичника. Стрелу уберем, поживет еще: молодой еще, ему жениться надо.

— Да, он ведь первый стакнулся с лазутчиками, — сказал Поликарп, — выстрелил, за что и поплатился.

* * *

Демид искал сына, но того ни среди казаков, ни на вышке не было, да и Верный не маячил. «Куда ж он мог деться, — беспокоился отец, — не случилось ли беды?» Ему припомнились все события этого дня: тревожное напряжение, схватка с ордынцами, отчаянный подвиг Тимки, спасший ему жизнь, и снова перед глазами проплывали чередой все недобрые

приметы, терзавшие его в прошлое утро, особенный ужас вызывала теперь та каркающая ворона.

Казаки, возбужденные, довольные тем, что все обошлось, собирались в станицу. Ждать больше не имело смысла. Демид уже было пошел к сотнику, чтобы объявить о пропаже сына, как из придорожного колка осторожно выехал всадник. То был Тимка. На его седле лежал Шарко.

Илья уже передал раненого Горшкова казакам, и мыл руки. Он подскочил к своему крестнику, потрогал нос пса.

— Э, Шарко-то живой, токо стрела торчит: тоже воевал! Подсоби-ка, Иваныч! Они бережно сняли с седла собаку и положили на лавку. Тимка соскочил с коня:

— А ему больно не будет? — спросил он Илью.

— Больнее, чем было, не будет. Помогите его держать. Он ловко надрезал кожу и вынул обломок стрелы.

— Ну вот, теперь заживет, как на собаке, — смеялся повеселевший Шаишников. Оставив усиленную команду на пикете, казаки возвращались в станицу. В хвосте сотни на повозке везли двух раненых. За нею, не отставая ни на шаг, трусил Верный. А в задке телеги, прижав к себе перевязанного бинтами Шарко, сидя спал Тимка. Волки ему больше не снились.

г. Троицк

Илья Весенн

Два «леща»

Четверых сотрудников НИИ отправили в командировку в город А. Если их имена расположить по алфавиту, то получится так: Аркадий, Борис, Влад и Яков. Возраст сотрудников убывает в том же порядке — самым молодым был Яша. Соответственно, всякая неблагодарная работа ему полагается, как салаге, хоть и с высшим техническим образованием. Само собой, на молодого была возложена подготовка проездных документов. Предполагалось ехать поездом до города У., а оттуда самолётом лететь в пункт А. «Вот тебе, технарь, наши паспорта, действуй!» — с таким напутствием проводили Яшу в городские кассы. Следует заметить, что в те времена паспорта требовались только для покупки авиабилетов. Так случилось, что в это же время Яша должен был отправить самолётом жену с детьми и тёщей к самому синему Чёрному морю, поэтому обрадовался, мол, заодно и им билеты куплю! Как заводной бегал Яша по маршруту: с работы — домой, из дома — в кассы, из касс — на работу. Согласовывал даты, сроки, направления. Задавал массу вопросов, убегал, затем снова возвращался, извинялся, удивлялся, и всё сначала... Так происходило много-много раз. Отъезжающих, как говорится, достал капитально, головы закружил всем, в том числе и себе. Наконец, командированная бригада собралась на перроне вокзала. Не хватало лишь билетов и Яши. Одновременно с прибывающим поездом прибежал и взопревший салага. Протерев запотевшие стёкла очков, Яша раздал Владу, Аркадию и Борису билеты, и все без задержки зашли в своё купе. Только молодой задержался в тамбуре, выясняя что-то у девушки-проводницы. Когда он пришёл, все места, кроме одного, были заняты. Предстояло ехать ночь, поэтому попутчики приготовили постели и расположились на полках, свет приглушили. Яша глянул на своё место на верхней полке под номером тринадцать, и стал просить поменяться с кем-нибудь. Соседи по купе просьбы эти игнорировали, обвинив парня в суеверии и предрассудках. Яша, похоже, смирился и стал расстилать постельное бельё, но вдруг, воскликнув «Что такое!», стал демонстрировать всем наволочку с безобразным пятном посередине, в форме расходящихся лучей. Будто кто-то вытер этой наволочкой лезвие ножа. Ушёл Яша к проводнице менять наволочку. Когда вернулся снова и стал натягивать на подушку другую наволочку, то снова заохал — в её центре была большая рваная дыра. Тут уж на Яшку все зашикали: «Да утомонись ты! Дай поспать!» Он выключил свет и под мерный стук колёс все сладко уснули...

Прошла пара часов. Внезапно всех в купе разбудил ужасный грохот!

Приподнялись на полках — в проходе меж полок барахталось нечто белое и несуразное. То Яшка на матрасе слетел с верхней полки на пол! Успокоили бедолагу, уложили обратно спать, но на сей раз, привязали его страховочными ремнями. Командированные

утомонились, но спали уже не так крепко, как сначала. Поутру, перед приездом в город У., ребята пили чай и с подковыркой спросили у Яши, как прошёл его ночной дозор. На что кучерявый парнишка, слегка смущаясь, рассказал о ночном кошмаре: «Приснилось мне, что я в походе...» (Следует отметить, что Яша в ту пору действительно был страстным туристом-водником). Он продолжал: «Разбили мы лагерь у реки, на высоком скалистом берегу, а моя одноместная палатка самая крайняя возле обрыва... Смеркается, в реке журчит вода. Я забрался в палатку и быстро уснул. Проснулся оттого, когда кто-то прижался ко мне! Включаю фонарик — рядом лежит молодая проводница из этого вагона! Тут слышу, у палатки раздаётся призывный голос моей жены, нетрогко зовущей меня. Подумал я — а что, если заглянет, а я здесь не один? Надо срочно дистанцироваться от этой молодухи. Резко отодвигаюсь от неё к брезенту палатки. А там крутой обрыв! Очнулся уже на полу вагона...» Выслушав такую историю, ребята не удержались от смеха. А затем задумались, и пришли к выводу, что сон вещий. И, скорее всего, достанется Яшке от родной жены, и повод, наверняка, найдётся. Эти женщины всегда повод найдут, за ними не заржавеет!

Через некоторое время ребята приехали в аэропорт города У. После объявления регистрации на рейс, Яшка полез в сумку за билетами и паспортами сослуживцев. Достал документы, побледнел и с какими-то невнятными причитаниями повалился на стул. «Они меня убьют! Я пропал! Она убьёт меня!...» — только это можно было разобрать из того, что он нёс. Не понимая, что происходит, ребята смотрели на товарища, пока один из них не догадался забрать из рук Яшки паспорта и раскрыть их — все документы и билеты, вложенные в них, оказались на членов его семьи. А те как раз в эти часы, но совершенно в другом аэропорту, готовились вылетать к теплому морю, имея паспорта и билеты неизвестных им людей — сослуживцев их мужа, отца и... балбеса!

Не стовариваясь, Аркадий, Влад и Борис подхватили Яшку и потащили его из аэровокзала, чтобы на свежем воздухе отвесить этому туристу-воднику «хорошего леща», и тем самым исполнить предсказания вещего сна, который оказался не кстати, но «в руку»! Однако, Яков не мог не вызывать жалости, ведь самый увесистый «лещ» ждал его дома...

С Новым Годом, ковбой!

Вечеринка в общаге достигла апогея. В шумной комнате с койками, отодвинутыми к стенам, балдели парни и приглашенные на студенческий пир румяные девчата. В углу, за шатким столом с выпивкой и незатейливой закуской, скривилась ёлка, украшенная карамельками и снежинками из фольги. Из заезженного проигрывателя «сыпался песок», но было весело. Староста группы, перекрикивая всё и вся, с нарочитой серьёзностью и пафосом произносил придуманный заранее тост. Присутствующие задыхались от смеха. Хлопок шампанского, и фонтан брызг окатил чьи-то ажурные платья и чулки. Получив отдачу от выстрелившей бутылки, парень не удержался на ногах, плюхнулся на койку, попав на лежащую там новую, ещё не обкатанную гитару, которая с жалобным звоном развалилась на части. Музыка, хохот, дикий гомон неожиданно прервало чьё-то нечленораздельное мычание, от которого мурашки побежали по телу! Вырубили музыку, включили верхний свет и определили источник мычания — это был «ботаник» Валера! Он просунул свою голову в больших круглых очках меж прутьев спинки кровати, и остервенело пытался выдернуть её обратно. Не тут-то было, Валера утратил ориентацию, к тому же уши опухли и мешали этому процессу. Наблюдая это, окружающие чуть протрезвели и изображали из себя спасателей, наперебой выдавая советы и немедля пытаясь их реализовать — раздвигали прутья грифом разломанной гитары, мазали злополучные уши постным маслом, вертели туда-сюда Валеркину голову, отчего-то принявшую почти правильную кубическую форму. Когда все полностью протрезвели, Валера был спасён, упакован в затёртое одеяло и уложен спать на злополучной кровати, где мгновенно вырубился. Заботливо укрытый одеялом и простынкой в винных разводах, этот милый парень мирно посапывал, причмокивая во сне губами, искусанными от напряжения. Быстро забыв о происшествии, компания вернулась к новогодним тостам, все стали желать друг другу успешного окончания учёбы и удачного распределения.

Пролетели годы. Мы с Валеркой оказались в одном конструкторском бюро, где, как и многие другие, увлеченно наслаждались расчётами и теоретическими выкладками, от которых на голове неумолимо растёт плешь. Однако не работой единой живёт человек, порой

и расслабление требуется. Как раз подоспел новогодний праздник, который решили коллективно отметить во Дворце Культуры. Наша мудрая Партия и верное ей Правительство в те времена занялись полным искоренением пьянства в Отечестве, так что ни капли спиртного не должно было быть ни на праздничном столе, ни, тем более, в желудках. Люди труда стали искать пути обхода «сухого закона». Первым «эврика!» воскликнул Валера. «Ваше дело — метать на стол хороший закусь, а моё — обеспечить повышенный тонус!» — изрёк он, не посвящая в свой замысел.

При входе во Дворец дежурили крепкие парни с красными повязками на мощных бicepsах. Дружинники втягивали воздух носом, пытаясь схватить малейшие флюиды спиртного, проверяли вносимые сумки, пакеты и свёртки, профессионально выискивая все напитки веселее кефира. В тот вечер они потрудились на славу — служебное помещение быстро заполнилось разнокалиберными ёмкостями со спиртным. Только Валера беспрепятственно делал челночные ходки, безнаказанно просачиваясь сквозь антиалкогольные кордоны. Он пронёс трилитровые банки с разноцветными компотами. Лишь раз бдительные проверяющие привязались к Валере, когда тот заносил коробки с тортами. Слишком жидкими показались такие сладости охранникам, да и запах от тортов исходил специфический — коньячный. Однако Валера предоставил рецептуру данных кондитерских изделий, где было чётко указано, что коньяк — это один из ингредиентов торта. На этом вопросы были исчерпаны. В итоге, на новогоднем вечере представители большинства трудовых коллективов трезво и хмуро созерцали в большом зале концерт худ. самодеятельности и новогоднюю сказку о Бабе Яге. В это время два коллектива веселились «на полную катушку» — это коллектив блюстителей «сухого закона» с красными повязками, «снимавших пробу» с многочисленного контрабандного конфиската. Другим был коллектив нашего отдела, который вдоволь испил домашних компотиков (где фрукты плавали, конечно же, не в сиропе, а в разбавленном спирте), и кушал торты столь жидкие, что приходилось хлебать их ложками, и столь крепкие, что занюхивали их хлебом да заедали салатом оливье. Расслабленные сотрудники благодарили Валеру за своевременную инициативу, желали ему всех благ, целовали как родного, а в наступающем году видели его на собственном новеньком автомобиле!

Решил Валера всерьёз исполнить давнюю мечту — приобрести автомобиль.

Да не какой-то там «Москвич», а шикарную ВАЗовскую «шестёрку»! Мечты-мечтами, но двух тысяч до заветной цели не хватало. Набралось ещё несколько человек с финансовыми проблемами. Сколотили бригаду, и отыскали шабашку — подрядились на возведение огромного коровника в далёком колхозе. Оформили отпуска на всё лето, и ту-ту! Без всяких выходных трудились на стройке по 14—15 часов в день в нескольких километрах от села. Уставали так, что ходить в колхозную столовку на обед, а вечером возвращаться в село на ночлег стало неважно. Валерка вызвался сходить в контору, чтобы выделили какой-нибудь транспорт. Через некоторое время глядят шабашники — со стороны деревни медленно движется конная повозка. В повозке притулился хмурый Валерка, а впряжен в неё старый-престарый мерин, который не то, что пахать — на ногах стоял с трудом. Всё, на что был способен этот выделенный правлением колхоза конь-пенсия, только брести со скоростью пешехода, абсолютно игнорируя понукания и щёлканье кнутом. Выяснилось, что такое свойство мерина бригаде только на пользу — стоило забраться в телегу, устроиться на душистом сене да разок щёлкнуть кнутом, как все моментально отключались и просыпались лишь, когда монотонно и не спешно бредущий конь вдруг останавливался и принимался щипать траву, значит, доковылял до столовой. Парни плотно обедали — и снова в повозку на боковую. Ещё щелчок кнутом, полная отключка, и через час другая остановка, теперь уже у надоевшей стройки. Конь маршрут запоминал сразу, и за всё лето не было случая, чтобы сбился с пути. Дневной отдых заметно повышал производительность труда. Обслуживал «гужевой транспорт» Валера, и прозвище «Ковбой» быстро приклеилось к нему.

Но всё кончается, завершилось и строительство коровника. Довольные, окрепшие, хоть и похудевшие, вернулись наши строители в город. Валерка был счастлив, ведь заработал по тем временам весьма неплохо. Однако он забыл, видать, в каком государстве живёт.... Через несколько дней по прибытию услышал Валера страшную весть — в стране резко подскочили цены на легковые автомобили. Теперь на покушку заветной «шестёрки» ему не хватало всего-навсего... двух с половиной тысяч рублей. Какой облом! Пришлось изменить Валере свою мечту и купить подержанный «Москвич» соломенного цвета. Только на этот вариант хватило летнего «калыма».

За неделю до наступающего Нового года тёща уговорила Валерия съездить на садовый участок проверить всё ли там в порядке, да баньку к празднику подготовить. Долго заводил Валера своего «Боливара»: кипятком заправлял радиатор, свечи выкручивал да прокачивал, аккумулятор подзаряжал. Наконец, скрипя замороженными суставами, это «чудо автопрома» неспешно выкатилось из гаража. Поехал Валерик по запорошенной дороге, с некоторой тоской вспоминая доброго колхозного мерина. Снега было не так много, дорога накатана. Валерке даже полихачить захотелось — по-ковбойски рулём стал крутить да скорость увеличивать, проверяя возможности автомобиля. Въехав в лесок, почти сразу увидел препятствие и резко затормозил — на дороге лежало бревно, выпавшее из кузова лесовоза. С трудом отодвинул парень бревно на обочину и тронулся, но тут мелькнула мысль — брёвнышко для баньки пригодится! Решил дотащить его на буксире в сад, который был уже неподалёку. Привязал Валера находку буксировочным тросом к заднему бамперу автомобиля, а так как на работе Валера занимался вопросами компоновки и центровки аппаратуры в отсеках, то решил бревно зацепить ближе к центру тяжести, примерно посредине. Покатил Валера дальше, печка в авто почти не греет, на стёклах новогодние узоры серебрятся, а сзади бревно волочится. В этот момент только мысль о жаркой баньке грела бедолагу.

Вдруг почувствовал парень, что движение затормозилось, бревно во что-то упёрлось. Поддал газу, чтобы преодолеть сопротивление, вроде легче стало, ещё добавил газа. Не увидел Валера через замороженное стекло, что бревно, увлекаемое буксировочным тросом, вначале приняло вертикальное положение, а затем со всего размаху ударило своим комлем по крыше автомобиля! «Любитель русской баньки» лишь услышал над собой грохот и увидел стремительно расплзающуюся серебристую паутину на ветровом стекле. Словно кто-то властно положил на Валеркину голову тяжёлую длань, и всё погасло...

Сколько времени прошло, Валера не понял, пока снова не ощутил, теперь уже нежное и ласковое, поглаживание по голове. Разомкнул веки и вновь их зажмурил от яркого солнечного света — морозные узоры искрились на стекле огромного окна с белыми шторами. Ангельский голос пропел рядом: «Милок, пришёл в себя наконец-то!». «Наверное, это рай!» — подумал Валера и, снова открыв глаза, увидел просторную, светлую комнату с белоснежными стенами и голубым потолком. Повернул голову на голос — рядом любимое, улыбающееся лицо жены Клавды!

«Ты уже неделю в хирургическом отделении...» — ответила жена на вопросительный взгляд мужа — «Идёшь на поправку!». В эту минуту распахнулась дверь и пёстрая толпа в новогодних масках с цветами, апельсинами и серпантином ввалилась в комнату. Друзья, скрывая лица под разноцветными масками, вразнобой кричали: «С Новым Годом, Ковбой!», и залиристо хохотали.

«Жизнь продолжается!» — думал Валерка-ковбой, глядя на весёлую кавалькаду друзей и широко улыбаясь. В нём возникло страстное желание скинуть тесные бинты и присоединиться к долгожданному празднику.

г. Миасс

Всплески

Из мира информационных рек,
С головомойками и лиц стиранием,
Из толп всеядно — алчущих калек,
С мышлением и повадками пираний,
Спускаюсь вниз — к истокам чистоты,
К самой себе испуганно — дрожащей,
К Земле, чьи материнские черты
Так милосердны и непреходящи.
И пью сиренево — густой сироп,
Любовно приготовленный на ужин,
В узорном обрамлении облаков —
Подвижных, обновляющихся кружев.
Иду на всплески, где тропит закат
Полоской дымки по озерной ряби...
И чувствую: мне нет пути назад.
Не ради той, а этой жизни ради.

Лихо

Полощет ветер тряпку поутру,
Прицепленную на ночь вместе с Лихом...
Не злюсь, не осуждаю, не кляню —
Лежу и умираю горько — тихо...
Пульс интереса нитью шьет едва,
Жжет пустота, вселенной расширяясь,
И прыгают посмертные слова
Твои, как мячики, все возвращаясь.
Моей любви вчерашнее: « Люблю... »
Ни вспомнить, ни забыть не удастся.
Пойду, скорее Лихо отцеплю —
Пускай к себе, на Родину вернется!

Кто виноват?

Уже не верю в вечную любовь.
Да и сама не посягну на вечность.
Как жаль, что утекает в бесконечность
Вчерашних чувств восторженная ночь.
Законченность — извечный наш удел!
Все пройдено и слишком уж знакомо,
Иллюзией коварною влекомы,
Шагнули за невидимый предел.
Все унеслось: предчувствие любви,
Сама любовь, воспоминаний муки...
Мне кажется: виновна я в разлуке,
А ты уверен, что виновен ты.
Виновностью своей почти гордясь,
Забыли про единственную мелочь:
Любовь, что так прекрасно началась,
Давно ушла. И ничего не сделать.

Жизнью не напиться

Я так спешу. Мне не хватает дней.
Мне этой жизнью, видно, не напиться.
Я лицами прекрасными людей
Все не могу досыта насладиться.
Мне очень дорог даже мелкий штрих,
Начертанный божественной Природой.
В моей душе симфония звучит,
По выбору, в любое время года:
Люблю Зимы искрящийся наряд;
Цветов Весны пьянящей опахало;
У Лета — звезд таинственнейший взгляд;
Осеннее — золотое покрывало.
Мне кажется — я не успею, всласть,
Всей этой красотой налюбоваться,
Мне б только миг у Вечности украсть,
Чтоб в том мгновенье навсегда остаться.
Я знаю: в мир заоблачных теней
Взлечу легко — стремительною птицей,
И, может статься, что среди людей
Еще не раз сумею воплотиться.

Звездная Ипостась

В расколотую льдину неба
Затейник и шутник Мороз
Свой старенький закинул невод, —
Украсить снег сиянием звезд.
Трудился целый день упорно,
А к вечеру: что за напасть-
Они посыпались так плотно,
Что негде яблоку упасть.
Ворвались в дом, проникли в мысли,
Волшебным серебром струясь,
И даже в воздухе повисли,
Слегка мерцая и кружась.
Как будто бы искрящей краской
Перечеркнув унылость дней,
Весь мир к себе примерил Сказку,
Чтоб навсегда остаться в ней!
И в эту Ипостась, несмело,
Себя за все грехи простив,
Ступаю Звездной Королевой,
На миг дыханье затаив...

Наперегонки с Солнцем

Облако парного молока
Дымкою пронизывает Солнце.
Этот бледно — розовый закат
Мне догнать никак не удастся.
Мой велосипед скрипит: он стар,
Весь разбит, а отдыха все нету.
Он почти не тянет, так устал,
Что плевал на нашу эстафету.

Что небо распахнётся ясным взором,
И перламутром вспыхнут облака,
И разноцветье трав — сплошным узором,
И в сонной дымке — спящая река,

Запахнет теплый дождь прибитой пылью,
Земли дыханьем, влажною листвою.
Из прошлых дней, вернувшись, станет
былью
Счастливый, долгожданный голос твой!

Так хочется вернуть скорее Лето!
Застражи в памяти осколки снов,
Но лишь деревьев голые скелеты,
Да вороньё — на нитях проводов.

Поведал о Любви

Мне о твоей Любви поведал Снег —
Он на твоих губах так жарко таял,
Он растворялся, нас соединяя,
И в то же время отделял от всех.
Мне о твоей Любви поведал Дождь —
Он вместе с нами прыгал через лужи
И ноги промочил, и был простужен,
И кашлем погромыхивал всю ночь.
Мне о твоей Любви поведал Свет —
Он жил внутри невидимых движений.
От мысленных твоих прикосновений
Был каждый нерв, волнуяще, согрет.
Мне о твоей Любви поведал Пес!
Он был такой доверчиво-просящий
И преданность безропотно дарящий,
Пошел и ничего не произнес...

Твой отъезд

В дорогу тебе нужно много вещей,
Их список составлен за несколько дней,
Набитая сумка готова к пути,
Но самого главного в ней не найти!
Любительский снимок обиженно снят,
Он даже закладкой не нужен для книг,
Оставлен, забыт. Я не верю глазам —
И вроде бы здесь ты, но весь уже — там!
Подтянут и собран, ты словно — чужой,
Как будто веду разговор с пустотой.
Из времени и расстоянья — стена!
Уехал... До встречи... Одна...

Уходя — уходи

Я ушла далеко по ступенькам
потерянных дней.
То ли вверх, то ли вниз, но, скорее всего,
без возврата.
Гонит страх вновь услышать: «Прости!» —
От любимых друзей.
Бьёт озноб от предательской мысли
При слове, Утрата.

Я ушла налегке. Мне к лицу
предосенний наряд.
Я на каждом листке написала
свои пожеланья.
По остывшим следам, будет срок,
все они облетят
И, быть может, согреют кого-нибудь
воспоминаньем.

Я ушла. Мне нет смысла искать
в этом хаосе смысл.
Унесла только всхлип-отголосок
прошедшего Лета.
Если радугой вспыхнет неожиданно
звонящая высь —
Это добрый привет от меня.
И не надо ответа.

Безглагольное Пике

Сближение двух наших Солнц и Лун —
Во вред Природе...
Тональность разная в звучанье струн —
Все на исходе...
Дождя дробинки на сухой руке —
Платеж без сдачи.
И бесконечно-краткое пике —
Пока. Удачи.

Элементарная физика

Я так скучаю по тебе,
Мир сузился до точки.
С собой во внутренней борьбе
Тяну из точки — строчку.
За слогом — слог спешат извне
В порыве вдохновенья,
С собой во внутренней войне
Творю свое творенье:
Мир новый создаю себе,
В нем мы с тобой — дуальность,
Разнозарядность наших тел —
Бесспорная реальность.
Там, в этом мире нам с тобой
Не жить без притяженья.

Мы — обреченные судьбой
На встречное движенье!

Глаголом жечь...

Не получилось. Не сбылось.
Не состоялось. Не сложилось...
В сомненье изогнула бровь
И в Межсезонье удалилась...

Скучала. Плакала. Звала.
Искала. Мучилась. Звонила.
Устала. Свыклась. Замерла.
Исчезла. Видимо, забыла!

И я уйду! Замкнув в себя!
Весь Мир разрушу и построю!
Жить, не мечтая, не любя,
Не стоит! Видимо, не стоит!

И я исчезну! Растворюсь...
И растекусь по Межсезонью!
Найду! Покаюсь! Постыжусь!
Всё прошлое тебе напомню.

Узнаешь. Вспомнишь. Всё простишь.
Очнёшься. Вздрогнешь. Засмеёшься!
Весной ручьями зажурчишь
И ярким солнышком зажжёшься!

Прости! Прости! Люблю! Люблю!
Лишь потеряв — вновь обретаешь,
Весь этот мир тебе дарю,
Всё для тебя! Ты это знаешь.

Я благодарен, что Господь
Мне подарил такую муку,
Я благодарен за Любовь,
Но всё же больше — за разлуку!

Нечем дышать!

Нечем дышать! Тучи давят невысказанно.
Серостью душевной все будни пронизаны.
Сердце в предчувствии ложном сжимается,
Кажется мне — все вокруг задыхается.

Нечем дышать! От заносчивой глупости,
От беспардонно навязанной нудности
И от предательства грустной беспечности,
От человеческой нечеловечности.

Нечем дышать! Хоть завой от бессилия,
Горечь, как вязкую глину месили мы,
Не удержать от ненужной поспешности,
Не избежать роковой неизбежности.

Нечем дышать! Хоть бы смыло всё начисто!
Может, душа у кого-то заплачется,
Может, кому-то несчастье — спасение?
Тучи, пролейте дождем очищения!

Нечем дышать...

Душевный кризис

Потеряны нателные кресты.
Хоть и они от смерти не спасут.
Над миром, в клочьях рваной суеты,
Забутые, торжественно плывут...
Программы загоняют мозг в тупик,
Пробелы заполняя чернотой,
А жизни — миг, один короткий вскрик
Над серой обезноженной толпой.
О смысл! От слова мысль, а мыслей нет —
Смешались в недрах памяти Земли.
Все повторимо — снова партбилет
На пьедестал покорно вознесли.
...Кресты, кресты — погосты вдоль дорог
И тени обветшалые людей,
И страх — зеленовато-липкий смог,
И плач в подушку брошенных детей...
Больных метафор, поседевших, рой
Застыл на скорбных лицах стариков.
Спасителей, восторженных, конвой
Ведет по мрачным катакомбам слов.
Слова... Слова... — потухшие венки
К надгробиям живущих мертвецов.
Доведены до ручки, до руки
С развилкой указующих перстов.
...Потеряны нателные кресты.
Хоть и они от смерти не спасут.
Над миром, в клочьях рваной суеты,
Забутые, торжественно плывут...

г. Еманжелинск

Песня пофигиста**Отслужил**

Слава тебе, Господи, отслужил.
Буйную головушку не сложил.
Рученьки и ноженьки — вот, целы
И кальсоны новые, нет цены.

Сапоги в гармошечку — скрип да скрип
И картуз с кокардою — как прилип.
Вобщем, зад не голенький, приедет,
Сам собой довольненький — дед, как дед.

Больше водку повару не носить.
В караул по праздникам не ходить.
Строевым да с песнею не шагать,
Старшину по матери не ругать.

С писарем-занудою, как с ровней.
А с друзьями-братцами — как с родней.
В адресах да карточках весь альбом,
Вся Россия-матушка — отчий дом.

Ты, комбат, доку́менты не держи.
Да автобус новенький закажи.
А по чарке брезгуешь? Нет? И то!
Мы ж с тобой служивые? Или кто?

Еду не куда-нибудь, а домой.
На родную сторону путь прямой.
Мать прольет слезиночку, всхлипнет дед.
Здравствуй жизнь привольная, белый свет!

Здравствуй чарка горькая и весна!
А как Танька выросла — мать честна!
Кофточка топорщится, сзади статья,
Целовать — с завалинки не достать.

Ну, неделю точно уж, под запой.
Тут уж не получится — сам с собой.
Вся родня с бутылкою навестит —
Так неделя в пьянке и пролетит.

А потом, как сложится — сам кузнец.
Голова работала б, да конец.
Руки вроде выросли не из ж...
Что, браток, толкаешься, ах, уже?!

Ну, прощай, служивые, мне пора.
Завтра жизнь гражданская ждет с утра.
Что, комбат, скажу тебе под конец —
Швец ли буду, с дудкою ль, или жнец.

Ты мне только весточку дай, пошли.
И в какой бы не был бы я дали,
Пьяный, сраный, в празднике, иль в бреду -
Но к тебе и к Родине — Я ПРИДУ!

Февраль

На дворе февраль, конец зимы.
Но ему безмерно рады мы.
Потому, что зимушка-зима
С февраля уйдет от нас сама.

Ох, как надоели шапки за зиму.
Эй, весна, сверяй скорее азимут.
Сколько можно кутаться в меха?!
Давят грузом шуба и доха.

Вроде бы зима еще на улице.
Только весь народ от солнца жмурится.
Ах, какой же ветренник и враль.
Этот самый солнечный февраль.

Пусть зима еще кружит метелями.
Вновь дождемся марта и апреля мы.
Но под ярким солнцем февраля
Что-то настроение — О-ЛЯ-ЛЯ.

Альпинистская баллада

Нам остался один, самый главный маршрут
До сияющей гордой вершины.
Нам сказали, что те на вершину взойдут.
Кто блаженны и непогрешимы.
А у нас таковых — только главный.
И непьющий, и парень он славный.

Костер полыхает,
Гитара играет,
Для нас что базар, что вокзал.
Мы пели и пили,
Мы веселы были,
А он подошел и сказал:
Споемте, друзья,
Споемте, друзья,
Споемте, друзья по последней.
А завтра с утра,
А завтра с утра,
С утра на нее и полезем.

Та вершина — свята и ее чистота
Охраняется высшею силой,

А кому не внялось, кто полез «на авось»,
Тот закончил попытку могилой.
И зовется она неприступной,
Для обычных людей не доступной.

Наутро мы встали,
Мы, парни из стали,
Решимость и воля при нас.
Мы видели кручи
Еще и покруче,
А он покорил и Парнас.
Споемте, друзья,
Споемте, друзья
Споемте, друзья на дорогу.
Страховка, крепез,
И фляжка, и нож.
Ну, что ж, потихонечку с Богом!

Половину пути мы прошли сгоряча,
Щели, трещины, стены, провалы.
Не сорвалась нога, не натерли плеча,
Не завала в пути, не обвала.
И вершина, что манит азартно
Ослепительна и лучезарна.

Прошли мы немало
И стали привалом —
Ведь дальше опасный подъем.
А он лез все выше,
Команды не слышал
И мы позабыли о нем.
И, вдруг, будто вой,
И над головой
Мелькнуло летящее тело.
Он крикнул: «Ложись»,
Он крикнул: «Держись»
И что-то верху зашумело.

Мы успели прижаться к скале, как к стене,
Нас осыпало снегом и пылью...
Лучше б это приснилось мне ночью, во сне,
Да явилось и болью, и былью.
И кто скажет, что так не бывает,
Пусть на круче любой побывает.

Споемте, друзья,
Споемте, друзья.
Дань памяти — только минута.
О тех, кто упал,
О тех, кто устал.
О тех, кто сверяет маршруты.

Груша

Наконец-то и нам в цехе дали расчет.
Много денег купюрами разными.
Вот дождался звонка и понес меня черт
Не домой, а в кварталы проказные.

Там без чайной нельзя даже шагу ступить.
Там и водка. И сыр на тарелочке.
Я, конечно, зашел это дело обмыть.
Лучше водки душе нету грелочки.

Заказал, посидел, отхлебнул, откусил...
А куда мне спешить. Коль приветили.
Вижу, дама сидит. Я про время спросил.
А они вдрут возьми, да ответили.

Я намек уловил, да и глаз положил
Вроде, волос густой, тело гладышком.
Эх, не зря ж я три года в Морфлоте служил.
Говорю: — Не желаете ль рядышком?
— Да неловко...

— Да брось...

— Да не стоит...

— Давай!

Пересела. Ну, скромница-скромницейй.
— Эх, махнула рукой, будь, что будь, наливай!
Только б надо сперва познакомиться.

Я степенно привстал.
— Николай, — говорю.

Неженат и живу в общежитии.
А от страсти уже, будто порох, горю.
Я на женщин охочий в подпитии.

И она мне в ответ протянула свою.
Я не сильно пожал. Здоровенная!
— Я почти что вдова. Я в концертах пою
И зовут меня все Аграфеною.

Много всяческих баб я в знакомствах имел
Но, что б запросто так, да с певицею...
Я, признаться, сперва, вроде как оробел.
Это ж надо, с такою-то птицею.

Я быстрее за графин, да налил попопей.
Стало быть, за знакомство! Откушали.
Вот теперь хорошо. Я подвинулся к ней.
— Груша, спойте, а мы бы послушали.

Груша молвит в ответ: Почему бы и нет?
И запела про море байкальское.
Я еще заказал и вина, и котлет,
И селедку, засола мосальского.

После третьей слова как ручей потекли.
Груша песни поет, а я слушаю.
Ну, какой там жалеть, экономить рубли,
Я ж сегодня с певицею, с Грушею.

Что-то пели еще, что-то пили в разлив.
К нам на село друзей — стулья сдвинули.
Так нам было тепло под веселый мотив,
Что не помню, когда меня вынули.

Как до дому я шел — все равно не понять.
Вроде жил далеко, а доставили.
Хорошо, что еще не побили опять
И на утро чекушку оставили.

Я глаза лишь продрал —
вмиг схватило живот.
Груши нету и денежки плакали.
Голова на куски разлетится вот-вот
И во рту будто кошки накакали.

Пенсия

От рождения и до пенсии много лет.
Много радости, много сладости, много бед.
Но дорогою иль дорожкой все идем
И на пенсию, и на пенсию попадем.

А на пенсии, а на пенсии хорошо,
Кофта с кантиком, губки бантиком и пошел.
А на пенсии, а на пенсии — благодать,
Ни начальников, ни помощников не видать.

А на пенсии, а на пенсии жизнь, как рай.
Спи до полудня и букетики собирай.
Все с иголки, все по полочкам — зашибись.
Вспомни молодость, вспомни молодость
и влюбись.

Мы работали, мы трудились день за днем,
А на пенсии, вот на пенсии отдохнем.
Мужа в сторону, деток в сторону, все дела,
Будто заново тебя пенсия родила.

А на пенсии, а на пенсии дни малы.
Путешествия, развлечения и балы...
Ждут нас Африка и Америка, много стран,
А позавтракать, а поужинать — в ресторан.

А на пенсии, а на пенсии хорошо.
Что и сыплется, то пока еще порошок.
А на пенсии, а на пенсии благодать,
Если цифры все лотерейные отгадать.

Песня пофигиста

Много партий я сегодня знаю.
В них эсэр, кадет и коммунист.
Но есть на свете партия такая,
Под названием скромным «Пофигист».

Я в ней самый главный председатель,
Президент и генеральный сек.
Дума и народный заседатель,
Зам и пом, и сектор, и отсек.

Один кричит: Пред партией в долгу!
Другой мычит: О прошлом — ни гу-гу.
А я семечки плюю и мне все это по фигу.

Я в нее вступил со всей охотой.
Даже взносы заплатил вперед.
Потому, что слушать не охота
Как оно дурачит или врет.

Как оно по первому разряду
Иностранцу вывернет нутро.
Ну, а мы и куче теплой рады,
Что дают в столовых и бистро.

Один кричит: Я больше не могу!
Другой кряхтит: Не выдержу, сбегу!
А я семечки плюю и мне все это пофигу.

Жизнь без денег не зову бедою.
Говорят полезно голодать.
Я-то знаю, что с одной водою
Можно сорок дней существовать.

Но зато прибавиться здоровья.
Все болезни снимет, как рукой.
И если у вас было малокровие —
То кровь потом заплещется рекой.

Один кричит: Даешь по пирогу!
Другой визжит: Телячью ногу!
А я семечки плюю и мне все это пофигу.

Все кричат: Нигде работы нету!
Ну и что? Я очень даже рад.
Я, зато, подшитые газеты
Прочитал за десять лет назад.

Перебрал узлы и чемоданы,
Ящики, коробки, теса.
Это б в недоразвитые страны —
Стали бы богаче, чем ЮСА.

Один кричит: Я голый на снегу!
Другой шипит: Я нищий на торгу!
А я семечки плюю и мне все это по фигу.

Дело в том, что все на этом свете
Происходит раз и навсегда.
Мчится жизнь от нас в кабриолете,
Увозя прошедшие года.

Сколько ж мы их тратим на пустое,
А когда придет конец пути
Сразу вспомним правило простое —
«Жизнь прожить — не поле перейти».

Один кричит: Я жизни не видал!
Другой сучит: Я вволю не едал!

А третий врет: Я честен был и смел!
Четвертый: Я добиться не сумел!

Но каждый будет, как юла в гробу,
Кто вяжется в пустяшную борьбу.
И только я спокойно спать могу,
Поскольку мне все было по фигу!

г. Челябинск

159

Графоман № 4-2010

Светлана Петунова

Сладко-бессонное — очень счастливое

Рисую музыку

Рисую музыку словами,
Волненья сердца не унять.
Пытаюсь в жизни пестрой гамме
Оттенок счастья отыскать.

Пропитан холст речитативом
Ошибок прошлого сполна.
А хочется, чтоб лейтмотивом
Звучали главные слова...

И чтоб в созвучье откровенья
Слились две ноты: Я и Ты.
Рисую музыку мгновенья,
Чтоб дотянуться до мечты...

* * *

Открывая новую страницу,
В жизнь твою влетела я мечтой,
Сизокрылой раненою птицей,
Рано распрощавшись с высотой...

В час закатных грез и утром ранним,
В розово-янтарной тишине,
Ты лечил любовью мои раны,
Нежностью окутывал во сне...

И была непостижимо метко
Выбрана, как золото, не медь,
Чувств твоих заманчивая «клетка»,
Чар твоих томительная сеть.

И однажды, чувствуя бессилье
В сладостно-мучительном плену
Я, расправив сложенные крылья,
Вырвалась в небесную волну...

Время любви

Розовощекое,
Щебетно-громкое,
Рыхло-печеное
С твердою кромкою,

Бережно-хрупкое,
Ласково-прочное,
Нежно-упругое,
Терпкое, сочное...

Кратко-бездонное,
Неторопливое,
Сладко-бессонное —
Очень счастливое...

Рассвет на двоих

Обдавая янтарной пылью,
Тишину обжигал рассвет.
Мы единым дыханьем были,
Уносясь от житейских бед...

Утопали звезды в ресницах,
Темноты ускользала нить.
Нам хотелось с рассветом слиться,
Чтоб мгновенья счастья продлить...

В этом мире пустом и бренном,
Трепетал островок мечты.
Там касалась душа Вселенной
От того, что был рядом ты...

* * *

Любовь безответная — вечная тема,
Шипами терновыми высланный путь,
Сердечных терзаний жестокая схема —
Мучительной сладости горькая суть...

Любовь

Она бывает первой и большой,
Огромной, всеобъемлюще-глубокой,
Безбрежной, безответной и пустой,
Безумной, безнадежной и жестокой.

Она бывает сложной и простой,
Далекой, близкой, поздней или ранней,
Высокой, низкой, грешной и святой,
Напрасной, глупой, явной или тайной.

Бывает новой, старой и слепой,
Полынно-горькой и медово-сладкой
И быстротечной, вечной как прибой,
Нетленной и родившейся укладкой,

Безудержной и жгучей иногда,
И ласковой, как солнечное утро,
И яркой, как сверкнувшая звезда,
«Техничной», как ученье Кама-сутра.

Порочную и чистой, как слеза,
Невинною и чувственно-пьянящей,
Загадочной, творящей чудеса,
Недостигаемой и... настоящей!

Не передать ни в прозе, ни в стихах,
Стара как мир, но чувство вечно ново.
И музыкой на разных языках
Звучит недостижимое слово... ЛЮБОВЬ!!!

* * *

Хрупкий подтаявший лед —
Тонкая грань неземного.
Мысли безумный полет,
Высью рожденное слово...

Тихая светлая грусть,
Млечной дороги свеченье.
Звездный искрящийся путь —
Вечности прикосновение...

Поэт

Дитя, чудаковатый странник,
Безумно преданный мечте.
Он мира горнего избранник,
Лампады светоч в темноте...

Когда рука душою пишет,
С ним пребывает Херувим.
И потому открыто свыше
Ему чуть больше, чем другим...

Ведь только он, «блаженный», может,
Себя, преодолев сперва,
Живые чувства, смыслы Божьи,
Вдохнуть в обычные слова...

* * *

Был вечер от снежинок влажным,
Залитый серебром луны.
Философичностью пейзажа
Он трогал нас до глубины...

Деревьев хрупкие ладони
Вбирали снежную волну.
И мальчик, стоя на балконе,
Ловил губами тишину...

Невольно куталась природа
В пушисто-белый балахон.
И растворялось в точке схода
Мерцанье гаснущих окон.

Фонарь заиндевелым взглядом
Печаль высвечивал в душе.
А мы с тобой стояли рядом,
Не в силах рядом быть уже...

Оттенки тишины...

*Сверкает солнце, охру расплескав,
Полуденно-зенитным ориентиром.
Речушки обесточенный рукав
Мелькает разорвавшимся пунктиром...*

На дачу, к первозданной тишине,
Туда, где небо падает в ладони,
Где прячутся в оливковой волне
Шагреновые усики викторий.
Вобрав частицу солнца в лепестки,
Рудбекии горят теплом оранжа.
Румяными боками кабачки
Вдаются в молодую зелень спаржи...
И, выпав из тональности слегка,
Звучит шафран сиреневою нотой
Под крыльями седыми мотылька.
Пленяют маргаритки терракотой...
Там желтый шмель, почувствовав момент
Слияния с палитрой огорода,
Спокойно дирижирует фрагмент
Таинственной симфонии природы...

г. Еманжелинск

Не думала и даже не гадала

Любовь — это болезнь без исцеленья

Хочу, как в море утонуть в твоих глазах,
Таких же синих, страстных и бездонных,
И все спустить сейчас на тормозах,
Доселе в отношеньях незаконных.

Ты никогда мне не принадлежал,
А я тебя всегда своим считала,
Ко мне когда удобно приезжал,
Но только встреч мне этих было мало.

Ты и сейчас мне не принадлежишь,
Твои глаза опасны, как пучина,
От счастья, как ошпаренный бежишь,
А я хочу, чтоб рядом был мужчина.

Хочу я на плече твоём уснуть,
Хочу я на плече твоём проснуться,
Хочу опять в глазах твоих тонуть,
Хочу к губам горячим прикоснуться.

Но если б я могла все изменить
Все то, что с мертвой точки сдвинуть можно,
Я порвала б связующую нить,
Задев её сейчас неосторожно.

Порвётся нить, и Бог рассудит нас,
Прошу у Господа, хоть чуточку терпенья,
И все же знаю точно я сейчас —
Любовь — это болезнь без исцеленья!

И пусть мне будет больно, я стерплю,
Перед судьбой бледнею и краснею,
И верю, и надеюсь, и люблю,
Но взять чужого так и не посмею!!!

Волна утешенья

Что любимый выбрал не меня
Я считала настоящим горем,
Не коря судьбу и не виня,
Я в сердцах уехала на море.

Чудная волшебная страна,
Где весной всегда цвели каштаны,
А от стресса теплая волна,
Солью обрабатывала раны.

Добродушно встретила меня,
Воздухом и солнцем обогрела,

Летним колокольчиком звеня,
Как родная мама пожалела.

Я была ранима и слаба,
А ночами плакала в подушку,
Раздражала всякая гульба,
Лишь волна была моей подружкой.

Веря, в то, что душу исцелю,
Я была надеждою томима,
Объясни мне, я тебя молю,
Как же я вдруг стала нелюбима?

Фанатка и её кумир

Я не знала лучшего рекорда,
Поднимая удивленно бровь,
Чтобы музыка одним аккордом,
Зарождала первую любовь.

Он стоял на сцене с «бас-гитарой»,
Виртуозно так щипал струну,
Что казалось бас гитары старой,
Придавал всем звукам глубину.

Как она восторженно смотрела,
Когда он гитару обнимал,
Вместе с ним его гитара пела,
Ритмом завораживая зал.

Для неё один «король» эстрады,
И на время замерли часы
Он её кумир, её отрада
И не важно, что грубы басы!

Полночная гроза

Была полночная гроза,
И море сильно бушевало,
Я на песке твои глаза
Обломком спички рисовала

А набежавшая волна
Рисунок мой опять смывала,
Но я упрямей, чем она,
Все рисовала, рисовала.

Из силы выбилась гроза,
Устав со мной сопротивляться,
И я увидела глаза
Готовые со мной остаться.

Слетало с пальчика кольцо
И я немного рисковала,
И нос, и губы, и лицо,
Я все-таки нарисовала.

Прошла полночная гроза
И море пыл свой остудило,
Смотрели в след твои глаза,
Когда от них я уходила.

Сказка для взрослых

Мне бы скатерть-самобранку
Не мешало б прикупить,
Чтобы утром спозаранку
Повкуснее есть и пить!

Сапоги бы скороходы,
Чтоб всю землю обойти,
Поделить земные всходы
С тем, с кем в жизни по пути!

Без ковра, без самолёта
Мне совсем не обойтись,
Только где нанять пилота,
Чтобы с ним подняться ввысь?

Мне бы сказку сделать былью,
Да полегче выбрать путь,
Но года покрылись пылью,
Их обратно не вернуть!

* * *

Жить без любви вошло в привычку,
Хочу избавиться от всех,
Из коробка достану спичку,
Возьму на душу тяжкий грех,

И разожгу костер огромный,
Пускай пылает до небес,
А я сама весь вечер скромный
Наивно буду ждать чудес.

Жизнь без любви — невыносима,
Не интересна и скучна,
Жизнь без любви проходит мимо,
Любовь — чудесная страна!

Дождь и первая любовь

«Первый блин обычно комом» —
Так в народе говорят,
Мы с тобой едва знакомы,
А сердца огнём горят.

В сером небе тучи сбились,
Наклоня небосклон,
В первый раз с тобой влюбились,
Потеряв покой и сон.

Первый блин бывает комом,
Только это не беда,
Сильный дождь, с грозой и громом,
Просто пресная вода.

Небо вскоре прояснится,
Убежит вода в овраг,
Дождик с тучею простится,
Ведь влюблённым он не враг!

* * *

Не бывает финиша без старта,
Не бывает грома без грозы,
Не бывает спорта без азарта,
Не бывает горя без слезы.

Не бывает истины без спора,
Не бывает дыма без огня,
Я тебе клянусь, что очень скоро,
Ты прожить не сможешь без меня!

* * *

«Мы созданы с тобою друг для друга», —
На этой мысли я себя ловлю,
Как нет конца у замкнутого круга,
Так нет сомненья в том, что я люблю!

Скажу спасибо вере и надежде,
И за тебя любимый помолюсь,
Ведь никогда не думала я прежде,
Что вдруг, однажды «по уши» влюблюсь!

Я с нетерпением жду с тобою встречи,
И эту тягу мне не объяснить,
Приятный сводник-тёплый летний вечер
Скрепил надёжно отношений нить.

Мы созданы с тобою друг для друга
И я не верю, что наступит час,
Когда палящий зной, иль злая вьюга
Посмеют разлучить с тобою нас!

Гитара

У гитары женская натура,
Но не каждому дано ее понять,
Что за безупречная фигура
Что все время хочется обнять!

Я беру ее одной рукою,
А другою трогаю струну,
Как же я люблю ее такую,
Без гитары просто не усну.
Я проснусь в обнимочку с гитарой,
Без нее мне песню не сложить,
Ну и, что же, что мотивчик старый,
Он мне очень помогает жить!

Удары судьбы

Удары судьбы беспощадны,
Победы и лавры за ней,
Коль мы ненасытны и жадны,
Стремится ударить больней!

Мы ищем себе оправданья
Что руки чуть-чуть коротки,
Что зря нас влекут состязанья,
Мы все принимаем в штыки!

Что мало мы пили и ели,
Что редко выходим на ринг,
Что ставим мы скромные цели,
А после себя же корим!

За то, что мы вечно не в форме,
Что мышцы не стоит качать,
За то, что считается в норме
Удары судьбы получить!

Лгунья

Я в лабиринтах лжи блуждала,
Не веря собственным словам,
Сама себя не осуждала
Что я душой кривила вам!

А вы речам моим внимали,
Меня укутывая в шаль,
И все за правду принимали,
А мне вас было просто жаль!

Я Вас признаться, не любила,
Лишь коротала вечера,
Я через день уже забыла,
Что обещала Вам вчера.

Вы очень терпеливо ждали,
Встречали каждый выходной,
Вы ложь, ну просто обожали,
Наивно веря мне одной.

А я во лжи своей купалась,
Не заплывая далеко,
И даже мысленно смеялась,
Как с вами просто и легко!

Я люблю

Колдует лютая зима,
А мне до этого нет дела,
Я по тебе схожу с ума,
Без ласк твоих скучает тело,
Не замечаю красоты,
С небес спустившейся на землю,
Передо мной один лишь ты,
Других я просто не приемлю.
Еще вчера ты был со мной,
И зажигал цветные свечи,
Согрев холодной зимой
Мои продрогнувшие плечи.
И я была, как та свеча,
В твоих руках волшебных тая,
Податлива и горяча,
С тобою в облаках витая.
Я без тебя не ем, не сплю,
Холодными ночами — мерзну,
Все потому, что я люблю,
И, верю все у нас серьезно!

Солнечный зайчик

Солнечный зайчик скользнул по стене,
Медленно темп набирая,
Гостем незванным в окошко ко мне
Лучик метнулся, играя.

Так незнакомец глаза мне слепил,
Словно не мог наглядеться,
Я сомневаюсь, что очень любил,
Просто куда ему деться?

Солнечный зайчик скользнул по щеке
Только его и видали,
Солнце исчезло и в чьей-то руке
Блики играть перестали.

Невидимая нить

От любви куда мне деться?
Хоть любовь разбила сердце,
Но от боли я не стану ныть!
Без тебя мне жить не мило,
Но неведомая сила
Разрывает между нами нить!
Жаль, что оказалась тонка
Та, не видимая шленка,
Что старалась крепко удерживать,
Нить, что нас с тобой скрепила,
Привязала и влюбила,
Но разлуки нам не избежать!
Что-то с нами происходит?
Между нами туча ходит,

И, зануда-дождь идет стеной,
Я винить тебя не стану
И любить не перестану,
Только будь по-прежнему со мной!

Счастливым случаем

С тобой мы познакомились шутя,
Не думая, что будет все в серьез,
С тех самых пор, уж много лет спустя,
Меня все время мучает вопрос:

А если б мы не встретились тогда
И ты меня в толпе не разглядел,
Не отыскал бы моего следа,
Каков бы был на свете мой удел?

Не представляю жизни без тебя,
Я без тебя, как будто бы без рук,
Жила на этом свете не любя,
Не испытал мгновений сладких мук!

Не баловала жизнь меня судьбой,
И я уже чудес не ожидала,
Что мы однажды встретимся с тобой,
Не думала и даже не гадала!

Дождь-музыкант

Дождь мелкий моросил, как через сито,
А люди запасали воду впрок,
Уж до краев наполнилось корыто,
Подставленное мамой под поток,
В ночной тиши преобладали звуки,
Похожие на музыку дождя,
А я под струйку подставляла руки,
В то утро за порог не выходя,
Я умывалась дождевой водицей,
Прохладной влагой брызгая в лицо,
Себе казалась я красой-девицей,
А дождик мыл перила и крыльцо.
О, дождик, ты талантливый волшебник,
А я не верила своим ушам,
Но неужели нотный есть учебник,
Где музыку берешь ты по ночам?
Ты, дождик-музыкант? Давай напишем,
С тобой совместно сложенный романс,
Только бери аккорд чуть-чуть повыше,
А я стихами выдам свой аванс!
Дождь согласился, принял за дело,
За плечи, как сестру меня обнял,
Я под зонтом кружилась с ним и пела,
А мелодичный дождик подпевал!

п. Красногорский

Николай Попов

Пораньше бы всё это свершилось

* * *

Казачий дух во мне ещё бунтует
Казалось бы зачем? Ведь нет войны.
И мы как будто бы вольны?
По вольнице казачьей мы тоскуем.

Какая воля? Мы же все в плену!
Совдепы нас связали, улыбаясь
Теперь на волю Бога полагаясь,
Его прошу – снимите с глаз плену,

Чтобы врага мог снова видеть ясно,
Чтоб знал, с кем биться буду, наперёд.
И улыбаться мой придёт черёд,
Что все лишения терпел я не напрасно.

С тех пор водички много утекло.
Дедов то нет, да и отцов уж мало.
Как власть их гнула и ломала,
Гуляло по России зло.

Случилось как? Комсюк стал демократом.
Как ловко переукрасился он гад,

Ушёл от кары и безумно рад,
А власть теперь зовётся аппаратом.

Дедов вы наших ловко обманули,
Казачьи земли быстро загребли
За то, что мы границы стерегли
И вместо воли получили пулю.

Что землю? Вы забрали волю.
Дороже воли разве только мать.
Коней, и тех решили отобрать —
Не можем мы смириться с этой долей.

Назад казачий строй верните,
Чтоб тот же был у нас уклад.
А этих ряженных гоните,
Из жизни сделавших парад.

Для них пустое слово «честь»,
Им лишь бы рыло у кормушки,
На грудь навешать погремушки
И вкусненько попить, поесть.

* * *

Уходящий год Свины
Оправдал себя, спасибо.
Я остался без семьи...
И напасти с ним ушли бы,

Как ушла моя жена.
И удача отвернулась.
Но хочу, чтобы страна,
Сбросив кризис, отряхнулась.

Посетил чтоб нас успех.
В каламбурах лёгких, милых
Рассыпался б звонкий смех
В наших помыслах счастливых.

Чтобы люди всей земли
Новый встретили с надеждой
И достойно жить смогли,
А не так, как жили прежде.

Светлые сбылись б мечты,
Ночь прошла, настало утро
И «быка» чтобы черты
Не вселяли страх кому-то.

* * *

Наяривай тальянка
И не жалея меха.
У нас не просто пьянка,
Мы пьём за жениха.

Я б выпил за невесту,
Но совесть мне претит.
Плохое ведь не к месту
На свадьбе говорить.

Так жарь, играй трёхрядная
Всю боль мою сожги,
Что б гости все нарядные
Не стали мне враги.

Невеста чтоб румяная
Счастливою была.
Душа моя чтоб пьяная
Забыла, что лгала.

Я знал, что так получится,
Не нужно утешать.
Но кто с кем будет мучиться
Лишь молодым решать.

И буду пить я горькую,
Под музыку плясать.
И с поросёнком Борькою
В сарае лягу спать.

Пускай на ухо хрюкает.
Уж он то не соврёт.
Пускай любовь аукает,
Свой голос пусть сорвёт.

* * *

Прилети ко мне ты птицей —
Прочь слова, подмости лжи.
Распахни свои ресницы,
Чувства сердцем расскажи.

Руки мне сложи на плечи,
Распустив косу из ржи,
Мимолётны наши встречи,
Как в пустыне миражи.

Чёрный бархат глаз лукавых
Предоставь очам моим.
Из походов чтоб кровавых
Вышел я не победим.

Ведь с тобой я самый лучший,
Самый смелый и шальной.
Хочу вечно тебя слушать.
Что б всегда была со мной.

* * *

Верни мою память
В те светлые дни.
В лучах пускай тают
Мгновенья любви,

Залитые солнцем,
Где моря песок...
Открой мне оконце
Туда на часок.

Хочу насладиться
Ещё раз сполна...
По волнам пусть мчится,
Качаясь луна.

И звёзды пусть светят,
Цикады поют,
Седин не заметят,
Морщины сотрут.

Чтоб снова был молод
И смел, как тогда,
Души моей холод
Ушёл в никуда.

* * *

Друзей, с которыми ты вырос,
Отца и мать и всю родню
Не предавай, чтоб ни случилось —
Руби измену на корню.

Пускай живёшь в среде ты нищей,
Зато она твоя среда.
Пускай сулят миллиарды, тыщи
Те кто богаче, без стыда.

Зачем менять тебе что мило
На звон иудиных монет.
Позор не смоешь до могилы
И оправданий в этом нет.

С богатым хочешь потягаться?
Прошу усвоить лишь одно:
Тебе за ними не угнаться
И будешь выглядеть смешно.

Ты лучше бедным будь, но честным.
В простом ведь больше красоты.
Давно нам мудрость та известна,
Живи сынок без суеты.

* * *

Снилось мне: отскрипели морозы
Босиком я иду по росе.
И бегут мне навстречу берёзы,
И у каждой серёжки в косе.

Дышит свежестью мир этот светлый,
Так легко и привольно мне с ним.
Русский лес! Он как небо заветный,
Край берёзовый – ты не сравним!

В жизни видел я кедры и сосны.
Нет духовной у них чистоты.
И мерещатся в них мне погосты,
Вижу в их очертаньях кресты.

Мне берёзы намного милее —
В платьях белых невесты стоят.
Выходите родные смелее,
Покажите свой пышный наряд.

Но проснувшись, увидел узоры
На холодном прозрачном стекле.
Утащили мой сон, словно воры,
Холода, что томились во мгле.

Я надеюсь, опять мне приснятся
Те берёзки с травой и росой.
Буду с ними беспечно смеяться
И по лесу носиться босой.

* * *

Верю я, уйдут напасти,
Рассосётся эта муть.
Только ты в минуты счастья
Про убогих не забудь.

Протяни спасенья руку,
Поддержи их в трудный час.
Пусть надежда гонит скуку,
Окрылит их твой аванс.

Тем не мсти, кто плохо сделал —
Пожелай им сто ветров.
И иди по жизни смело —
Будешь счастлив и здоров.

* * *

Когда ни кто не просит хлеба,
Когда вокруг нет ни души,
Приятно слушать голос неба
В объятьях утренней тиши.

* * *

А дождь всё льёт, забывши о приличии,
Как бы стараясь расплатиться до гроша.
И сыплет влага с неба не спеша,
Земле напоминая о величии.

Как мыши, все попрятались в дома:
Кто пьёт вино, а кто уткнулся в книгу.
Один лишь я, похожий на растригу,
Воздевший руки как схожу с ума,

Кричу дождю: «Сними с меня усталость!
Заботы и печали все сними,
К счастливым дням назад меня верни,
Где юность безшабашная осталась.

Любовь мою ты, дождик, возврати —
Она ушла, со мной не попрощалась.
Негоже, чтоб она одна скиталась
Иль у других стояла на пути».

* * *

Нет нигде глубины той и шири,
Что скрывает российский простор.
Пусть веков тяжеленные гири
Предвещали родимой позор.

Отмахнулась она и отмылась,
Раны все не успев залечить.
В новой схватке с врагами сцепилась,
Чтобы совести их научить.

Чтобы стаи ворон не кружили
Над истерзанным телом страны.
Чтоб враги мечи в ножны вложили
И не гибли России сыны.

Нас не манит чужое богатство,
Никого не хотим покорять.
Не могло ни какое коварство
Под себя Русь святую подмять.

Пусть обходит любая стихия,
Не привыкли мы жить в кабале
И красивое имя «Россия»
Чтоб звучало всегда на земле.

* * *

Разметались руки, как крылья,
Белой чайкой над синей волной.
Тут уже не помогут усилья,
Вечный им не нарушить покой.

Так природа зимой замирает,
Нас пугая молчаньем своим,
Словно пьесу плохую играет,
Ждёт, когда мы по ней загрузим.

Не пугай нас родная, не надо,
Все как есть мы детишки твои.
Пусть тебя занесёт снегопадом —
Мы к тебе не забудем пути.

Похватаем мы санки и лыжи,
Прилетим оголтелой ордой,
Чтоб к тебе быть, родная, поближе
И весну ждать на пару с тобой.

Даже в лютую зиму не бросим,
Спи в спокойствии, мудрость храня.
И весну мы нижайше попросим
Не просрочила чтобы ни дня.

* * *

В ненастье рано ночь приходит,
Из тучек одеялом нас накрыв,
Дождём косым вдогонку намочив,
Как призрак мимо окон наших бродит.

И давит ощущение темноты,
А свет от лампы темень ту сгущает,
Зловещее нам что-то предвещает
И окунает в бездну пустоты.

Встаю, рывком задёргиваю шторы,
Иду на кухню я за кипятком.
Себя решил побаловать чайком
И — наплевать на призраков дозоры.

Чуть коньяка плеснул себе в стакан,
Горячий чай по жилам разливаю.
О жарком лете сразу вспоминаю,
И ночи злой не страшен мне капкан.

* * *

Небо в тучах, мысли тоже.
Ветер листьями играет.
А фонарь слепит глаза мне.
Ночь накрыла город спящий.
Сон в заоблачье ушился.
Ну, приди, день восходящий,
Чтоб вопрос мой разрешился!

* * *

Смеялась вьюга, била по лицу
За все мои греховные деянья...
Кричу я ей: «Удвой мне наказанья»,
За всё воздай, стихия, подлецу!

Что из того, что с виду я невинен?
Никто не носит душу напоказ
Что может хуже — сам себе противен,
И убеждался в том уже не раз.

Хлесщи же вьюга подлое мурло,
Да так, чтоб брызги крови разлетались!
Крупницы совести во мне ещё остались,
Хоть в этом мне немного повезло.

Пусть по лбу бьёт меня и по виску,
Чтоб вместе был с тобой, как пёс бездомный,
И вспоминал грехов я список полный.
Хоть на кого нагонит он тоску.

* * *

Кричу судьбе: «Ну, дай мне передышку!»
Моей мечте оставь ты коридор,
Чтоб в темноте не крался я, как вор,
А прямо шёл я под удачи вспышки.

Согнулся я под тяжестью забот,
Из глаз исчезли радость и искринка,
Нужда застряла в них большой соринкой
И — голова седая от хлопот

Да, грешен я, нисколько не отрицаю,
Сколь есть пороков, все в себя вобрал.
Я ж не умышленно их вместе собирал —
Жил как умел, невеждам подражая.

Хоть знаю я: то кара за деянья.
Взываю всё ж я к милосердию Тебя.

На жизнь мою Ты посмотрел скорбя,
И облегчил мои Ты наказанья.

Пускай ещё встряхну я стариной,
С друзьями пообщаюсь, почудачу.
На плотине на зорьке порыбачу —
В душе, Создатель, будешь Ты со мной.

Мы все умней становимся с годами,
Душонки наши подлые слабы.
Всю жизнь стараемся вильнуть мы от судьбы,
Калеча душу грязными делами.

* * *

Третий день мне шепчет дождь
Что живу, как червь, бездарно.
И стучит, стучит коварно
Мне, вбивая в темя гвоздь.

Раскалённый гвоздь сознания
С болью входит мне в мозги.
Будто злобные враги
Выбивают показанья.

* * *

Весна, весна со мною ты играешь,
Хоть знаешь ты — тебе я не ровесник.
И я давно уже не буревестник,
Со мной ты буйство шторма не узнаешь.

Страшусь тебя и вместе с тем желаю,
Как девушку, с которой не знаком.
От дум тревожных убегает сон:
Ведь для меня ты вечно молодая.

* * *

Венский стул в заброшенной усадьбе
Стоял, как рыцарь в латах, на посту.
Давно балы здесь отшумели, свадьбы.
Вид одиночества вгоняет всех в тоску.

А было время — жизнь вокруг кипела,
Романсы пели, негой упоясь.
Судьба как меч, тогда уже висела
Над ними, в небе тихо притаюсь.

Коварство видя, подлость и измену,
Пустую жизнь, фальшивую любовь,
Улыбки, слёзы, пролитую кровь,
К хорошему не видя перемены.

Потом удар, повсюду свершилось!
Ценой разбитых и утраченных надежд

Упало зло, веками что копилось,
Своею массой раздавив невежд.

Что с ними стало? Где сейчас их души?
Быть может бродят где-то по углам.
Сидел на стуле, тишину я слушал,
Смотря, как роскошь превратилась в хлам.

* * *

Голый лес затих стыдливо.
Отшумел его наряд.
Не блистать ему игриво
Бирюзой своих плеяд.

Скучен, прост, не интересен,
Как девица без одежд.
Нет в нём больше скрытых песен,
Не пробудит он надежд.

В наготе ведь нет загадки
Что скрывают покровы.
Нет изюминки той сладкой,
Нет шального озорства.

Обнаженность и вульгарность,
Простота и нагота...
В недосказанном коварность:
Лист фиговый, как фата!

* * *

Из грехов моих всех и ошибок
Можно выстроить славный дом
Но без света и добрых улыбок
Кто захочет жить в доме том.

Эстонским фашистам

С боями он прошёл полмира,
И спас планету от коричневой чумы.
Но притаились подлые вампиры,
Все недобитки вылезли из тьмы.

Они решили: можно надсмеяться
Над безоружным, прошлое поправ.
Хватило силы с бронзовым сражаться.
Не вы ль тряслись, штанины обмарав?

Холуи Гитлера, расизма ополоски,
Портянки грязные с гестаповской ноги.
На пёсий лай похожи отголоски,
Для нас теперь, вы даже не враги.

Где ваша плоть? Вы — высохшие тени,
И маска заменяет вам лицо.

Но как ни тужтесь, не вернуть то время,
Когда стреляли вы и вешали бойцов.

Какой цинизм распиливать по сердцу
Солдата, опалённого войной.
Видать от страха вылезает зверство.
Он даже в бронзе виден вам живой.

Не радуйтесь, его вы не убили —
Не может аспид сокола сразить.
В своей вы сами задохнётесь гнили
Россию вам, ни в жизнь не победить.

* * *

Разменял я надежды монету
На улыбки и шутки друзей,
Ощувив, что её больше нету,
Стало в сердце моём веселей.

* * *

Короткий миг любовной ласки,
Но расставанья долгод час.
Как глыба давит сверху вас
И возвращает в жизнь из сказки.

* * *

«Рубал» Хайям, не думая о славе,
Беспечно жил, чему и нас учил.
При жизни золото, серебро клеймил,
Не подчиняясь правящей державе.

С душою чистой с нами он общался,
Не плакал, не канючил, не грустил.
За искренность его я полюбил
И с детства его слогом восхищался.

Не верю я, что он горит в аду
Его «рубаи» — это ж песни рая.
За них я к Богу руки простираю,
Дозволь ему «рубать» и в ангельском саду.

Он ханжество клеймил, лезть ненавидел
И мудрецом он был, хотя и не пророк
Всем предсказателям он преподавал урок,
Грядущее, он с точностью предвидел.

Хвала ему и низкий мой поклон
За то, что жил он с нами на планете
Что написал «Рубаи» нашим детям,
Со всеми поделился он добром.

* * *

Но запоздалые прозренья
Увы, не могут мне помочь,
Когда умчалось время прочь
И все развеялись сомненья.

Пораньше всё это б свершилось,
Когда мог что-то изменить
Просить прощения, просить
И жизнь моя бы изменилась.

Казнил и требовал ответа,
Винил я близких и друзей
И отторгая все советы,
Не видел в том вины своей.

А оказалось просто всё:
Я сам источник всех несчастий.
Во мне все кроются напасти.
Ничтожно наше бытие.

Мне не исправить тех ошибок,
Нельзя вернуть то время вспять.
Пораньше б это мне понять,
Побольше б встретил я улыбок.

* * *

Скажите милая: Чего ещё Вам нужно?
Вам волю полную давно уже отдал.
Она безвкусна так? Добавьте к ней скандал,
Чтоб на до мной все посмеялись дружно.

Циничны Вы, хотя и хамского ума.
Я выше Вас, хотя и в униженьи
Как скопидом по крохам сбереженья,
Хранил любовь, теряя часть ума.

Теперь рассудок свеж, хотя и не остыл.
И что смешно? Себя ни сколь не жалко.
И поделом, ещё б вдогонку палкой,
Чтоб навсегда дорогу к Вам забыл.

* * *

Душа в огне, я стал везде не прав.
Господь мой, вылечи мне душу!
Мой гнев глаза и плоть мне сушит,
Страшит меня — прорвётся буйный нрав.

Тогда мне трудно будет что исправить.
Смерть не страшит, падения боюсь.
Упавши вниз, я, может, поднимусь
Сам факт падения всю жизнь мою отравит.

Открой мне очи, протяни мне руку
Хоть через сон, скажи мне верный путь.
И дай мне силы, чтобы не свернуть.
Любовь и вера, вот моя порука.

пос. Мирный

Транспортные истории**Тормоз с третьего качка**

Дело было году в шестидесятом. Я только что приступил к исполнению служебных обязанностей заведующего сельским клубом. Вызывает меня председатель сельского Совета Алексей Николаевич Пузиков:

— Виктор, мы в Черноборке Чесменского района, заготовили дрова для школ, медпункта и клуба. Надо бы их вывезти, а людей нет. Может, поможешь в качестве грузчика?

Ну, как было отказать столь высокому должностному в селе лицу? К тому же имеющему не малый авторитет у сельчан.

Приготовил я всё необходимое и утречком, часов в шесть, явился к дому шофёра, с которым должны были поехать. Вышел он опухший, явно не проспавшийся после хорошей попойки, завел ГАЗ-51. Заехали за грузчиком, а по пути к Алексею Николаевичу за документами и подписать путевой лист. Вся эта процедура заняла не более часа, и мы тронулись в путь, прихватив с собой ещё сынишку Алексея Николаевича Сашку.

Путь неближний, около 120 км. Поэтому, как только доехали до первой кучи соломы, Барыга (такое прозвище было у Анатолия, нашего аса-водителя) остановил машину. Мы с Сашком накидали полный кузов соломы, и дальнейшее путешествие было настоящим блаженством.

Километров через тридцать, машина вдруг остановилась, «барыга» вылез из кабины и спрашивает:

— Мужики, кто умеет баранку крутить? До четырех часов, понимаешь, квасили. Башка трещит, и вот-вот усну за рулём.

Сашок, ему было лет десять — двенадцать, отказался наотрез: это же не лошадь. Мне же приходилось перегонять ЗИС-5 Попова Александра от вороха к вороху на зернотоку, пока тот девок обхаживал, о чём я и доложил Барыге. Он изрёк радостное «Пойдёт!» и, перемахнув через борт, растянулся на соломе. Я, заняв почётное место в кабине, уверенно тронулся с места и поехал.

Барыга прокричал мне что-то через борт, вроде как предупреждение не лихачить. Я кивнул головой в знак согласия и покатил дальше. Просёлочная, накатанная дорога — одна любота. Катись не ленись моя ласточка! На уме: «Степь, да степь кругом, путь далёк лежит». Так бы, наверное, и вслух продолжил эту напевную русскую песню.

Но путь преградила, размоинка на дороге. Я, естественно, жим по тормозам, а скорость не гаснет. Я другой раз, а машина как шла, так и идёт, и на ухабине слегка трянуло. Это обстоятельство вывело меня из лирического настроения. Всё внимание на дорогу и в уме проигрываю ситуацию. Не могу понять, почему не сработали тормоза?

Пока разрешал эту проблему, на дороге появилась ухабина, раза в три поглубже первой. Я по тормозам — ни гу-гу, отвернуть куда-либо уже поздно. Продолжаю жать на педаль... Трах! Бах! Бабах! В кабине облако пыли, мотор заглох.

Рядом сидит второй грузчик с дочкой на руках, у девчухи от страха глазёнки вот-вот вылезут из орбит. Александр Петрович — фронтвик, у него не было нижних зубов и губы (фронтное ранение). А в данной обстановке лицо настолько перекосило, что у меня по спине прошёл озноб от такого жуткого зрелища.

Дверка с моей стороны открывается и Барыга командует:

— Вылазь на хрен! Я же тебе кричал, что тормоза берут с третьего качка!!

Поменялись мы местами и поехали дальше. Сашка ржёт:

— Дядь Вить, ты как тряханул, дядя Толя чуть из кузова не вылетел, так его высоко подбросило на соломе, да ещё головой передний борт долбанул. Я-то сидел и когда увидел канаву, вцепился в борт, а он-то спал.

Проехали мы ещё с десятков километров. Дорожка, как уже говорилось, накатанная, ровная. И вдруг Барыга делает резкий поворот вправо по еле заметной объездной дороге. Через сотню метров я взглянул влево и... О! Боже! У меня на голове волосы зашевелились — торная дорога круто спускалась в глубокий овраг. Это уже был бы точно всем качёк третий, и последний!

Сольто в воздухе

Как-то, ещё в юношеские годы, мой друг рассказывал, как они с товарищем на дядькином мотоцикле «Ковровце» на приличной скорости влетели в траншею. Оба оказались на противоположной стороне. Николай ободрал лицо, руки и пузом утюжил метра два травушку-муравушку. А товарищ, исполнив в воздухе акробатический трюк, благополучно приземлился на ноги и, пробежав с десяток метров, как ни в чём, ни бывало, остановился, соображая, что произошло.

Естественно, в этом трио больше всех пострадал «Ковровец». Поскольку ехать на нём было невозможно, то пришлось домой его тащить волоком, за что и получил от дядьки хорошую нахлобучку.

Этой Николкиной байке я верил и не верил, считал, что мой друг «слегка рисуется».

Много лет спустя, мы с соседом Валентином Замысловым на ИЖ-49 ехали с рыбалки из-под Кызыл-Яра. Чтобы не петлять лишние километры по береговой дороге, почти дублирующей русло р. Урала, Валентин «запылил» по скошенному полю.

Бытует в народе пословица: «Сорока прямо летает, да дома не бывает», Время было сумеречное, когда и без света уже не видно и со светом ещё не видно.

Проехали мы около полутора-двух километров. Вдруг оказалось, что я бегу. Ноги сами несут меня по полю и на удивление довольно резво. Пробежал метров с десяток, остановился в недоумении, развернулся назад, и моему взору предстала ужасная картина. Валентин лежит на боку, оседлав своего «ИЖку». Руки в мертвой хватке на руле! «ИЖак» на полных оборотах выдаёт «сопрано»! Ту же арию и на тех же нотах исполняет и седок! Его правая нога под раскалённой выхлопной трубой! Я метнулся к нему, поднял мотоцикл, освободив тем самым от пытки!

Когда шоковое состояние прошло, стали анализировать произошедшее, так сказать проводить «разбор полёта». Оказалось, мы налетели на большой булыжник, притаившийся в стерне. У мотоцикла фара помята, стекло разбилось вдребезги. Метрах в трёх по курсу лежат удочки. Довольно прочная верёвка, которой они были связаны, порвана.

Быть бы моей головушке свёрнутой, но случилось чудо! Удочки, перекинутые через плечо, сыграли роль амортизатора, а инерция поставила моё брненное тело на ноги.

В этой ситуации Валентин получил сильный ожог ноги, я - лёгкий дискомфорт левого плеча.

Завёл Валентин Федорович свой подбитый «ИЖак» и "наощупь" продолжил путь дальше.

Голубой «москвич»

В конце шестидесятых мы надумали обзавестись транспортом и заняться садоводством. Дело молодое: надумали — сделали! Купили мотоцикл с коляской «ИЖ-ЮПИТЕР-2», взяли участок земли шесть соток под сад на так называемом «богатом острове» И закипела работа: копка, посадка, строительство домика — одним словом, скучать было некогда с весны до зимы.

Однажды у моего «ИЖ-ка» разладилось зажигание, для удобства ремонта пришлось отцепить коляску. Зажигание отрегулировал, и нужно было срочно ехать в сад утром к подаче воды. За неимением времени коляску цеплять не стал, а сделал две ходки, сначала отвез супругу, а затем — детишек.

В трудах праведных провели выходной и к вечеру воскресного дня тронулись в обратный путь. От садов до дома 4,5 км — 10 минут езды. Посадил я Ивановну и покатил. При выезде с просёлочной дороги на трассу притормозил, вижу: слева идёт легковой автомобиль небесного цвета, но ещё далеко, справа — автомобиль «Урал».

Я пропускаю «Урал», снова взглянул влево по трассе, легкового автомобиля не видеть, значит, ещё далеко, успею выйти на свою сторону. Поддал газку и — следом за «Уралом». Только выскочил на асфальт, и вот тебе, перед носом метрах в двадцати, будто из-под земли, вырос голубой «Москвич», скорость не менее ста. Визг тормозов, и он пошёл мне наперерез! Столкновение неминуемо! Режет он нас по диагонали уже практически на нашей стороне!

Не знаю, откуда у меня, тугодума, такая прыть мыслей: мгновенно взвесил критическое положение и крутым виражом в левую сторону, ширкнув рычагом ручного тормоза по кузову «Москвича», чудом избежал столкновения. Отъехал я метров пятьдесят и стал останавливаться, в зеркало вижу — они тоже остановились.

Ивановна мне: «Витя, гони, их там четыре амбала вылезли. Они тебя в порошок сотрут!» Я поддал «ИЖке» газку, и минут через пять-шесть были уже дома. Вот тут-то мы и осознали реальную опасность, которую с Ивановной избежали чудом.

Сползли мы с «ИЖки», а поставить его на центральную подножку не можем: руки, ноги трясутся, во всём теле слабость. Приткнули его к забору, зашли в квартиру. Пали на диван и с полчаса сидели сами не свои: отходили от шока, пялили глаза друг на друга от радости, что остались живы.

Когда немножко успокоились, поехал я за детишками. Они уже там немного всплакнули, что долго меня не было. А когда привёз их домой, Ивановна сгребла детей в охапку и давай выть. Гладит их, целует, а сама «пластается», и они, глядя на неё, тоже визжат. Нет-то-нет успокоил я их.

Прошло уж тридцать лет, а иногда вдруг встанет перед мысленным взором голубой «москвич». И по телу дрожь пробежит.

Жидкий асфальт

Начиная с 1989 года, мы, агаповские самодеятельные художники, традиционно выезжаем на пленер. Маршруты выбираем разные, несколько лет выезжали с ночёвкой в Еленинские леса Карталинского района. Сосновый бор, воздух напоен смоляным духом и ароматом медовых трав. А сколько таинств ночных у костерка!

Вот и на этот раз мы на двух машинах покатали на своё излюбленное место в Еленинку. Впереди едут на своем красном «москвиче» супруги Хаустовы и моя Ивановна к ним под села. А я с Кухтевиным Женей на «Запорожце» едем сзади.

Проехали село Наваринка, и вот те на: метров 300 трассы залито жидким битумом. Юрий Денисыч выскочил на это «зеркало», и пошло его водить из стороны в сторону. Скорость была невеликой, и он после нескольких бросков поехал спокойно. Женя сразу же своего «Запорожца» по тормозам, но и нас слегка мотануло в ту, другую сторону.

Тут впереди из-за бугра показался «Жигулёнок», шёл он на приличной скорости. Когда вылетел на зеркало битума, его начало кидать из стороны в сторону. Выскочит на обочину, колесами одной стороны хватанёт чистый грунт, и прёт на другую сторону, то же самое повторяется там.

За рулём оказался молодой паренёк, малоопытный, растерялся, и вместо того, чтобы гасить всякими путями скорость, он изо всех сил жмёт на газ. Пошёл он на третий вираж, и на всей скорости несётся прямо в лоб Юрию Денисовичу. Тот прижимается к обочине, мальчишка тоже пытается избежать столкновения, выкруливает в противоположную сторону.

Лобового удара удалось избежать, машины прошли впритирку и разминулись. У «москвича» половину заднего бампера развернуло на 90 градусов. «Жигулёнок» всё с той же скоростью вылетел в право, хватанул колесами грунт, и попёр на нас. Евгений сторонится, а он забирает всё влево - влево. Женя направляет машину в кювет и тут удар!

Обе машины съехали с трассы. Отделались лёгкими ушибами. У Евгения — трещина фаланги большого пальца ноги, у меня ссадина щеки и чем-то металлическим просекло голень ноги. Ну, а машины пострадали изрядно. Родственникам юноши пришлось отдавать свой «Запорожец» и восстанавливать «жигулёнка».

В течение суток на том участке по халатности дорожно-строительной организации потерпели аварии шесть машин.

Приехали

Я от природы не рыбак, но иногда всё-таки позволяю себе шалость посидеть с удочкой у реки. Чаще это случается, когда кто-либо из друзей или родственников рыбаков-заядлых, — является с богатым уловом и как бы в насмешку мне демонстративно этим похвалится. Тут уж разгорается такой азарт, никакого удержу нет. Договариваемся рыбачить на завтра.

Мой будущий компаньон заваливается спать и преспокойно дрыхнет до назначенного часа, а я всю ночь напролёт готовлю снасти. В подтверждение вышесказанного и пойдёт речь в данном повествовании.

Мой друг Владимир Павлович — заядлый рыбак. Почти всё лето 1998 года пропал на рыбалке и, надо сказать, безуспешно, что разжигало неопишное желание и у меня.

Однажды в конце сентября, Владимир упредил меня: «Завтра в 6 часов утра будь готов, я со смены заеду за тобой, попьём чайку и — в путь»!

Он уехал в ночную смену, а я, как всегда, в срочном порядке начал готовить снасти. Крючки, поводочки, грузила, поплавочки — всё нужно приготовить, выверить. Часов в пять, было всё готово, в распоряжении оставался один час. Я, как подкошенный, упал и мгновенно заснул.

Выехали мы часов в семь. На пруд приехали с восходом солнца. Пруд находился в частной собственности и охранялся. Владел этим водоёмом мой брательник, так что проблем никаких не возникало. Побросали снасти в лодки, сами на вёсла и — в заветный угол, туда, где на шук да окуня жор напал.

День выдался продувной, холодный, да и клёв не ахти какой, возможно, по причине моего присутствия... Ближе к вечеру выплыли на берег, попили чайку в сторожевом домике, сели в «москвичонка», зашторили все окна и покатили до дому — до хаты.

Долго ехали мы или коротко, но в тепле разморило после холода и бессонной ночи, и мы оба заснули.

Первое, что почувствовал лично я, будто кто с размаху хрястнул меня по зубам чем-то вроде кувалды. Перед глазами вспыхнуло яркое пламя. Представьте себе, я не токмо сдачи не дал, даже не обиделся на это и спокойно погрузился в кромешную тьму. Далее чувствую, что кто-то проявил наглость: ворочается на мне. Промелькнула мысль: «Чего он забыл окаянный на мне, ведь тяжёлый, зараза?» И снова провал. Потом что-то капнуло горячее на лоб, на губы, я почувствовал запах крови и то, что меня куда-то через что-то тянут. Перед глазами всё плывет. Сквозь пелену в глазах разглядел лицо Владимира и с него на меня капает кровь. Только теперь я окончательно установил свои координаты: Верхняя половина моего брэнного тела на свободе, а нижняя — в салоне «москвича».

Оттащил он меня от машины метров на десять, уложил на травку. Лежу, соображаю, что к чему, мысли путаются. Чувствую: губы заворачиваются, одна — на нос, другая — на бороду. Рожа вся в крови, во рту кровавое месиво.

Не знаю, сколько пролежал, поднялся, вижу: Павлович из машины вытаскивает всё ценное. Машина на левом боку в кювете «мордой» к трассе.

Решаюсь пойти помочь. Встал, шагнул два-три шага и упал. Через несколько минут поднялся. Подошёл к машине и от головокружения и тошноты снова присел: Ну нет никаких сил и всё тут. Начало знобить, Павлыч укрыл меня телогрейками. Вскоре подошла «скорая», сделали перевязку и увезли меня в горбольницу штопать. А Павлыч остался у машины до приезда ГАИ.

Спустя несколько дней, когда прошёл шокковый синдром у обоих, стали проводить «разбор полёта». Постепенно, кадр за кадром восстановили картину произошедшего.

Скорость Павлыч держал в пределах 60 км и заснул (я-то уже давно всхрапывал, «пу-скал пузыри»). Сколько он проехал в таком состоянии, одному Богу известно. Но тут на нашем пути с какой-то стати в шеренгу выстроились «зебры», то бишь рельсы (другого места им не нашлось — степь-то большая). Одним словом, мы им показали «кузькину мать», троим башки-то посворачивали на бок. Только одно непонятно, как в кювете сами-то оказались?

Владимир Павлович рассказывает:

— Очухался. Лежу головой к спинке заднего сиденья, на чём-то тёплом, в руках баранка. Посмотрел на неё: «На кой хрен она мне нужна?» Швырнул её в сторону. Огляделся — ветрового стекла нет, через дыру видно трассу. Тихонько вылез наружу, стал тебя вытаскивать. Руки разбиты, с рожки течет кровь, ноздрю разорвал обо что-то. Сгоряча-то не сразу почувствовал сильные ушибы плеча, груди и бедра.

Через неделю ездили на место аварии и более чем в десяти метрах в траве нашли монокль, который всегда лежал за спинкой заднего сиденья. Возможно, он так бы далеко не улетел, если угодил в один из наших «котелков». Это уж точно!

Все, кто видел это ЧП, в том числе и ГАИшники, утверждают, что благодаря прочности металла, из которого сделан наш «рыжик», мы остались живы, отделавшись легким испугом и ушибами. Любая другая машина превратилась бы в гармошку с мягкими прокладками из наших тел. У нашего «москвичонка» только радиатор вдвое свернуло, колеса встали наперекосяк. Ну, вроде вывиха получилось, да сдутился изрядно.

Привезли его в частную автомастерскую к Володиному другу, и стоял он там, горбатенький, до середины 2002 года, пока кто-то не сдал его в металлолом.

Петр Овцов

Стихи разных лет

Давно стихов я не пишу.
Мутнеет разум от безделья.
Тому виной хмельное зелье.
Зачем живу, зачем дышу?
... Давно стихов я не пишу.

Любка

У Любки глаза горячи,
У Любки глаза, как мечи.
Они насмерть парня разят,
Ой-ой, как остер ее взгляд!
Глаза те огнем искрятся,
Недаром их все боятся.
Ой, Алла бисмилла,
Помоги же мне бог,
Я в них начинаю влюбляться.

К статуэтке медведя

Здорово, зверь, закованный в чугун.
Ты все по-прежнему озлоблен и угрюм,
Застывший в хищной, смелой стойке.
Не злись, ты человеком был замечен,
Он восхищен твоей звериной красотой.
И образ дикий твой чугун увековечил.

Березонька белая

Захмелела в радости белая березонька,
Встала и качается на бутре-проталине,
К ней щекою жаркой непутевый ветер
Крепко прижимается, обнимает талию.

То играет косами, то погладит плечи,
То, бесстыжий, тронет ноги ее девичьи.
А березке сладко и немножко страшно.
Доверять-то шалому, ой, ведь как опасно.

Да уж больно ласков, да уж очень мил.
И никто березку крепче не любил.
Так, в обнимку с ветром по земле шагает.
Не стыдись, не прячься, с ним весну встречает.

Сосёночка

Сосёночка зеленая взбежала на пригорочек,
Красавицею выглядит в нарядах из иголочек
И, вздернув сарафанишко
над стройною ногой,
По камешкам запрыгала девчонкой озорной.

Бежит навстречу солнышку,
раскинув ветви-рученьки.
Хохочет, заливается...
Дивуются подруженьки.
Что с елочкой случилось
подружкам невдомек.
А к ней из рощи тянется кудрявый тополек.

Откуда знать подруженькам,
что тополь ей сказал.
Ну разве ж догадаться им, как ночью целовал.

Тебе я сердце отдавал.
Его швырнула в грязь.
Тебе я руку предлагал,
А ты ушла, смеясь.

Теперь прокисшее вино
В кафе со мною пьешь
И с пьяной наглостью в глазах
На ночь одну зовешь.

Ночной полёт

Нас несет ТУ-104
Средь ночной кромешной тьмы.
Снизу — звезды, сверху — звезды,
Посредине где-то мы.

Машет нам прощально лапой
Звездная Медведица.
Словно в сказке, города
Изумрудом светятся.

Мчит нас в даль ТУ-104,
Где там птицам — не догнать.
Велика же ты, Россия,
Наша Родина и мать.

* * *

Две синички, две сестрички
Пели песни для лисички,
Сидели на веточках
В черненьких береточках.
Ты, лисичка, песни слушай,
Только нас смотри не скушай.

* * *

Весна. Сиреневая кипень
И клейкий тополиный лист.
Туман молочный над рекою
И соловья призывный свист.
Хмельная одурь в сердце бродит,
Пьянит, как терпкое вино.
И ведь не молод уж, поди ж ты,
пьянит и кружит все равно!

Сибирь

Уж дождь, так дождь!
Жара — так уж жара!
Морозы — так сибирские морозы!
Сибирь растит не розы и мимозы —
Сосну и кедр, и русские березы!

* * *

Сидят девчонки на скамейке,
В глазах звезды нездешней свет.
На ножке — ножка. И поверьте,
Стройнее этих ножек нет.

И на Урале и в Сибири
Стройнее ножек не сыскать.
Ей, ей не этому поэту
В стихах их прелесть воспевать.

Сидят богини на скамейке,
В глазах звезды нездешней свет.
На ножке — ножка. Ножкам этим
Не больше, чем семнадцать лет.

* * *

Сакмара — девушка в монисто,
А косы — ленты тальника.
С тобой как брат провел я детство,
Моя башкирская река.

Ты мне народные напевы,
Бывало, пела до зари.
Речь о любви восточной девы
Вели с восторгом соловьи.

Играли мы с волнами в прятки,
И ты ласкала паренька.
Свои заветы мне шептала.
Да, жаль, не знал я языка.

Сегодня вновь сюда пришел я
Через гряду ушедших лет,
Привел к тебе родного сына,
Сердечный свой принес привет.

За время, что с тобой расстались,
Воды безмерно утекло.
Со мною годы посчитались,
Хоть в жизни, кажется, везло.

А ты звенишь на перекатах
Крутою юною волной.
И сына моего, как брата,
Зовешь теперь играть с собой.

Ему игриво что-то шепчешь,
О чем-то звончато поешь.
Не понял я твоих заветов.
Их, может, ты, мой сын, поймешь.

г. Челябинск

Матрёна

Эта история случилась много лет назад, во времена Гражданской войны.

Её герои — реальные действующие лица. Они уже давно отошли в мир иной, но события, о которых я хочу поведать широкому кругу читателей, не канули в Лету, а бережно передаются из уст в уста в моей семье. Кому как не мне знать все подробности тех давних лет: ведь главная героиня этой истории была — родная бабушка Матрёна Григорьевна.

О церковной службе маленький Саша имел смутное воспоминание. Однажды бабка Матрёна Григорьевна взяла его, пятилетнего, на причастие. В храме было тесно и душно, в полумраке чадили свечи, в густом липком воздухе витал сладковатый запах елеса, от которого кружилась голова, а с клироса доносилось жалобное, заунывное пение. Всё ему казалось здесь необычным и пугающим. Когда подошла очередь причащаться, священник сунул в рот мальчишке ложку с чем-то густым и сладким. Саше понравилось её содержимое, и он попросил ещё, за что получил от бабушки по лбу.

— Антихрист, — в сердцах сказала она, — нельзя просить. Было не больно, но обидно. К тому же бабка устала держать его на руках и поставила на пол- в темноту, в зазор между чужими телами. Стало страшно, и Саша заревел — громко, пронзительно, нарушив царящее в храме умиротворение. Больше Матрёна Григорьевна внука на службу не брала. Однако и этого раза хватило, чтобы Саша понял: в церковь люди приходят молиться.

Ему запомнились строгие лики святых: серьёзные, благочестивые, одухотворённые неземным величием и красотой. Поэтому Саша никак не мог взять в толк, отчего его набожная бабка крестится на портрет, висевший в общественной бане. Висел он в холле, где посетители заведения собирались пить чай, и на нём был изображён всадник на белом коне. Усы у наездника были, лихо закручены, на плечах — бурка, в руках — сабля, а из-под надвинутой на лоб папахи выбивалась прядь смоляных волос. Лицо — волевое, словно высеченное из гранита, взгляд сосредоточенный. Словом, вид у незнакомца был далеко не святой. Тем не менее, каждый раз приходя с семьёй в баню, Матрёна Григорьевна останавливалась перед портретом, смахивала набежавшую слезу и осеняла себя крестным знамением. Всё прояснилось, когда Саша подрос и потребовал у бабушки объяснений.

В шесть лет Мотя осталась сиротой. Её взял в услужение богатый помещик. Дневенской от зари до заката батрачила она на хозяина: доила коров, прядла, стирала, убирала в доме. В награду барин кормил её и давал кров. Раз в год он дарил своим дворовым отрез ткани. Из него Мотя шила себе платье, которое и носила до следующего хозяйского подношения. В шестнадцать лет барин сосватал Матрёну. Суженный был намного старше её, да к тому же инвалид. Но девушку никто не спрашивал, хочет ли она замуж. Так решила её судьба.

У Матрёны Ерофеевой детей было уже «семеро по лавкам», когда грянула Гражданская война. Не обошла она стороной и село Давлеканово, что в Башкирии. В этих местах велись ожесточённые бои между белочехами и дивизией легендарного Василия Чапаева: село не раз переходило из рук в руки. Всё мужское население уже давно встало под ружьё — подалось кто к красным, кто к белым. Очередь дошла и до мужа Матрёны. Инвалиду и многодетному отцу, конечно, не хотелось воевать. Но деваться было некуда: приказали — пошёл. А ещё красноармейцы забрали у Ерофеевых последнюю корову, которая кормила их большое семейство. Отогнали её на ближайшее пастбище вместе с другим реквизируемым скотом и выставили охрану. По корове Матрёна тоже горевала, понимала, что без неё и ей, и детям голодная смерть. Ноги сами повели женщину на дуг. Взглянуть на свою вчерашнюю собственность, цела ли, невредима, накормлена ли, напоена? Идёт Матрёна, плачет. Не заметила, как перед ней появились всадники, путь ей преградили, гарцуют на гнедых лошадях. Матрёна хоть и расстроена была, а заметила, что тот, который в центре, держится осанисто, с достоинством. Видимо, главный среди товарищей. Он спросил: — Кто тебя обидел? Ну, Матрёна и выложила всё как на духу. Дескать, пришли красные, мужа забрали, корову забрали, а ей теперь с ребятишками только и осталось, что с голоду умереть. Сказала это и пошла домой. А вечером калитка открывается и во двор муж заходит. Говорит: «Меня красные отпустили, сказали, иди к ребятишкам своим». А немного погодя на двор к ним въехал красноармеец. На привязи у него корова, да не какая-нибудь, а Матрёнина.

— На, забирай своё добро, — сказал, как отрезал. — Чапай велел вернуть.
С тех пор для Матрёны Григорьевны Чапаев был всё равно, что святой. Кстати, прожила она долгую жизнь — 87 лет. Родились у Матрёны 16 детей. Правда, не все выжили, некоторые умерли ещё в младенчестве. Времена тогда были тяжёлые, никого не щадили.

г. Челябинск

Каринэ Гаспарян

177

Графоман № 4-2010

Сегодня Пушкина убили

Свернуть с остановки
Во двор и неловко
Припасть к стене
Забыть что слышится мне
Не ловко не ловко
Фырчат полевки
Картинно невовремя
Каркают вороны
Но никого и нет
Кто бы сказал мне нет
И откуда то зная что прежде
Снимаю тихо одежду
Накидываю снег Вскрик
И вот я уже снеговик
Морковку втыкаю
Стою и сверкаю
И дальше судьбу приемля
Уйду водою под землю
В июне вверх испарюсь
В июле дождем вернусь
А в декабре ждите
Сверну с остановки
Во двор и неловко
Припаду к стене
Накидаю снег Вскрик
И снова уже снеговик
И никого то нет
Кто бы сказал мне нет.

И бабки, да мамки ох не сберегли
Закутали в шубы собольи
И в сени, да в сани, да увезли
А выдохнули в Тобольске
Одели кольцо, да сказали ждать
Вернутся мол через лета
Москве привет прошу передать
Да жду да пожду ответа.

Сегодня Пушкина убили на дуэли
А мы на совещании сидели
А мы с тобой пирог вишневый ели
А мы не пили крепкого но пели

Мели как полагается метели
От холода друг к другу жались ели
И перья все скрипели и скрипели
Сегодня Пушкина убили на дуэли

Снедаемы сомненьями
В себе, в ходьбе, в тоске
И одержимы мненьями
Мы, как вода в песке.

Снедаемы желаньями
С собой, в себя, себе
И падают признаньями
Снежинки при ходьбе.

Вот только озареньями
Не щедры наши дни.
И потому сомненьями
Убиты и — одни.

Я спросила: «Замучила?»
Ты ответил: «О, нет».
Что-то слишком задумчиво
Для семнадцати лет.
Завтра поезд на станцию
Должен скорый прибыть.
Белой пылью под пальцами
Мел рисунка судьбы.

* * *

Твои шаги неслышны и легки
Я от тебя ждала одних подарков
Но ты скользнула в дымчатую арку
Оставив мне тепло своей руки

Встречались мы с тобой еще не раз
Я трепеща в поклоне и с почтением
За вышивкой или вчера за чтением
Под шляпою опять не вижу глаз

Застегнут глухо белый воротник
И поступь так уже неотвратима
Я вижу пробегая робко мимо
Несчастный кто-то с просьбою приник

Ты дай ему того что просит он
Возьми мои последние подарки
Но ты уходишь в дымчатую арку
Свершилось — шорох платья и поклон

* * *

Ох и пути мои ох и дороги
Все по обочинам черные ноги
Сестер моих, белоберых берез
Босы мы с ними, а скоро мороз
Скоро трещать будут руки как ветки
За косогором аукнутся детки

Вечным сиянием новой зимы
Будем с березами свечены мы
Хоть и плохое толкуют приметы
Кто-то из нас доживет и до лета
Я или сестры напрасный вопрос
Деток увидеть бы между берез

* * *

Рассекречены глаза и распахнуты сердца
В Гугле, и в Ю-Тубе, и Вконтакте
Нам не спрятать от других лица
И не утаить печальных фактов
Распечатаны уста и расколоты миры
Вымысла ли, жизни ли приметы
Чья-то часть чудовищной игры
Мы обнажены, хоть и одеты

* * *

На крыле самолета увижу в плаще
Кто-то маленький и знакомый
Я во сне перестала летать вообще
А тебе не сидится дома
Но лохматый застенчивый маленький принц
Хоть ответит — я не услышу
Самолетик быстрее из белых страниц
Уноси меня выше выше

г. Миасс

Лидия Маркова

Вот и осень подкатила

* * *

Святое в людях
Как-то не в почёте.
Жизнь — шум и гам,
Растрчиванье сил.
Но есть места,
Где ты всегда в полёте,
Где благодать даёт
Движенье крыл.

Ту церковь в Межевом
Я вмиг один узнала.
Как в отчий дом вошла и замерла.
Нигде, нигде душой так не летала,
А здесь голубкой крылья подняла.

Из дерева, в медовом мягком свете.
Чуть на возвышенья,
Вся солнцем облита.

Так могут чувствовать
И видеть только дети,
И узнавать родимые места.

Вдали, я мысленно
В ней ставлю снова свечи.
Вдали, я мысленно
О близких в ней молюсь.
И здесь со мною — лучшее на свете
И не чужая, а родная Русь.

* * *

Так уж выпало.
 Так назначено.
 Этой болью что-то оплачено.
 За туманом лет.
 За годами вслед
 Я не видела этих смутных мет.
 И пристрастий сласть,
 И ошибок масть,
 И бездумность иных наклонностей.
 Знать бы где упасть,
 Берегла бы власть
 Данных Богом мне увлечённостей.
 Поучали жить.
 Хитроумной быть.
 Балаган гремит, да комедия.
 Дал мне Боже нить,
 Чтоб могла я свить
 Свою жизнь из любви —
 Не трагедию.
 Вышло трудно всё ж.
 Где любовь? Где ложь?
 Всё пытаюсь понять в откровении.
 И один ответ.
 И один завет —
 У тебя есть нить вдохновения.

* * *

Теперь могу не спать ночами
 И думать будто ни о чём.
 Теперь бессонными очами
 Смотреть могу, как горячо
 В осенней неохватной дали
 Сиянье золотых огней.
 И сплав восторга и печали
 Исходит из души моей.
 Теперь учусь я жить иначе
 И мудрость постигать судьбы.
 Теперь в молитве боли прячу
 За частоколом городьбы,
 Что возвела я от напастей,
 От равнодушья и потерь.
 У всех теперь свои несчастья.
НО КАК ЖЕ ЖИТЬ ВОТ ТАК ТЕПЕРЬ?

* * *

Тут и там прозрачней ветки
 В золотых осенних клетках.
 Тут и там теряет перья
 Птица-жар в своём саду.
 В загулявших ярких даях
 Юность с летом заплутали
 И теперь роняет слёзы
 Ива, вымокнув в пруду.

Вот и осень подкатила
 Тёмной ночью унылой.
 Вот и ветры прячут в тучах
 Бриллиантовую кладь.
 Я когда-то так любила
 Молодою нежной силой
 Эти дни и это время,
 Что могла, могла летать.

А теперь брожу по листьям
 И поглядываю в выси,
 И поглядываю в окна
 С зазывающим теплом.
 И не хочется признаться,
 Что однажды распрощаться
 Мне со всем придётся этим
 И растаять тихим сном.

* * *

День поздней осени
 Листком не шелохнётся,
 Бойтся будто в зиму улететь.
 Сегодня выпал выходной для солнца,
 Зато горят латунь и бронзы медь.

Лес устлан мхом, листвою, семенами
 От диких трав, что прорастут весной.
 Настоян воздух поздними грибами
 И необыкновенной тишиной.

И каждый шорох кажется движеньем
 Вселенной всей, притихшей вдруг земли.
 Она наполнена до головокруженья
 Минутой вечности, её живой любви.

* * *

Ещё зелёный веер лета
 Спасает в полдень от жары.
 Но песня осени запета,
 Листвою падая в дворы.

Ещё заря медовым светом
 Вновь заливает утром лес.
 Над гранью нового рассвета
 Холодный утренник с небес.

Ещё ты помнишь это пекло,
 Надрывный слышишь
 Сердца глас.
 В переизбытке было света
 И даже сухости из глаз.

Отплакала ли все печали?
 Бессонницей ли всё сожгла?
 Всё глубже осень за плечами,
 Где бьют зимы колокола.

* * *

Рябина каждая
 По-своему красива.
 Берёза каждая
 Несёт свой тайный знак.
 У всех и вся —
 Божественная сила.
 В свою поверю.
 Да и будет так.
 Жизнь проповедует
 Циничность и жестокость,
 Хотя твердит извечно
 О любви.
 А дни идут.
 Всё больше одиноко,
 Порой одна ты
 На краю земли.
 Лишь эта даль
 Запомнится навечно
 В безумном увяданье красоты
 Над всею суетою человечьей,
 Что пожирает лучшие мечты.

* * *

Сентябрь назначил встречу в срок.
 Вступает в осень городок.
 Рябины в тяжести своей
 Струятся гроздьями ветвей.

Поутру заморозка снежность
 Лежит, как тонкая вуаль.
 И в увядании есть нежность,
 А в нежности чего-то жаль.

Но летних дней уже не надо.
 О, сколько жар испепелил.
 На нашу жизненную правду
 Он, верно, всем глаза открыл.

У времени свои законы,
 Клубится тучами восток.
 Осенний ветер листья гонит,
 На куртку прилепив листок.

* * *

Заявлен дождь.
 Все ждут его приход,
 Как выхода на сцену ждут артиста.
 Жара так утомила, что народ
 Повсюду ищет тень
 В прохладе листьев.
 А солнце жарит,
 Будто бы звучит
 Тяжёлым басом небывалой силы.
 Лес обречённо
 Без воды стоит

И в полдень всё понуро
 И уныло.
 И вот он, милый!
 Гром, гроза, вода.
 Земля открыта!
 Пьёт и не напьётся.
 Поникли ветви,
 Травы, провода...
 Потоки с крыш,
 Что выцвели на солнце.
 Ужель живём?
 Полито всё вокруг.
 Ты полным вдохом
 Сердце наполняешь.
 Спасибо, небо.
 Ты сегодня друг.
 Душа блаженствует,
 От засухи спасаясь.

* * *

Простая жизнь.
 Работа до упаду.
 А вечерами банька — смыть усталость.
 И вроде ничего уже не надо.
 Нехитрый ужин, сон,
 Да вздох за старость.

Так тысячи живут по всей России.
 Свой огородик, домик —
 Дачка-кроха...
 Жара стоит.
 И небо блекло-синее.
 Родители ушли,
 А здесь всё та ж эпоха.

Бушуют бумы, кризисы, природа,
 И жизнь сама
 Всё яростней бушует.
 И в глубине души
 Всего народа
 Вновь что-то бьёт,
 Печалит и волнует.

На этом же клочке
 Всё изумрудно — ярко.
 Пусть голова седа,
 Суставы в боли...
 В две тысячи десятом очень жарко,
 Всё выжжено в дали,
 В крестьянском поле.

Здесь хорошо,
 Но сразу от порога
 За Родину, за жизнь детей тревожно.
 Гудит вдали машинами дорога,
 Уже ей с пробками
 Справляться невозможно.

г. Трёхгорный

Нагайбаки* (крешенер)

Мой дедушка по отцовской линии поставил в 1906 году дом на перекрестке улицы Набережной (современная улица Бикимова, 41) и переулочка Пионерский. Сегодня эти названия можно с уверенностью отнести к топонимам нашего района, села.

Первые два года я обучался в Балканской семилетней школе. Отец в те годы был старателем, намывая золотой песочек, затем принят в беспокойную семью шахтеров Фабрики, помогал добывать шеелит (вольфрамовую руду). Он откачивал воду из новой шахты. Жили мы то в бараках, то в землянках. Наконец, такие скитания по фабричным баракам и землянкам Разреза и Куян — Тауа неудачливому старателю надоели, и он с семьей вновь переехал в Фершампенуаз, в свое родное село, в свой некогда самим же срубленный дом на улице Набережной. Убогая та была улица из немногих деревянных казачьих домов и саманных строений, но жители районного центра не вкапывались в чрево Земли от трескучих зимних морозов.

С двенадцати лет я учился уже в четвертом классе Фершампенуазской средней школы в русском классе. Часть детей, плохо владеющих разговорным русским, обучалась на татарском языке. Однако литературный татарский, «густо помещанный» арабским и сами простые татары плохо воспринимали, не прижился он в среде нагайбаков: окончившие школу на татарском языке, не выдерживали вступительные экзамены в вузы. Поэтому было решено в 1954 году районными властями эксперимент этот прекратить.

Шел 1952 год. В нашем классе в дружбе и согласии обучались дети разных национальностей и вероисповеданий: русские, нагайбаки, татары, казахи, башкиры... Основная масса учеников состояла из русских и нагайбаков, последние уже в те годы, без их согласия на то, были переведены из православных без обряда обрезания в ислам. Это было возмутительным и оскорбительным явлением для православного нагайбака.

За одной партией со мной занимался мальчик, Барлык Кударов, казах по национальному происхождению, мусульманин по вере: спокойный характером, но очень обидчивый. Он и до сих пор проживает в своем родном поселке, ранее известном под названием «Заготскот». Ныне этот топоним заменен звучным названием «Рассвет». Всю свою жизнь Борис (Барлык) трудился в совхозе «Знаменском», теперь он со своим трактором Т-40 на заслуженном отдыхе. Мы до сих пор поддерживаем приятельские взаимоотношения. За все эти годы нам не приходила в голову мысль о национальных трениях мусульман и православных. Каждый из нас жил в своей вере в дружбе со всем остальным миром.

Правда, на последней встрече, это были поминки по мусульманскому обряду, куда я был приглашен, перед началом ритуала, он спросил меня:

— Как ты относишься к мусульманству?

Я ответил:

— Как к одной из мировых религий.

Кстати, Барлык прекрасно владеет русским и разговаривает на нем как на родном, без казахского акцента.

Общаемся мы на русском языке, хотя могли бы без особых затруднений, изъясняться на казахском и на нагайбакском языках (старо-тюркский язык составляет основу нашей языковой группы).

Однако же вернемся в прошлое, в четвертый класс на урок русского языка. Молодая учительница занята... Нет, не изложением правил и законов построения предложений, языковых особенностей, как положено ей по уставу. Видно, «подогрели» мы ее своим недостойным поведением. Учительница рассказывает на высоких нотках своего звонкого девичьего голоса анекдот. Вот его содержание: «А вы знаете, откуда взялись, от кого произошли нагайбаки? — Интересно, конечно, познать историю возникновения и развития своего этноса. Наверное, как и все от обезьян. Другой версии возникновения человечества в школьных кругах на то время просто не существовало.

Да вас же Иван Грозный после взятия Казани нагайками загнал в вонючее болото и насильно окрестил из мусульман (казанских татар) в православную веру. Нагайбаки — это насильственно крещенные из казанских татар. И было это в 1552 году».

* Продолжение. Начало в № 2—3.

О сути этого крещения поговорим ниже. До сегодняшнего дня именитые ученые Республики Татарстан пытаются «вернуть» нагайбаков — «предателей ислама» в лоно «Блистательной Порты». В те годы я не мог по своему развитию разобраться в этой теории, но ущербность своей национальной принадлежности в Советской России почувствовал.

Вернувшись из школы домой, я потребовал у матери Свидетельство о рождении. Мама мне выдала документ, изготовленный на плотной бумаге с водяными знаками на формате А4. Документ подтверждал, что я, Минеев Петр Михайлович, рожден 5 января 1940 года в селе Фершампенуаз... В строке национальность стоял прочерк. Документ был сложен аккуратно вчетверо и, со временем, в местах изгиба истерся до дыр.

Я успокоился, но с тех пор меня стал угнетать вопрос моей национальной принадлежности: я не хотел быть ни татарин, ни нагайбаком... Мне хотелось быть непременно русским.

Воспитывался я в нагайбакской семье, в семье потомственного казака. Сейчас я знаю, что чистых наций на земле просто не существует, что Нагайбакское казачество было одним из наиболее многонациональных. Казак — слово тюркского происхождения. «Каз» — это гусь, «ак» — белый, что в переводе означает — белый гусь. Я с детства задумывался над тем, почему мой род православный, почему православные нагайбаки помнят свое языческое прошлое и до сих пор исполняют древние языческие обряды. Теперь мне стало известно, что прежняя жизнь моих предков, как код наследственности, записан в моих молекулах ДНК. Наконец, я понял, почему казанские генералы Академии наук Республики Татарстан с остервенением пытаются загнать нагайбаков-крещен и крещен, живущих в Татарстане в ислам. Смена веры приведет к разрушению нагайбакско-крещенского этноса. Если это, не дай Бог, произойдет, то в конце нашего этноса будут поставлен не православный крест, а мусульманский полумесяц. Казанские татары, которые считают себя булгарами (татары — это кличка, данная им другими, и к монголам они не имеют никакого отношения). Татары угрожают: в случае не принятия ислама, известны на нет непокорный этнос. Это уже национальный шовинизм или «право наций на самоопределение». Вопросов возникало очень много, конечно, на более низком уровне. Я, как и все нагайбаки, не воспринимаю гипотезу татарского происхождения крещен и обращение ко мне «крещенный татарин» считаю личным оскорблением.

Никогда мои родители, деды и бабушки не воспринимали мусульманскую религию (веру в Аллаха и его наместника на Земле пророка Мухаммеда), а Господа Бога поминали ласково — Ходай Бабай и стремились выполнять заповеди Христианской Православной религии. Я вырос до совершеннолетия в среде нагайбаков и проблемы эти знаю изнутри. Заканчивая жизнь шестидесятисемилетним старцем в среде родных мне крещен, не желаю, чтобы они изменили, принятой еще до рождения ислама, Православной вере моих предков. Смена нагайбаками Православной веры на ислам приведет к нарушению православного кода предков, что равносильно самоуничтожению нагайбакско-крещенского этноса. Верность языческим богам, христианской, православной верам наш этнос пронес сквозь тысячелетия. Пора давно прекратить дискуссию на эту тему. В конце концов, мне решать, кем быть.

О жизни нагайбаков в сороковые—пятидесятые годы

После описанного выше случая выступления учительницы русского языка по «национальному вопросу», я стал более внимательно присматриваться к жизни уважаемых односельчан различных национальностей и религиозных конфессий.

Мои предки и отец, и мать из нагайбаков (крещеннер) коренные казаки.

Многонациональное Нагайбакское казачье войско было создано в 1736 году и просуществовало до вхождения в Оренбургское казачье войско. Наши казаки подчинялись его Второму отряду, который со своими властными структурами находился в старом Южноуральском городе Верхнеуральске. Смею заметить, что нагайбакский этнос начинался не с даты взятия Иваном Грозным Казани, а существовал, начинал развитие на много раньше. Но этот отрезок жизни этноса никто не желает исследовать. Слово «крещенный» ни коим образом не отражено в названии этноса.

Наша изба в Фершампенуазе, крытая тесом, рубленая отцом из сосновых бревен, поставленная на каменный фундамент, состояла первоначально из одной почти квадратной комнаты в четыре окна: два из них, прорублены к солнцу, на восточной стене, два других — на южной стенке. Поэтому солнышко светило в комнату с самого утра до заката. Западная стенка была «глухой» без окон.

Отец не любил подглядывать за жизнью соседей. Это было противоестественно его казачьей чести. На северной стене находилась входная дверь. Вход был оборудован маленькой лестницей. Что же было в избе этого убогого дома?

Пол выкрашен в светло-желтый цвет масляной краской. Потолок — белилами, белой краской выкрашены изнутри наличники, подоконники и рамы окон, чтобы светлее было в комнате. Направо, по ходу от входной двери выстроена русская печь под выпечку домашнего хлеба, булочек, ватрушек и прочих сладостей. В этой печи под арочным сводом томились мясные и рыбные блюда. В нее же вмонтирована маленькая печка для повседневного отопления приготовления пищи на завтрак, обед и ужин. Русская печь имела лежанку. На ней у самой трубы возлежала бабушка Мария, мать моей мамы. Она имела прозвище: казе Марине. Бабушка была уже больна и доживала последние денечки.

У этой же глухой стенки в углу стоял посудный шкаф. Посуда, начисто вымытая, хранилась за стеклянными дверцами, ниже в выдвижных ящиках хранились вилки, ложки, ножи...

По левую сторону от входной двери, у северной стенки, повдоль стояли две кровати: на одной спали мои сестренки Валентина и Прасковья. Моя кровать упиралась в восточную стенку. На день моя угловая кровать заправлялась перинами, вышитым покрывалом, на которой почти до самого потолка укладывались подушки. Узоры на наволочках подушек были вышиты крестиком.

В матку потолка был ввинчен крюк для детской зыбки. Между окнами у восточной стены стоял бельевой комод, над которым висело модное старинное зеркало. Правый, красный угол комнаты оборудован под иконостас, в котором уютно устроились три иконы. Каждая икона вмонтирована в коробочку с украшениями под стекло. Этот иконостас обвешивался вышитым узором полотенцем. Мать с любовью оберегала святые лики, постоянно вытирала с них пыль. В течение дня многократно молилась, крестясь перед образами.

Под образами находился сундук — хранитель всего самого драгоценного в семье. В нем находились вещи: одежда, которую одевали в особо торжественных случаях или по великим праздникам.

Перед сундуком стоял стол, накрытый белоснежной скатертью, по краям вышитой вручную, иногда она покупная — фабричная.

За этим столом я выполнял домашние задания. На южной стене два окна, вдоль всей стены скамейка. Стены оклеены газетными полосами, позже использовали для этой цели обои (шпалеры). На окнах тонкие покупные шторы. По стенам в рамках под стеклом висят фотографии моих предков — казаков в казачьих формах. Некоторые из них позже я сдал А. М. Маметьеву, директору местного Историко-краеведческого музея, трудами которого создано это уникальное заведение. Таково было жилье расказаченного из дворянского сословия в крестьянство единоличника. Судьба сурово обошлась с нагайбаками-казаками. Вплоть до 1936 года наших казаков не привлекали на воинскую службу, не доверяли. Это была настоящая трагедия для воинов — рыцарей Отечества. А ведь они умели воевать, выращивать хлеба, ухаживать за скотиной, воспитывать строевых коней... Однако, времена складывались таким образом, что Советы вынуждены были обратиться к боевому духу казаков, и вновь ак казы на воинской службе, на защите Отечества во время Великой Отечественной войны.

Бабушка пыталась привить внуку-пионеру православную веру. Но внук плохо повиновался: он вообще отказывался верить во все возможные небесные существа. Тогда бабуля, обидевшись, в сердцах приступила к угрозам:

— Смотри, Худай тебя покарает!

Но внуку было не до Бога. Он находился целиком под влиянием безбожной атмосферы школьного образования. Хотя никто из нас не позволял себе богохульствовать, оскорбляя чувства верующих и иноверцев.

Попытался я выяснить отношение к Богу у отца, но он предпочел увильнуть от прямого ответа на заданный ему вопрос.

— Папа, веришь ли ты в Бога? — спросил я его напрямую.

Он помялся и решил по-мужски, не признаваться в любви к создателю:

— Кто же его видел? — наконец, промолвил он.

После такого обстоятельного ответа, я более не приставал к нему с подобными вопросами.

Мать определенно не скрывала свое боголюбие. Но церкви в те годы уже не было. Она была разрушена за «ненадобность», по мнению руководителей (властей). Но мнение верующих спросить, как всегда, позабыли. Видимо, верили в свою непогрешимость или в без-

наказанность. На месте старой церквушки была выстроено двухэтажное кирпичное здание школы.

Школа носила статус средней и во всю трудилась на ниве образования, обучала детей всей округи Нагайбакского района, в три смены: в первую и вторую — обучались дети, а в третью смену школа обучала взрослых — вечерников, которые не имели детства и не могли завершить свое образование. Им очень хотелось получить среднее образование. Надо было иметь престижную специальность.

И наша школа в этом преуспела, могла гордиться тем, что ее ученики становились достойными людьми.

И этот дворец знаний находился на улице Советской вместе с садом и спортивными сооружениями занимал целый квартал. На этой же улице, в тополях, на деревянном постаменте был выставлен бюст Владимира Ильича Ленина (Ульянова). Памятник был обнесён штaketником. Ограда и постамент были выкрашены в ярко — зеленый цвет масляной краской.

За сооружением, кроме взрослых, ухаживали с уважением и любовью октябрята, пионеры — школьники (в том числе и комсомольцы).

Позже перед школой была сооружена из досок трибуна для проведения торжественных митингов граждан села. На такие митинги собиралось все взрослое население и, конечно, в первую очередь школьники со своими наставниками. Наша любовь к школе была настолько велика, что мы и воскресные дни проводили время в школьном здании.

Обряд жертвоприношения в нагайбакском этносе

Все народы мира прошли через языческую веру. Например, у арабских мусульман было 360 идолов, которым они поклонялись усердно, почти по одному идолу на каждый день года. Сам пророк Мухаммед приглядывался и христианской вере. И население Аравийского полуострова испытало прелести христианства, но Мухаммед не понял или не признал его ценности. Первоначально и аравитяне не признали мусульманство. Сторонников ислама было всего 150 человек. Из истории мусульманства известно, что началом исламской эры является 622 год нашей эры. Запомним эту дату, к ней мы в нашем повествовании обратимся еще неоднократно.

Нагайбаки (крещеннер) и крещены, проживающие компактно в Татарстане (я не могу признать татарского — кряшен — крещенный татарин, в сути которого нам предстоит еще разобраться, начинали, видимо, с язычества, так как, до сих пор помнят и исполняют не мусульманские, а языческие обряды.

Поэтому, не отрицая тюркское происхождение крещен, надо также серьезно рассматривать все версии, вместо того, чтобы повторять басню о поголовном насильственном крещении татар Иваном Грозным после взятия Казани в 1552 году, в результате чего возник этноним «нагайбак». Хотя об этом очень убедительно изложил сам М. Глухов-Нагайбэк. Поэтому хочу рассказать вам, дорогие мои читатели, каким образом нагайбаки Нагайбакского района Челябинской области справляют обряд жертвоприношения, поминания своих умерших родственников.

Бабушка Прасковья

Чья она от роду, бабушка Прасковья, мне достоверно не известно. Была же и она некогда высокой и смуглой степной красавицей. Нагайбачка, дочь переселенного из поселка Бакалы, казака (Бакалы в переводе с нагайбакского означает «Лягушачье»). Этот факт некоторые ученые пытаются использовать для образования «нового этноса» бакалы (Лягушатники). Даже на карте Нагайбакского района Фершампенуаз, правда в скобочках, назван Бакалы.

В девичестве она привлекла внимание видного лихого наездника — казака Егора. Не урен был с виду и дедушка Егорка. Уговорил он все же казачку выйти за него замуж: шла она по собственной воле, но с позволения родителей. Таков был закон казачьей общины.

Унтер-офицер второго отдела Оренбургского казачьего войска, Егор Прокофьевич, считался зажиточным, с хозяйственной жилкой станичником, на землях дарованных русским царем за служебное рвение и доблесть при охране государственных границ Российских от грабительских набегов киргиз — кайсаков. Казачья станица № 3 была выстроена в 1842 году

на левом берегу реки Гумбейки, вблизи слияния ее притоком, рекой Кызыл-Чиликом. Гумбейка и сама была левым притоком могучего Урала.

Более двухсот километров преодолевает она по живописнейшей лесо-степной зоне с северо-запада на юг и, сливаясь со своим старшим братом, знаменитым и неумемным, несущим свои бурные воды в Каспийское море.

Казачий круг, под возгласы: «Любо!» избрал Егора своим станичным атаманом. Служба службой, если признаться честно, семейная жизнь атамана не сложилась...

Передо мной старая, мастерски изготовленная талантливым фотографом, фотография. Она, конечно же, черно-белая. Поразительная резкость кадра. На ней офицерский состав в окружении рядовых казаков-нагайбаков: холеные выбритые лица, все рыцари в казачьем обмундировании, из-под форменных фуражек торчат кудреватые волосы — чубы. Любо смотрится выправка доблестных воинов, защитников Отечества, одетых во все добротное, свое... Кожаные ремни, у всех пашки на боку, сверлящие бесстрашные глаза бойцов-рыцарей, всегда готовых на подвиги и самопожертвование ради спасения Родины и людей, живущих на своей прекрасной земле. Глаза казаков, познавших воинскую честь и доблесть воина.

Плодовита была бабушка Прасковья: пятнадцать раз бывала в интереснейшем положении, дважды рожала двойню, да только не везло ей с детьми: кто-то умер при родах, были и погибшие в походах при охране государственных границ. Муж погиб при исполнении служебных обязанностей. И осталось у нее, вдóвой, под конец жизни трое: две взрослых дочери и сын-последыш.

Последние годы жизни нянчила она любимого внука Федора, названного так в честь старшего сына, погибшего вместе с отцом в дерзких казачьих баталиях при защите Российских земель от набегов кочевников.

Часто, в теплое время года, бабушка Прасковья навещала по субботам могилки мужа и умерших детей, похороненных рядком в самом центре местного кладбища.

Кладбище было маленьким, огороженное деревянной оградой из штакетника, выкрашенного в небесно-голубой цвет. Росли на нём тополя да клены и заросли дикой вишней. В северо-западном углу кладбищенского раздолья теснились заросли белой акации. Заполнялось кладбищенское пространство погостами, отмеченными деревянными православными крестами, поставленными по православным канонам. Мусульман на нашем кладбище не хоронили.

В нашем районе до сих пор существуют мусульманские кладбища: на Балканах, в Кужебае, на Красной горке (за Большой Березовой гривой), южнее.

Дорога на кладбище вела через Горбатый мостик, единственный в те года через Гумбейку, южнее села. От моста на кладбище шла прямая тропочка. Не зарастала она, но и не расширялась в проселочную проезжую дорогу: погибших на войне хоронили похоронные команды на полях сражений. Умершие в годы войны старики и дети обретали покой здесь по истечению срока жизни ...или досрочно, по определению Господа Бога.

Мосток соединял правый берег реки, на котором находилось кладбище, куда переселялись тела умерших, на левом продолжали проживать живые казачьи семьи станицы. Эта была единственная рукотворная переправа через речку вблизи села Фершампенуаз.

Жила бабушка Прасковья в угловом пятистенном доме, выстроенном ее любимым Егором еще при жизни., в 1906 году, там где пересекались улица Набережная с современным переулком Пионерский.

Как-то по осени возвращалась она в задумчивости с кладбища, решая свои неотложные бытовые проблемы по мостику в ненастную плакучую погоду домой. Злые холодные порывы ветра яростно рвали на ней одежду.

В какое-то мгновение ослепило ее то ли солнечным лучом, вырвавшимся из-под обрывков облаков, словно искры посыпались из правого глаза, то ли так дала знать о себе незавидная первая боль пораженного ока. Закружилась от нестерпимой боли ее головушка, покачнуло бабулю в сторону, но крепко еще держалась она на ногах и упрямо прошагала мосток, крестясь и прося благословения у Бога. По придорожной пыли прошла она к переулку до дома.

Вход в дом через «парадный» по крылечку под навес. Дождик здесь ее не доставал. Ветер не продувал этот уголок. Отдохнув на крылечке, бабушка вошла в избу.

С тех пор пораженный недугом глаз стал постоянно напоминать о себе: она стала хуже видеть. И, когда стало совсем невозможно, бабушка пришла за советом к доктору, знающему

хорошо свое дело, в его врачебный кабинет. Хирург внимательно осмотрел больной глаз, обследовал его подручными средствами, какими была оснащена сельская больница. Бабуля молча ждала приговора врача. Хирург медлил, не зная как, какими словами, выразить свои мысли безграмотной старушке. Наконец, он негромко промолвил:

— Крепись казачка, мы с тобой люди взрослые и серьезные. У вас рак глаза в запущенной форме. Если позволишь мне вмешаться в процесс развития болезни, то есть разрешишь мне удалить эту недоброкачественную опухоль, могу продлить твою жизнь на несколько месяцев, иначе конец наступит на много раньше, в течение месяца.

Бабушка Прасковья согласилась. Иного выхода в создавшейся ситуации просто не существовало. Бабушка была в таком возрасте, что предстоящая физическая смерть ее не пугала. Она была глубоко верующей православной и готовила себя к загробной жизни.

— Бог дал мне жизнь, — рассудила она, он ее и возьмет в ему одному известный срок. Она шла домой готовиться к предстоящей нелегкой операции.

Доктор провел операцию аккуратно и выписал домой, когда ей стало легче. Конечно, она потеряла правый глаз, но здоровый видел хорошо.

Прошли обещанные доктором полгода времени, и она стала потихоньку угасать: погружалась во мрак и вновь возвращалась к жизни в слабо освещенную комнату и водила уже последним воспаленным глазом, по обклеенным старыми газетами, стенам. Иногда ее взгляд упирался в выкрашенный белой краской, потолок.

Временами ее взгляд останавливался в красном углу, на православных образах, губы ее беззвучно шевелились, наверное, она на память творила молитвы.

Внук, Федотка, уже не отзывался на зов любимой бабушки и не подходил к ее кровати: то ли он боялся больной бабушки, то ли чувствовал двухлетний малыш близкую кончину близкого ему существа.

Лелеяла она маленького внука: покупала ему красивые теплые вещи, украдкой от молодых угощала шоколадными конфетами, постоянно носила его на своей горбушке, пока совсем ее не покинули силы. Никому не давала малыша в обиду.

— Не гладьте моего дорогого «против шерсти», — приговаривала она.

Тихо, благополучно скончалась она, закрылся бабулин единственный глаз, окошечко в окружающий мир.

Обмыли бабушку самые близкие ей люди, принарядили и уложили в гроб надлежащим образом. Покрыли саваном. Под руками у нее лежала маленькая икона.

Отпевали бабу Прасковью дома. Церковь в те годы уже не существовала. Всю ночь старушки, ее подруги, читали на распев по молитвеннику на все случаи жизни и смерти до самого утра.

На другой день собрались многочисленные родственники и дети, похоронили ее в ближайшем правом углу кладбища, если смотреть со стороны села, у молодых побегов акций. И легла она рядом с внучками Тоней-старшей, Тоней-младшей и внуком Егором, названным так в честь своего деда Егора Прокопьевича.

Позже к ним присоединились бабушка Федотки Мария — по материнской линии. Все они лежат под православными крестами на нашем православном погосте. Родственники постоянно с переменным успехом ведут борьбу с кустами акаций, отвоевывая свободные площади для усопших.

Николай Павлович

Каких только лишений не пережили дети предвоенных и военных лет! Матери-солдатки, подростки на полях колхоза имени «Сталина» изо всех женских и детских сил тащили на себе всю тяжкую мужскую работу, выращивая хлеб войны. Прежде всего он предназначался для пропитания защитников Родины: все для фронта, все ради будущей победы.

Заливаясь слезами от полученных похоронок, трудились солдатки: кровоточили женские сердца, глядя на оставшихся сиротами детей, которых предстояло еще вырастить, дать им первоначальное образование, одним словом «поставить на ноги».

Холодно зимой в не протопленных домах и землянках. В изношенной одежде военные зимы казались необыкновенно холодными, и были они необычайно многоснежными. Холодно...

Заборы и ворота, изготовленные из жердей, продувались с севера на юг или в обратном направлении: от того сугробы ложились поперек улиц дюнами ровень с крышами домов,

от этого они делались не проезжими. На этих горбатых снежных дюнах дети играли в «настоящую войну». Но исполнители ролей фашистских солдат обиженно разбежались по домам. Какая же это война без фашистов...

Николай Павлович по национальности нагайбак, родился в 1918 году в селе Фершампенуаз, в казачьей семье. Отец его боевой казак, Павел Андрианович, дедушка — Андриан — писарь, по этой причине все его потомство носило такое, чисто профессиональное прозвище.

В ходу у нагайбаков ограниченное количество фамилий, поэтому для определения того лица, о ком идет речь, использовали прозвища. Например, кинет — резкий или неожиданный, биш курай — пять тростников, танкист, тракторист, типис-тибис — незаросшая поверхность воды, водоема, сары май — желтое масло или топленое масло.

До призыва в Красную Армию на срочную службу, Николай Павлович успел получить специальность овощевода, учился в городе Троицке по направлению колхоза «Имени Сталина»: была плантация по выращиванию капусты, помидор и огурцов. Здесь же выращивали морковь и лук. Находилась она западнее Длинного озера (Озон Куль), южнее поселка, вдоль правого берега реки Гумбейки. Был он на службе в колхозе бригадиром-полеводом.

Однако время шло. Наступила пора прохождения срочной службы в рядах Красной Армии. С 1939 года по 1941 год, до начала Великой Отечественной войны Николай Павлович осваивал военную специальность сапера. Не успел он отслужить срочную службу, как грянула она, и солдат оказался на фронте в числе подготовленных к военным действиям.

Пять тысяч бойцов Нагайбакского района были призваны в годы войны на защиту Отечества от фашистов-захватчиков, добрая половина из них погибла в этой жестокой схватке миров, только живая половина из них вернулась после окончания войны на свою малую Родину.

Горько было смотреть на искалеченных войной солдат-победителей, уже не пригодных ни на какой деревенский труд, не имеющих никакой гражданской специальности: они умели только воевать.

Многие, без ног, восседали на платформах самодельных тележек, передвигаясь отталкиванием руками от земли. Жили они, выпрашивая подавания у сердобольных соседей, которые и сами едва сводили концы с концами, или просто побирались на улицах села и у магазинов.

Многие вскоре умерли от многочисленных неизлечимых ран, заживо догнивая в доставшиеся им мирные денечки. Лишь небольшая группа счастливых, прошедшая военный ад, вернулась с полей сражений без серьезных ранений.

О душевных ранах и расстройстве, о загубленной солдатской психике в послевоенные годы ученый мир медиков почему-то помалкивал.

Об этом заговорили позже, во времена Афганской и Чеченской войн: ослабели российские бойцы в психологическом противостоянии. Может быть, не до того было в годы смертельных схваток с обнаглевшим фашизмом. Ну подумаешь, стресс... Надо же было восстановить порушенные войной города и села, народное хозяйство, пришедшее в упадок от непосильных тягот...

Одним из редких счастливых был сапер, невысокий, но плотный и плечистый солдат, многократно награжденный за боевые заслуги, дядя Коля.

Он был призван в 1939 году на срочную службу в Армию (до 1938 года казаков на армейскую службу не приглашали, видно, не доверяли казакам). Дядя Коля пришел домой только в 1946 году.

Молодой еще, красавец, без видимых изъянов, нашел он себе достойную подругу: звале ее, по вполне понятной причине, Августой. Она была моложе его — с 1921 года рождения.

Отец ее имел прозвище — «Жандыр» Гриша (Жандыр в переводе с нагайбакского — «подожги, сожги»).

Сосватал дядя Коля Августу Григорьевну по нагайбакскому обычаю. Свадьба состоялась 7 ноября 1946 года, однако, брак был зарегистрирован только в 1948 году, после рождения первой дочери — Любы.

В конце октября выпал снег. Разноцветными звездочками искрились снежные кристаллики в яркие солнечные дни.

Свадьба состоялась в отцовом доме Павла Андриановича, пятистенном, рубленном из лиственницы и построенном в казачьем стиле. Такие дома сейчас называют двухкамерными. В одной из комнат проживал дядя Коля, в другой — его сестра Татьяна Павловна. Вдова, она воспитывала сыновей: Ивана и Геннадия. Отец малышей Борис Филиппович благо-

получно прошел испытания Халкин-Голом и погиб в финскую компанию: православный нагайбак в офицерском звании.

Свадьба фронтовика была небогатой. Однако свадьба каждого серьезного человека проводится единожды, было сделано все, чтобы она прошла своеобразно и запомнилась на всю жизнь.

В комнатах вдоль стен поставили скамейки, столы. Столы накрыты: расставлены угощенья из нагайбакской кухни: ватрушки, хлеб домашней выпечки, пироги с вишневой и клубничной начинками, компот из сухофруктов, «чиелы май» — спелая вишня, после сборов, залитая топленным сливочным маслом. В таком виде вишня хранится всю зиму.

Молочные продукты: каймак (сливки, снятые с кипяченого цельного молока), сузма, красная творожная масса, сливки и прочие сладости.

В разное время пиршества подаются: блины, оладьи, дурчмак (блины с картофельной начинкой), мясо отварное, курник, суп куриный с домашней лапшой (фирменное блюдо нагайбаков), мясо птицы.

Спиртного, купленного в магазинах было мало: в основном пользовались домашним ягодным вином и пивом. Самогон гнать народ еще не был обучен. Да и закон в отношении самогонщиков был суров.

В обеденный час, после всех предсвадебных процедур, невестка с женихом, совершив традиционный объезд «заглавных» улиц села, попытались въехать через ворота во двор.

Но въехать во двор молодожены так и не смогли: то оглобли не вписывались в створ ворот, то сани были слишком широки... Дети, обученные взрослыми, задержали повозки с приданным невестки и невестки с женихом.

Пограничная команда была очень сообразительна: наконец, опустошив набитые мелочью карманы жениха, получив таким образом право на проезд, стороны приступили к следующему этапу свадебного процесса.

Пограничной зоной служили старинные ворота, выстроенные по древнему казачьему обычаю. Опорами ворот служили два столба из карагача. Створки ворот из сосновых досок. Над ними была сооружена аккуратная крыша, которая оберегала это сооружение от воздействия атмосферных осадков.

Отдав детям «пограничную пошлину» и проделав еще кое-какие формальности, жених и невеста вошли в избу. Отвесив поклоны образам, и трижды перекрестившись по православному обычаю, молодожены заняли свои места в красном углу для почетных гостей под образами. Таков был обычай нагайбакских казаков.

Начались поздравления и пожелания, кому-то вдруг горячительное сладкое вино оказалось «горьким».

Обычно тосты нагайбаками произносились в виде песенных куплетов и застолье превращалось в песнопенье. Содержания многих песен сочинялись «на ходу» под впечатлением торжества.

Детвора, чтобы не путаться под ногами у взрослых, заняла свое привычное место под потолком, на полатах, не мешали взрослым, иногда их стриженные «лесенкой» головки высовывались и, получив очередную порцию сладостей, надолго исчезали. И у взрослых, и у детей параллельно шла своя свадьба.

Михайлов день

21 ноября ежегодно по новому календарю отмечается хлебосольный Православный праздник Михайлов день. С глубокой древности современные крещены — этним крещен происходит от названия славянского бога Крышень, которому некогда они преклонялись, от них произошли впоследствии нагайбаки путем слияния людей многих национальностей, исповедовали, как впрочем, и другие народы в начальный период развития языческую религию. Таким образом, они были идолопоклонниками. Эта языческая вера носила название «Тенгрианство».

В детские годы от родителей я постоянно слышал во время грозы: «Кудай бабай тенгрый!» Под этим выражением подразумевалось: «Бог катит по небу на огненной колеснице с раскатыстым громом». «Тенгрианство» докатилось до нашей эпохи через многие тысячелетия. Никто не отрицает, что это был небесный бог степей — кочевников. Количество идолов в «Тенгрианстве» было незначительным по сравнению с количеством идолов будущих исламистов, у которых их насчитывалось до 360. Все они обнаружены в свое время в Мекканском храме.

Как бы не убеждали людей в обратном, очевидным является тот факт, на мой взгляд, что все известные верования начинались с язычества. Только разные народы, в меру объективных причин, проходили этот этап развития по своему избранному пути.

Нагайбаки, как и все тюркские народы, возникли и развивались на славянском поле. Где бы не находились нагайбаки (крещены), они прошли через несторианскую веру (течение в христианстве, основано в Византии Несторием, патриархом Константинопольским в 428—431 годах). Несторианцы утверждали, что Иисус Христос рожден человеком, лишь впоследствии воспринял Божественную природу.

Несторианская вера осуждена как ересь на Эфесском соборе в 431 году. Однако она пользовалась значительным влиянием вплоть до 13 века. Поэтому дева Мария считалась христородицей, а не богородицей, как принято в официальном Православии. Этот аргумент считался достаточным для преследования несторианцев как еретиков.

Однако, в глубокой древности крещены поклонялись и славянскому Богу «Крышню»: отсюда и следует происхождение этнонима крешен, керешен, керечен», но ни в коем случае не «кряшен», нареченный казанскими татарами. Да и слово «кряшен» имеет подоплеку церковного происхождения. Ученые-этнографы в своих работах этот термин не используют. Известно и это доказано антропологами, что нагайбаки-крещены не состояли в родстве с казанскими татарами. Язык крешен не подвергался влиянию ислама. Однако это не мешает казанским татарам обвинить нас в предательстве мусульманской веры. Прошу успокоиться исламистов всех мастей и прекратить преследование «неверных» по религиозным мотивам. Хотя в истории мировых религий, в разделе Ислам пророк Мухаммад назвал и следующего за ним пророка, который явится на Землю с целью приглашения всех жителей Земли в ислам. По просьбе пророка рядом с его усыпальницей оставлено место для захоронения этого пришельца. Он назван, и имя ему Иисус Христос. Имя первого пророка — Адам. Вывод ясен и не требует особых пояснений.

Следует отметить, что согласно данным самого пророка Мухаммада, исламская эра имеет начало, датированное 622 годом. Сами крещены утверждают, что приняли добровольно Православную веру у греков в 615—635 годах. К казанским татарам мусульманская вера начала внедряться с 922 года. Любая вера, как известно, не может быть принята в одночасье. Такой процесс длится годами. Все этносы и национальности названы соответствующими народами и являются самоназванными. На каком же основании крещенам отказано в этом. В ход идут полуправда, искажение фактов или откровенная ложь. Цель такой пропаганды одна — уничтожение этноса крешен. «Забавно-печальная» эта история: во всех, без исключения, энциклопедиях, как истина в последней инстанции, проповедуется идея татарского происхождения крешен. Таков явный отказ на право существования и развития нашего этноса.

Заметим, что нагайбаков в Челябинской области насчитывается около 9000 человек, тогда как татар а 19 раз больше. Нам, конечно, не перекричать их! Несведующих прошу обратиться к работам по национальному вопросу Абдулатипова.

Вопреки мнениям «доброжелателей, жизнь нагайбаков продолжается по своим канонам в русле Православной веры, в которую вклиниваются, как память древности, элементы языческих обрядов.

Итак, 21 ноября, в Михайлов день, после многих траурных поминок, отмечаются как торжественный праздник «Жертвоприношений усопшим близким родственникам». Отмечается он как последний праздник по усопшему. После этого праздника-поминовения такие пышные поминки не устраиваются. Поминают, конечно, только в узком кругу блинами и оладышками, с чаепитием. Не зря говорят в народе: время лечит.

За проведением этого праздника я наблюдал в детстве. Он был посвящен моей бабушке Прасковье.

Военные годы миновали. Страна «зализывала» раны, нанесенные войной. После Победы, в трудные годы восстановления разрушенного народного хозяйства Отечества, появилась надежда на повышение уровня жизни населения. Каждый год в марте месяце правительство снижало цены на продукты питания и промышленные товары. Люди поверили в свои силы и способности. В хозяйствах появились мужики, что привело к укреплению коллективных хозяйств.

Наконец, на семейном совете Михаил с женой решили торжественно отметить поминки жертвоприношением с близкими родственниками, посвятив их усопшей матери. О предстоящем торжестве загодя известили родных.

Женщины занялись подготовкой к торжествам: надо было изготовить подарки пожилым родственникам. Они обшивали или обвязывали подарочные платочки, кстати, подарки сохранялись десятилетиями, напоминая владельцу о своем назначении. Дарили полотенца, вышитые крестом или гладью, женские платки, платья, мужчинам — сорочки-косоворотки и тому подобные приношения. Все подарочные изделия ручной работы, редко их покупали в магазинах. Они же готовили домашнее пиво и горячительный бражный напиток.

Водка закупалась в малых количествах. Денежных доходов на селе не было. Трудодни оплачивались в основном зерном. Перед самым ритуалом выпекали хлеба и булочные изделия с начинками и без: шаньги, всевозможные пироги и пирожки, оладьи и блинчики, курники и рыбные пироги, молочные продукты, компоты из сухофруктов и баурсаки... В кулинарии нагайбачки завидные мастерицы. У каждой из них свой вкус и свои рецепты, одним словом, производственные тайны — изюминки.

К ритуалу приводится корова или телка, желательна белой масти. Известно, что коров такой масти в сельских табунах незначительное количество. Потому они дороги, так как символизируют чистоту отношений к покойнику и благосклонность живых.

С вечера снег со двора вывезен и раскидан по улице. Во дворе идеальный порядок. Подвезли огромный котел (казан), установленный на треноге для удобства разведения огня и приготовления мяса во дворе. Наколоты и сложены сухие березовые дрова у саманной стенки бани.

С вечера стояла зимняя и ясная погода. Звездное небо обещало заморозки к утру. Для уральских мужиков — казаков ноябрьские морозы не создают проблем. Привычные к уральским холодным зимам, они могут работать и без рукавиц.

К началу жертвоприношения, к раннему утру приглашаются самые уважаемые родственники-мужчины: один из них должен заколоть животное, другой готовит казан с водой, чтобы достойным образом приготовить жертвенное мясо.

Наконец, вывели из стойла корову. Она была украшена лентами и вышитым вафельным полотенцем.

Корову обвязали и уложили аккуратно на землю головой на восток. Закололи. При этом полотенце и ленты достались тому, кто ее заколол.

Орудую ножом, мужики освежевали тушу. Чтобы время шло живее, в ход идут всевозможные анекдоты и воспоминания смешных случаев из жизни участников процесса.

Разделяют тушу только ножом, чтобы не повредить кости жертвенного животного. Особое бережное отношение к тазовой кости. Ее ни в коем случае повреждать нельзя. Она имеет у нагайбаков свое название: «Ян башы». Попытаемся перевести это название на русский язык. Надо полагать, что любой перевод с одного языка на другой, вообще говоря, теряет свою выразительность и часть своей смысловой нагрузки. Нагайбакский язык — древнетюркский, на мой взгляд, «мертвый». В нем каждое слово имеет несколько значений. Ян — это душа, баш — либо голова, либо начало. На русском языке «Голова души» звучит грубовато, а вот «Начало души», наверное, ближе к истине по звучанию и смыслу. Конечно же, она не оголена, варится вместе с мясной тканью на ней. В этом ритуале главную роль играет именно тазовая кость. При этом процессом приготовления пищи занят заранее назначенный родственник. У него ответственное задание с самого утра и до глубокой ночи Им был назначен Николай Павлович, близкий родич, молодой еще и энергичный. В его же обязанность входит и охрана этой достопримечательности от похищения.

С этой тазовой костью — «Ян башы» обращаются особенно аккуратно. Она должна быть цельной, неповрежденной и таковой хранится долгие годы после торжества в укромном месте, защищенном от случайного повреждения. Какая кара определена за нарушение ее целостности при неосторожном обращении с ней, мне неизвестно. Очевидно, по языческому «Тенгриянству» мера наказания была предусмотрена.

Николай Павлович аккуратно разместил ее в казане, нарезал кусочки мяса со всех дозволенных органов животного и уложил вместе с «Ян башы», залил водой и развел костер. Заправил варево различными специями.

Некоторые родичи к этому обряду приносили домашнюю птицу на помин души своих умерших близких, здесь же закалывали.

Ворота во двор распахнуты, чтобы соседи или просто прохожие видели, что происходит во дворе.

По мере готовности пищи рядом с очагом Николай Павлович выставил стол: на нем вилка, тарелочка, ножик, рюмочка и к ней бутылочка вина, для угощения прохожих, осме-

лившихся помянуть усопшую. Наливает хозяин очага рюмочку, достает кусочек мяса на закуску.

— Будь здоров! — потчует он.

— Пусть будет пухом земля наша бабуле Прасковье! — отвечает земляк и покидает гостеприимный двор.

Этим заканчивается начальная часть ритуала.

Верхом на коне посылается гонец по родственникам с сообщением, что все готово к проведению торжества.

Тем временем, параллельно идет подготовка к приему гостей в избе. Жизнь была бедна для проведения подобных торжеств, поэтому готовились к ним всем миром при участии соседей и родственников: собирали столы, скамейки, посуду и столовые принадлежности. Во все времена существовала поговорка: «Прежде чем заводить жильё, найди себе доброго соседа». Эта поговорка жива и до сих пор, только в трактовку ее современность внесла свои коррективы.

Тем временем, женская половина участников занята расстановкой мебели в квартире, сервировкой стола. Для начала выставляются только те кушанья, которые приготовила хозяйка дома.

Обычно детей до стола не допускают. Кормят их отдельно, добротно, чтобы не мешали взрослым, не создавали шума и не путались под ногами.

Родственники, проживающие в соседних деревнях, приехали накануне.

(Продолжение следует)

с. Фершампенуаз

Вячеслав Трюнкин

Боги восточных славян

От автора

Благодаря Плутарху и Гомеру,
Гораздо лучше, чем соседний лес,
Мы знаем, чем дышал и жил к примеру
В античные века Пелопонес...

Это начало одного из моих стихов.

А Вам, читатель, не кажется обидным, что мы с Вами лучше знаем мифы и легенды древней Греции, Рима, скандинавские руны, кельтские сказания?

Когда Президент Борис Ельцин пытался озадачить общественность формированием «национальной идеи государства Российского», я для себя сразу определил, что ничего путного из этой затеи не выйдет. Зачем высасывать из пальца то, что существует веками: «Великая Русь, Великая Россия». Вот и вся идея. Просто необходимо воспитывать гражданина России на основе этой идеи. В США — в каждом незначительном офисе — на столе стоит государственный Флаг. У нас — настольный вариант флага России в продаже появился, слава Богу, только совсем недавно. Среднестатистический американец, француз и т. п. верит, что в России по улицам городов «ходят медведи», но зато досконально знает историю своей страны. Всякий ли грек знает, как звали лошадь Александра Македонского? Мы с Вами знаем — Буцефал. Верно? Да.

Я убеждён, необходимо в ущерб объёму знаний по истории и географии зарубежья наш учащийся должен гораздо более углублённо познавать историю и географию своей страны. В нашей истории есть, чем гордиться. Нельзя не помнить родства своего, не знать корней своих.

Я не претендую в предлагаемой книге на истину в последней инстанции. Я использовал те источники, какие мне были доступны. Я хочу донести до Вас, читатель, то, что мне известно о Богах восточных славян периода политеизма. Меня в своё время потряс факт,

что «Русские былины» на поверку — ни что иное, как переложённые на новых героев (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Микула Селеянович и т. д.) подвиги Бога Сварога*.

Тешу себя надеждой, что моя работа заинтересует и подвигнет к написанию более обширной, подробной, научной книги наших профессиональных историков. Если эта моя надежда сбудется, считайте, читатель, что я свою задачу выполнил.

В предложенной мною таблице расположены по значимости известные мне боги наших предков.

Я предлагаю читателю ознакомиться с доступной мне и собранной мною информацией о славянских богах. Я выражаю глубочайшую благодарность всем авторам книг (будут указаны позже), использованных мной в качестве материала для написания этой книги.

С уважением, Вячеслав Тюнькин

РОД — «отец и мать всех богов» — безличное божество, главный бог славянского пантеона, создатель вселенной, хранитель судьбы человека. Родом называли всю вселенную. Род — божество родящей силы. Его основная функция — рождение новой жизни. Поначалу он был заключён в «**Мировом Яйце**», которое потом сам же и разбил. Согласно различным мифологическим традициям богу Роду приписывались так же функции бога плодородия; в этой ипостаси он изображался в виде фаллоса с ликом, или человека с огромным фаллосом. Символом бога Рода была свастика. К великому сожалению в прошедшем (XX) веке этот символ был опорочен нацистами, которые присвоили его себе. Но если Вы посмотрите на первые денежные знаки советской России — Вы непременно увидите свастику и на них. Да, в конце — концов, не в свастике суть-то нацизма! Разве виноват топор, что Раскольников им бабуся зарубил. У меня отец плотником был — так он этим самым топором мог такую красоту сработать...

Непосредственно Родом рождены боги Сварог, Лада, Белбог, Ра, Триглав, Мать сыра земля, а также Корова Земун, Коза Седун и Мировая Уточка.

СВАРОГ — мужское начало, бог неба и духовного мира. Сварог — так же бог-творец, он завершает творение вселенной, достаёт с помощью Мировой Уточки Землю из первичного Океана. Сварог — небесный кузнец. Когда он ударил по «бел-горюч камню» молотом, родился бог огня — Семаргл-Сварожич. Он населил Землю, создал из камня первых людей, научил их кузнечному ремеслу, дал им законы. Сварог — четырехлик, смотрит на 4 стороны света. Сварог — супруг Лады и отец всех богов. Символом Сварога является дуб. Дожившая до наших дней традиция «постучать по дереву, дабы не сглазить» уходит своими корнями в древний обычай: обращаясь за помощью к Сварогу — постучать по дубу. Так что, уважаемый читатель, если стучать — так заведите себе чурку или дощечку хотя бы дубовую, а ещё лучше — вырастите дуб. По крайней мере, одним деревом та Земле больше будет.

ТРИГЛАВ (Троян, Траян, Житный Дед, в то же время — О Триглава) — своего рода, ведическая троица, Тримурти — бог о трёх головах, каждая из которых отвечала за определённое мировосприятие: **ЯВЬ** — реальность, **ПРАВЬ** — предполагаемая истина и **НАВЬ** — морок, мнимость.

Согласно различным мифологическим традициям в Триглав порой включали разных богов. В Новгороде IX века Великий Триглав состоял из Сварога, Перуна и Свентовида, а ещё ранее — из Сварога, Перуна и Велеса, в Киеве — из Перуна, Дажьбога и Стрибога. В женской ипостаси Триглава изображалась с тремя лицами, идола её стояли под открытым небом — на горах, пригорках, у дорог. Во всяком случае **Гимн Сварогу** (по разным авторам — Роду, Триглаву — что по содержанию сомнительно) звучал так:

Велик Триглав Многославенный,
ПервоБог Сварог — дуб-сноп,
Соединяющий сгущённую
Суть пространства Славную,
Ты есть Отец наш,
Каждый есть отрок твой.
Сварог — сгущённой сутью всех сотворивший,
Сварог — Великий Бог от изначалья до бесконечности.

* Русские веды, Песни птицы Гамаюн. — М., 1992.

Я — Родич Твой!
 Тот, кто ищет Бога —
 Первый склонит главу свою
 Перед Сварогом Триединым — трёх сутей вечных.
 Велика Суть Троицы Единства.
 Великую славу Вещему Родичу пою душою.
 Мой голос сливается с Твоим, Сварог,
 Первопроявленным и Изначальным Голосом,
 Отец всему Роду Божественному.
 Изначальный Свет в тебе сияет вечно!
 На Святой земле Отцов в каждом вздохе моём —
 Источник мудрости Вещей Твоей,
 Даже во стуже и во мраке — источник Света и жизни есть для меня.
 И принимаю я соки жизненные с благодатью
 Из родника жизни вечной,
 Продолжаю я Род свой на земле —
 Для Тебя Родичей рощу, повторяя Рода Славного.
 И мы вращаем с Тобой вдвоём время жизни.
 И каждый повсеместно будет творить чистый путь.

ЛАДА — женское начало, богиня любви во всеобъемлющем понимании, красоты, очарования, покровительница брачных уз, богиня невест, благополучия и согласия в семье. С наступлением весны, когда Природа вступает в союз с Ярилой, наступали Ладины праздники. В эти дни играли в «горелки». С Ладой связано её дитя: Лель (Леля, Ляля). 22 апреля — весенний праздник — «Ляльник» — на лугу собирались девушки, выбирали Лялю, наряжали в Белые одежды, перепоясывали руки и талию свежей зеленью, на голову надевали венок из весенних цветов; вокруг водили хороводы, пели песни, просили об урожае. Жена обращалась к Ладе с просьбой сделать её более красивой в глазах мужа. Ладе приносили жертвы безбрачные. Праздник в её честь — 25 мая, назывался «Стадо». Мать почти всех богов, супруга Сварога. Она же — рожаница, спутница Рода, мать — Родиха, помогающая при родах.

Гимн Ладе звучал таким образом:

Лада — родная моя, сотворившая мир в любви.
 Лада — родная моя, стоворившая мир Славный.
 Лада — Первома́ть Изначальная, из божественного Рода Родившая Меня —
 Чиста, сиятельна и горда,
 Моя славная доля.
 Ты даровала мне путь Звёздный —
 Матушка, Первома́ть Славного Рода,
 Родившая и меня и моих детей.
 Да увеличится Род Лады Славной,
 И продлится время любви.
 От божественной любви яркой и страстной —
 Вспышки священного огня —
 Искры сыплют на Землю,
 От этих искр Славы встают и рождаются во мне.
 И творить мне великие дела
 Во имя Лады Нежной
 Постоянно и с любовью.
 И любовью наполняться мне добро и страстно,
 На зорях ясных — повторяя богов и приветствуя.
 И станет доля моя усладна
 Как Род и Лада повелели.
 И станет доля моя чиста
 Как Род и Лада повелели
 И станет доля моя наполнена
 Как Род и Лада повелели.

Первоматерь священной Земли — Лада,
 Уйми ты всякое зло,
 Укрой от хитростей и от напастей в моей жизни очищенной.
 Первоматерь священной Земли — Лада,
 Поглоти ты силу чёрную,
 В бездны кипучие, в смолу заклей, запечатай.
 И жизнь моя очистится.
 Первоматерь священной Земли — Лада,
 Утоли ты внезапную злобу, дышащую ненавистью, брызжащую завистью, если есть вокруг.
 И жизнь моя очистится.
 Первоматерь священной Земли — Лада,
 Приведи покой на любовные неприятности, сдержи холод сердечный.
 И придёт нега чистая в жизни ясной моей.

БЕЛЬБОГ (Белбог, Правда) — общий бог светлых космических сил. Согласно различным мифологическим традициям, Белбог может быть представлен как божество солнца, достатка, милосердия. Белбог является только днём, выводит на дорогу заблудившихся путников, помогает жнецам в работе. В Белоруссии Белбога представляли стариком с длинной белой бородой и белым носом. Символом Бельбога является белый лебедь.

РА — бог солнца. В разное время года бог Ра имел различные ипостаси:

Хорос (Стратим, Суне, Сурья) — от зимнего солнцестояния — до весеннего равноденствия (12 декабря — 21 марта). Сын Сварога, Супруг Зари-Зареницы. Вместе с другими богами освобождал Перуна из заточения. Южные славяне изображали его козлоногим козлоголовым четырёхрогим человеком, псковичи — человеком, стоящим на змее с копьём в правой руке и мечом — в левой. Существуют описания Хороса в виде солнечного белого коня. Инкарнация Хороса — птица Алконост — управляет ветрами и погодой, сестра других светлых птиц — Рарога и Стратима (см. выше), когда она на крае моря рождает детей своих — семь дней стоит безветренная погода. Хоросу посвящены два славянских праздника в году, связанные со Световидом, Ярилой — дни летнего и зимнего солнцестояния в июне (когда с горы к реке обязательно скатывали тележное колесо — символ Солнца) и декабре (чувствовали Коляду, Ярило).

Ярило — от весеннего равноденствия — до летнего солнцестояния (21 марта — 21 июня). Сын Матери Сырой Земли и Рода, бог солнечного диска, бог земледелия и плодородия («Куда Ярило взглянет — там колос зацветёт»), бог — воин. Противник Кашея Трипетовича, был обращен Кашеем в Зайца, но потом его расколдовал Велес. Осуществляет связь между богами и человеком. Может направить на блуд, а так же отвести от ононого. В Костроме существовало обыкновение во всесвятское заговение хоронить Ярилу в образе куклы с чрезвычайно развитыми производительными принадлежностями.

Гимн Яриле звучал следующим образом:

Яр-Свет Златокудр.
 Вещий странник богов.
 Ясен и чист твой путь в поднебесье,
 Гой вещего слова божьего.
 Ты — вестник и посланец мудрый —
 Весть мудрую ты несёшь всем.
 Слышу зов мудрых посланий
 И творю судьбу свою чистой, ясной.
 Ты пойдя, Весть обо мне
 На все четыре стороны света —
 Люду торговому, даровитому,
 Люду знатному и желанному,
 Князьям богатым и княгинюшкам ласковым.
 Ты посеи злато богато на судьбе моей,
 А я согнусь и всё соберу —
 До последнего зерна светлого —
 Всё в закром ляжет во славу твою,

Ярило — Государь.
Ярь, Ярь, ещё Ярь!
Ярь, Ярь, ещё Ярь!
Ярь, Ярь, ещё Ярь!

Дажьбог (Дажба, Дашуба) — от летнего солнцестояния — до осеннего равноденствия (21 июня — 23 сентября) — сын Перуна и русалки Роси, солнечный бог, прародитель русского народа (согласно «Велесовой книге», породил русских людей через Корову Земун), супруг Златогорки, Марены, Живы. Согласно различным мифологическим традициям, может трактоваться как один из древнейших славянских богов — бог всей Вселенной. Изображался как всадник с большой головой — Солнцем. Ипатьевская летопись 1114 года: «Солнце цесарь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе бо муж силён... от него начаша человецы дань давати цесарем».

Овсень (Ясень, Таусень, Баусень) — от осеннего равноденствия — до зимнего солнцестояния (23 сентября — 12 декабря).

МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ — богиня земли и плодородия. Мать змей, Змея-Горыныча, Волха.

КОРОВА ЗЕМУН — небесная корова, мать Велеса. Спасла своего сына от разъярённого Перуна. Из её вымени течёт молочная река по саду Ирия. Молоко из вымени Коровы Земун (вместе с молоком Козы Седунь) — субстрат происхождения Вселенной (Млечного пути). «И тут Корова Земун пошла в поля синие и начала есть траву И потекло ... молоко по хлябям небесным и звёздами засветилось над нами в ночи» («Велесова Книга»).

КОЗА СЕДУНЬ — небесная коза. Из молока её вымени вместе с молоком вымени Коровы Земун произошла наша вселенная — Млечный путь.

МИРОВАЯ УТОЧКА — плавает под корнями Дерева Жизни — мать всех демонов и демонических сил. Птица, породившая мир. В легендах о сотворении Мира её часто заменяет Сатана. Иногда она представляется в виде белого гоголя (который и есть — Бог) и чёрного гоголя — Сатаны.

Перун — сын Сварога и Лады, супруг Дивы-Додолы и отец Дажьбога — бог грозы и войны, покровитель витязей, хранитель устоев и порядка во вселенной, воинственное добро (добро с кулаками). Победил Зверя — Скипера, Морского царя и Велеса. У киевского Перуна — ноги из железа, сам — из дерева, голова серебряная, усы — золотые, в руке — символ молнии, так называемый «чёртов палец» — белемнит. Перед ним горел неугасимый огонь из дубовых брёвен. Если у проходящего мимо не было приготовленной жертвы — жертвовали волосы с головы и бороды. Перунов день — 21 июня, ныне — день Ивана Купаны. Перуну служат богатыри — Волоты: Горыня, Верни-Гора, Валигора, Вертигор, Дубыня, Дубодёр, Ветролюб, Вырвидуб, Елиня (ель), Лесиня (лес), Дугиня (дуги гнёт), Бор, Верни-Вода, Запри-Вода, Поток-Богатырь, Усыня, Медведко, Соловей-Разбойник (ураганный ветер), Сила-Царевич, Иван Попялов (Попел), Святогор, Вода, Гром, Молния, Град, Дождь и т.д. На неделе день Перуна — четверг («после дождичка — в четверг...»). Перуну посвящались дубовые рощи, где под стахом смерти запрещалось рубить деревья, реки (Буг, Волхов). Перунов день — 21 июня, день летнего солнцестояния, день празднования Солнца, его круговорота — «Коло Сварога», («Кополо»). Ныне совпадает с днём чествования Усекновения главы Иоанна Предтечи — днём Ивана Купалы. Славянский праздник «Купало» — важнейший праздник славян. В этот день Солнце в нарядной колеснице из небесного чертога выезжает навстречу Месяцу. В это время Ярило и др. божества мужского семени выполнили свою миссию, семя дало всходы, поэтому Ярило (Купало) могут и должны умереть. В ночь на 24 июня был обычай — не спать: караулить встречу Месяца с Солнцем. Славяне уходили на холмы (Ярилина плешь — у Преслава Залесского, Лысая гора — близ Саратова, Воробьёвы, Девичьи или Левины горы и т.д.), или на поляны у рек, жгли костры, пели, водили хороводы, «ручейки». С шутками, притворными плачами, непристойными песнями сжигали соломенные куклы Ярилы, Купаны. На рассвете все участники праздника купались, чтобы снять с себя злые немощи и болезни. Символ бога Перуна — как и Сварога — дуб.

Гимн Перуну:

Перун — божественный ратник Золотых Вед!
 Перун — дарующий силу вещую, силу звонкую, плодородную.
 Перун — ты священный огонь,
 Ты — живой огонь — воссиявший радостно многоцветием
 цветов первозданных. Бог Перун — Искромётная Веда Небесная,
 Бог бесстрастной Правды Небесной,
 Ты всегда в чести борения.
 Ты услышь зовущих тебя!
 Моё сердце честное — в сердце твоём,
 И храню я честь и достоинство, вспоминая о чести твоей.
 Ты вложил в мою плоть оружие — чистоту души моей светлой.
 Тот божественный дар сохраняю я — Огонь Вещий Священный.
 Хлебом сытным своим я тебя дарю —
 Проявись в моей жизни
 Оком пламенным, дабы видеть мне всё,
 Проявись в моей жизни
 Словом пламенным — словом Мудрости,
 И пусть правит оно моей жизнью.
 Велика твоя суть — Родом данная.
 Ты открыл мне путь, и пусть будет так.
 И пусть будет так на века.
 Слава тебе, Родич Перун!
 Слава тебе, Родич Перун!
 Слава тебе, Родич Перун!
 Бог чистоты жизни моей.
 Бог славного Огня Вещего.
 Бог, соединяющий силы мои в благодать великую, истинную.
 Слава тебе, Перун — Бог!
 И ночью и днём — ты всегда со мной,
 Ты сияешь всегда разноцветным огнём.

ВЕЛЕС — сын Рода и Коровы Земун, супруг Бури-Яги — бог мудрости, богатства, скотий бог, главное божество русских крестьян, покровитель жрецов и поэтов. Велес учил землю пахать, злаки сеять, жатву творить на полях страдных, ставить Сноп в жилище. Соперник Перуна в свадебном мифе. В северной Руси — один из верховных небесных богов. Велесу жертвовали золото. Ему оставляли на ниве в дар несколько стеблей злаков («Велесову бороду»). В то же время имя Велеса связывается с культом мёртвых, душ умерших, предков. У восточных славян изображался медведем, у западных — человеком с головой медведя.

Светлая инкарнация бога Велеса — **Птица Гамаюн** — вещая птица, посланник богов, прилетает на блаженный Макарийский остров петь книгу «Песен».

Тёмная инкарнация бога Велеса — **Птица Сирин** — в то же время может являться инкарнацией Кашея-змея (царя подземного мира). Под песни птицы Сирин человек засыпает навечно (умирает).

Обе птицы от головы до пояса — девы, от пояса до хвоста — птицы.

Гимн Велесу:

Велес!
 Держишь Ты пелену творения надо мной во благо,
 За что дарю Тебя всем, что есть у меня.
 Велес Щедрый, ты владеешь благами.
 Ты смотри, как я наполняю жизнь светом Мудрости —
 Сутью божеской,
 Возрождаясь к новому, воплощаю благо.
 Благами дарю Тебя, Велес, и славлю,
 Бог Великих Законов,
 Высший мудрый наставник.
 Слава Тебе, Велес, бесконечная и ясная,

Чистая, как свет — Слава.
 Твои глаза — в моих глазах.
 И смотрю я на всё вещим оком Твоим.
 Смотрю и вижу — как благу быть в жизни моей.
 Смотрю и вижу вещим оком — как уберечь и умножить закрома Твои.
 И пою хвалу Тебе тем что славна доля моя,
 И слова эти множат силу во мне —
 Силу могучую, во всём проявленную.
 Ты в небесном творении проявляй её.
 Я в Твоём двойнике земном умножаю её.
 И сливаемся мы в светлом потоке усладном,
 Насыщаясь светом Звёзд Благоденствия,
 Сутью Вещих прозрений в делах моих.
 К Велесу Мудрославичу взываю я, отдавая то, что есть во плоти.
 Насыщайся жизнью Земной в доме,
 Дел моих освяти посещением.
 И в доме моём будет благо Тебе.
 И в делах моих будет сытно Тебе.
 Вся семья моя ждёт Родича-Велеса.
 Слава Велес-Родич тебе!

ЧЕРНОБОГ (Кашей, Чёрный змей) — сын Мировой Уточкой, второй супруг Марены, бог смерти, олицетворение зла, повелитель бесов и Нави, начало всех злоключений и пагубных случаев. Мог изображаться в образе льва, иногда — с факелом, или облачённым в броню с лицом яростным, с разящим копьём в руках. Инкарнация — **Чёрный Змей** (Индрик-Змей, Индрик-Зверь, Дракон), повелитель тёмного царства. В жертву ему приносили коней, пленных, специально предназначенных для этой цели людей. Символ — чёрный лебедь.

МАРЕНА (Мара, Мармара, Маржана) — вторая супруга Дажьбога, будучи украдена Кашеем, стала его (Чернобога) женой и противницей Дажьбога. Была сожжена Дажьбогом. Богиня смерти от болезней Богиня сна. Ходит по ночам, стучит в окно, вопрошает: «Что делаете?». На ответ: «Богу молимся» — уходила, на ответ: «Спим». — «Ну, спите вечно...». Но в то же время — и богиня ведической силы, может давать исцеляющую силу. Богиня знахарей, волхвов, кудесников, чародеев.

Гимн Маре:

Не мор, не Морока —
 Не смеем мы славить.
 Но буду славить я Мару-Ведунью.
 Когда ты была девой юной —
 Молоденькой девой —
 Маринка ласковая да нежная.
 Когда алый цвет на щеках твоих соком сочным малиновым,
 И грудь твоя сочится —
 Ты — рожаница доли нашей.
 В этом страстном родстве со мной ты любовью исполнена,
 И ты любишь меня, как ребёнка желанного.
 Слава тебе, Мара Ведия!

«Дети» ЛАДЫ:

СВЕТОВИД (Святовит, Свентовид) — бог неба и света балтийских славян. Идол Световида стоял в святилище в городе Арконе — выше человеческого роста, с четырьмя головами на четырёх отдельных шеях, смотревших в разные стороны, с обритыми бородами и стриженными волосами. В правой руке он держал рог, который ежегодно наполнялся вином, левой — подбоченясь. Одежда опускалась до голеней. Пьедестала — не было, ноги стояли на полу. Поблизости находились узда и седло, огромный меч в дорогих ножнах — как принадлежность бога — наездника-воителя. Ему был посвящен и содержался в холе Священный конь Святовита — белый, с длинными никогда не стриженными гривой и хвостом; стричь их

считалось святотатством; только один жрец Святовита имел право кормить коня и садиться на него.

СТРИБОГ (Стратим — см. Хорос) — бог вихря, урагана, ветра. Имя его означает «свистящий, вьющий». Вечно воюет с Овсеном и Зарёю-Заррянницею. Ветры — Стрибожьи внуки. Вместе с другими богами освобождал Перуна из заточения. Родоначальник славян. Жрецы Стрибога предсказывали будущее по внутренностям воронов, приносимых в жертву идолу

ЛАД — бог согласия, дружбы, примирения.

ЛЕЛЯ (Кострома, Додола, Дива, Перуница) — дочь Семаргла, супруга Перуна — богиня грозы, молнии, дождя, плодородия, молодости, любви, лета.

Гимн Леле:

Славлю Тебя, Леля — как Радость — Красавицу!
 Славлю Тебя, Леля — как Радость Жизни!
 Славлю Красоту Юную, Свежую, Нежную!
 Смешав меня с Солнечной сутью,
 Ты смешала соединив меня с Собою.
 И в нас отныне — всего поровну на двоих с Тобой.
 И храню я свет этот, Леля —
 Ты в каждом дне светлом соединяешь меня с травами, с зельями зачарованными.
 И от этого я свежа и легка в дне каждом
 И становлюсь Девой — избранницей
 И услодой для богов Солнечных.
 Леля, Тыохранишь во мне негу сладкую,
 И, приняв Красоту Земную, стала я Красотой — Изначальной.
 Взяв Земное корение, воссияла я Материнством
 И вольна я стала в любви своей.
 И мужи — тем более — вольны выбирать
 Свет Любви моей Изначальной.
 В этом видится новая суть —
 Радость верной Любви и вечной.
 И уйдёт от нас блуд живота, и придет страстность — Нега.
 Будет Леля нам детей ласкать, Взгорячив нам кровь для Рождения.
 За рождёнными — дух-воитель охранный Леля нам посылает — Сияющий.
 Я люблю! И люблю зачарованно.
 Я люблю! И люблю пуще прежнего.
 Я люблю! И люблю во славу и радость.
 Леля — свет любви изначальной.

ЛЕЛЬ — бог любви и страсти, солнечное ласковое божество. Сын Красоты. На Руси изображался златовласым (иногда — крылатым) юношей с горшком, в котором растут злаки.

ПОЛЕЛЯ (Полель, Годун) — бог брачного ложа. Его изображали в белой простой будничной рубаше и тенровом венке, такой же венок одной рукой он подавал супруге — благославляя на будничную жизнь, тернистый семейный путь, другой — держит рог питья верности; одет в тонкую ризу или рубаху; в его прямом подчинении — **Люб** — мохнатый златовласый кот — хранитель брачного ложа.

ЗАРНИЦА (Заря-Зареница) — супруга Хороса, богиня утренней зари.

ЖИВА — третья супруга Дажьбога, богиня жизни, весны, воплощение жизненной силы. Спасла Дажьбога от своей сестры — Марены. В городе Ратиборе её чтили веселием и невоздержанием, идол украшен был золотом и серебром, цветами на груди; в одной руке — яблоко, в другой — ветка винограда с зелёным листом, волосы свисали до ног. Даровала продление жизни, урожай злаков. В первые дни мая к её храму стекался народ просить о долгом здравии. Во время уборки урожая ей жертвовали плоды и хлеб. Однажды, убегая от волотов — потеряла платок, ленту и гребень, из них образовались Море, Река и Лес.

СЕМАРГЛ (Симаргл) — бог огня, бог огненных жертвоприноше —ний. Священная крылатая собака, охраняющая в то же время семена и посевы. Впоследствии олицетворялся с Переплутом. Культ Переплута справлялся в Русалочью неделю (накануне Ивана Купалы). В первой битве светлых и тёмных сил победил Черного Змея. Посредник между людьми и небесными богами.

МАКОШЬ — богиня судьбы, мать жребия; вместе с помощницами **Долей** и **Недолей** прядёт нити судьбы, ходит по Земле в виде молодой женщины с распущенными волосами и примечает, кто как живёт, как соблюдаются обычаи и обряды. Богиня «наполненных кошелей», хорошего урожая. Обязательный атрибут её изображения — Рог Изобилия

Гимн Макоши:

Славлю я Мать Творения,
 Сохранения, накопления сути сильной под моей ногой!
 Ты чудесно приоткрыла предо мной живичное, тайное —
 Для меня нетронутый родник мудрой силушки,
 Тайник благодати, где растёт золото образов, мыслей
 честных.
 Я поклоны бью, славлю истово
 За сноп мыслей золотых,
 Нисходящих свыше и проросших в суть мою ростком
 истинным.
 Изобильна жизнь моя, Сваргой данная.
 Сыплю искры-ростки на дела мои.
 Я достойно начну свой заклад вершить,
 Чтобы было, что продолжить
 Детям — зёрнам моим на чистую Долю.
 И Недолю чту, добром помню опыт мудрости — причастия.
 Я великих благ посылаю тем,
 Кто обижен мной во брани или во дружбе,
 И пусть будет им благо по судьбе.
 И пусть будут все за дела свои Макошью освящены.
 Так вращает жизнь она по делам моим.
 Славлю я за то с чистым сердцем её —
 Пусть поступок мой будет жертвой ей,
 Всем богам и во имя их.
 Пусть каждое дело моё — под оком святым растёт,
 Процветает треба божия
 От земли под моей ногой — к небесам моих дум.
 Солью мудрости, хлебом сытным и крепким делом —
 Ответствую пред Богиней-Судией.
 Слава тебе, Макошь — Судия!

ВОЛХ — сын Мати Сырой Земли и Индрика-змея, супруг Лели. Бог войны и защитник славян. Сверг с престола своего отца — Индрика, взял в жёны царицу тёмного царства — Пераскею, стремился покорить и небесное царство, но по причине любви своей к Леле отказался от этого намерения. Инкарнация — Финист-сокол, птица-воин.

ДЫЙ — сын Чернобога и Марены — бог ночного неба, по другой версии — бог ясного неба.

ВИЙ — сын Чернобога и Козы-Седуни — властитель пекла, повелитель демонов, бог ураганного ветра, отец Горыни, Святогора, Златогорки, Бури-Яги. Изображался человеком с веками до земли, которые бесы приподнимали вилами. Встретившийся с ним взглядом — умирает.

Святогор — сын Вия, волот — великан, охраняет столб, поддерживающий небо.

ГОРЫНЯ — горный великан, волот, известный тем, что отрывал от земли горы и бросал их в своих врагов. Охраняет тёмное царство. Может обращаться в змея.

БАБА-ЯГА (Баба-Йога; сравни — Буря-Яга) — лесная старуха, волшебница, колдунья, супруга Белеса. По некоторым сообщениям — богиня войны. Хозяйка старушки, стоящей на границе двух миров. Вместе с Белесом победила Дажьбога и приковал его к дубу.

ПОЛКАН (Полуконь — аналог кентавра) — полубог, сверхестественных сил, прыткости, бега, лесное божество, защитник леса, пастух божественных коней. Полу конь охранял солнечных коней Световида, стада богов Солнца или богов Громовержцев. Известны и мужские и женские особи.

ПОЗВИЗД — бог бури и непогоды. Свирепый страшный северный ветер. Изображался в огромном развевающемся плаще-накидке.

ПОРЕНУТА — бог — покровитель мореплавателей, пятиликий: 4 лика — на 4 стороны света, пятый — расположенный на груди, который держал он левою, а подбородок — правую рукой, смотрит вниз — выскивает мели. Попечитель справедливости, благославлял дружбу.

УСЛАД (Ослад, Хмель) — бог веселья, блаженства, наслаждений, пиров. Радость на лице, румянец на щеках, улыбка, венки из цветов, небрежно одет в лёгкую ризу. По другим данным — солнечное божество с крестом (символом солнца) в руке, что вызывает сомнения ввязи со звучанием имени — первая версия мне кажется более верной.

ДЕВАНА (Диана) — богиня охоты. В то же время — богиня девственной непорочности.

КУКЕР (Кукиш) — бог плодородия, по другой версии — символ бога Рода, изображающий собой фаллос.

ЧИСЛОБОГ — бог времени, покровитель звездочётов. Изображался с полумесяцем на груди (NB! Лунный календарь).

ПРОК — бог торговли и ремесла.

КРЫШЕНЬ — бог крова.

КОЛЯДА — воплощение новогоднего солнечного цикла, представитель Начала Времени. Почитался богом мира. Его праздник — 24 декабря, откуда и дошёл до нас обычай «колядовать».

ЛЕШИЙ — бог — покровитель, хозяин, дух леса. Старик с заострённой головой, с костью в виде топора на груди, обе ноги — левые, заросший шерстью, но без бровей; рост меняется в соответствии с высотой окружающей растительности. Наделён отрицательными — «левыми» признаками: левая сторона запахнута на правую, левый лапоть — на правую ногу, м. б. кривым на левый глаз, хромым — на левую ногу, одет в звериную шкуру. Не любит пьяных — убивает. Любит шутить над людьми, вода кругами по лесу; чтобы избавиться от наваждения надо перевернуть назад шапку или вывернуть наизнанку одежду. Иногда подменяют детей, которые живя в лесу, забывают человеческую речь, а лешачата, выросшие в семье человека — не уважают родственников, потенциальные отцеубийцы. Ночью в лесу свистеть — разбудишь Лешего.

ВОДЯНОЙ — воплощение стихии воды, бог — покровитель рек и озёр, владелец подводного царства. 1 апреля просыпается Водяной, голодный, с досады ломает лёд, малую рыбу мучает, большая — сама уходит. Не задобришь — улова не будет. Поэтому весной приносили ему в жертву коня с обмазанной мёдом головой.

Устройство Мира наши предки представляли себе следующим образом:

СВАРГА (Ирий, Вырий) — небесное царство богов, аналог рая, где живут Сварог, Сварожичи, предки славян. Существует версия, что Сварга располагается в районе Урала (УРА лежащего).

ПЕКЛО — славянский Аид. Существует версия, что Пекло располагается в районе Кавказа.

ДАСУНЬ — тёмное царство, населённое демонами.

Во временном восприятии Мира наши предки сформировали такое понятие как **КОЛО СВАРОГА** (Колесо Сварога), составными частями которого значились: **Сутки, Год, Полный оборот земной оси**, который составляет 26 000 лет, 12 эр — аналогичных зодиакальным — по 2160 лет.

Приложения

Баллада

Не томи.
Не надо.
Полно —
Для тебя, моя краса,
Всё исполню!
Я наполню
Вольным ветром паруса.
Вместе с Навью или Правью,
Как певал баюн-Боян,
Струги я свои направлю
В беспокойный Окиян,
Прямо к острову Буяну —
Где там камень Алатырь? —
В край, куда удача манит —
Мой неверный поводирырь.

По велению Перуна
Ветры — Стрибожьи сыны —
Снасти рвут.
Поют, как струны,
По волнам бегут челны.
На крылечке ли у дверцы,
Ждёшь ли ты на берегу —
Словно ладанку,
У сердца
Локон милый берегу.
А на острове Буяне —
Там, где камень Алатырь —
Коли Карна не обманет —
Исполняются мечты.

Не видать далече дома —
Небеса да Окиян.
Вон — уже у окоёма
Зримый в мареве Буян.
Берег ближе...
Волны тише...
Рдеют сполохи Зари...
До чего печально — слышишь? —
Для меня поёт
Сирин.
.. Я на острове Буяне
Там, где камень Алатырь —
От тоски и неги пьяный
Рву забвения цветы...

Шабаш

1

Вальпургиева ночь

Темна Вальпургиева ночь —
Черна до невозможного.
Роятся тени за окном.
И тишина — тревожная.
За тучи спряталась луна,
Обманчиво-стыдливая,
Из душных омутов, со дна
Орда ползёт шумливая
Смущать грядущею бедой,
Погибелью бесславною
Да Соломоновой звездой
Россию православную.
Рассвет затеплится едва
Над вешними просторами —
Пойдут качать свои права,
Смущая наговорами
О том, что есть иная жизнь —
Хотя бы насекомая —
И заклубятся миражи
Знакомые знакомые.

2

Домовые

Как и мы с тобой живые —
Вот у бабушки спроси —
В кои веки
Домовые
Расселились по Руси:
Неприметные такие,
Завсегда они в тени,
К судьбам нашим — не глухие,
Вездесущие они.
Деловые — деловые —
Днём и ночью, там и тут —
Домовые,
Домовые,
Домовые —
На посту:
Кто — под лавкой,
Кто — под печкой,

Кто — в чулане,
 Кто — в трубе —
 Ловят каждое словечко,
 Всё-то знают о тебе.
 Ты его со зла — то —
 Матом! —
 А они себе спуют:
 Берегут уют домашний,
 Берегут твою семью.
 В каждом доме из-за печки
 Уши длинные растут —
 Испокон веков и вечно
 Домовые на посту.

3

Тих заилленный омут —
 Ни шурят, ни плотвы.
 Нету лучшего дома
 Для хвостатой братвы.
 И тепло и уютно,
 Как в избе у огня,
 И всегда — многолюдно:
 Колготится родня.
 Напрочь Богом забыты,
 Вспомнит — значит хула.
 Но зудятся копыта
 На большие дела.
 Скоро сгинут морозы,
 Ледяная шуга...
 Вот придумаем козни
 И покажем рога.

4

Омут

— На берёзку на плакучую
 Горе горькое надену я,
 Излюблю тебя, измучаю —
 Никуда-то ты не денешься.
 Опостылят девки красные —
 Златокудрые румяные,
 Ажно станут понапрасными
 Брови чёрные сурмяные,
 Незалюбишь запах ладана,
 Моему отдашь зову ты.
 Витязь любый ненаглядный мой,
 Ты со мною канешь в омуте...

В ночь глухую на поляне я.
 Где покой настоян травами,
 Осажу коня буланого
 И напьюсь твоей отравы я.
 У берёзки — у качалочки,
 Оберег пруда глубокого,
 Дарит ласки мне Русалочка —
 Белолика, ясноокая.

Знаю, жизнью за усладушку
 Заплатить придётся молодцу.
 ...В косы шёлковые ладушки
 Одолень-трава приколоты...

5

Ах, не я ли славилась
 С малых лет
 Первою красавицей
 На селе,
 Да пошла за суженым
 В ковыли —
 Бабы пересудами
 Извели.
 Выстыла порожняя
 Комната,
 Привела дороженька
 К омуту.
 Волосы расчёсаны —
 Не в косе,
 Да ногами босыми
 По росе.
 Будет полнолуние
 Впереди —
 Суженый, к полуночи
 Приходи,
 Поиграем в салочки —
 Я и ты.
 ...Озеро русалочье.
 Омуты...

6

Вамп

От заката вплоть до утренней зари
 Ходит бродит одинокая луна.
 Ты окно в опочивальню отвори,
 Насладись её дыханием сполна.
 А когда на белоснежную кровать —
 На постель твою — слетятся упыри,
 Станут шею твою нежно целовать —
 Ты об этом никому не говори:
 Отчего твои голодные уста
 Лихорадочно — загадочно горят.
 Видишь, как она порочна и чиста —
 Забубённая любовь нетопыря.
 Все сокровища не стоят ни гроша! —
 Ты желанием несбыточным полна.
 ...В тёмном небе одинокая душа —
 Неприкаянная полная луна...

7

Отродясь с бородой да с усами я,
 Я ношу наизнанку кафтан.
 Говорят, я — поделник Сусанина,
 А по крови — лесной атаман.

Грибники да охотники пешие
Любят байки травить про меня,
Безобидного скромного Лешего,
А боятся — так плуще огня.

Кто б ни сгинул — виновен вестимо я —
И какого мне надо рожна!
Говорят, щекотунья — Кикимора —
Так моя — по закону — жена.

Вот те крест! — Не знавался я с нечистью,
У меня ж ни рогов, ни хвоста,
Не питаюсь душой человеческой —
Это суцая есть клевета.

Я для вас заготовлю всё загодя:
И зверушек и птицу пасу,
Да грибы поставляю, да ягоды —
Соблюдаю порядок в лесу.

Нет, за глупые страхи попрятались
И дрожат, как осиновый лист.
И за что это столько напраслины
Возвели на меня, наплели?

Мне б росинку тепла и доверия —
Я бы вас не оставил в беде.
Да глубоко, видать, суеверия
Угнездились в душе у людей.

Обрастаю с тоски волосами я,
Я людей обхожу за версту.
Говорят, я — подельник Сусанина...
Да ещё небылицы плетут.

8

Триста тридцать годков, сердешная,
Влюблена безответно
В Лешего.
В печке варево пересолено...
Куры ножки поизмозолены...
А избушка-то покосилась...
А метла — давно износилась...
А ступа намедни потрескалась...
Кот-Баюн сбежал перелесками...
Костяная хромает ноженька...
Позабыта ко мне дороженька...
Мудрый Филин не тешит песнею...
Не пора ли уже На пенсию —
Коротать досуг мемуарами.
Ведь, поди ж ты, и вправду старая...

9

Луна серебряным рублём
Венчает звёздные копейки...
А мы с тобой — баклуши бьём
На покосившейся скамейке.

Давай, тебя я уведу
К давно заброшенной сторожке,
Где есть кувшинки на пруду
И серебристая дорожка,
Где пахнет сеном и жнивьём,
Где безголосая кукушка
Для нас с тобой ещё споёт
Под всенародный хор лягушек,
И где фиалка — невпопад
С бодрящим запахом полыни,
И где — вполнеба! — звездопад —
Всё для тебя, моя богиня.
Не прячь лукавые глаза
И цвета вишни спелой губы —
Какая ночь!
Какой пейзаж!
А в небе —
Неразменный рубль.

10

Я ждал. И ты ко мне утоп.
Будь гостем, добрый человек.
Я, как и ты, совсем не вечен,
А ты — наследник, не холоп.
В моей душе сквозит печаль,
А в бороде — седая тина.
Мой друг, болотную пучину
Приемли с царского плеча.
Порядок надобен в стране —
Приемли бремя Водяного.
Секретов и сокровищ много
Надёжно спрятано на дне:
Есть серебро, есть жемчуга,
Гарем прелестнейших русалок,
Куда вовеки не ступала
Живого смертного нога.
Своей бы правил я рукой,
Когда бы да кабы не старость,
Но всё течёт... И мне осталось:
«Извольте, значит — на покой».

В душе моей сквозит печаль,
А в бороде — седая тина...
Мой друг, болотную пучину
Приемли с царского плеча.

11

Купала

Ночь темна на Ивана Купалу.
Молчаливо деревья стоят.
Я по тропам змеиным ступаю —
Тем, что древние клады таят.
Правит миром нечистая сила
Там, где папоротники цветут:
Чу! Заухали хором, завьили
За спиной и вокруг — на версту.

Я шепчу заговоры Бессмертных,
У колен расстилаю платок,
Приношу, как положено, жертву
И срываю заветный цветок.
Он в руках полыхает так ярко!
И как будто разверзлась земля,
Стеньки Разина и Кудеяра —
Все сокровища разом — суля.
Только звёздочка с неба упала...
Сердце стынет — ужели моля?

Ночь темна на Ивана Купалу.
Сиротливо деревья стоят.

12

Вий

Очертя себя кругом,
Заклинанья читаешь...
Поглянись-ка, подруга,
Будь ты трижды святая.
Помани меня бровью —
Полюблю, полелею,
Я, конечно, не ровня
Златокудрому Лелю,
Может быть, неказистый,
Да, однако, мужчина,
Лет назад этак триста
Обручённый с Кручиной,
Не такой и убогий —
Есть поганей в народе
(Не с лица же, ей Богу,
Пить студёную воду!).
Я по-своему светел,
Стань моею отрадой —
Вот увидишь, на свете
Нет пронзительней взгляда:
Неуёмная сила
Затаилась от века...
Стань, желанная, милой

...Поднимите мне веки.

13

Я зловредную Кикимору
Из болот поганых выморю,
До чужой души голодную,
Омерзительно холодную.
Батогами её вправлю я,
Да плясать её заставлю я —
Да с прихлопом да с припевками —
Станет нечисть красной девкою:
И румяна и осаниста —
Чем не русская красавица —
Жемчуга по платью — россыпью,
А венец — Ярилы — росича,
Дабы запросто опешили

Водяные, черти, лешие —
За тридевять земель, за три моря —
Пусть дивятся на Кикимору!
А покуда между делом я
Домового парнем сделаю,
Обучу кондову чушечку
Прибауткам да частушечкам.
То-то пара будет славная!
То-то свадьба будет справная!
И на свадьбе пусть калякает
За братиной нелюдь всякая —
За медами да закускою —
Дабы чтили славу русскую.

14

На кореньях, на гадах, на травах
Приворотное зелье сварю —
Для невинного сердца отраву.
Полуночнику дверь отворю.
Одинокий неведомый странник,
Посох зрячий оставь у костра.
Ни гроша за душой — ни в кармане,
Я одна у тебя до утра.
Соловьиные ветры задуят,
Зашуршат перемётной сумой,
Заколдую тебя, околдую,
Захочу — навсегда будешь мой.
Наш союз не под силу разрушить
Ни кому, ни за что, никогда.
Бог не примет заблудшую душу?
Ну так что ж — велика ли беда?
На кореньях, на гадах, на травах
Приворотное зелье варю...
А любовь — это та же отрава.
Я-то знаю, о чём говорю.

15

В полземли полнолуние. Полночь.
Кони — звери : ступа да метла.
Ездоки дикой удали полны —
Их нечистая сила свела.
Надрываются медные трубы:
Эта ночь!... Этот миг будет наш!
Собираются ведьмы-подруги —
На ша-
баш,

На ша-
баш,
На ша- баш!
Здесь решают любые проблемы,
Здесь меняют грехи на грехи,
Здесь равны по-младенчески все мы,
Здесь поэты рождают стихи,
Любят — здесь не играют любовью,

Неприемлемы ложь и кураж.
Хочешь сердцем почувствовать волю? —
На ша-
баш,

На ша-
баш,
На ша-
баш!

Здесь последняя кружка — по кругу,
Здесь смеются и плачут — взахлёб,
Здесь обиды прощают друг другу,
Делят поровну радость и хлеб,
Хочешь, — купишь невинную душу,

Хочешь — собственную запродашь.
Хочешь боль соловьиную слушать? —
На ша-
баш!

На ша-
баш!

На ша-
баш!

Непростительно времени мало:
От полуночи — до петухов...
На востоке заря запылала
Отпущеньем любви и грехов,
Сникли грозные медные трубы
И растаяли, словно мираж...
По домам разбежались подруги —
Посидели и будет.
Шабаш.

Библиография

1. Кайсаров А. С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А. Мифы древних славян. — Саратов : Надежда, 1993.
2. Мифы древних славян / сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. — Саратов : Надежда, 1993.
3. Бычков А. А. Энциклопедия языческих богов. — М. : Вече, 2001.
4. Русские веды / под ред. И. Б. Чистякова, «КИТЕЖГРАД», 3000 год исхода из Семиречья», М., 1992.
5. Истрахов В. Удар русских богов. — М., 1999.
6. Крымова М. Вам поможет Домовой — СПб. : Лениздат, 2004.

г. Коркино

Графоман № 4

Литературный альманах

Редактор *Н. И. Година*

Вёрстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 01.11.10 г.
Гарнитура «Палатино Линотайп».
Бумага «Гознак». Печать офсетная.
Формат 70×100/16. Объем 16,25 усл.-печ. л.
Заказ № 101.
Тираж 100 экз.
Цена договорная

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.